

45-3(2)6-3E

59613

T 15

ТАК

ЭТО

БЫЛО

НАСИЛЬСТВЕННОЙ ТОТАЛЬНОЙ РЕПРЕССИВНОЙ
ДЕПОРТАЦИИ БЫЛИ ПОДВЕРГНУТЫ:

КОРЕЙЦЫ

- 1935, август 1937 гг. с Дальнего Востока

КУРДЫ

- ноябрь 1937, ноябрь 1944 гг. из Азербайджана, Армении, Грузии

НЕМЦЫ

- 28 августа 1941 г. из Поволжья и других районов СССР

КАРАЧАЕВЦЫ

- 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области

КАЛМЫКИ

- 28 декабря 1943 г. из Калмыцкой АССР

ИНГУШИ

- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

ЧЕЧЕНЦЫ

- 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР

БАЛКАРЦЫ

- 8 марта 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

- 18 мая 1944 г. из Крымской АССР

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

- 14 ноября 1944 г. из Грузии

ХЕМШИДЫ

- ноябрь 1944 г. из Грузии

ГРЕКИ

- 27 июня 1944 г. из Крыма, июнь 1949 г. из Грузии

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ, начиная с 1919 г.

ДОКУМЕНТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ФОЛЬКЛОР

ПУБЛИЦИСТИКА

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ДРАМАТУРГИЯ

**ТАК
ЭТО
БЫЛО**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ В СССР
1919-1952 ГОДЫ
РЕПРЕССИРОВАННЫЕ НАРОДЫ СЕГОДНЯ

В 3-Х ТОМАХ

ТОМ III

Российский Международный фонд культуры
Москва «Инсан» 1993

63.3(2)6-87

ББК 94.3:84 А/Я

Т15

Составитель, редактор, автор предисловия, послесловия,
примечаний и комментариев Светлана АЛИЕВА

Художник Зарема ТРАСИНОВА

Т15 Так это было: Национальные репрессии в СССР.
1919 - 1952 годы. Репрессированные народы сегодня:
Худож. - док.сб./ Ред. - сост. С.У.Алиева:
В 3-х т. Т. 3. - Москва: "Инсан". 1993. - 352 с.
ISBN 5-85840-264-X (т.3)
ISBN 5-85840-261-5

Третий том дополнен разделом "Репрессированные народы сегодня". В нем собраны открытые в последние два года документы и новые факты, вызывающие тревогу и серьезные сомнения в искреннем желании властей решить проблемы пострадавших народов.

Т $\frac{0902020000-004}{474(03)-93}$ Без объявл.

ББК 94.3:84 А/Я

ISBN 5-85840-264-X (т.3)
ISBN 5-85840-261-5

© Светлана Алиева, составление, предисловие,
послесловие, комментарии, примечания, 1993.
© Зарема Трасинова, художественное
оформление, 1993.

ПО ТРУЩОБАМ ЗЕМНЫХ ШИРОТ
РАССОВАЛИ НАС, КАК СИРОТ...

Марина Цветаева

ТОМ ТРЕТИЙ

БАЛКАРЦЫ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

ГРЕКИ

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

БАЛКАРЦЫ

Кайсын КУЛИЕВ
ИДУ БОСОЙ ПО ЛЕЗВИЮ КЛИНКА...

Отрывок из поэмы "Завещание"

...О храбрые! Как радуга живая,
С одной горы влекомая к другой,
Блестит отвага ваша боевая
Над нами семицветною дугой.

Как скалы - горцев давняя твердыня, -
На вас я опираюсь в трудный час.
Мир без отваги - холод, мрак, пустыня,
Пусть осенит мой стих надгробный вас!

* * *

О годы, годы! Словно тигров тени,
Вы друг за другом гонитесь впотьмах,
Хоть раны зажили былых сражений,
По-разному горел огонь в домах.

Иных судьба изранила смертельно
И плакать заставляла матерей,
Иных за проволокой лагерей
Губила голодом, чумой метельной.

Трагические тени этих лет
В душе Харуна жили и метались.
Расстреляны друзья. Сидит сосед.
Немногие соратники остались.

Где те, кто нашу воздвигал страну,
Кто бился за нее на бранном поле?
Одни в колымском ледяном плену,
Другие рано умерли от боли.

На сердце чувствуя незримый гнет,
Харун познал обиду и кручину,
Но он не плакал в злую ту годину,
Не знал он, что заплакать день придет.

* * *

Но вихрь поднялся на зеленом лоне,
И даже камни вспыхнули тогда,
И реки встали на дыбы, как кони, -
Война вошла в селенья, в города...

Поныне горный лес в печали гнется,
Поныне льются слезы наших гор.
Никто из павших в битве не вернется,
Но матери их ждут - ждут до сих пор.

О сердце Родины, для нас ты стало
Надеждой и твердынею стальной.
Ты и под танком биться продолжало,
Само ты стало танковой броней.

В тебе такая заключалась сила,
Что и враги разрушить не могли.
Ты сердце Родины в себя вместило
Весь мир, всю скорбь, всю красоту земли...

* * *

Три сына у Харуна, три солдата.
Он знал, что надо разум утвердить,
Он знал, что надо в правду верить свято,
Быть побежденным или победить.

Как тучи над Дых-Тау, дни за днями
Кружились и клубились, а вдали -
Бои, бои, и пожирало пламя
Детей земли и чаянья земли.

Так редко сыновья ему писали,
Все меньше, меньше у Харуна сил,
Его согнули годы и печали,
Но сено он в родных горах косил.

Однажды старику в конце прокоса
Письмо вручили. Видит, - не рукой
Сыновьей строчки выведены косо -
Они рукой начертаны другой.

Узнал он: младший сын погиб. Орленок
Разбился в облаках, исчез навек.
Пусть новый день придет, пусть будет звонок, -
Домой не возвратится Султанбек.

Засох ручей, веселый и кипучий,
На высоте растаял за день снег,
Харун - как дерево без ветви лучшей:
Домой не возвратится Султанбек.

Не встретится Харун с голубоглазым.
Где сын его? Где старых дней оплот?
Казалось: горы потеряли разум.
Казалось: лег на сердце твердый лед.

Казалось: тяжким горем пахнет сено.
Казалось: летний яркий день погас.
Беда пришла дорогою военной,
Настигла старика в неожиданный час.

Он все забыл, он помнит только муку,
Застыл он, как надгробье, в землю врос.
Но до крови к косе прижал он руку,
Опомнясь, новый начал он прокос.

Так много бед он перенес, но эта
Ужасней всех и горше всех беда.
Мертв милый сын. Запахло горем лето,
Но горец не заплакал и тогда.

Нет, не заплакал. Хоть страшнее ада
Была война - Харун глядел вперед.
Косил он сено, не потупив взгляда,
Не знал он, что заплакать день придет.

* * *

Беда пришла такая, что не снилась
И старикам. Не дождь, а кровь лилась
С небес. И на гору гора валилась,
И вся теснина в ужасе тряслась.

Ужель предателями горцы стали
И перешли на сторону врага?
Вовек такого горы не знавали,
В ущелье кровь текла, а не река.

Ужель бойцы к врагу переметнулись,
И, опозорив матерей своих,
Не постыдились мертвых и живых?
Ужели горы в горах обманулись?

Нет, это ложь! Слова фронтовиков
Достигли гор, аулов, всей Отчизны:
В дыму, в огне мы не жалеем жизни,
Мы крепко бьем захватчиков-врагов!

...Не опозорим наших матерей,
Клеветникам и палачам не верьте!
Пусть даже станем мы добычей смерти,
Но, дети гор, и смерти мы сильнее!

...Погибшие кричат: "Мы шли в сраженья,
Вздымая знамя красное страны".
Живые говорят: "Со дня рожденья
Мы делу революции верны!".

О те, кто приказал, чтоб увозили
Детей, отцов и матерей из гор,
Кто очаги водою погасили,
Чтоб каждый камень плакал, каждый двор, -

Вы слышите ли нас? А мы на фронте!
Ужель для вас погибшие не в счет?
Прочь! наших бедных матерей не троньте!
Куда увозите вы наш народ?

Кто вас прислал, машины грузовые,
Обрызганные грязью? Кто решил,
Чтоб наш народ, что здесь веками жил,
Зверями угнан был в края чужие?

Я знаю, что врагами доброты, -
Свидетельствуют горные вершины, -
Врагами Ленина и правоты
В аулы были присланы машины.

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страданья?
О, не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнанья...

Восьмое марта, где ты, праздник чудный,
Когда приносят женщинам цветы?
Балкарские селения безлюдны...
О, что страшнее этой пустоты!

Пришел на праздник - день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский - в слезах кровавых - снег.

Восьмое марта - день жестокой боли, -
Такую не желаю никому!
Нас, горцев, Ленин вывел из неволи,
Неправда вновь нас бросила в тюрьму.

Сел и Харун в вагон, и опирался
Пастух на палку с загнутым концом.
Он вспоминал, как с беляками дрался.
Как был он сыном, мужем и отцом.

Сын пеплом стал, сторел в огне сраженья,
За жизнь людей он отдал жизнь свою,
И вот отца увозят из селенья,
Чтоб сына вспоминал в чужом краю.

О слезы гор, о марта день кровавый!
В свой скорбный путь пустился эшелон.
Казалось, почернел Эльбрус двухглавый,
Детей своих услышав плач и стон.

Но вот за горизонтом горы скрылись.
Харун взглянул на них в последний раз,
И слезы горя хлынули из глаз, -
Из этих глаз они впервые лились!

Он плакал, не стесняясь ни людей,
Ни гор: пусть смотрят горы вековые!
Ни женщин не стесняясь, ни детей,
Рыдал и не стыдился слез впервые...

Пусть смотрят старец, женщина, младенец, -
Он не стыдится слез своих сейчас.
Тот день настал, когда переселенец,
Когда Харун заплакал в первый раз.

* * *

Так наше горе глухо, как под снегом
Сокрытая текущая вода,
Мы нашу землю помнили всегда
Под жарким среднеазиатским небом.

Огромным было горе, как гора,
Чья пряталась вершина в черных тучах,
Такой беды и слез таких горючих
Земля не знала, хоть была стара.

Такой беды, такой глухой печали
Пусть не узнает ни один народ.
Как мы в своем изгнание умирали,
Пускай никто на свете не умрет!

Харуна старость и тоска согнули,
Дружили с ним кыргызы-старики.
На камне он сидел у Иссык-Куля
Как сиживал в Хуламе у реки.

Здесь наша боль была понятна людям,
Здесь люди нас встречали, как друзья,
О нет, неправду говорить нельзя,
Их доброту вовеки не забудем.

Они, беду знававшие не раз,
Делились с нами хлебом, добрым словом,
Не унижали, а жалели нас,
Тепло нашли мы под кыргызским кровом.

Меня бы проклял хлеб, что ел у них,
Когда б добро кыргызов позабыл я!
Их небо, красоту вершин седых,
Их песни всей душою полюбил я...

К отцу два сына с фронта возвратились,
И там, в горах, где Иссык-Куль блистал,
Они в колхозе хорошо трудились,
Харун в чужом краю не голодал.

Мы умирали с голоду вначале,
Но постепенно дни за днями шли,
Жилье и добрый хлеб мы обретали,
И лишь сердца покоя не нашли.

Есть вещи - не забудет их и сытый,
Харун смотрел на горный перевал,
На Иссык-Куль, голубизной налитый,
Но по родной земле он тосковал...

Прикрыв глаза он видел непрестанно
Отцовский дворик ясно и светло,
И, сидя на камнях Кыргызстана,
Хуламских скал он чувствовал тепло.

Там кровь его и кровь друзей впиталась
В родную почву. Радуясь весне,
Там смело молодость его промчалась
На горском быстроногом скакуне.

Помимо хлеба есть вещей немало
Священных - как свобода, правда, честь.
Их сила никогда не угасала,
Мы знали, что такие вещи есть!

И сердце горца старого, как птица,
Летело в отчий край, беде назло.
О, та земля ему все время снится,
Привольно древо детства там росло.

И снится Бабугент, и вот он снова
На скакуне, вновь стал он молодым,
Невесту он увозит из чужого
Аула, скачут всадники за ним...

Смерть дышит рядом, как у древней башни
Был рядом, близко беляков отряд,
Но со скалы не прыгнешь, как в тогдашний
День битвы - много лет назад.

Теперь ни битвы нет, ни сил. Дорога
Последний совершает поворот.
Не враг с клинком и пулей у порога
А смерть его нетерпеливо ждет.

Эльбрус не будет ласково светиться,
Пред старцем не поднимется Хулам...
Спокойно глядя в молодые лица,
Сказал Харун обоим сыновьям:

- Нет ничего родной земли священной,
Одна для радости дана живым
И для труда волнений и свершений,
А, мертвые, мы в ней, в земле, лежим...

Я жил и в человеке видел брата.
Хлеб жизни съел я ныне до конца,
Иду туда, откуда нет возврата.
Надгробье приготовьте для отца.

Хуламское ущелье в день погожий
Я не увижу. Тает жизнь, как снег.
Везде добра земля, но все же, все же
В родную землю мне бы лечь навек!

Здесь день хорош, но край родной мне дорог,
И вы завет запоминайте мой:
Теперь я не глазами - сердцем зорек,
Я вижу, что вернетесь вы домой,

Вернетесь, вижу сердцем. В Кыргызстане
Я свой конечный обрету покой,
Здесь я узнал кыргызов состраданье,
Но я б хотел лежать в земле родной.

Тот умер дважды, кто истосковался
Пред смертью по отеческой земле.
Зачем с крутой скалы я не сорвался,
Зачем я не погиб на той скале?

Зачем не пал я, молнией убитый,
Как, молнией сражен, отец упал?
Как деда в давний день, теперь забытый,
Зачем не снес меня в горах обвал?

Останусь здесь... Чужбину покидая,
Не увезете кости вы мои,
Со мной пребудет здесь земля родная:
Я и в могиле - сын родной земли.

Я скорбно повторяю, умирая:
"О ветер Безенги! О мой Хулам!"
Сыны, пред смертью завещаю вам:
Когда достигните родного края,

В ущелье выройте могилу мне,
В нее родные камни опустите
И у надгробья моего скажите:
"Харун лежит в кавказской глубине!"

Мое лицо, мои усы седые
Вам будут только сниться в час ночной.
Труды я завершил. Как все живые,
Я лягу в землю, кончив путь земной.

Я надышался запахом колосьев,
Я допил чашу своего вина,
И всадник-время, старца в бездну бросив,
Увы, не остановит скакуна.

Такой беды, какую мы познали,
Ни близким не желаю, ни чужим,
Я говорю живым из дальней дали:
"Всесилен разум! Свет непобедим!"

* * *

Былое - не засохшая чинара,
Не говори же, что моя строка,
Как пламени, коснулась боли старой,
Иду босой по лезвию клинка.

Душа народа - не колодец темный,
А зеркало и радостей, и бед,
От счастья отличит удел бездомный,
От беспросветной тьмы - веселый свет.

Душа народа - не утес холодный,
Она о боли говорит своей.
Теперь ее деревья не бесплодны,
Но множество отрублено ветвей.

Тогда лишь сладости мы вкус находим,
Когда вкус горечи мы познаем.
Когда в пути из тьмы ночной выходим,
Мы солнцу благодарность воздаем.

Все то, что пережил народ когда-то,
Не сломанный кувшин, не старый сор.
Кровав был часто цвет его заката,
Но не погас его души костер.

Беда народа - сердца боль и рана,
А не железа ржавого кусок,
Увидев голый ствол, увядший рано,
Поймешь ты, как цветущий ствол высок.

Мы поняли, что всех больших тиранов
Ты долговечней, маленький народ,
И над большой жестокостью воспрянув,
Ты, малочисленный, идешь вперед.

Сталь закаляется в огне, мы знаем,
А горе учит твердости людей.
Мы белым черное не называем,
Мы - всадники, и мы в седле сильнее!..

Старик Харун, твоя судьба близка мне,
Пусть наши испытанья позади,
Но вырезана наша боль на камне,
Ее не смоят времени дожди.

Старик Харун, в тебе я вижу крепость
И мужество народа моего.
Ты с честью перенес судьбы свирепость,
Над злом добра явил ты торжество.

Да, я оставил сердца половину
В твоей могиле в дальней стороне,
Дых-Тау снова вижу я вершину,
Но боль твоя всегда живет во мне.

Мы на земле, где кровь твоя впиталась,
Но речь мою ты слышишь ли вдали?
Гора Дых-Тау белою осталась
И смотрит вниз, где ветви расцвели.

Провел ты, словно горскою резьбою,
По сердцу моему свои слова:
"Всесилен разум". И с моей судьбою
Они слились, их правота жива.

Всегда несправедливость обладала
Одним и тем же цветом с давних лет.
На свете есть желающих немало
На мир обрушить сотни новых бед...

За нашу правду надо биться всюду, -
Лишь так мы древо жизни защитим.
Харун, твои слова я не забуду:
"Всесилен разум! Свет непобедим!"

Перевод с балкарского Семена ЛИПКИНА

А.ТОКАШЕВ
ТРИ ГОРСТОЧКИ РИСА

Рассказ

Прежде мальчик превозмогал голод сном. Когда не спалось, думал, что скоро вернется мама, и смотрел, как распускаются маки во дворе.

Но сегодня он проснулся с головокружением: в глазах темнело, стены приземистого жилья колбались, кровать, на которой они лежали с братиком, плыла вместе со стенами и мягко уходила куда-то вниз. Он закрывал глаза, в страхе взглядывал на бесшумно спящего братика и никак не мог превозмочь темное, обессиливающее кружение...

Шум играющих на улице детей пробивался к нему издали, временами голоса пропадали, словно ребята возносились в небо. "Вот придет мама, - думал он, прикрывая глаза, чтобы одолеть дурноту, - и мы тоже пойдем на улицу. А пока надо лежать. Когда человек лежит и спит, он не чувствует голода, так говорит мама... Мама..."

Ребята расшумелись, потоки теплого воздуха заполняли комнату, и он все острее чувствовал, как голод опустошает его. С надеждой на чудо смотрел он на голые стены, на пустые полки, во двор за окном, где расцветали акации и рдели маки. В глазах двоилось. Небо, земля, дома и деревья расплывались, утопая в тягучем тумане. Мальчик плавал в этом тумане. Ему слышались птичьи и детские голоса, запахи трав и хлеба, голодный плач братика, и было ему страшно.

Кружась в бесцветном и душном тумане, он выплыл в какой-то светлый, забытый мир. Столы были полны - завалены, заставлены яствами; за столами сидели степенные старики. Увидев мальчика, они встали со своих мест, провели его во главу стола и, сообщая друг другу: "К нам пришел Сафар!" - посадили на почетном месте. Мальчик из тысячи яств выбрал большую деревянную чашу с бушто - крошеным в айран чуреком, придвинул ее к себе. Он проснулся в тот миг, когда, поддев бушто ложкой, поднес ее к губам...

Он заплакал, но не от голода, а от обиды. Редкие холодные слезы закапали на соломенный матрац. С горькой пронзительной болью расставался он со своим сном. Казалось, тот изобильный, полный счастья и света мир, явившийся ему во сне, был правдой. И кто-то со злым умыслом отнял его в час спасения.

Проснулся братик - четырехлетний Самат. Проснулся и, сев на кровати, уставился на него - самые страшные для Сафара минуты: сам он еще мог терпеть, но терялся, когда начинал плакать Самат. Уходя на работу или на поиски еды, мать тихо поручала Самата ему, старшему, и Сафар заботился о нем, как мог. Самат не был плаксивым, старался, как и он, превозмочь голод, и в нем, Сафаре, возникало прежде неведомое ему сострадание к братику, который тонким жалобным голосом начинал просить гыржын-хлеб.

Сафар, притих, отводя от братика глаза. Уже два дня они ничего не ели, кроме каши из листьев бадана и крапивы, а она, эта каша, только и раздувает живот, но нисколько не утоляет голод. В те дни, когда мать приносила картофель, молоко или пригоршню риса, Сафар одну из своих картофелин или ложечек рисовой каши на дне тарелки оставлял втайне от матери для братика. И когда Самат начинал на него смотреть, а потом плакать, Сафар, прикусывая затвердевшие губы и стараясь не глядеть на картошку или рис, кормил его. Теперь же у Сафара ничего не было в запасе - уже два дня мать ничего не приносила.

Душа его кружила по дому, по неверным, горестным следам матери, по незнакомым дворам чужбины. Всюду его встречало молчание. Они привезли с собой сундук, и, когда мать побелила стены этого заброшенного домика, смазала глиняным раствором пол, а дядя Татай вставил стекла в оконные просмы, достали из него домашние коврики, разложили и развесили их, и жилье стало теплым и уютным. Потом мать один за другим поменяла их на кукурузу, на рис или на картофель, но тогда, оголяясь, стены не казались Сафару такими мрачными и темными. То, что мать брала взамен ковриков и тканей из сундука, было таким вкусным и аппетитным, что опустошение дома не пугало. Теперь мать, спрятав красивый отрез на груди, напрасно ходила по селу и по базару - не стало людей, кто мог дать за него хлеб. Возвращаясь с пустыми руками, мать коротко говорила, что за кусок хлеба или горсть кукурузы, несколько картофелин люди предлагают золото, дорогую старинную чеканку, а такие отрезки, как у нее, и крошки от хлеба не стоят. Ели они все реже, оттого и темным казалось теперь жилище, тусклыми и безжизненными стали его побеленные стены. Даже мухи куда-то исчезли. А раньше они житья не давали.

Самат глядел-глядел на старшего брата и заплакал. Сафар взял его на руки и, крепко прижав к груди, с отчаянием оглянулся. Но не было отклика его детскому отчаянию - не было его ни в доме, ни в переполненном запахами трав молодом и прекрасном мире. В чреве этого мира наполнялась соками весна, зрело изобильное лето, но есть хотелось сейчас, немедленно.

- Подожди, Саматик, потерпи, - бормотал Сафар, удерживая слезы. - Подожди, еще малость потерпи, скоро придет мама, принесет лепешку... Сейчас придет и принесет нам лепешку...

Услышав слово "лепешка", Самат заплакал еще сильнее. В смятении Сафар подошел к окну. Цветущая акация, рдевшие в зелени маковые головки вернули ему потерявшуюся было надежду. Показывая Самату на цветы, он сказал:

- Посмотри, как красиво. Сейчас весна, скоро созреют ягоды... Не плачь, а то они не созреют...

Сафар говорил и с отчаянием понимал, что голод, сосущий неокрепшее тельце братика, сильнее его слов. Голод душил их обоих, и не слова, а кусочек хлеба, кусочек, всего лишь кусочек хлеба нужен был, чтобы не кружилась так голова.

Сафар ходил по дому, по двору, прижимая к себе братика. Он забыл о себе, не был он теперь ни голодным, ни жаждущим, только боялся за братика, только за него мучилась его душа. А мама все не шла. Может, с ней что-нибудь случилось где-то на базаре, у чужого скудного двора? Почему она не идет? Бросила их, убежала, чтобы не видеть, как они умирают от голода? Может, умерла, как ушла и умерла мать Чачия?

Еще бабушка плакала о матери Чачия; плакала, причитала: бедняжка, испробовала все-все, что могла, ничего больше не нашла, чем бы покормить детей, да так и изошла слезами. Изошла, горемычная, слезами и сошла с ума. А теперь бродит по чужим селам... Так плакала бабушка и причитала. А мать вдруг вскричала тогда "Нет! Нет!". И крепко прижала их обоих к груди. "Нет, Бог не позволит, это уж слишком" - сказала еще, молясь и плача. А потом и бабушка умерла. И чем дальше, тем быстрее исчезали вещи из дома, и мама просила их подольше спать. Он и старался. Но уже окна раскалены от жары, а ее все нет. Он осторожно положил уснувшего Самата на кровать и на цыпочках вышел на улицу.

С какими надеждами выходил он на пустынную в полдневный час улицу? Найти что-нибудь поесть? Найти мать? Или убежать от голодного брата, постылого дома? Этого не знал ни он сам, ни бог, ясновидящий и милосердный. Просто он не мог оставаться в доме в ожидании, когда проснется Самат и уставится на него.

Он постоял оглядываясь и пошел вниз по раскаленной от солнца пыльной улице. Стоял самый жаркий час дня - на улице ни души. Каждый шаг болью отдавался в голове, темнело в глазах. Но голод и страх гнали его - тупо и неотступно.

Остановился он у высоких ворот. Створки их разошлись, открыв глубину широкого просторного двора. В тени виноградника за накрытым столом сидела семья - старушка, молодая женщина, толстый мужчина и такой же, как Сафар, мальчик. Боясь, что его заметят, Сафар силился уйти, но не мог двинуться с места, не мог оторваться от воротного столба, во все глаза глядя на забытую еду, разложенную на столе.

Первым его увидел мальчик, вскочил с места и подбежал к нему. И, высоко подняв надкушенную с краю булочку, - от нее шел такой теплый запах! - со злорадным восторгом прокричал: "Вот! Вот! Вот!!!" У Сафара потемнело в глазах, он сглотнул вязкую горькую слюну и опустил голову. Мужчина поднялся, тяжело глядя на голодного мальчика, подошел к нему, оторвал от столба, вытолкал на улицу и закрыл створки. Сафар услышал, как с тяжелым лязгом задвинулись засовы железных неприступных ворот. Он прислонился к забору, сжал зубы и закрыл глаза, чтобы остановить кружение высоких ворот, раскаленной безлюдной улицы, обедающих людей, и никак не мог преодолеть запах той душистой булочки - крепче стальных цепей, сильнее каменных стен удерживающих Сафара здесь...

А потом земля сдвинулась под ним. Он почувствовал тихое скольжение улицы под ногами. И чем дальше дорога вводила его от высоких ворот, тем сильнее он становился, тем быстрее возвращались к нему силы. "Если бы мой отец не погиб на фронте, - думал он, сглатывая

слезы, - если бы не выслали нас так далеко, и у нас был бы такой же большой дом, с широким двором и виноградником. И было бы у нас много, много хлеба!" Казалось ему теперь, что голодают они с братиком не потому, что на истощенной войною земле мало осталось хлеба, а потому, что пока отец воевал, их привезли сюда и бросили в степи. Бабушка говорила, что это воля Аллаха, а мать плакала и проклинала и Гитлера, и Сталина.

Дорога привела Сафара во двор другого дома. Под навесом сидела древняя и неправдоподобно сухая старуха. Сафар остановился подле, не очень близко, но и не так далеко, чтобы она не могла его заметить. Но старая женщина молчала. И у Сафара не было сил говорить.

Эта старая женщина была очень похожа на его бабушку.

Иногда мать открывала тогда еще полный тканями сундук, на дне которого лежали написанные кривыми, неровными буквами письма отца, брала наугад одно из них и читала им, Сафару и Самату. Мать рассказывала: в тот зловещий день, когда их выслали, приставленный к ним солдат на свой страх и риск притащил сундук к машине и с трудом поставил его там. "Аллах пусть продлит его век, - говорила мать, - если бы не он, то потерялись бы письма..." Отец перво-наперво спрашивал о бабушке. Такая добрая она была, участливая, что лишённые крова приходили к ней за добрыми словами. Когда она, бывало, посадив Сафара на колени, начинала рассказывать сказки, оживали камни и деревья, горы и реки той земли, которую они покинули и о которой были все сказки бабушки. Так и засыпал он - на ее коленях, а сказки продолжались во сне. Однажды бабушка услышала, что женщина с мальчиком ходит по аулу и собирает милостыню. Бабушка пошла искать ее и вскоре вернулась с нею и ее мальчиком. Мать покормила их, а потом сама искупала мальчика, уложила спать. Сафар навсегда запомнил, как мать с бабушкой сожгли всю одежду женщины, а взамен дали ей свою. Бабушка оставила их у себя на несколько дней, хотя еды у них было в обрез. Потом они проводили их до дороги в Амударью - женщина говорила, что всех ее родственников повезли туда. Если бы бабушка была жива, Сафару не было бы так плохо.

- Ай, жестокий мир, какой день настал, - запрочитала вдруг старуха, не глядя на Сафара. Сафар не понял, то ли старуха читала молитву, то ли жалела его. - И тебя гонит голод, как бич... Что же мне делать? Я душу свою могла бы вырвать, да ведь в руках ничего не останется... Что же мне делать? О, Аллах, что делать? День такой настал для нас, горемычных...

- Мне ничего не нужно, - тихо сказал Сафар. - Я пришел просто так... Ты же помнишь мою бабушку...

Но старая женщина не слышала его. Было похоже, что она о мальчике забыла и уснула.

И вновь он оказался посередине горячей пыльной улицы. Он стоял под раскаленным солнцем, босыми ногами в обжигающей пыли. Идти было некуда, и земля не двигалась, и солнце остановилось прямо над его головой. Ничего не было в этом неподвижном мире, кроме колышанья горячего воздуха. Сафара тянуло к земле, хотелось свалиться в пыль, да так и остаться лежать навсегда. Он и упал, но тут же в страхе превратиться в пыль закричал, ударяя кулачками о землю, призывая отца, которого смутно помнил:

- Оте-ец! Саматик умирает с голоду. Не видишь ты, что ли, мы оба умираем с голоду! Оте-ец, где мама?!

Снова двинулось серое море. Пробежал вихрь, осыпав мальчика пылью, мусором и песком. Зерна этого песка пахли кукурузой. Сафар поднял голову, увидел идущего по дороге дядю, старшего брата отца. Сначала он поднялся на колени, потом тихо встал во весь рост, руками вытер лицо, грязное от пыли и слез, и окончательно осознал, что вверх по улице идет его дядя Татаркан. И тогда он сорвался с места, точно освобожденный от пут жеребенок, и побежал за дядей. Настиг его, уцепился за руку, радостно зашептал:

- Давай, Татай, я понесу!

- Что ты носишься в такую жару по улице, - грубо оборвал его Татаркан. - Или ты думаешь, я несу что-нибудь съестное?

- Я просто говорю, что понесу... Я могу! - Радость Сафара медленно угасала. - Я не голодный, - сказал он, поняв, почему дядя не рад ему.

- Нанья покормила нас кашей из листьев крапивы со сметаной...

- Вот несу суперфосфат с поля, - сказал Татаркан, пряча глаза от племянника. - Говорят, если не подкармливать в этих местах землю, урожая не бывает. - Он перебросил мешок с одного плеча на другое. - А ты иди домой. На кого ты оставил Саматика?

- Ладно, Татай, - сказал Сафар. - У нас тоже есть суперфосфат. - И опустил голову, чтобы не заплакать.

Татаркан, ни слова не говоря, пошел быстрыми шагами дальше по косогору. И снова Сафар стоял на раскаленной улице. И было страшно поднять голову, посмотреть вслед дяде, которого он почитал за отца. Когда на улице, в игрищах и спорах его ровесники хвастались отцами, он гордился своим дядей. Теперь, не зная сказать или не сказать матери о дядиной лжи, он стоял и смотрел на желтую тень удаляющегося Татаркана, которая укорачивалась, как его вера в дядю. Вдруг тень на желтом песке замерла, с минуту поколебалась, а потом стала расти: Татаркан возвращался. Сафар двинулся навстречу. Он шел и клялся себе: если дядя решил поделиться с ним, он возьмет совсем немножечко, только на сегодня и только для Самата. Следовало быть

справедливым: их только двое у матери - он и Саматик, а у дяди трое детей. Поэтому он возьмет совсем немножечко, только на сегодня, только для Саматика. А если он в своем хождении по селу что-нибудь найдет или мать что принесет, то они, как всегда, обязательно выделяют долю семье Татая.

Между тем Татаркан, подойдя вплотную, опустил перед ним на дорогу мешок и сам опустился рядом на колени. С усилием над собой он развязал стянутую сыromятным ремешком горловину мешка - руки большого Татаркана срывались, дрожали, дыхание стало прерывистым, а лицо кривилось и капли пота стекали по щекам.

- Подставляй полу, - глухо приказал Татаркан, не глядя в лицо Сафара.

- Не нужно, Татай, - торопливо ответил Сафар. - Не надо, у нас есть кукуруза...

- Давай сюда! Давай подставляй полу! - быстро бормотал Татаркан, словно боясь, что если он сейчас же не насыплет мальчику горсть кукурузы, то через секунду у него не хватит на это сил. Когда сведенные в чашу его ладони с зерном поднялись до верха мешка, он, качнувшись закрыл глаза. С минуту сидел он так, и руки его дрожали от напряжения. - Говоришь, есть у вас кукуруза? - спросил он упавшим голосом и посмотрел на Сафара. - Если у вас есть кукуруза... Если так...

- Есть, Татай! - выкрикнул Сафар почти весело. - Я же сказал, что есть. - И, опустив полу рубашки, разгладил ее ладонями... Жившая в нем надежда, что дядя все же даст им эту пригоршню кукурузы, заставила его быстро, не глядя на него, сказать: - Я совсем не голодный... Саматик... Вот Саматика никак не могу успокоить... Все плачет...

Но Татаркан его уже не слушал.

- Что же, если есть кукуруза, значит, не голодные... А пока вы ее съедите, что-нибудь придумаем... - И он ссыпал зерно обратно в мешок. И, задыхаясь, в спешке, точно кукуруза была краденая и за ним погоня, затянул сыromятный ремешок, подхватив мешок на плечо и быстро ушел.

В письмах с фронта отец после бабушки спрашивал о брате. "Если я не вернусь, но будет жив мой брат, наши дети пусть почитают его за меня, потому что он всегда будет им опорой", - писал он матери. И просил ее воспитывать мальчиков в строгой любви к нему, и мать не забывала заветов отца. Приготовив дома что-нибудь из еды, она посылала с Сафаром или относила сама долю Татаркана. Татаркан всегда был опорой их дома, всегда заботился о них.

Потом только отец спрашивал о них - о Сафаре и Самате. Он просил, чтобы и бабушка, и жена растили сыновей терпеливыми,

добрými. В конце письма он обращался к матери и скупó, словно смущаясь, просил, чтобы она писала про себя побольше. Теперь письма отца лежали на дне сундука, дядя нес кукурузу в свой дом, а Сафар искал кусочек хлеба, чтобы успокоить плачущего братика. В чужой степи голод и песок обжигали мальчика - не было хлеба на земле. И он, бредя по безлюдной улице, мечтал иметь много хлеба, так много, чтобы можно было раздавать его всему миру...

Он возвращался домой по нижней, выходящей в степь улице, где жили корейцы-рисоводы. Он решил: вернется домой, возьмет Саматика и вместе с ним пойдет искать мать. А когда найдет, возьмет за руки ее и Самата, и пойдут они по дороге. Если идти и идти, они обязательно придут на такую землю, где хлеба будет вдоволь.

Вдоль пустынной улицы стояли притихшие тополя. За ними жалась к земле дома. Сафар вдруг остановился, как вкопанный: он увидел рис, сушившийся на циновке. Рядом стояло ведро, полное риса. Его охватили испуги и удивление - столько еды стоит на виду, открыто! "Что случится, если я возьму для Саматика горсточку риса?" - подумал он. Ясно, ради себя он не взял бы ни крупинки чужого. Но он слышал плач Самата, видел состарившееся, изможденное лицо матери. А риса было так много, что, казалось, можно было им усеять весь мир. И он пошел к ведру. Сначала неуверенно, а потом быстрее. Подойдя к рису, он посмотрел на него сверху вниз, как на море. И тотчас же циновка пошла волнами, закружились ведра, наполненные рисом. Силясь черпнуть из белых волн, Сафар протянул руки и - упал на усеянную рисом землю...

Когда он открыл глаза, и рис в ведре, и раскаленная полуденным зноем землянка стояли на месте. И никого вокруг! Тогда он решил взять из этого моря риса три горсточки - для братика, для матери и для себя. Решив так, он взял свою долю и тут же засыпал ее в рот. Так вкусен был этот рис, казалось, никогда в жизни ничего вкуснее не ел. Прожевывая и глотая рис, он чувствовал, как приходит к нему успокоение и притупляется ноющая внутри боль. Ему хотелось есть еще и еще, - если б даже съел весь этот рис, все равно бы не насытился. А рис был таким вкусным, и можно было устроиться рядом с ведром и наесться вдоволь - никто ему не мешал, ни живой души вокруг не было. Но свою долю он съел. Теперь он возьмет для братика и для матери в две горсточки и уйдет. Рис согревал руки.

Он не успел сделать и двух шагов, как почувствовал спиной, что из дома кто-то вышел. Сафар оглянулся и увидел невысокого смуглого старика. Старик стоял возле ведра и сонно глядел ему вслед. Когда Сафар оглянулся, он что-то сказал, но Сафар уже бросился бежать. "Если поймает - убьет, если поймает - убьет" бился в голове страх. Убьет прежде, чем он донесет эти две горсточки риса братику и матери.

Ему казалось, он мчится, но мальчика кидало из стороны в сторону, потом он споткнулся и упал. Рис выплеснулся из его ладоней в пыль.

Старик подошел, поставил его на ноги. Сафар смотрел в землю - не от боли, не от голода - от стыда. Руки старика вздрагивали на его плечах, и голос его дрожал. Сафар не разбирал слов, но всей истощенной душой чувствовал исходящую от старика доброту. Потом старик повернулся и потянул Сафара за собой, к дому. Сафар упирался, стараясь вырваться из его рук, но старик был сильный. Он говорил что-то кроткое, печальное, и можно было подумать, что это он украл рис и теперь как-то беззащитно и неумело оправдывается.

Дойдя до входа в свою землянку, старик взял ведро и подал его Сафару. Подал и знаком показал, чтобы он, взяв рис, пошел домой. Но Сафар осторожно поставил ведро обратно. Ему показалось, что старик издевается над ним. "Голод - не позор, - вспомнил Сафар слова бабушки. - Я взял три горсточка риса. Как только мать что-нибудь выменяет, я верну..." Так думал Сафар и, если бы знал, как это сказать, сказал бы старику.

Тогда старик сам взял ведро. В одну руку взял ведро, в другую - руку мальчика, и они пошли по раскаленной степной дороге. Шли рядом старик и мальчик. Но теперь плакал не мальчик, гонимый голодом, - плакал старик...

Перевод с балкарского Светланы АЛИЕВОЙ

Владимир ЛУКЬЯЕВ
А ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ, ВЕРЬТЕ МНЕ...

Очерк-воспоминание

С первых детских лет я усвоил, что все мы - я, мои родители, бабушки, дяди, тети и остальные люди из моего маленького мира - жили когда-то в другом месте, которое называлось Кавказ, а здесь, в Киргизии, в Кызыл-Кие, живем вынужденно. И все разговоры в кругу степенных мужчин или у вечно прядущих пряжу балкарских женщин обычно сводились к воспоминаниям об оставленных на далеком Кавказе домах, коровах, овцах...

Мне было пять лет, когда в июле 1954 года органами МВД предлагалось снять с учета детей переселенцев до 16-летнего возраста включительно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним ограничений, установленных для взрослых.

Но об этом послаблении я узнал только в прошлом году - и до сих пор вся документация, касающаяся репрессированных наций, мало публикуется. Так что глубокого и благодарного следа в моей душе эта акция не оставила - как раз в тот год я оказался в компании, которая собралась бежать на Кавказ. Вот как это было.

Горел костер, вокруг которого сидели человек десять наших "больших" пацанов. Уже давно стемнело, но я не торопился домой. Мама лежала в больнице с моим заболевшим братишкой, а отец был в ночной смене на шахте. В последнее время мы часто собирались здесь, на стройке, и, насобирав щепок и бумаг, разжигали костер и засиживались далеко за полночь.

Самому старшему из нас, Локману, было, наверно, лет шестнадцать. Авторитетным он был пацаном, и вполне заслуженно. Никого и ничего он не боялся. А как-то раз, я сам это видел, он в одиночку справился сразу с тремя фэззушниками - злейшими врагами ребят с балкарского поселка.

Разговоры у костра были, как и всегда, о том, кто с кем подрался или собирается подраться, о том, что скоро урожай арбузов и дынь, и как мы пойдем на базар и будем тырить все подряд у полудремлющих от жары узбеков.

"А знаете, - вдруг сказал кто-то из темноты, - что один пацан, чеченец, я с ним в прошлом году ходил урюк воровать, убежал на Кавказ?"

"Знаем, - отозвался Локман, - мне один русский, блатной, сказал, что этого пацана "мусоры" поймали в Ташкенте и теперь его посадят на пять лет. Он без денег поехал, а в Ташкенте захотел есть и украл лепешку. Так и попался".

"А давайте мы тоже поедem на Кавказ, - продолжал рассказавший прочеченца. Теперь я увидел, что это был Сарби - ловкий и отчаянный парень, чуть младше Локмана. Много за ним было всяких дерзких проделок. - Давайте поедem, чем мы хуже того чеченца. Он без денег поехал, а у нас они будут. Натырим всего на стройке, продадим в кишлаке киргизам и поедem на товарняке. На нем "менты" не ездят. А приедem на Кавказ - сразу в горы. Там же наши дома, в них никто не живет..."

На стройке собиpался из готовых деревянных щитов длинный "финский" барак. А внутри барака - мы это точно знали - хранились толь, оконное стекло, гвозди, цемент... Большие ценности по тем временам. Знали мы, что сторож с наступлением темноты наглухо запиpался в почти построенном бараке и, приняв чекушку, заваливался спать и до утра не показывал носу. Храбрился, правда, - бывало, откроет окно, пальнет в воздух пару раз из своей двустволки и кричит, что никого он, старый вояка, не боится и пусть только кто сунется... Покричит и засыпает.

"Это он со страху такой воинственный, не надо над ним смеяться, - сказала мне как-то бабушка. - И не ходите по ночам вокруг стройки. Он возьмет и стрельнет..."

А для страха у сторожа были основания, да еще какие. Городок Кызыл-Кия расположен на юге Киргизии и граничит с Ферганской долиной. Вокруг вспучиваются выжженные солнцем предгорья Алайского хребта. Вершины некоторых холмов увенчаны терриконами. Там в шахтах давал стране уголь мой отец, офицер-танкист в годы войны и спецпереселенец после победы над Германией. На одной из этих шахт до моего рождения работала моя мама. Рядом с шахтами и был наш поселок, балкарцев-спецпереселенцев. А в километре от нас жили чеченцы. Другие спецпереселенцы - крымские татары, курды, турки из Грузии и Азербайджана, поволжские немцы - жили где-то в стороне.

Жили в Кызыл-Кие и "стопроцентные" граждане СССР: русские, украинцы, киргизы, узбеки... Но у многих из них тоже была своя судьба, своя статья. А в пятьдесят четвертом в городок понаехало много блатных. После смерти Сталина Берия помянул соратника большой амнистией для уголовников. Выйдя на свободу, они от души пошалили на севере и в Центральной России, а с наступлением холодов двинули в теплые азиатские края. Непокойная пошла у нас жизнь, что ни ночь - одно, два убийства.

А ответственность за это были не прочь приписать балкарцам и чеченцам. Тут надо сказать, что за десять лет хоть и вынужденного, но совместного проживания "общественность" так и не смогла уразуметь наши понятия о поступке и расплате.

Особенно кровавыми стали дни, когда приехавшие блатные решили установить в городе свою гегемонию. Стали грабить, насиловать, а убивали даже из-за наручных часов, которые у них ценились выше жизни "мужика" или "фрайера". Нас блатные поначалу не трогали. Знали еще по лагерям, что если обидеть одного горца, а наших за колючей проволокой тогда было ох как много, то отвечать за это придется по самому большому счету. Но иногда, по пьянке или по злобе, блатные били ножом и нашего парня. Убитого, как полагается у правоверных, помолясь, хоронили в тот же день. А к вечеру все не занятые на работе мужчины балкарского и чеченского поселков устраивали блатным газават.

Вот какой была обстановка в городе Кызыл-Кия в пятьдесят четвертом году, и сторож правильно делал, что не выходил из своего убежища. Да сторож и не страшил нас. Куда опасней была бы встреча с милицейским патрулем...

"Пора", - сказал Локман.

Мне было велено сидеть у костра и, если замечу постороннего, "заговорить ему зубы", а если милиция появится - четыре пальца в рот и свистнуть. Но операция удалась, и в полночь я, пыхтя, поднимался на гору, где стоял наш маленький глинобитный домик, и тащил на

плече тяжеленный рулон толя. Около дома мигала самокрутка, белели подштанники моего отца.

"Где ты был? Что это такое?" - Он снял с моего плеча рулон.

"Ходил с большими ребятами на стройку. Они еще там остались, а мне дали вот это и отправили домой. А правда, эта штука дорого стоит?"

Почему меня интересовала стоимость толя, я решил не говорить.

"Иди спать, - сказал папа, - утром поговорим".

На следующий день только и разговоров было о том, что в "финском" бараке ночью сняли с окон рамы и вынесли все, что там было. Сторож проснулся утром, а кругом пусто. И он привел милицию с собакой, которая сразу же взяла след и привела к дому одного из ночных злоумышленников. Его забрали, но он сообщников не выдавал, это было ясно, иначе бы и за другими приехали.

А отец в то утро сказал мне, что воровать нельзя, и велел забыть, с кем был прошедшей ночью. Я, наконец, признался ему, ради чего ребята полезли на стройку...

"Тебе пять лет, ты уже большой и должен запомнить мои слова на всю жизнь. Воровство - плохое дело, но еще хуже - предательство".

Пятьдесят четвертый год был для нас "юбилейным". Десять лет назад нас, балкарцев, всех до единого войска НКВД вышвырнули в одночасье из наших домов в горах Кавказа, лишив нас земли предков.

Почему и за что Сталин, Берия, Молотов, а также искренне любивший мной в детстве всенародный дедушка Калинин и многие другие кремлевские дяди приказали сделать с нами то, что Гитлер хотел сделать с русскими и другими славянскими народами? Гитлер, как известно, за такие штуки крупно поплатился. Да иначе и быть не могло. Людоеды всегда плохо кончали - и не только в сказках. Но наши отечественные людоеды были еще и гипнотизерами. Сейчас, наконец-то, их гипноз потихоньку теряет силу, и, думаю, с каждым из них мы вскоре окончательно разберемся.

В школьных учебниках истории СССР, которые издавались в течение первых десяти лет после Двадцатого съезда, в числе прочих проявлений культа личности вскользь поминалось и о репрессиях, которыми подверглись некоторые народности нашей страны. Я не знаю, как об этом будет сказано в новых учебниках по истории, но я не согласен со старыми формулировками - "народности" и "репрессии". Кто и по каким признакам смеет делить людей на "народы" и "народности"? И то, что Сталин и его сообщники сделали с нами, с "некоторыми народностями", во всех толковых словарях называется не "репрессиями", а "геноцидом".

Мне недавно попали в руки две разукрашенные юбилейные книжечки. Одна из них о пятидесятилетии, а другая о шестидесятилетии

КБАССР. В них много информации о достижениях и о славном историческом прошлом республики, но нет и намека на то, что пережил балкарский народ за четырнадцать лет. Ведь еще совсем недавно не только писать, но даже и говорить о тех годах и о тех событиях считалось проявлением антисоветизма, мелкого национализма. И те, кто так утверждал, еще дееспособны. Они, может быть, рядятся под "перестройщиков", но, затаившись, не упускают возможности ставить нам палки в колеса. Я побывал в одном архиве, в другом... Можно было и не ходить. Нет там гласности применительно к истории моего народа. Пока. Обещали дать на будущий год. Мне удалось лишь выяснить, что за все эти годы к главным архивным материалам о выселении народов не притрагивался ни один исследователь.

Но благое дело не может обойтись без везения. Я познакомился в Нальчике с доктором исторических наук Х.И.Хутуевым. Кандидатская диссертация, которую он написал в 1961 году, а защиты добился только в 1965-м, посвящена в основном военной и послевоенной судьбе балкарского народа. Эта диссертация помогла мне и документировать, и значительно расширить свой рассказ.

Ханафи Исхакович поведал мне и свою историю:

"В феврале сорок четвертого года Берия приехал в Орджоникидзе и жил там в своем бронированном вагоне. И вот оттуда стали поступать запросы о том, в каких селах проживают балкарцы, сколько жителей в каждом селе, пригодны ли дороги для прохождения в балкарские аулы грузовых автомобилей и так далее. Я начал догадываться, что против нашего народа замышляется какое-то коварство.

- Что-то мне не нравится такой пристальный интерес к балкарцам, может, и нас выселить собираются, - сказал я как-то своему коллеге по госбезопасности Кириченко.

Тот быстренько передал мои слова наркому внутренних дел республики Филатову, который тут же меня вызвал и сказал, поклявшись партийным билетом, что никакого выселения не будет. А информация эта нужна для того, чтобы быстрее собрать с балкарцев взносы на строительство танковой колонны. И меня откомандировали в горы, чтобы подготовить ответы на запросы из Орджоникидзе.

Вернулся я в Нальчик двадцать восьмого февраля ночью, и Филатов, обвинив меня в распространении слухов о предстоящем выселении, заключил меня в камеру внутренней тюрьмы НКВД. А вечером седьмого марта вызвал к себе и говорит: "Иди, Хутуев, домой, покажись родным, что ты жив и здоров, приведи себя в порядок, побрейся и приходи, будем выселять балкарцев. Ну, а ты - работник хороший, мы похлопочем и постараемся оставить тебя здесь, согласен?" "Нет, - говорю, - если всех балкарцев выселяют, то и мне надо разделить их участь". И рано утром восьмого марта я вместе со всеми сел в теплушку

и поехал в Киргизию, куда вскоре пришел приказ о моем увольнении из органов госбезопасности по "профнепригодности", подписанный, кстати, самим Берия".

"О том, что нас будут выселять, мы ничего не знали, - рассказывает мне мама. - Седьмого марта снизу из Нальчика прибыло много военных машин с солдатами и офицерами. Офицеры были очень злые и все время рывкали на нас. А один солдатик зашел к нам в дом и тихо сказал, чтобы мы не теряли время, а побыстрее резали скотину и заготавливали продукты в дальнюю дорогу. Мы ему не поверили тогда. За что нас выселять, ведь твой дед был передовым колхозником, членом партии, партизанил..."

Ночью, около трех часов, в дом вошел офицер с двумя автоматчиками и сказал, что постановлением ГКО мы подлежим немедленному выселению и что на сборы он дает двадцать минут. Ну, что за это время можно собрать? На одну машину грузили по четыре семьи. Хорошие у них были машины - новые, американские, но для четырех семей с вещами и многочисленными детьми места было мало. Офицер орет: "Выбросить все лишнее!" А что могло быть лишнего в нашем доме, мы ведь не городские. Тогда они взяли и сами повыбрасывали все, что попало под руку.

К утру нас привезли в Нальчик. А там эшелоны стоят - конца не видно. Офицеры ругаются, у некоторых пистолеты в руках, солдаты прикладами бьют, торопят, собаки конвойные захлебываются от лая, дети, женщины плачут..."

Я вспомнил, что как-то раз, лет двадцать назад, у нас в доме по какому-то случаю собрались мои тети, дяди, бабушка. По телевизору шел фильм "Судьба человека". Все спокойно смотрели его. У балкарцев, как и многих горцев, считается неделикатным выплескивать свои эмоции. Но когда пошел эпизод, в котором фашистский эшелон, набитый женщинами и детьми, прибыл в концлагерь и эсэсовцы выбрасывают из вагонов и рассортировывают людей, все заплакали. "И нас вот так, с собаками", - сказала тетя Зайнаф.

Эшелоны с высланными балкарцами гнали на восток. Дорога туда была свеженакатанной. Соседних карачаевцев, родственных балкарцам и по языку, и по историческим корням, выслали накануне праздника 7 ноября 1943 года. Следующий "праздник" НКВД устроил чеченцам и ингушам, выслав их 23 февраля 1944 года. А две недели спустя, 8 марта, наступил черед балкарцев.

Акции по выселению народов проводились молниеносно. Прошлые заслуги не засчитывались, депутатская неприкосновенность не соблюдалась. Такова была цена гарантий прав человека, провозглашенных "сталинской конституцией". Не пощадили и семьи погибших фронтовиков. Аба, двоюродная сестра моей мамы, за год до рокового дня

получила похоронку на своего мужа, коммуниста и офицера Красной Армии. Тетю Абу с двумя ее девочками, трехлетней Фатимой и совсем крошечной Абидат, впихнули, подталкивая в спину прикладами автоматов, в переполненный кузов "студебеккера"...

"Ребята, я ведь боевой офицер, только что с фронта, я ногу там оставил, а вы меня как бандита выселять будете!" - в отчаянии воскликнул поэт Керим Отаров.

"Ничего, - мрачно буркнул один из вломившихся в дом энкавэдэшников, - другую ногу оставишь там, куда поедешь. Бери свои костыли и двигай вперед!"

Я не сгущаю краски. Это типичные "средние" (язык не поворачивается так их называть) примеры. А ведь были при выселении случаи страшные, с боями и стрельбой по безвинным и безоружным людям.

А вот еще одна история - еще одна грань геноцида: "В сорок третьем году нацисты при отступлении разграбили и разрушили Нальчик. Надо было в короткое время наладить нормальную мирную жизнь, - вспоминает народный артист КБАССР, заслуженный артист РСФСР, основатель и бессменный руководитель известного танцевального ансамбля "Кабардинка" Мутай Исмаилович Ульбашев. - В конце сорок третьего меня отозвали из армии. Приехал в Нальчик, иду в отдел культуры обкома. "Давай, Ульбашев, - говорит мне зав. отделом, - поднимай былую славу нашего ансамбля. Приступай немедленно к работе. Твоя боевая задача теперь поднимать моральный дух советского народа".

Я с головой ушел в свое любимое дело, которым начал заниматься, еще когда мне не было и одиннадцати лет. Собрал оставшихся "стариков", нашел новую молодежь, и мы приступили к репетициям. Быстро, меньше чем за неделю, подготовили программу.

В конце февраля сорок четвертого по Нальчику поползли слухи о предстоящем выселении. Но кого будут выселять, никто не знал. Восьмого марта утром я встретил своего приятеля, который работал в обкоме комсомола. "Мутай, - говорит мне он, - сегодня вас, балкарцев, будут выселять. Но у тебя есть заслуги перед республикой, и мы попросим оставить тебя здесь. Сам понимаешь, что твердо обещать ничего не могу. Давай иди домой и будь готов ко всему".

Через два часа раздался стук в дверь. Я открыл, и в комнату вошли офицер и автоматчик. Офицер прочитал постановление ГКО о выселении балкарцев и дал двадцать минут на сборы. Я попытался объяснить ему, что меня специально отозвали из армии и что я нужен здесь, в республике, но он перебил меня и сказал, что ему обо всем этом известно и не надо тратить времени попусту, а побыстрее собираться и идти. "А вы, - сказал он, поворачиваясь к моей жене Заре, - можете остаться. Вы же осетинка, а вашу национальность мы не выселяем".

"Ни за что! - ответила Зара. - Я буду с мужем всегда и везде, куда бы нас не загнали. Ну, а если умирать там выпадет - умру вместе с ним". Офицер в общем-то неплохой парень был и, наверное, хотел нам помочь. "Зря вы кипятитесь, - сказал он Заре. - Вот вы с ним туда поедете, а там что думаете, вас родственники ждут, папа с мамой? Оставайтесь пока здесь, продадите имущество, соберете деньги и поедете начинать новую жизнь". "Нет!" - отрезала Зара, и мы сели в товарняк и поехали на восток в киргизские степи".

У Мутая и Зары тогда еще не было детей. Но ведь было много других семей, с детьми, в которых мужья по воле ГКО оказались бесправными спецпереселенцами, а жены остались хозяйками "несобьятной родины своей". У жен, принадлежавших к невыселяемым национальностям, как нам уже известно, была возможность отречься от своих мужей и остаться "чистыми". У детей - нет. Все дети от смешанных браков обязаны были разделить участь отцов. А если жены ехали вместе с мужьями, то по приезде на место поселения они лишались всех прав, их ставили на учет в спецкомендатуре...

Нечто подобное в свое время сделали с женами декабристов. Правда, это было при царизме. Но даже самому жестокому царю далеко до "отца народов". Например, вы можете представить, что стало бы с Пушкиным (живи он в наше время), да заодно и со всеми его родственниками, если бы кто-то стукнул "хозяину", что поэт где-то кому-то сказал: "Тебя, твой трон я ненавижу".

"В пути нас кормили, - рассказывает мама. - Но что это была за еда? Вода, в которой плавали какие-то вываренные зернышки. Да и этим нас особенно не баловали. В лучшем случае раз в день делали остановку где-нибудь на большой станции, и один или два человека из вагона в сопровождении конвоира шли за баландой. К концу нашего пути некоторые стали опухать от голода".

"Голод был не так страшен, - говорил мне Башир, двоюродный брат моей мамы. - От голода можно всего-навсего умереть. Сам знаешь, для нас есть вещи намного хуже любого физического страдания и даже смерти. Тех, кто умер в пути, бросали под откос, как погибшего моряка - в море. А ведь не предать тело земле - самый страшный грех для балкарца. Только они плевать хотели на наши обычаи. В соседнем вагоне, помню, скончалась одна старая женщина. В том же вагоне ехали ее сын и дочь, которые видели, как охрана поступает с умершими. И они прятали тело матери до тех пор, пока оно не стало разлагаться. А ведь они не одни ехали в вагоне, там еще человек тридцать - сорок было набито. И все они считали, что дети умершей женщины поступают согласно обычаям и не уподобляются "гяурам", для которых нет ничего святого".

Хоронить умерших в пути разрешалось, только когда было много трупов. А много ли - определял начальник эшелона. Хоронить - значит останавливать поезд где-то в степи, организовывать конвойную цепь, выпускать для похорон родственников умерших... Нужна начальнику эта канитель?

Расселение балкарского и других высланных народов проводилось на громадной территории от Южного Урала по всей Казахской степи и до безжизненных предгорий Алайского хребта. Места поселений, как правило, были самыми гиблыми.

А теперь давайте посмотрим, каких "бандитов и пособников врага" вывезли силой из родных мест и обрекли на медленную, но верную гибель в чужой стороне. По данным архива Совета Министров Киргизской ССР, в 1944 году прибывшие на спецпоселение балкарцы - мужчины - а это были оставленные по брони передовые колхозники, советские и партийные работники, сотрудники госбезопасности и управления внутренних дел, инвалиды с детства и инвалиды все еще грохочущей войны, столетние старцы - все, вместе взятые, составляли только 18 процентов от общего числа переселенцев. Женщин было 30 процентов, все остальные, то есть больше половины, - дети. Подобное процентное соотношение среди балкарцев было и в Казахстане.

"Когда нас выгрузили на какой-то станции неподалеку от Талды-Кургана в Казахстане, - рассказала мне тетя Аба, - к нам стали подходить какие-то люди, осматривали нас, расспрашивали, сколько у кого в семье детей, стариков. Это были, как вскоре выяснилось, директора совхозов и председатели колхозов. Долго они так ходили, все что-то записывали, а потом собрались неподалеку от того места, где я с детьми и сестрами стояла, и стали спорить. Кричат друг на друга, матерятся. А главным из "встречающих" был полковник. Он ни с кем не спорил, а все ездил в белом полушубке и на белом коне среди нас и командовал, помахивая плеткой: "Вы здесь стойте, вы, с этого вагона, там встаньте, не ходите из одной группы в другую!".. Военный человек, командир. А председатели ругаются... "Не надо, - кричит один, - мне эту семью подсовывать. Там ведь только одна работница, а все остальные восемь - иждивенцы, старуха и дети. Почему я их должен кормить?!" - "Вот как, - кричит другой, - я их, что ли, возьму? У меня и своих иждивенцев полно, а этих бандитов мне и подавно не надо". Ну, а мы, весь эшелон, слушаем все это, стоим и ждем. "Да успокойтесь вы все, не орите! - посмеиваясь, уgomонил председателей солидный и уверенный мужчина. - Что вы заладили - иждивенцы, иждивенцы... Берите всех подряд. Их сюда прислали навечно. Здесь не Кавказ, и в нашем климате иждивенцы долго не протянут, умрут, а работники вам останутся".

- А что это был за дядя? - спросил я. - Директор совхоза, наш будущий начальник по фамилии Дидрихсон. И ведь прав оказался, как в воду смотрел, сволочь. Сколько там наших поумирало!.."

Семью моей мамы довели на двадцать пятый день пути до киргизского городка Кызыл-Кия и сразу с вокзала строем повели в какую-то временную баню. Там их "продезинфицировали" и вселили в барак, где была выделена комната, которую на первых порах они делили с еще двумя семьями. Отец матери, участник гражданской войны и член партии, заболел еще в начале пути. Ни о какой врачебной помощи в эшелонах спецпереселенцев и речи быть не могло. Кого лечить - врагов? В Кызыл-Кие мой дед не прожил и недели (по свидетельству Хутуева, там, где я родился, умерло больше всего спецпереселенцев).

Самой старшей из шестерых детей в семье была мама. Ей было восемнадцать, а самой младшей сестренке, Рас, не было и года. Скудный запас продуктов, захваченных из дома, кончился еще в пути. Не было денег, одежды, посуды...

Почти все жители городка работали в шахтах, и вскоре к ним присоединились женщины-спецпереселенки. Уголь в забое рубили в основном немцы-военнопленные и уголовники, а моя мать, как и многие другие балкарки и чеченки, была откатчицей, то есть катала по шахте вагонетки с углем. Электровозов тогда и в помине не было, а шахтерских лошадок уголовники забили и съели...

- Есть было нечего, - вспоминает мама. - Чего только не пришлось мне увидеть тогда. И как траву ели, помню, а она оказалась не такой, как в наших горах, и многие потом поумирали от этого. А как-то раз я видела, как человек гнался за собакой, чтобы поймать и, наверное, съесть, но сил бежать у него не было, и он упал. Потом подполз к тому месту, где эта собака сидела, и стал есть собачий кал...

- Это был балкарец? - придя в себя, спросил я.

- Какая разница, - вздохнув, ответила мама, - это был человек, и те, кто довел его до этого, тоже ведь считали себя людьми. Вот в колхозах жить было лучше, чем нам. Они хоть и работали по 15-16 часов, зато могли спрятать в одежде картофелину или свеклу и принести детям. А из шахты что принесешь? Вот и умирало здесь нашего народа больше, чем в других местах.

Вымирали семьями. Хоронить умерших было некому, была организована специальная санитарная команда, которая ездила по домам, собирала трупы и, зарегистрировав факт смерти в городской больнице, закапывала их во рву за больничным зданием. Сколько там лежит безымянных и безвинных жертв сталинского геноцида: ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар... Одной маминой карточки на семью из семи человек было мало, и вслед за мамой спустился в шахту и ее четырнадцатилетний брат Али.

- Я хорошо помню, как в день нашего приезда вся Кызыл-Кия сбежалась на вокзал посмотреть на нас. Оказывается, кто-то пустил слух о том, что привезли очень кровожадных людей, хищников, которые не брезгают и человеческим мясом. Я это серьезно говорю, - и в самом деле серьезно убеждает меня Али. - Мы идем всем эшелонам, колонной, а они выстроились по обеим сторонам улицы и смотрят... Да, в первые дни нам крепко доставалось. Еды никакой, хлеба даже по карточкам не хватало. Встанешь в очереди - стоишь, стоишь... Хлеб кончится, а у людей еще карточки на руках, а что с ними делать, если они только на один определенный день выдавались. Кто посильнее и понахальнее, протолкнется и возьмет без очереди. Ну, и мы тоже, когда пришли в себя после дорожного голода, стали шустрить по-ихнему. А те нахалы нам орут, дескать, изменники родины, бандиты, надо было вас всех там поубивать, а не везти сюда - и в драку. А мы по-русски, кулаками, драться не умели, этому мы потом научились, а вот бороться - пожалуйста! Кинешь на землю одного, другого, а на большее силенок не хватало. В общем, на первых порах нам доставалось крепко. Выходить за пределы городка нам было запрещено. Пять километров в длину, пять в ширину - вот вся наша зона. Выйдешь за черту - пять или десять лет лагерей за нарушение режима. А в восьми километрах от города Уч-Курган - оазис. Там пшеница росла, овощи, фрукты, а у нас голод. Правда, случай один произошел еще в самом начале, когда нас только привезли в Кызыл-Кию. Наш парень, балкарец, ночью залез в чей-то огород, там помидоры росли, еще зеленые, а утром нашли этого парня чуть ли не в центре с узбекским ножом в груди, а у головы шесть зеленых помидорин лежат. Ну, ладно! Поняли мы, что шугить с нами не собираются, но только зря они думали запугать нас этим.

- Тогда таких, как этот, теперь в газетах писали о нем, председатель колхоза, который всех своих колхозников рабами сделал... - вступил в разговор младший брат Али Хызыр.

- Адылов, - помог я ему.

- Вот, вот! Таких чингисханов тогда много было. Чуть что - камчой бить лезли, даже убить могли, и все их боялись. Байские замашки, но с нами это не проходило.

- Короче, - продолжал Али. - В конце мая созрел урюк, и мы, все наши пацаны, человек двадцать, решили ночью сделать набег на колхозный сад. Когда стемнело, вышли на дорогу. А за нами Хызыр увязался с такими же, как и он, лет по одиннадцать - двенадцать, пацанятами.

Приходим в сад, не шумим, не разговариваем, потому что рядом домик, в котором сторожа сидят, залезли на деревья и рвем урюк. А ночь лунная, все видно, как днем. Хызыр с пацанятами тоже приня-

лись за дело. Вдруг из домика выходят двос и идут прямо в их сторону. Подходят они к дереву, в руках у них палки, как ружья длинные, и кричат, чтобы все спускались вниз. А пацанята, наоборот, еще выше полезли. А те уже звереть начали. Поняли мы, что если не вмешаемся, то убьют пацанят не задумываясь.

- Убили бы, это точно, - подтвердил Хызыр.

- Слезаем мы с дерева и подходим к сторожам. А надо сказать, что из всех ребят я был, пожалуй, самым младшим, а всем остальным было лет по шестнадцать и больше. Некоторые перед выселением даже в армию собирались идти, да вот после 8 марта наших ребят уже не призывали. Не доверяли, хотя сколько в это время наших мужчин на фронте было - твой отец, к примеру. Подходим мы к сторожам тихо, как абреки, и когда они увидели нас, то чуть было не обделались со страху. "Мы думали, - говорит один, - что это кызыл-кийские урки, а вы с Кавказа, тоже мусульмане, можете рвать, сколько вам надо". И они ушли. А мы снова залезли на деревья и рвем урюк. И вдруг из домика выходят двадцать или более мужчин. Рядом с садом было хлопковое поле, и поливальщики остались ночевать у сторожей в домике. И вот эта армия, блестя подштанниками - тогда мода у местных была ходить в нижнем белье, ни днем, ни ночью его не снимали, - идет на нас. Я выбрал ветку потолще и начал ее резать. Смотрю, другие парни тоже ржут ветки. А они подошли уже к первому на их пути дереву, матерятся по-своему и по-русски - давай, мол, вниз, конец вам пришел. На том дереве Магомед сидел, крепкий парень, борец, самый сильный из нас. И он прыгнул на них сверху, как барс на стадо коз, схватил первого попавшегося, поднял над головой и грохнул об землю. Схватил другого, вырвал у него палку - и пошло дело... Погоняли мы их по саду, человек пять сбросили в арык поплавать. Видишь, какие они оказались скоты! - разошелся Али. - Рвите, говорят, вы тоже мусульмане, вам можно! Домой мы бежали по-другому, дальнему пути, через горы. Если бы нас в саду или по дороге взяла милиция - всем хана! Нарушение режима - пять лет, драка, воровство, лет на десять потянуло бы.

- А если бы кетменщики нас прибили, то им бы ничего за это не было, - сказал Хызыр.

- Да-а, сколько до этой драки наших пацанов из-за горсти урюка поубивали, Хызыр, помнишь? Двоих? Трех?

- Трех. И никого за это не посадили и даже допрашивать никого не допрашивали.

- После этого случая они к нам уже не лезли.

В то время как балкарские юноши боролись на чужбине за выживание и сохранение чувства собственного достоинства, что, впрочем,

для горцев равнозначно, их старшие братья и отцы были на фронте, далеко на западе, и ничего не знали о происшедшей трагедии.

- А вот я знал, что балкарцев выслали, - начал свой рассказ офицер-фронтовик Магомед Огурлиевич Башисв. - Мне об этом сообщил мой друг - дагестанец Пашаев. Весной сорок четвертого он был начальником особого отдела, а я секретарем комитета комсомола полка, который входил в состав 417-й стрелковой "Сивашской" дивизии. Во всей 51-й армии, куда входила и наша дивизия, я знал только одного человека, с кем бы мог разделить свое горе. Это был Кайсын Кулиев, старший лейтенант, сотрудник армейской газеты. До войны я не был лично знаком с Кайсыном, но нередко бывал в Нальчике на литературных вечерах, где он читал свои стихи. Он уже тогда был знаменитым человеком. А познакомились мы в сорок третьем году на совещании политработников 51-й армии. Нас тогда собрали перед предстоящим форсированием Сиваша, потому что дело ожидалось жаркое. Взяли мы Сиваш, прошли в Крым и остановились около Джанкоя. Там и застала меня эта черная весть.

Армия готовилась к наступлению и штурму Сапун-горы, и, как всегда перед большими боями, наступало короткое затишье. В это время и приехал Кайсын. Заруливает на "виллисе" и сразу ко мне. Радостный такой, сияет. "Ты что, говорит, Магомед, такой кислый?" Я понял, что он еще ничего не знает, и говорю ему: "Пойдем, я тебе что-то скажу". Вышли мы наружу, отошли подальше в поле и сели на травке. У меня с собой была фляга спирта, я налил ему, себе. Выпили, и я все ему рассказал. А он перебивает меня все время и говорит одно и то же: "Не может быть, Магомед! Не может быть, Магомед!" - "Как не может быть, - отвечаю, - пойдем к Пашаеву, он свой парень, покажет тебе этот секретный приказ". - "Нет, - говорит, - раз ты такие вещи говоришь, значит, так оно и есть". Долго мы с ним так сидели. Он плачет, я плачу, выпили флягу спирта, а хмель не берет.

А через несколько дней начался штурм Сапун-горы, и на одном из участков надо было подавить пулеметную точку, которая сдерживала атаку нашего полка. Я вызвался добровольцем, ко мне еще двое ребят, комсоргов рот, присоединились. Пулемет мы уничтожили, но я после этого задания попал в госпиталь с пулей в лопатке. Она до сих пор там и сидит. А ребята из полка потом мне в госпиталь написали, что приезжал корреспондент Кулиев и разыскивал меня. Больше я офицера Кулиева не встречал, а Кулиева-спецпереселенца видел много раз в столице Киргизии Фрунзе.

- А родные вам ничего о себе не сообщили?

- Сестра прислала письмо-треугольник откуда-то из Казахстана, проездом. Написала, что всех балкарцев везут куда-то, и что с ними будет дальше, никто не знает. Писем я больше не получал и очень

долго о судьбе моих родственников не знал. И только в конце сорок пятого года после долгих-долгих поисков в различных городах Средней Азии я смог их найти и поехать к ним в Киргизию.

В сорок четвертом году отношение "высокого" начальства к ничего не подозревающим солдатам и офицерам высланных национальностей резко изменилось. Появилась дискриминация, которая выражалась в том, что эти солдаты и офицеры уже не повышались в звании, как правило, не награждались, а если и получали награду, то не ту.

Командир роты балкарец Мухажир Уммаев в боях за Одессу 10 апреля 1944 года вместе со своими бойцами, отразив три ожесточенные контратаки противника, первым ворвался на окраину города. В этом бою старший лейтенант Уммаев лично уничтожил в рукопашной схватке 18, а его рота 200 немецких солдат и офицеров. Преследуя отступающего врага, рота Уммаева уничтожила еще свыше ста захватчиков и первой ворвалась в центр города. Об этом подвиге рассказывала после боев за Одессу армейская газета. А знают ли сейчас имя балкарца Уммаева в городе-герое?

За мужество и отвагу при освобождении Одессы командованием 179-го гвардейского полка Уммаев был представлен к присвоению звания "Герой Советского Союза". Ходатайство поддержали командование дивизии и Военный Совет армии. Но в Москве наградная комиссия ГКО ограничилась награждением Уммаева орденом Александра Невского. И это была последняя награда героя. Его демобилизовали, и он поехал к своим высланным землякам в Казахстан, где и умер вскоре от полученных на войне ран.

Мой отец был танкистом на Северо-Западном фронте. Звание лейтенанта и последний орден Красной Звезды он получил весной сорок четвертого, хотя и воевал до последнего дня и въехал на своем танке в Берлин. За целый год наступательных боев ни повышения в звании, ни награды.

- Кто из нас, простых людей, думал тогда о званиях и орденах, - сказал он мне как-то. - Все это было ценно для тех, кто в хромовых сапогах всю войну прощоголял.

Что это, подумал я, пренебрежение "окопника" к наградам и "штабникам" или же старая обида на несправедливость к нему?

В конце 1945 года демобилизованные фронтовики стали возвращаться к своим семьям. Едва прибыв на место, они должны были встать на учет в спецкомендатуре и расписаться в собственном бесправии. Только теперь в комендатурах вчерашним боевым солдатам и офицерам читали постановления ГКО о выселении их народов и указы Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Кабардино-Балкарской АССР и образовании на ее месте Кабардинской АССР.

Ловко у них тогда все получилось! А чтобы все было пристойно, сочинили, будто балкарцы в период оккупации изменили Родине, вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания немцев вступили в организованные нацистами банды для борьбы против Советской власти.

Все это ложь! Кроме десятка-двух дезертиров, в горах Балкарии никто не таился, как не было и "организованного сопротивления Советской власти". Этот документ сфабриковали Берия и его заплечных дел мастера Абакумов, Кобулов и прочие. А подписал указ о ликвидации республики добрейший М.И.Калинин. Ведал ли "всероссийский староста", под каким документом ставит свою подпись? Впрочем, и он, как теперь стало известно, мог подписать все, что угодно, лишь бы его не трогали.

В сложном положении оказались правительства Казахстана и Киргизии, потому что постановления ГКО о переселении некоторых народов Кавказа были неожиданностью даже для ЦК партий этих республик. В 1943-1944 годах в Казахстан и Киргизию привезли около семисот тысяч обездоленных спецпереселенцев. Дома и утварь, одежда и громадное количество скота и птицы - все было брошено на их злосчастной родине и стало легкой добычей мародеров. И пока шла война, положением спецпереселенцев власти почти не занимались. Все средства отправлялись на фронт. Но даже те жалкие крохи, что выделялись для обустройства спецпереселенцев, зачастую разворовывались и до них не доходили. Фонды муки и крупы выдавались с большим опозданием и расходились где-то на стороне. Да и жить спецпереселенцам было негде. Мутай Ульбашев и его Зара, например, жили в коровнике. "В дом нас не пустили, - рассказал мне Мутай Исмаилович, - да и негде было там ночевать. Всего одна комната, а в ней большая киргизская семья из двенадцати человек. Вот мы и спали с коровами. Утром проснешься, а под тобой мокро..."

В декабре 1945 года Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Казахстана и ЦК КП(б) Киргизии обратились к Молотову и Маленкову с просьбой выделить дополнительные строительные материалы для спецпереселенцев, аргументируя свою просьбу тем, что люди живут практически под открытым небом. В ответ - молчание. Отсутствие ответа - это тоже ответ. Товарищам из Алма-Аты и Фрунзе стало окончательно ясно, что участь переселенцев Москвой решена, и любое проявление добрых чувств к этим народам рассматривается там как недопустимая и даже преступная мягкость. Сочувствие равно соучастию - вот лозунг тех лет.

Одними из первых небалкарских слов, которые я слышал в детстве особенно часто, были слова "Берия" и "Сталин". Причем первое я

запомнил быстрее, потому что чаще употреблялось и всегда сопровождалось ругательством на балкарском, а больше на русском языке. Помимо "Берия" и "Сталина", я знал русские слова "пахан", "урка", "блатной пацан" и другие подобные, считавшиеся нормальными и обиходными в тогдашней Кызыл-Кие. Интересный штрих. Я нередко замечал, что люди нерусской национальности спорят на своем языке, а кроют друг друга по-русски. Так ведь любое ругательство, сказанное не на своем языке, звучит не так оскорбительно. Ну, представьте, например, что в магазине что-то не поделили между собой русские грузчик и слесарь и кроют друг друга по-английски или по-японски.

Горцы ругательные слова употребляют крайне редко, но к "Берия" всегда что-нибудь припечатывали, не скупясь и не стесняясь. Отношение к Сталину не было столь однозначным. Пропаганда канонизировала здравствующего "хозяина" настолько убедительно, что даже среди спецпереселенцев, на своей шкуре испытавших торжество национальной политики великого специалиста по национальным вопросам, бытовало мнение, что все несправедливости делались Берией втайне от вождя. Да что там говорить, когда даже моя мама, катавшая в свое время под землей вагонетки с углем, который на той же шахте рубили кайлами ее братья пятнадцатилетний Али и тринадцатилетний Хызыр, до сих пор верит в непогрешимость Иосифа Виссарионовича и обвиняет во всем случившемся с нами Берия и его слуг. А вот отец никогда не славословил "мудрейшего", и когда к нему пристают с вопросами о его отношении к Сталину, он, всегда добрый и мягкий, так резко и зло прерывает разговор, что я всякий раз удивляюсь.

С самого первого дня на чужбине спецпереселенцы не оставляли надежды на то, что справедливость восторжествует и им разрешат вернуться на родину. А теперь, когда война закончилась, в Москве, наконец, разберутся, кто чем в войну занимался.

В 1948 году в один момент эти иллюзии были развеяны. Шверник подписал документ, гласящий, что чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы и другие "народы-изменники" высланы в отдаленные районы страны навечно и без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд из мест поселения - двадцать лет каторжных работ, а лица, способствующие побегу или укрытию высленцев, подвергаются лишению свободы сроком на пять лет. И если до этого были у фронтовиков кое-какие полуполюгальные поблажки, то через три с половиной года после победы и им выпало как следует вкусить "сталинских свобод".

Офицер-фронтовик и орденосец балкарец А. Соттаев написал об этом, как он выразился, "беззаконии" в Кремль Сталину, получил за "антисоветскую деятельность" двадцать пять лет и освобожден только после двадцатого съезда. И это далеко не единственный случай распра-

вы с теми спецпереселенцами, которые оказывались "шибко умными" и искали справедливости у "хозяина".

Каждый взрослый переселенец должен был ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Не пришел отметить - полгода в лагере, а выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к побегу. А куда убежишь, если повсюду шлагбаумы, комендатуры, посты внутренних войск, проверки документов и обыски?..

Во время выселения бывали случаи, когда члены одной семьи попадали в разные эшелоны, и потом один эшелон, в котором, например, были престарелые мать и отец, шел на северо-восток Казахстана, а другой, в котором были их дети и внуки, отправлялся на восток или юг Киргизии. А ведь это тоже пытка - и какая! - для горцев, которые так берегут родственные отношения. Но о воссоединении семей в первые годы высылки и речи быть не могло.

Спецкомендатуры вели надзор за спецпереселенцами. На каждые десять семей назначался старший, в обязанности которого входили слежка за своими и регулярный "отчет о проделанной работе" коменданту. За такую общественную деятельность "десятидворщикам" переплавали кое-какие послабления в режиме и преимущества при распределении и отоваривании продовольственных карточек. Для людей пожиже духом эта "должность" казалась весьма заманчивой. "Десятидворщики" часто менялись, и таким образом поставка стукачей для бериевского ведомства приняла поточный характер. И это, я считаю, является самым страшным преступлением против моего народа. Унижения, голод, тиф, смерть - все ничто в сравнении с испытанием на "вшивость".

Особое место в бериевском аду занимали коменданты спецкомендатур. Нередко ими были надзиратели, хорошо проявившие себя еще в довоенных гулаговских лагерях. Об одном из таких надсмотрщиков, младшем лейтенанте Юдине, до сих пор вспоминают недобрым словом балкарцы, попавшие под его иго в одном из районов Талды-Курганской области в Казахстане.

- Знаешь, Володя, - сказал мне двоюродный брат мамы Башир, - если ты напишешь о нем, то я на сто процентов поверю, что зла без возмездия не бывает.

И вот какую историю он мне поведал:

- Коменданта Юдина, гориллоподобного двухметрового верзилу с бесноватыми глазами маньяка-убийцы, недолюбливали даже свои, комендантские. Но за довоенные лагерные "заслуги" он был в почете у большого начальства. К тому же незадолго до своего комендантства он "погеройствовал" в чеченских аулах. "Вот уж я там настрелялся!" - поговаривал он. "Таких врагов, как вы, - сказал он нам в "приветственном слове", - я в Сибири гноил тысячами. Зря вас оставили здесь,

а не отправили дальше, на Кольму. Но ничего, вы у меня и здесь попляшете лезгинку".

Рабочий день Юдина начинался в пять утра. Он садился на коня и объезжал все кибитки, в которых ютились дистрофичные и полуживые от голода балкарские старики и старухи, женщины и дети. Замешкался кто-то с выходом на колхозные поля - он плеткой поперек спины, и марш вперед рысью. И попробуй ответь - забьет до полусмерти.

У себя в угольном сарае он устроил нечто вроде тюрьмы, где однажды запер и оставил на всю морозную декабрьскую ночь старую балкарку Айбиче за то, что она не вышла на работу. Поздно ночью когда все вернулись с полей, одна из балкарок зашла проведать больную женщину. В доме было пусто. Айбиче пропала - пронесся по поселку слух. Может, упала где-нибудь на грядках и умерла? Случалось ведь и такое. Все балкарцы вышли в поле и тщетно проискали ее всю ночь. И только на следующий день соседка Юдина, почтальонка Женя, шепнула нам, что Айбиче сидит в сарае у коменданта. Оскорбление старости! И это терпеть! Мы все бросились во двор к Юдину, и, пока мужчины ломали дверь сарая-тюрьмы, несколько наших женщин вбежали к Юдину в дом и, не найдя там коменданта, избili его жену и дочь.

А несколько дней спустя, когда Юдин ночью проезжал верхом через мост, в воздух взвилась тонкая проволока, натянутая как раз на уровне шеи коменданта. Он упал. Тут же из темноты выскочили несколько человек и, не дав коменданту опомниться, ударили его чем-то тяжелым по голове и исчезли. Мстителей не нашли, хотя приехавшим из города следователям было ясно, что Юдина отделали подростки-балкарцы. Закручивать гайки так, как это делал Юдин, трезво считали следователи, с горцами не следует. Всему есть предел - взбунтоваться могут даже женщины и дети. А один из следователей так и сказал, что мы народ мстительный и нас лучше давить законом, а не личной властью.

Комендант Юдин не внял здравым советам и, выйдя из больницы, с удвоенной силой продолжал свои бесчинства. Он арестовал четырнадцатилетнего сына Айбиче и всю ночь допрашивал его в комендатуре. Наутро помощники Юдина принесли мальчика домой, бросили на пол и ушли. Юдин отбил ему все внутренности, и говорить он не мог. Так и умер на третий день...

Прошел год, и комендант снова попал в больницу, и снова после того, как получил по голове тяжелым предметом. Живучая скотина, другой бы от такого удара на месте скончался. Правда, выйдя из больницы, он стал жаловаться на постоянные головные боли и умер скоропостижно в пятьдесят третьем году.

- А ты знаешь тех, кто отомстил Юдину? - спросил я Башира.

- Трудно сказать, кто именно это сделал, его все ненавидели. Кроме того, что он избивал людей до смерти, он и поборами занимался. Не вышел на работу в поле - откупись. Плату он сам не брал, этим занималась его жена. Она же брала все: деньги, вещи, драгоценности. От моей сестры и твоей тети Абы за один невыход на работу она потребовала связать и передать через почтальоншу Женю пять пар шерстяных носков. И так она поступала со всеми. А сколько старинных женских украшений из серебра и золота она выцыганила у балкарок! Надо поехать в соседний район, навестить родственников - неси ей что-нибудь ценное, лишь после этого получишь письменное разрешение коменданта на бесконвойный проезд.

А на работу мы бы ходили и без юдинских приказов и окриков. В Казахстане мы работали так, как привыкли это делать у себя дома. В нашем совхозе уже через год после приезда балкарцев появился первый Герой Социалистического Труда - звеньевая Люба Сальникова. В звене у Любы работали только балкарки, но об этом даже в районной газете не упомянули. А ведь все в районе знали, какая Люба была "работница" до нашего приезда...

Как вы работали в шахте? - спросил я отца.

- Зачем же лезть под землю, чтобы дурака валять. Работали так, чтобы заработать побольше. А вот почему немцы-военнопленные так сильно работали, до сих пор удивляюсь.

Разговорить отца - дело непростое. Нет, он не молчун и охотно вступает в беседу, рассказывает разные интересные истории друзьям, соседям, кому угодно, но только не мне. Дело в том, что отец, согласно балкарским законам, не должен быть чересчур словоохотлив с сыном. Слова - звуки, пустота, а сын должен сам думать и понимать, как поступать в том или ином случае, и все делать так, чтобы отцу потом не пришлось за него краснеть.

- Я много проработал вместе с немцами под землей, - вдруг разговорился отец, - очень они порядок любили и, когда вели проходку, то делали это чисто, а главное - очень надежно. И все они были такие высокие, крепкие...

- Ты еще был на фронте, когда привезли первую партию военнопленных, - вступила в разговор мама, - их даже на полгода раньше нас привезли. Какие они все были слабые, когда я увидела их в первый раз, точь-в-точь, как мы. Идут они строем на шахту, без конвоя, да и не нужен был конвой - куда убежишь, кругом горы и пустыни. И вот идут они строем, и если кто-то из них упадет от бессилия, то его в сторонку положат, а после смены забирают либо в барак, если жив, либо на кладбище.

Я немцев-военнопленных в Кызыл-Кие уже не застал, но хорошо помню "немецкие могилы": аккуратные ряды многочисленных холми-

ков, кресты на них сорваны или сожжены, а сами могилки загажены - это местные пацаны внесли свою посильную лепту в дело попрания фашизма. Унылое и печальное зрелище.

- Много немцев тогда поумирало, - продолжает вспоминать мама,
- Немцы ходили на работу сами, без конвоя.

- На войне я немцев видел сгоревшими, замерзшими, разорванными в клочья, пленными, - говорил отец. - Они били нас, мы били их. А в шахте пришлось узнать их поближе. Люди как люди, неплохие ребята, правда, был среди них один, Дитер его звали, заносчивый, вредный. Начальству зад лизал, а на нас смотрел свысока. Механик он был классный, любой аппарат мог починить за две минуты, и за это начальники его поставили мастером над всеми военнопленными и закрывали глаза на то, как он по-свински обращался со своими земляками-подчиненными. Один немец, забыл его имя, подошел как-то во время работы ко мне и говорит, что Дитер - подлюга и фашист и что это из-за таких, как он, мы начали войну. А через несколько дней после этого Дитер попал под обвал и умер. Это немцы так сказали начальнику шахты, а я сам видел, как Дитер начал на них орать, как всегда, и они все разом вдруг набросились на него и стали бить, а когда отошли в сторону, Дитер уже не встал. Да, хорошо немцы работали, но самый шик они показали нам в последний день своей работы в шахте. В этот день они, все до единого, выполнили норму на двести процентов, строем и с песней вышли из шахты и сбросили в одну большую кучу свои кирки, лопаты, шахтерские каски... И на следующее утро их увезли домой...

- В каком году это было?

- Не помню, кажется, в пятьдесят первом.

Немцы ехали в фатерлянд. Они пришли захватчиками, хотели поработить и даже уничтожить советский народ, но крепко получили за это, и те, кто остался жив, отработали на наших просторах свои грехи и были отпущены в добром здравии. Немцев-военнопленных охранял международный закон. Немцев-спецпереселенцев и спецпереселенцев других национальностей охранял НКВД, и пока был жив Сталин, а тогда мало кто верил в то, что он тоже смертен, ни о какой реабилитации, а тем более о возвращении на родину нечего было и думать. Они хорошо работали, и, несмотря на официальные "зажимы" и дискриминацию, около шести тысяч спецпереселенцев были награждены медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

От голода к концу сороковых годов они уже не умирали, но больше половины детей-спецпереселенцев не ходило в школу. Причин тому много. Незнание русского, киргизского или казахского языков, на которых велось обучение в Киргизии и Казахстане, нездоровое отно-

шение к ним в школах, а самое главное - не в чем было ходить. Даже просто выйти на улицу было не в чем. У одного своего родственника я видел любительские фотографии балкарских детей в лохмотьях, которые он сделал в 1947 году. И целое поколение балкарцев, да, наверное, и других спецпереселенцев, так и осталось неграмотным.

В пятьдесят третьем году случилось невероятное - умер Сталин. Спецпереселенцы ждали: что будет дальше? Год ждали, другой, третий...

- Черт их разберет, этих начальников, - помню, сказал мой отец, возвратившись как-то после смены домой. - Сегодня нам доклад Хрущева читали, там он про Сталина такое наговорил, что мы от удивления не знали что и делать. Вот и пойми их. Сначала сами кричали: "Слава Сталину", потом и нас приучили так кричать, на фронте с трехлинейкой без патронов на немецкие танки посылали и тоже - "За Сталина". Воевали мы, как все, а нас сюда выслали, и теперь оказывается, что и мы не виноваты, и они в Москве ни в чем не виноваты... А кто Сталина сделал Сталиным?

В один из дней лета пятьдесят шестого мы, пацаны, шли в городской парк, чтобы искупаться в озере, и по дороге увидели толпу мужчин около пивного ларька. Это были балкарцы и чеченцы из наших поселков. Они живописно сидели на пивных бочках с пивными кружками в руках, а оратором был чеченец Ваха, супер- абрек и вольный человек, хоть и работал, как все, в шахте.

- Что это такое! - кричал Ваха. - Я ему сказал, что ничего подписывать не буду. Нас уже двенадцать лет рабами пытаются сделать, больше терпеть нельзя. Клянусь Аллахом, им надо показать, что мы мужчины. Если они меня и всех нас добром не отпустят, то я клянусь этим хлебом, - и он взял лежащий перед ним ломоть узбекской лепешки, - что лично застрелю начальника милиции и всех, кто помешает мне сделать это!

Вечером отец рассказал маме, что на шахту приезжал начальник милиции, собрал всех спецпереселенцев с Северного Кавказа и зачитал бумагу о том, что спецпереселенцы с Северного Кавказа снимаются с учета в комендатурах, но им надо дать подписку о невыезде на родину.

- А мы отказались подписываться, - сказал отец. - Зачем нам бумага, которая ничего фактически не меняет.

И вот осенью пятьдесят шестого нам, наконец, было официально объявлено, что можем возвращаться на родину. Я и предположить не мог, что у нас в поселке хранится так много ружей. Горцев, наверное, не переделает, оружие будут держать всегда, как бы строго ни преследовались за это. Палили в небо залпами.

Первый эшелон с балкарцами отбыл из Кызыл-Кии весной 1957 года. И первыми пассажирами стали моя бабушка и мамыны братья и сестры. Их везли бесплатно, как и тринадцать лет назад, но на этот раз с комфортом. Для двух семей со всем нажитым за эти годы имуществом

выделялся целый вагон. Можно было везти с собой и скот, для которого тоже были выделены отдельные вагоны.

- Мы назад возвращались очень весело, - рассказывала мне Рая, младшая сестра мамы. - Эшелон ехал быстро, настроение у всех радостное, во время стоянок танцуем, поем, на паровозе и на вагонах красные флаги развеваются, лозунги висят... Хоть в кино снимай!

Приезжаем в наше село Гунделен и идем к своему дому, из которого нас выселяли тринадцать лет назад. А твоя бабушка смотрит на все вокруг и плачет. Такого разорения, говорит, даже немцы при отступлении не сделали. Заборы сломаны, деревянные части домов разрушены, двери сорваны...

- Там никто не жил все это время?

- В том-то и дело, что жили. Подошли мы к своему дому, а у порога сидит новый хозяин. Идите сюда, кричит, вот это мой дом, я его продаю. И начинает расхваливать, какой это прекрасный и прочный дом. Смотрите, говорит, какие балки толстые, да и крыша хорошая, без дырок. Знаем мы этот дом, отвечает ему Батта, вот эти балки и все остальное мы своими руками строили, а ты что в этом доме сделал, как он тебе достался? Он мне по закону достался, - отвечает тот нахально. А сейчас я его продаю за пятнадцать тысяч. Берете - дом ваш, нет - проходите дальше. Дали мы ему пятнадцать тысяч, это еще по-старому, он тут же уехал. Дом-то, оказывается, был уже пустой. Они перед нашим приездом вывезли свои вещи и ждали нас в пустых домах, чтобы нам, истинным владельцам, продать их.

Почти все балкарские поселки, расположенные, как и Гунделен, в предгорьях Балкарии, были заселены. Верхние аулы, в которых и проживала основная масса балкарцев, так и стояли все эти годы разрушенными, разграбленными, забытыми... Жить там никто не стал. И не станет, потому что прижиться там может только тот, кто в течение многих веков обживал эти места и был в ладу с окружающей природой.

Арабский мудрец сказал, что когда у человека много домов - у него нет дома. С домами у меня, как и у всех детей бывших спецпереселенцев, рожденных с 1944 по 1957 год на просторах нашей необъятной страны, и в самом деле получается некоторый перебор. Что мы можем считать своей родиной? Я хотел бы иметь маленький уголок страны, к которому был бы привязан всем своим существом и который был бы для меня единственным и самым дорогим, и чтобы я чтил и любил эту землю, как свою мать.

Мои родители не сразу оставили Кызыл-Кию - не смогли поехать домой "за государственный счет" вместе со всеми балкарцами. И на Кавказ я попал только три года спустя. Меня взяла туда моя бабушка, которая каждый год приезжала в Кызыл-Кию, чтобы побывать на могиле деда. После одного из таких приездов я вымолил у родителей разрешение поехать вместе с ней и потом так и остался жить с бабушкой - даже после того, как приехали и поселились в Балкарии и мои мама, папа и брат.

Я с любовью и печалью вспоминаю пыльные и выжженные холмы и горы Кызыл-Кии. Что и говорить, частичка моего сердца навсегда осталась там, где я родился и где прошло мое детство и детство моего брата, там, где осталась в сиротстве могила моего деда и могилы многих других моих родственников и людей моей крови.

Я стар и мне не вернуться,
А вы вернетесь, верьте мне.
Берегите веру и душу,
Чтобы было с чем возвращаться и для чего возвращаться.
Не таите злобу,
Нет в ней смысла.
Оставляю вам завещание:
Спасение - в единении и надежде.

Это мой робкий подстрочный перевод одного из последних стихотворений великого балкарца Кязима Мечиева. "Кязим - мой великий учитель!" - говорил о нем Кайсын Кулиев. Кязим Мечиев, совесть и душа балкарского народа, воистину народный поэт, поэзию которого любят и знают все балкарцы и чей стотридцатилетний юбилей мы будем отмечать в этом году, умер в 1945 году от голода вдали от своего очага в Безенги, а его могила затерялась где-то там, в казахских степях под Талды-Курганом.

Осознание моей Родины у меня складывалось наподобие мозаичной картины - из разных кусочков и не вдруг. Поэзия Кязима Мечиева и рассказы стариков на сенокосе, старые песни народа и строгая одежда, без контрастных цветов и "финтифлюшек" у женщин. А вот еще один из фрагментов: прошел дождь, сквозь облака пробиваются остро-зубые заснеженные вершины гор, пахнет травой, старик Махмуд, тихо напевая суру из корана, гонит своих овец куда-то вверх по склону...

Моя Родина - и это я ощущаю каждой клеточкой своего тела - синие горы Балкарии. Они прекрасны! И там, среди заснеженных пиков и голубых ледников, в долинах, где рождаются реки Черек, Безенги, Чегем и Баксан, жил и живет теперь мой народ. "О, Аллах! - услышал я как-то тихую молитву моей бабушки, - не допусти с нами больше того, что мы уже однажды пережили. Мы все в твоей воле, и лучше убей нас всех своим гневом за наши грехи, но только не лишай нас земли предков".

Меня всегда мучал и мучает вопрос: за что? За что с нами так поступили? За что хотели сжить со свету наш народ, которого не хватило бы даже на то, чтобы заполнить трибуны довоенного стадиона "Динамо"?

Всесоюзная перепись, которая проводилась в 1959 году, выявила, что балкарцев всего тридцать четыре тысячи. Сколько нас было до выселения, сказать трудно. По необработанным данным переписи 1939 года, балкарцев насчитывалось больше сорока тысяч, но некото-

рые исследователи считают, что цифра эта сильно занижена. Но как бы там ни было, есть факт совершенно неоспоримый. Нет ни одной балкарской семьи, которая не потеряла бы за эти тринадцать лет одного, а то и несколько человек, и эти невосполнимые потери целиком лежат на кровавом счету тех, кто проводил политику геноцида.

Балкарцы - крепкий народ, и, несмотря на наши "перемещения", в процентном исчислении у нас пока не меньше долгожителей, чем у других известных в этом отношении народов.

Я не случайно сказал "пока". Вот какую страшную закономерность я обнаружил: у нас сейчас умирают одновременно люди двух поколений. Умирают те, кому в годы высылки было 35-50 лет, и умирают их дети, которым в те годы было пятнадцать и больше лет. А это говорит о том, что уже в самом ближайшем будущем у балкарцев не будет долгожителей. Наши матери больны. Их здоровье было подорвано голодом, каторжным трудом и чужим климатом. На севере и востоке Казахстана их выгоняли работать в сорокаградусный мороз, а те, кто попал на юг Киргизии, на всю жизнь опалились нещадным сорокаградусным зноем. А кого могли родить замученные женщины? От худого семени нет хорошего племени - так, кажется, говорится.

Балкарцы - потомственные животноводы. И никакая другая деятельность при всем трудолюбии балкарцев не дает такого эффекта, как животноводство. Об этом хорошо помнят хозяйственники Казахстана и Киргизии, об этом прекрасно знают и в родной республике. Но животноводства как отрасли у балкарцев сейчас практически нет из-за нехватки горных пастбищ.

Когда балкарцев вернули домой, то руководство республики предложило поселиться многим из них на равнинах. Но из этого ничего не вышло. Балкарцы поехали жить среди своих камней, где и живут по сей день. Но там сейчас, утверждает знающий человек, бывший заместитель Председателя Совета Министров КБАССР, доктор исторических наук Х.И.Хутуев, практически нет ни одного крепкого и даже рентабельного хозяйства, и подавляющее большинство колхозов задолжало государству столько, что если они продадут все колхозное и личное имущество, то и тогда не смогут расплатиться.

Накануне войны в колхозе села Гунделен балкарцы держали сорок две тысячи овец. Когда колхоз восстановили в 1957 году, государство выделило 12 тысяч овец. Сейчас осталось не более 7 тысяч, но и это стадо нечем кормить. А этот колхоз, между прочим, считается одним из лучших балкарских хозяйств.

Отсутствие традиционной занятости приводит к социальной деградации. Мужчинам некуда приложить силы, ведь в большинстве сел даже работы толком не найти. Пьянство, молодежь кое-где покуривает анашу. Эту привычку балкарцы приобрели на востоке, и хотя наркомания, славу Аллаху, и не стала массовым явлением среди балкарских юношей, нас так мало, что и сотни парней, курящих эту треклятую

травку, достаточно, чтобы нанести еще один удар по нашему генетическому коду.

Наши женщины, вечные труженицы, день и ночь работают для того, чтобы в доме был достаток. И он есть, и немалый. А чтобы понять, откуда он приходит, войдите в любой балкарский дом, и вы увидите, что женщины там вяжут и прядут, прядут и вяжут... Весь Союз снабжают шерстяными свитерами, шапочками, носками, шарфами.

Раньше, когда все было нормально и балкарцев никто не трогал, доход семьи зависел от того, сколько она выращивала овец, коров и другой живности. А основную и самую трудоемкую работу по выращиванию скота выполняли мужчины. Вязание было побочным делом, хотя бурки, сделанные руками балкарок, считались лучшими на Кавказе, и говорят, что в них и цари по Европам шеголяли. Мужчина, по традиции, - все еще глава дома, но он лишен возможности заниматься делом, которым в течение веков занимались все его предки. Нарушается образ жизни, древние обычаи и традиции трудового воспитания молодежи постепенно забываются, и многие балкарцы говорят уже на каком-то жутком замесе балкарского и русского языков. Умирают традиции, умирает культура, а значит, умирает народ.

Тиран сгинул тридцать шесть лет назад. А исчезла-ли вместе с ним среда, которая вскормила и посадила это чудовище нам на шею? По моему, нет. Вспомните недавнее, задыхающееся от раболепия обращение "и лично..." А выдавливать из себя по капле, сами знаете кого, мы только-только начали.

Сейчас много говорят о том, каким быть памятнику жертвам сталинщины. Так вот, на привокзальной площади города Нальчика обязательно надо поставить памятник, на котором перечислить имена всех тех, кто приложил руку к трагедии балкарского народа.

Юность. 1989. N 1

Светлана АЛИЕВА

РОДИНА

Старик дрожащими руками толкнул дверцы машины и спотыкаясь заторопился к реке.

Чистое небо, скалы в густоте зелени и шумная, бурливая, голубая, родная, любимая река.

Родина.

Старик подбежал к реке, упал на колени, окунул залитое слезами лицо в ледяную ароматную воду.

Родина.

Смеясь и плача, погружал руки в воду, молился:

- За обоих сыновей, павших в боях за родину, - глоток воды из родной реки, воды самой сладкой, самой чистой, самой дорогой...

- За дочь, упавшую без дыхания на поле под палящим солнцем изгнания...

- За мать моих детей...

- За неродившихся внуков...

- За брата и его семью...

- За сестру и ее детей...

Все близкие умерли за годы разлуки с родиной, - он выжил.

Выжил, чтобы увидеть родное небо, родные горы, родную землю. Чтобы помянуть родных из родной реки. Чтобы перед смертью поклониться родине.

Чтобы лечь в родную землю.

1957, ноябрь

Кайсын КУЛИЕВ

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ХУЛАМЕ

А над Хуламом небо вновь сияет, как тогда...
Таким оно и снилось мне там, на чужбине.
То, что приходят в свой черед и счастье и беда,
В Хуламе каменистом - вновь я понял ныне.

Над белоснежную скалой как облака белы,
Текут, как в прежние века, невозмутимо,
Как в дни, когда тяжелый груз тянули здесь волю...
Сияют горы, как мечты Кязима¹.

Белеют чистотой снегов, их высота светла,
Но здесь, под синевой небес, в тени утесов,
Селения былых времен все сожжены дотла,
Мертвы аулы пастухов, каменотесов.

А над Хуламом - небеса, немислимый простор!
Как речь пророков, синева неугасима.
И незапятнаны снега там, на вершинах гор,
Как думы чистые, как свет души Кязима.

---

¹ Имеется в виду великий балкарский поэт Кязим Мечиев, уроженец Хулама.

И в те года окружье скал стояло, как стоит,
Не одолело время их, не размоллоло.
Мне кажется, что гребни гор испытывают стыд
За то, что мучилась земля от произвола.

А над Хуламом синева прекрасней, чем всегда,
Она - как сказка на заре, и нежит взоры.
Раздумья горькие мои - как долгие года...
Сижу в тени большой горы и вижу горы.

Как будто сам я испытал их муки и поник,
Сижу на камне под горой, и все угрюмей
Я вглядываюсь в лик земли, как в материнский лик,
Незримо дерево растет моих раздумий.

Как старой матери лицо - усталый лик земли,
И, как морщины на челе, сплелись на склонах
Тропинок нити... День и ночь, когда я был вдали,
О тех аулах думал я, испепеленных.

Смотрю я на высокий край и вижу вал огня,
И вижу лихолетья след в любом ауле,
Смотрю, и словно не в других, не в камни, а в меня
Все выпущенные тогда попали пули.

Встал предо мною дым беды... Гляжу я на холмы,
Где сметено моих отцов гнездовье.
О, путник, что пропал в пути, исчез в полях зимы,
Ты камни этих горных троп окрасил кровью!

Я вижу всадника... Душа обуглилась, когда
Убитый выпал из седла на повороте.
Я вижу птицу... Уж теперь ей не видать гнезда,
Упала, сбита стрелком в полете.

Так чисто небо над родной хуламской крутизной,
Не сокрушила высоты веков работа.
Но как смогло такое зло быть на земле родной?
И рядом с вечною красой - громада гнета!

И мнится: смотрят на меня, краснея от стыда,
Вершины белые, и нет прощенья снова
За все, что видано, за то, что делалось тогда...
Хлеб отнимали у людей, лишали крова.

Земля Хулама, я пленен сиянием твоим,
Раскинулись твои хребты ширококрыло.
Но был жестоко мой народ унижен и гоним,
Несчастий эта красота не отвратила!..

И вы скорбели, выси гор, когда в огне, в крови
Безвинно погибал народ родного края.
Но не убили красоты... Я говорю: "Живи,
Все вынесшая красота, не умирая!"

Так молвив, покидаю я любимый свой Хулам,
Прощаюсь с ним, но до конца я верить буду,
Что эта выживет земля, что по крутым холмам
Струиться будет лунный свет, подобный чуду;

Что солнце будет освещать уступы снежных гор..
Но в горькой памяти моей живут упрямо
Беды и мука давних дней и пепел, и разор,
Камней запекаясь кровь - Земля Хулама.

О, снеговая белизна родной земли моей,
И чернота великих бед, что шла над нею!
О, участь горькая людей и вековых камней...
Дыхтау видел это все, чернея!

1958

Перевод с балкарского Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

ИЗ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

...Все это можно было бы забыть -
Забыть обиды, горе и страдания,
Когда бы мертвые вернулись из изгнания,
Погибшие совсем не от войны.
Однажды я увидел на рассвете,
Когда пошел послушать песни скал -
В поношенном коричневом бешмете
Седой балкарец камни целовал...

Записал Аслан АТАБИЕВ

Салих ГУРТУЕВ

8 МАРТА 1944 ГОДА

В день праздника беда больнее бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника больнее бьет беда.
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немо.

Тогда беда всего больнее бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу, беспощадно влет
Ее сражает горе в одночасье.

В глазах балкарок поселилась скорбь,
Вбирая путь кромешный и печальный.
Был горек час прощания и скор
С родной землей перед дорогой дальней.

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа.
С тех пор восьмой веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

1988

Перевод с балкарского Аркадия КАЙДАНОВА

* * *

...Грязное пятно сталинского геноцида до сих пор лежит на моем народе. После переселения на свою родину люди вернулись на пустое место, в пустые дома. Уровень их материального благосостояния до сих пор оставляет желать лучшего, о чем свидетельствует бедность жилищ во многих наших селах. Особо хотелось бы сказать о дискриминации воинов, представителей репрессированных народов, храбро сражавшихся с фашистскими захватчиками. Так, уже после выселения нашего народа восемь балкарцев были представлены за мужество и отвагу к званию Героя Советского Союза, в том числе и посмертно. Однако ни одному из них по указанным выше причинам не было присвоено это высокое звание. И таких фактов немало... Нужно вос-

становить историческую правду, сделать все возможное для того, чтобы народы наконец-то узнали имена своих героев. Только восстанавливая историческую справедливость, отдавая дань глубокого уважения памяти безвинно погибших, незаслуженно обиженных и униженных, мы сможем вернуть национальное благородство, милосердие, нравственность и всемерно укрепить наш общий дом...

Из выступления народного депутата СССР М.Ч.ЗАЛИХАНОВА на I съезде народных депутатов СССР

НАРОД УБИТЬ НЕВОЗМОЖНО...

Прошло 47 лет с того дня, как балкарцы вместе с некоторыми другими народами были оторваны от своей Родины и брошены в пустыни Азии. Нас обрекали на скорую гибель от голода, непривычного климата и каторжного труда.

Уже 47 лет мы задаем себе этот вопрос - что это было? Воистину глас вопиющего в пустыне. И видно только мы сами сумеем ответить на этот вопрос - своей Судьбой.

Всякое пережитое страдание, осмысленное и прошедшее через душу народа, превращается в его духовный опыт.

Нам хотели дать почувствовать нашу малость, за сутки лишив Родины. Но мы выстояли, сберегли язык, обычаи, свою культуру, живую душу Балкарии. Народ, который не хочет умирать, убить невозможно.

Рассеянные, словно камни разрушенного храма, мы стали вновь собираться в единое целое - в нацию, ибо храм народного духа помогает человеку обрести себя. На этом скорбном пути мы многое теряли, но сохраняли веру в жизнь, и дух не покинул нас. Этот особенный дух, присущий балкарскому народу, как и каждому другому народу на Земле, и движет нами на пути к возрождению. И пусть народные депутаты вычеркнули слово "Балкария" из текста Декларации о суверенитете республики, но Балкария, страна и народ, была, есть и пребудет во веки веков, хотя ныне нас и ожидает трудный путь к возрождению.

С чужбины мы вернулись в разрушенные аулы к разоренным очагам. Жизнь целого поколения ушла на то, чтобы построить их вновь. Придя в себя, мы обнаружили, что у нас нет ничего, кроме проблем.

В наших селах - самые убогие школы и клубы в республике. Нет музыкальных школ и профтехучилищ. Во многих населенных пунктах отсутствует элементарное медицинское обслуживание - как следствие, у нас самая высокая детская смертность в республике. В балкарских селах почти нет предприятий местной промышленности. Молодым людям негде работать. Поэтому многие уезжают в города, годами живут в общежитиях. Ни у балкарского театра, ни у ансамбля

"Балкария", ни у общественной организации Тёре нет своих помещений...

Несть числа этим "нет". В единой и неделимой Кабардино-Балкарии Балкария оказалась в роли Золушки.

Все это отнюдь не выражение обиды. Нет, это просто наши проблемы, это просто наша жизнь...

Ведь мы живы, ибо мы вернулись. Нам сказали, что вернули нам права.

Вернулись? Вернули?...

Редакционная статья

Балкарский форум. 1991. 8 марта.

Газета народной общественной организации ТЁРЕ (Балкарский форум).

Спецвыпуск посвящен 47-й годовщине депортации балкарцев

Семен ЛИПКИН

КАВКАЗ

Я видел облака папах
На головах вершин,
Где воздух кизяком пропах,
А родником - кувшин.

Я видел сакли без людей,
Людей в чужом жилье,
И мне уже немного дней
Осталось на земле.

Но преступление и ложь,
Я видел, входят в мир
С той легкостью, с какою нож
В овечий входит сыр.

Знамя. 1990. N 5.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР и Народного комиссара государственной безопасности N 00419/00137 от 13 апреля 1944 г., г. Москва

О МЕРАХ ПО ОЧИСТКЕ ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОЙ АССР ОТ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

В связи с предстоящим освобождением Крымской АССР от немецко-фашистских захватчиков приказываем:

1. Наркому внутренних дел Крымской АССР тов. Сергиенко и Наркому Государственной безопасности Крымской АССР тов. Фокину по мере продвижения частей Красной Армии в Крыму немедленно организовывать на освободившейся территории органы НКВД и НКГБ для проведения оперативно-чекистской работы.

Очистить территорию Крымской АССР от агентов шпионских резидентур германских и румынских разведок и контрразведывательных органов, изменников родины и предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандитских формирований и иных антисоветских элементов, оказывавших помощь оккупантам.

При проведении изложенных мероприятий широко практиковать привлечение местного населения, оставшегося на оккупированной противником территории.

2. Для лучшей организации этой работы создать в Крымской АССР по мере освобождения ее территории от войск противника следующие оперативные сектора: 1 сектор - Старо-Крымский, с дислокацией в г. Судак; 2 - Ялтинский, с дислокацией в г. Ялте; 3 - Севастопольский, с дислокацией в г. Севастополе; 4 - Симферопольский, с дислокацией в г. Симферополе; 5 - Керченский, с дислокацией в г. Керчи; 6 - Евпаторийский, с дислокацией в г. Евпатории; 7 - Джанкойский, с дислокацией в г. Джанкое.

3. Назначить начальниками оперативных секторов: 1 - полковника госбезопасности тов.Баисанова; 2 - генерал-майора Пияшева; 3 - генерал-лейтенанта госбезопасности тов.Клетова; 4 - генерал-лейтенанта тов.Шередега; 5 - подполковника госбезопасности тов.Шестакова; 6 - комиссара госбезопасности тов.Добрынина; 7 - комиссара госбезопасности тов.Токиева.

4. Для обеспечения секторов оперативным составом тт.Обручникову, Свинелупову командировать в НКВД и НКГБ Крымской АССР 5000 человек, из них 3000 сотрудников НКВД и 2000 сотрудников НКГБ. Сроки пребывания и место определить дополнительно. Тт. Обручникову и Свинелупову в течение 10 дней доукомплектовать штаты НКВД и НКГБ Кр. АССР, доведя численность НКВД до 2000 человек и НКГБ до 1000 человек.

5. Для обеспечения операции войсками выделить 20 000 человек внутренних войск НКВД. В этих целях т.Аполлонову, кроме имеющих в настоящее время в распоряжении НКВД Кр.АССР 40, 137, 290 и 298-го стрелкового полков 4-ой стрелковой дивизии внутренних войск НКВД и 23 и 95 пограничных полков пограничных войск НКВД общей численностью 7000 человек - направить в распоряжение НКВД Кр.АССР следующие воинские части: 25-й стрелковый полк из Кутаиси, 170-й стрелковый полк из Нальчика, 144-й отдельный стрелковый батальон с отдельной снайперской ротой из Еревана, 2 батальона 211 стрелкового полка из Ростова, 36-й мотострелковый полк с отдельным стрелковым батальоном из Баку, 221 и 224 отдельные стрелковые батальоны 25-й стрелковой бригады из состава войск Украинского округа, 1, 2 и 10 мотострелковые полки 1-й мотострелковой дивизии из Москвы.

Сосредоточение войск на месте произвести по дополнительному распоряжению.

6. Выполнение настоящего Приказа возложить на замнаркома Госбезопасности СССР тов. Кобулова, замнаркома Внутренних Дел СССР тов.Серова, наркома Внутренних Дел Кр.АССР - тов.Сергиенко и наркома Госбезопасности Кр.АССР тов.Фокина.

Тт.Кобулову, Серову выехать на место и о проводимой в соответствии с настоящим Приказом работе докладывать в НКВД СССР.

*Нарком Внутренних Дел СССР
Генеральный комиссар Госбезопасности СССР Л.БЕРИЯ
Народный Комиссар Госбезопасности
Комиссар Госбезопасности 1 ранга В.МЕРКУЛОВ*

*Опубликовано в газете "Авдет" ("Возвращение")
Крым (Бахчисарай). 1991. 16 мая*

ТЕЛЕГРАММА

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л.БЕРИИ

НА 1 АПРЕЛЯ 1940 Г. НАСЕЛЕНИЕ В КРЫМСКОЙ АССР НАСЧИТЫВАЛОСЬ 1 126 800 ЧЕЛОВЕК, ТАТАР - 218 ТЫСЯЧ. ВСЕ ПРИЗВАННЫЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ СОСТАВЛЯЛИ 90 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР. БЫЛИ ВЫСЛАНЫ 62 ТЫС. НЕМЦЕВ¹, РАССТРЕЛЯНЫ НЕМЦАМИ² 67 ТЫС. ЕВРЕЕВ, КАРАИМОВ, КРЫМЧАКОВ.

50 ТЫС. ЧЕЛОВЕК БЫЛИ НАСИЛЬНО ЭВАКУИРОВАНЫ В КРЫМ НЕМЦАМИ ИЗ КУБАНИ, ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА. 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР ДЕЗЕРТИРОВАЛИ В 1941 ГОДУ ИЗ 51-Й АРМИИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ ИЗ КРЫМА.

В ЕВПАТОРИЙСКОМ СЕКТОРЕ ВЫЯВЛЕНА ШПИОНСКО-ДИВЕРСИОННАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В СОСТАВЕ 67 ЧЕЛОВЕК, СОЗДАННАЯ В 1942 Г. ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТОМ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ МИЛЬТСОМ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КУРСОВ ОВЦЕВОДОВ ЗЕМЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЫМА "ВИКИ".

22.04.1944 Г.   Б.КОБУЛОВ И И.СЕРОВ³

Из докладной записки БЕРИИ - СТАЛИНУ

...Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар по пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работе как в сельском хозяйстве - колхозах и совхозах, так и в промышленности и транспорте. Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем КП(б) Узбекистана Юсуповым...

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

¹ Имеются в виду советские немцы.

² Речь идет о гитлеровцах.

³ Типичная фальшивка, изготовленная для мотивации задуманной депортации крымских татар: так соблюдалась "законность". - (Примеч. ред.-сост.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5859сс от 11 мая 1944 года, г. Москва, Кремль

О КРЫМСКИХ ТАТАРАХ¹

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличились своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой в так называемых "татарских национальных комитетах" и широко использовались немцами для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. "Татарские национальные комитеты", в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отделения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Оборона **п о с т а н о в л я е т:**

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районы Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (Т.Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

---

¹ Это постановление самим крымским татарам известно не было, в печати того времени не публиковалось. Впервые обнародовано в газете "Авдет" ("Возвращение"), Крым (Бахчисарай), 16 мая 1991 г.

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

Оставшееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимается Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция - Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот - Наркомземом СССР, племенной скот - Наркомсовхозом СССР.

Приему скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с.г. представить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям¹ спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции;

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сельхозпродукции командировать на место комиссии СНК СССР в составе:

председателя комиссии т.Гриценко (заместитель председателя СНК РСФСР) и членов комиссии - т.Крестьянинова (члена Коллегии Наркомзема СССР), т.Надьярных (члена коллегии НКМиМП), т.Пустовалова (члена коллегии Наркомзага СССР), т.Кабанова (зам.народного комиссара совхозов СССР), т.Гусева (члена коллегии НКФина СССР).

Обязать Наркомзем СССР (т.Бенедиктова), Наркомзаг СССР (т.Субботина), НКМиМП (т.Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т.Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов командировать, по согласованию с т.Гриценко, в Крым необходимое количество работников;

в) обязать НКПС (т.Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных;

г) Наркомздраву СССР (т.Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного

¹ Никакого возмещения спецпереселенцы не получали - здесь и в прочих случаях это лишь симуляция законности. - (Примеч. ред.-сост.)

врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути.

2. Наркомторгу СССР (т.Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве, согласно приложению N 1.

3. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т.Юсупова, председателя СНК УзССР т.Абдурахманова и Народного Комиссара внутренних дел УзССР т.Кобулова до 1 июня с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах УзССР 140 - 160 тыс.человек спецпереселенцев - татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйственных предприятиях и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника РО НКВД, возложить на них подготовку к размещению и организацию приема прибывающих спецпереселенцев;

г) подготовить гуж-автотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений;

д) обеспечить население прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

е) организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомандатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР;

ж) ЦК и СНК УзССР к 20 мая с.г. представить в НКВД СССР т.Берия проект расселения спецпереселенцев по областям и районам с указанием станции разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (т.Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в УзССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (т.Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня-августа с.г. ежемесячно равными количествами, согласно Приложения N 2.

Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с.г. производить бесплатно в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (т.Хрулева) передать в течение мая-июня с.г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселения спецпереселенцев в УзССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, автомашин "Виллис" 100 штук и грузовых 250 штук, вышедших из ремонта.

7. Обязать Главнефтеснаб (т.Широкова) выделить и отгрузить до 20 мая 1944 н. в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 т и в распоряжение СНК УзССР - 200 т.

Поставку автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес при СНК СССР (т.Лопухова) за счет любых ресурсов поставить НКПСу 75 000 вагонных досок по 2, 75 м каждая с поставкой их до 15 мая с.г., перевозку досок НКПСу произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (т.Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с.г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 млн.рублей.

Председатель Государственного Комитета Обороны И.В.СТАЛИН

Послано: тт.Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Вознесенскому, Андрееву, Косыгину, Гриценко, Юсупову, Абдурахманову, Кобулову (НКВД УзССР), Чадаеву - все; Шаталину, Горкину, Жданову А.А., Смирнову, Субботину, Бенедиктову, Лобанову, Звереву, Кагановичу, Митереву, Любимову, Кравцову, Хрулеву, Жукову, Широкову, Лопухову - соответственно.

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П. ПО СОСТОЯНИЮ НА 18 ЧАСОВ 19 МАЯ Т.Г. ПОДВЕЗЕНО СПЕЦКОНТИНГЕНТА К СТАНЦИЯМ ПОГРУЗКИ 165 515 ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЕНЫ К МЕСТАМ НАЗНАЧЕНИЯ 50 ЭШЕЛОНОВ ЧИСЛЕННОСТЬЮ 136 412 ЧЕЛОВЕК ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. 19 МАЯ 1944 г. СИМФЕРОПОЛЬ - КОБУЛОВ СЕРОВ

Из собрания доктора исторических наук Н.Ф.БУГАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 5937с от 21 мая 1944 года, г.Москва, Кремль

1. Разрешить НКВД СССР (т.Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10 000 семейств переселяемых крымских татар.

2. Обязать Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности и Наркомлес принять и разместить для работы на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности и леспромхозах, обеспечивающих целлюлозно-бумажную промышленность древесиной, направляемые к ним 10 000 семей спецпереселенцев.

Разрешить НКВД СССР в районах размещения спецпереселенцев татар на предприятиях Наркомлеса и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности создать спецкомендатуры.

Председатель Государственного Комитета Оборона
И.В.СТАЛИН

Послано: Молотову, Берия, Чеботареву, Салтыкову, Чадаеву.

*Публикация «Авдет» (Возвращение).
Крым (Бахчисарай). 1991. 16 мая*

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от 30 июня 1945 года

О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область
в составе РСФСР

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Сборник законов СССР. 1938 - 1961
М., 1961. С.67

У К А З ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О переименовании сельских советов и населенных пунктов
Крымской области

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
И. БАХМУРОВ

Москва, Кремль
21 августа 1945 года

Василий Субботин
БОРЬБА С ИСТОРИЕЙ

Рассказ-воспоминание

Я не мог видеть, как выселяли из Крыма татар, но прекрасно помню, как переименовывали крымские села, еще носившие к тому времени прежние, крымско-татарские, как считалось, названия. Поручено это было ответственному секретарю тогдашнего "Красного Крыма", старому газетчику, человеку очень кроткому и очень исполнительному, педантичному, необычайно требовательному к себе и к другим, всю свою жизнь работавшему в этой газете. Я его хорошо знал. Вот как это было.

Вопрос о переименовании был включен в повестку дня открывающейся сессии областного Совета. Сессия открывалась на другой день, а позвонили в редакцию вечером, когда уже все разошлись. Ответственный секретарь был в ту ночь дежурным по номеру. Именно ему и позвонили из обкома (в то время там работали ночами), а потом и списки прислали, довольно длинные, на многих страницах. Известно ведь, что за долгие и долгие века на древней земле этого полуострова жили и готы, и скифы, и греки, и генуэзцы, и вместе и рядом с татарами жили тут и караимы, и крымчаки. Да мало ли кто тут жил еще. И все это, конечно, отразилось в названиях не только рек и гор, но и сел, и городов крымских. Однако же люди, готовившие к утверждению на сессии списки подлежащих незамедлительному переименованию великого множества больших и малых населенных пунктов, не могли, конечно же, отличить Судак генуэзский от тюрокского Джалмана.

Надо ли говорить о том, что секретарь редакции, никогда до того времени не занимавшийся подобного рода делами, растерялся. Фантазия у него была скованной, он, насколько себя помнил, никогда ничего не писал сам, а всегда только правил чужие, другими написанные статьи и заметки. А теперь ему предстояло дать новые имена старым, с детства знакомым ему населенным пунктам, всем многочисленным городкам и поселкам, к которым он привык, как привыкает человек к своему дому, к своей земле. Газета еще не была подписана, из типографии продолжали поступать только что оттиснутые полосы, а он так и не знал, с чего начинать, каким делом ему заниматься раньше. Человек он был добросовестный, честный, но ведь не о нем речь. Главное, времени у него было мало. Он был в затруднении.

Но тут на столе у себя заметил он толстую книгу. Это был старый, много лет служивший ему справочник, к которому то и дело приходилось обращаться, как того требовала газета. Короче говоря, была это

изданная еще в прошлом веке "Плодовая школа" графа Раевского, успешно занимавшегося когда-то селекционированием крымских плодовых и ягодных. И сам секретарь, и работники сельхозотдела очень ценили этот труд. Он взял справочник в руки. И скоро в его списке против старых названий появились новые, взятые из этого справочника. Газета, как я уже сказал, не была еще подписана в печать, и ему то и дело приходилось отрываться, однако начало было положено. Он вздохнул свободнее, ибо видел, что выход найден. Сначала налегал он на крупные плоды, затем перешел на косточковые, но вскоре, однако, заметил, что справочник не так богат, как это ему показалось поначалу. Так что от косточковых и семячковых пришлось ему вскоре перейти к ягодным. И тем не менее в списке все еще оставалось много старых селений, старых наименований.

И тогда он набрел на новую идею. Человек он был хотя и не военный, но война только что прошла, и много слов еще висело в воздухе, и он, как газетчик, лучше, чем кто-нибудь другой знал их, они все еще были в ходу. И он решил ими воспользоваться. К тому же попала другая, лежавшая у него на столе книга, которая называлась "В боях за освобождение Крыма", незадолго перед тем подаренная ему автором. Теперь-то уж он точно знал, что вышел из положения.

К утру он представил свой список.

Вот почему те, что приезжают сейчас в Крым, выезжают из Айвоного и попадают в Абрикосовое, выезжают из Танкового и попадают в Гвардейское. Только поэтому!

*Литературная газета
1991. 30 янв.*

ЗАКОН ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также создавали по указке немцев диверсионные отряды для борьбы с Советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству.

По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной социалистической республики

ПО С Т А Н О В Л Я Е Т:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
И. ВЛАСОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
И. БАХМУРОВ

Москва, Кремль
25 июня 1946 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР¹

Об уголовном наказании за побег с места спецпоселения граждан крымско-татарской национальности сроком на 20 лет каторжных работ

*Москва, Кремль
21 ноября 1947 года*

За первые полтора года в тисках "особого режима", по данным переписи народа - списочному составу - от массовой смертности погибло 46,2% от общей численности всего высланного народа. Это около 200 тысяч жизней, из них - 100 тысяч детей...

Из обращения крымско-татарского народа к Белградскому совещанию...

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета СССР **п о с т а н о в л я е т**:

Утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

*Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.ВОРОШИЛОВ*

*Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.ПЕГОВ*

*Москва, Кремль
19 февраля 1954 г.*

*Сборник законов СССР. 1938-1961.
М., 1961. С. 78*

¹Текст Постановления был размножен и вывешен в комендатурах, куда крымские татары являлись для отметки. Со всего взрослого крымско-татарского населения были взяты подписи об ознакомлении с настоящим Постановлением.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов, выселенных в 1943-1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР **п о с т а н о в л я е т**:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД лиц, указанных выше.

2. Установить, что снятие ограничения с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А.ПЕГОВ

Москва, Кремль

28 апреля 1956 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года

Президиум Верховного Совета СССР **п о с т а н о в л я е т**:

Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму и члены их семей пользуются правом, как и все граждане, проживать на территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н.ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М.ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль

5 сентября 1967 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму

После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживавших в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма.

Эти огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей.

Президиум Верховного Совета СССР **п о с т а н о в л я е т**:

1. Отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму.

2. Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов трудящихся, работают на ответственных постах в советских хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия.

В целях дальнейшего развития районов с татарским населением поручить Советам министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие гражданам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

*Москва, Кремль
5 сентября 1967 г.*

Эмиль АМИТ
НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Воспоминания

По утрам обычно мать будила меня ласковым голосом, прикасаясь к плечу. В этот раз подняла рывком и поставила на ноги. Я никак не мог проснуться, ноги подгибались, но она вновь ставила меня, что-то бессвязно и ласково говорила со слезами в голосе. Руки у нее тряслись, и ей никак не удавалось натянуть на мою вялую руку рукав вельветовой тужурки.

В комнате тускло горела керосиновая лампа. Громыхали сапоги, раздавались грубые нетерпеливые голоса. Я уловил оружейный запах, который любой мальчишка смог бы определить после трех с половиной лет оккупации. За окнами еще было темно, и я никак не мог понять, кто пожаловал к нам в такую рань.

Мне едва исполнилось пять, и люди в военной форме для меня все были на одно лицо. Своих врагов я научился узнавать по выражению лица мамы и бабушки. Потом дедушка объяснил, что у наших солдат на пилотке или фуражке обязательно бывает звездочка.

У солдат, которые к нам пришли, на пилотках были звезды. Но почему так суровы их лица, и так расстеряны и перепуганы мама с бабушкой? И дедушка сидит на табурете, бледный, прислонясь к стене. У него, наверное, опять прихватило сердце. С ним это случается после контузии, полученной еще в первую империалистическую.

Мне трудно было понять происходящее еще и потому, что всего несколько дней назад я видел своими глазами, как фашисты удирали, бросив на окраине деревни батарею, не успев сделать ни одного выстрела. А через час или полтора в нашу деревню Буюк-Актачи вступили передовые части советских войск. И по дороге, ведущей к Сакам, пошли машины с прицепленными к ним пушками и сидящими в кузовах бойцами. Как раз вокруг пышно цвела сирень, и степь, изрытая воронками и траншеями, пестрела цветами. Вдоль дороги толпились жители деревень, кидали охапки цветов в кабины и кузова машин и прямо под колеса. Солдаты улыбались, махали руками, что-то кричали, ловили грозди сирени, прижимали к лицу. Иногда кто-нибудь на ходу соскакивал на землю, подбегал к толпе, узнав кого-то из близких - мать, жену, сестру или просто знакомых - начинались объятия, слезы; через мгновение, с трудом вырвавшись из объятий родных, солдат бежал к ожидающей его у обочины машине.

А эти, совсем не улыбочивые - не свои, чужие?

- Именем Советской власти!.. За измену Родине!.. Пять минут на сборы! Собирайтесь! Брать не более двадцати килограммов на человека! Живо, живо!..

Маму и бабушку я никогда прежде такими не видел. Хотя нет, у них был такой же потерянный вид в то страшное утро, когда пришли гестаповцы забирать моего отца. Это было всего год назад. Я все отчетливо помнил.

Я не доставал до раковины, и мама сама умывала меня в то утро на кухне. Едва намылила лицо, как дверь загромычала, грозя слететь с петель. Мать метнулась в прихожую, но там уже было полно гестаповцев, которые внушали ужас одной своей формой. Ее оттолкнули, вошли в комнату, где уже несколько дней лежал с высокой температурой отец.

Мне защищало глаза от мыла, я никак не мог дотянуться до раковины. Бабушка быстро ополоснула мое лицо, и я кинулся в комнату. Отца уже выводили, поверх нижнего белья у него было накинуто пальто. Он подхватил меня и прижал к груди, я щекой ощутил щетину на его лице. Кто-то рванул меня из его рук и швырнул на пол, я больно ударился о нижний угол сундука..

Да, в то утро мама и бабушка были в точности так же перепуганы. Еще бы: у тех, кто явился, на тульях фуражек были череп и скрещенные кости.

А эти в пилотках и на них красные звезды!..

С улицы доносились голоса команды и плач женщин. выли собаки, как перед землетрясением, грохали выстрелы, и собаки, заскулив, затихали.

Мама попросила разрешения выкопать в саду чемодан. Хорошо, что вспомнила про него. Перед самым приходом немцев отец закопал в саду чемодан со своими рукописями и фотографиями родственников, друзей, из-за которых нам могло очень nepozдоровиться, попади они на глаза фашистам. Моего отца, Османа Амита, хорошо знали в Крыму. Он был поэтом. Кроме того, переводил на родной язык русскую и украинскую классику. В его переводах крымско-татарские читатели знакомились с произведениями А.С.Пушкина, И.С.Крылова, Т.Г.Шевченко, М.Ю.Лермонтова. В 1941-м должен был выйти новый сборник собственных стихотворений и поэм отца, но помешала война. Книга так и осталась в рукописном варианте. В чемодане находились и отдельные главы из поэмы "Сеит-оглу Сейдамет", над которой отец работал несколько лет и мечтал закончить после войны. Мечте его не суждено было осуществиться. После многодневных пыток в застенках гестапо г.Саки поэт Осман Амит был казнен.

Солдат, к которому мать обратилась с просьбой вышел в коридор, посоветовался с капитаном. Ей разрешили выкопать чемодан.

Место, где был спрятан чемодан, она знала только приблизительно. Видела в окно, когда отец закапывал его между деревьями, но взяла лопату и поспешила в сад в сопровождении солдата и капитана...

Некоторые подробности того кошмарного утра мне стали известны значительно позже, но, думается, рассказать о них уместнее здесь. Несколькими часами раньше, едва перевалило за полночь, бабушка проснулась от осторожного постукивания в окно. Открыв дверь, она узнала майора, накануне квартировавшего в нашем доме. Он проскользнул в прихожую и торопливо заговорил шепотом: "Я многим рискую, но не могу не предупредить. Если об этом узнает мое начальство, не сдобровать ни мне, ни вам. Так вот... - он замаялся, отведя в сторону взгляд, ему не просто было произнести такое: - Утром вас всех будут выселять. Так что упаковывайте побыстрее самые ценные вещи. У Джанкоя погиб мой друг, спасая мне жизнь. Он был из этих мест. Сердце ност, когда думаю про его родных. Ни о чем не спрашивайте! Ничего больше не скажу. Прощайте!" - и ушел, растворясь в темноте.

Бабушка разбудила деда. Он был человеком религиозным. Подумав, сказал: "Такого не может быть, Аллах не допустит. Да и зачем нас куда-то выселять?.."

Они долго сидели, не зажигая лампы, и молчали. Боялись произнести вслух, о чем думали. Могильной жутью веяло от слов майора: "Утром вас всех будут выселять". Еще совсем недавно изгонялись фашистами евреи и цыгане. Их вывозили, а потом всех поголовно расстреливали.

Бабушка принялась перебинтовывать руки. У нее были опалены брови и ресницы.

В тот день, когда фашисты, побросав все, бежали из Буюк-Актачей, жители прятались по закуткам, боясь попасться им на глаза.

Мы отсиживались в школьном погребе с двумя другими многодетными семьями, жившими поблизости. Бабушка вдруг почувствовала запах гари и выбралась наружу.

Машины с немцами выезжали со двора, оставшие догоняли их, на ходу карабкались через высокие борта. Из окон школы, где они устроили казарму, валил дым. Бабушка, заведовавшая этой школой более двадцати лет, бросилась туда.

Фашисты, уходя, разбросали по всему помещению, которое прежде было классом, соломенные матрацы и выгребли на них из печи жар. Огонь переползал с матраца на матрац, начал гореть пол, языки пламени уже лизали подоконники. Бабушка, задыхаясь от дыма, стала хватать горящие матрацы и выбрасывать в окна, сбивать пламя подвернувшейся под руку немецкой шинелью.

Грозный окрик заставил ее обернуться. Сквозь дым она увидела фашиста, расстегивающего кобуру. Но едва он направил на нее, остол-

беневшую, наган, как за ним вдруг возник другой, офицер, и как ни странно, схватил первого за руку, громко отчитывая и пытаясь вытолкать. Хлопнул выстрел, пуля ушла в потолок. Офицер выпихнул напарника из школы, они пробежали, пригибаясь, под окнами и исчезли.

Обеспокоенный долгим отсутствием бабушки, вылез из погреб а дед. Они вдвоем спасли школу. Когда вернулись в погреб, черные от копоти, мы испугались: у бабушки обгорели руки, лицо.

Все это время, когда в родном Крыму уже не осталось ни одного врага и люди стали привыкать к тому, что не слышно нигде выстрелов, бабушка жила мыслью, от которой становилось светло на душе: вот минует лето и дети Буюк-Актачей опять соберутся в школе.

Когда чуть забрезжил рассвет, дед вышел на улицу и через несколько минут вернулся. "Что-то, видимо, будет, - сказал он. - Деревня оцеплена солдатами. Я не успел выйти, а мне сразу: "Назад! Стрелять буду!.." Ничего не понимаю".

А в половине шестого постучали в дверь.

Даже заранее предупрежденные бабушка и дед не могли решить, что с собою брать.

- Ну, что вы стоите? Время же идет! - сказал один из солдат, и в его голосе вроде бы даже прозвучало сочувствие: - Хлеб в доме есть? А мука? Что в дороге будете есть?..

Их было двое, этих солдат. Пока мать искала зарытый в саду чемодан, они содрали со стены ковер, опрокинули в него содержимое сундука, связали веревками крест-накрест, подняли вдвоем и потребовали: "Выходите!"

Подталкиваемый в спину солдатом приблизился к машине, с которой разносились крики, плач, Абульваап-акай, семидесятилетний старик. Он нес, прижимая к груди, несколько печных железных труб. Еще в начале войны он получил известие о гибели единственного сына. Год назад от тифа умерла его невестка, благодаря которой он до той поры и жил на этом свете. Четырехлетнего внука забрал кто-то из ее родственников в соседнюю деревню. Один остался Абульваап-акай, как перст один.

- Совсем тронулся старик! - засмеялся солдат. - Я ему: "Возьми пожрать что-нибудь!", а он какой-то драный коврик для молитвы под мышку сует. Я коврик выкинул, он за эти трубы... Ну, и хрен с тобой, думаю...

Трубы у старика тоже отобрали и зашвырнули подальше, а самого посадили в кузов, уже битком набитый людьми.

Бабушка и дед замерли, прижавшись друг к дружке, на узле. Я расположился на коленях у деда. Он крепко держал меня, будто боялся, что потеряет. Мне на шею капнула его слеза.

Рядом с нами пристроилась на корточках в углу глубокого кузова Капье-апте, прижимая к себе двух малышей, и отрешенно глядела перед собой. О чем она думала? Скорее всего о муже и четверых своих сыновьях, которые в это время были на фронте. Она еще не знала, что из них вернется только один, ее средненький, Сервер, покалеченный, но при орденах. Но сможет пробыть с ними всего час или два...

Солдаты неистово ругались. Нам и невдомек было, что стоим из-за моей мамы.

А она тем временем искала чемодан. Капитан поглядывал на часы, нервничал, начал уже ругаться: "Скорее, скорее! Тебя вся колонна ждет!" Она копала здесь, копала там, наконец, лопата легко вошла в рыхлую землю. Полсада разрыла, пока нашла то, что искала. Чемодан истлел, пролежав в земле три с половиной года. Когда капитан его вырвал из рук матери, он развалился, посыпались листы бумаги, книги, фотографии. Капитан разворошил все это ногами, но не найдя ничего ценного, закричал: "Из-за этого ты, сука, дурила нам голову?!" Мама соскребла бумаги в кучу, запихнула их вместе с землей в чемодан. Вернуться в дом ей уже не позволили, и она в обнимку с чемоданом направилась к машине.

Нас привезли в Саки на вокзал, куда согнали выселенных из города и близлежащих деревень. Погрузили в товарные вагоны, которые не удосужились даже подмести после того, как возили скот. Нестерпимо пахло навозом и мочой. Справа и слева от входа были сколочены широкие нары. нам повезло: досталось место наверху, ближе к окошку, перевитому колючей проволокой. Сюда проникал свежий воздух, и дышалось легче. Внизу, на полу, под нарами и на нарах тоже сидели, тесно прижавшись друг к другу, люди. Если кому-то надо было куда-то пройти, приходилось перешагивать через других.

Дверь со скрежетом захлопнулась. Стало темно. Поезд тронулся...

...Так была запущена машина по уничтожению стариков, женщин, детей. Никто не знал, куда их везут, зачем. Никто даже не удосужился ознакомить народ с Постановлением ГКО от 11 мая 1944 года, по которому крымско-татарскому народу, как этносу, по существу был вынесен смертный приговор. Кто-то решил, что приговоренным не обязательно знать его, важно, чтобы знали исполнители.

Входили в ГКО те, кому не привыкать было изобретать подобные приговоры: И.В.Сталин (председатель), В.М.Молотов (заместитель), К.Е.Ворошилов, Г.М.Маленков, Н.А.Булганин, Н.А.Вознесенский, Л.М.Каганович, А.И.Микоян. Выселение осуществлялось войсками НКВД под непосредственным руководством Берии и его ближайших помощников Кобулова и Серова.

За время оккупации, длившейся более трех лет, тысячи трудоспособных крымских татар были угнаны в Германию, а часть населения истреблена гитлеровцами. Оставшиеся в подавляющем большинстве были женщины, дети, старики, не пригодные к строевой службе. Приведем для сравнения данные о половозрастном составе 188 тысяч крымских татар, депортированных 18 мая 1944 года по постановлению ГКО. Примерно 50 процентов из них составляли дети до 16 лет, 35 процентов - женщины, и лишь 15 процентов (т.е. около 28 тысяч) - мужчины, включая стариков, инвалидов, бывших партизан и партийно-хозяйственный актив, успевший возвратиться в Крым из эвакуации для восстановления Советской власти...

...На станциях больших городов двери вагонов не открывались. Перед составом прохаживались часовые с автоматами. Случалось, два битком набитых состава останавливались рядом на параллельных путях. Господи, что творилось тогда у крошечного вагонного окошка! Каждому хотелось пробраться к нему, чтобы, в кровь исцарапав о колючую проволоку руки и губы, прокричать в пространство: "Какой райо-он?.. Какая деревня-а-а?!"

Строгий оккупационный режим не позволял людям свободно ходить из деревни в деревню. Люди стосковались по близким. Дождавшись освобождения, родственники ринулись друг к другу справиться, кто как пережил оккупацию, кто жив, кого не стало... Выселение настигло людей не дома, а на пути и в гостях - так настигает человека стихийное бедствие, землетрясение, оползень, буря, извержение вулкана. Кто искал мать и отца, кто - детей, а кто брата, сестру... Из стоящих рядом вагонов неслись те же вопросы, крики, мольбы, плач. Люди с трудом слышали друг друга.

Двери вагонов открывались обычно на полустанках, где поезд стоял несколько минут. Задыхающиеся люди жадно глотали свежий воздух. расступались, чтобы вдохнули его и больные, которые не могли подползти к выходу. А вдоль вагонов торопливо шагал офицер в синей фуражке с солдатами и, заглядывая в вагон, задавал один и тот же вопрос: "Трупы есть?.. Трупы есть?.." И не было случая, чтобы из вагона кого-то не вытаскивали: чаще всего старого человека или ребенка. Его тут же, в трех-четыре метрах от железнодорожной насыпи, расковыряв ложбину, забрасывали песком и щебенкой. А чаще всего и этого не успевали сделать. Поезд трогался. Труп оставляли у дороги. Обезумевших от горя родственников с трудом отрывали от него, пинками и прикладами загоняли в вагон.

В нашем вагоне первым умер Абульваап-акай. С того момента, как мы отправились в путь, он не взял в рот ни крошки. люди предлагали ему и сухарик, и сушеный сыр, и семечек. "Не отрывайте от своих

детей, им надо жить, а мне уж ни к чему..." - говорил он и отталкивал дающую руку. Его оставили на обочине.

Много времени спустя я услышал, что его дошедший до Берлина сын вернулся после Победы и отыскал в чужой стороне своих односельчан. Ему рассказали, как умер его отец и где был оставлен. Говорят, он поехал на тот полустанок и несколько дней ходил с мешочком вдоль путей. И если ему попадалась какая-то кость, он, думая, что это кость его отца, бережно поднимал. Он выкопал могилу и похоронил кости, которые собрал.

Часто на больших станциях кто-нибудь стучал в дверь и, рассчитывая на милосердие прохаживающегося напротив солдата, просил открыть ее, чтобы сбежать за водой. но у солдата была инструкция. В ответ неизменно слышалось: "Молчать, продажная шкура!" Или: "Заткнись, предатель!"

"Почему он нас так называет, оджапче¹? Что мы такого сделали?" - обращались односельчане к моей бабушке.

Бабушка и мама были единственными образованными людьми в вагоне. Они учительствовали в Буюк-Актачинской школе. Бабушка получила образование еще до революции, владела французским, играла на фортепиано, гитаре. С помощью мамы она до войны организовала в деревне прекрасный кружок художественной самодеятельности. Создали свой оркестр. Благо, музыкантов искать не приходилось. Трудно было найти татарскую семью, в которой никто не играл на каком-либо инструменте. Скрипка, кларнет, бубен, флейта, труба были наиболее распространены. В сельском клубе молодежь пела, танцевала, ставила пьесы Чобан-Заде, Ильяса Тархана, небольшие инсценировки о нерадивых по басням И.С.Крылова, переведенным на крымско-татарский язык моим отцом.

Вот и сейчас люди тянулись к моей бабушке, спрашивали: "Какие же мы предатели, Фера-оджа? Разве мы не построили у себя Советскую власть? Разве теперь не отдали своих сыновей, чтобы они ее защищали?.."

Бабушка, наверное, впервые не находила ответов на их вопросы...

... Кто-то могущественный уже давно вынашивал черные планы относительно крымских татар. С конца тридцатых годов все настойчивее стали подчеркиваться именно негативные стороны взаимоотношений Крымского ханства со славянскими народами, муслимовалась мысль о набегах татаро-монголов на Русь, об угоняемых ими русских людях, пополнявших невольничий рынок в Кафе, но ни словом не упоминалось нигде о том, что завоеватели продавали на том же рынке самих крымцев (именовавшихся в русских летописях кипчаками,

---

¹Оджапче - учительница.

половцами, куманами). Захватив в 1239 году Крым, монголы пленили 12 тысяч крымских джигитов. Через генуэзских торговцев-пиратов они были проданы султану Египта. И тот, учтя воинские способности этих джигитов, создал из них гвардию. И во второй половине XIII века власть в Египте переходит в руки выходцев из Крыма (мамлюков). Их военачальник Бейбарс, родом из Солхата, провозглашает себя султаном. В Египет бегут многие крымцы от гнета Золотой Орды. С этого времени начинается развитие и процветание на египетской земле крымско-тюркского (куманского) языка и литературы, которое длится более трех веков.

"...Из нынешних крымских, казанских, оренбургских татар едва ли есть один человек, происходивший от воинов Батюя. Нынешние татары - потомки прежних племен, живших в тех местах до Батюя и покоренных Батюем, как были покорены русские. Пришельцы-завоеватели все исчезли, все были истреблены ожесточением поработенных", - писал Н.Г.Чернышевский. Современная наука говорит о том, что "в процессе формирования крымских татар приняли участие не-тюркоязычные - тавры, скифы, античные греки, сарматы, аланы, византийцы, готы - и тюркоязычные предки - гунны, тюрко-булгары, хазары, печенги (IV-IX вв.), половцы, кыпчаки и золотоордынские племена (XI-XVI вв.)".

Однако было, видимо, в чьих-то интересах не замечать разницы между завоевателями-монголами и покоренными ими племенами, за которыми впоследствии было закреплено название (не самоназвание! - Э.А.) "татары". После образования "Золотой Орды" на Руси татарами стали называть все тюркские племена, населяющие Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию. И в 30-е годы кто-то ловко пользовался этим, чтобы разжечь неприязнь между славянским и тюркоязычным населением юга России, изымая из памяти народной века тесной дружбы и родства крымцев и русичей. Не заглядывая в глубь тысячелетий, вспомним хотя бы факт участия крымцев в русско-французской войне начала XIX века. В 1806, году мусульманское население Крыма во главе в муфтием Муртазой Челеби и мурзами Прошением, поданным на Высочайшее имя через бывшего тогда Таврического губернатора Дмитрия Борисовича Мертваго, изъявило желание выставить нужное число конных полков на своем иждивении для защиты Отечества.

Император Александр I, милостиво восприняв прошение, Высочайше повелел указом за N 2272 "разработать четыре конных полка из крымских татар, по образцу казачьих". Сформированные полки получили названия уездов, население которых представляли. Таким образом в марте 1807 года были созданы Симферопольский, Перекопский, Кезлевский (Евпаторийский), Феодосийский полки.

До открытия военных действий крымско-татарские полки находились на прусской границе, а в 1812 году, с началом Отечественной войны, принимали участие во всех сражениях в составе корпуса атамана Платова и особо отличились в Бородинской битве. Полки эти в составе русских войск дошли до Парижа...

Революция на территории Крымского полуострова в силу особых социально-политических условий произошла несколько позднее, чем в России, в январе 1918 года. Однако рабоче-крестьянское правительство в Крыму просуществовало всего 75 дней. Под натиском немецких интервентов и белогвардейцев большевики оставили Крым. Республика Таврида пала. Начался белый террор. Большую подпольную работу вел тут до марта 1919 года брат Ленина - Дмитрий Ильич Ульянов. Ему удалось сколотить спаянную большевистскую группу из образованных татарских деятелей, в которую входили Али Баданинский, Досмамбет Аджи, Селим Меметов, Сулейман Идрисов, Осман Халилов, Халил Тынчеров, Исмаил Арабский, Умер Тархан, Якуб Тархан и другие. В начале 1920 года в Симферополе было организовано "Мусульманское коммунистическое бюро" при подпольном Крымском Окружном комитете РКП/б/. В самый напряженный период подготовки к вооруженному восстанию против врангелевского режима в Крыму по доносу провокатора поручика Сурина подпольная организация была раскрыта. Шестеро ее руководителей были казнены, остальные отправлены на каторгу. В это же время в Алуштинском и Судакском районах активно действовал, уничтожая врангелевцев, татарский полк Крымской повстанческой армии, сформированной знаменитым партизанским командиром Османом Деренайырля. Когда М.В.Фрунзе в ноябре 1920 года штурмовал Перекоп, Деренайырля ударил по белогвардейцам с тыла.

18 октября 1921 года Всероссийский Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров принял постановление "Об образовании Крымской Автономной Советской социалистической республики". И подписал его В.И.Ленин. Приветствуя принятие постановления, газета "Жизнь национальностей" писала: "...Нельзя было без внимания оставить то важное обстоятельство, что самая компактная часть крымской деревни - татары, составляющие вместе с немногочисленным пролетариатом городов базу советской власти в Крыму... Это наряду с Азербайджаном и Туркестаном еще один ярко вспыхнувший маяк, которому суждено притянуть к себе все лучшие стремления и чаяния многонационального Востока. ...Крымская республика - это закрепление максимума автономных прав и инициатива для широких трудовых масс коренного населения в деле культурного экономического возрождения" (25 окт. 1921 г.).

По конституции Крымской АССР государственными языками республики принимаются татарский и русский.

За короткое время трудящиеся Крыма, основную часть которого составляли крымские татары, добились немалых результатов. За успехи в сельском хозяйстве, обеспечившие экономический подъем колхозов и совхозов, а также выполнение обязательств перед государством Крымская АССР 3 января 1934 года одной из первых в стране была награждена орденом Ленина. Потом были 1936-1938 годы, трагические для всех народов страны, войны - с финнами и гитлеровцами...

Но люди, отправленные в неизвестность, под стук колес думали не о прошлом, а о том, что ждет их впереди. Матери, отцы, сестры, жены, дети советских воинов, сражающихся в это время с фашистами, мучительно размышляли, почему их обзывают "продажными шкурами". Не было ни одной семьи, из которой кто-нибудь не был на фронте. И всем хотелось верить, что произошла чудовищная ошибка, что скоро о ней, об этой ошибке узнает дорогой товарищ Сталин, отец народов, разберется и прикажет возвратить всех обратно. И не один из едущих порывался написать и писал письмо "дорогому вождю".

О чем же они писали? Конечно, об активном участии крымских татар в партизанском движении. В книге "Крым", изданной в 1943 г. политическим управлением Черноморского флота, сказано: "...подавляющее большинство крымско-татарского народа, изнывающего под ярмом проклятого "нового порядка", сопротивляется немецким захватчикам". А газета "Красный Крым" от 18 февраля 1944 года сообщала, что за оказанное сопротивление и помощь партизанам оккупантами сожжены "десятки татарских деревень, а сотни и тысячи крымских татар казнены". Да, это действительно было так и многие тысячи крымских татар продолжали сражаться против фашистов на фронте. В сводках военных лет не раз упоминались имена легендарного военного асса, дважды Героя Советского Союза Амет-хана Султана, Героев Советского Союза А.Решидова, С.Сеитвелиева, Т.Абдуля, У.Абдураманова, кавалеров орденов Славы трех степеней Б.Сеттарова, С.Абдураманова, Н.Велиуллаева, М.Караева, М.Реизова, генералов Исмаила Болатова, Аблякиа Гафарова. А в это время их семьи, изнывая от жажды и голода, обзываемые "продажными шкурами", в темных смрадных вагонах ехали в неизвестном направлении. Письма с дороги писали "отцу народов" командиры и комиссары партизанских отрядов А.Аединов, С.Менаджиев, М.Мамутов, Н.Билялов и многие другие. Они сообщали, сколько их земляков было в отрядах и как они воевали, а с теми, кто пошел в услужение к фашистам, они расправились сами.

Двое из троих комиссаров партизанских соединений в Крыму - Р.Мустафаев и М.Селимов - и десятеро из тридцати комиссаров партизанских отрядов были татарами. Водном только Южном соединении партизанских отрядов Крыма, состоявшем из 2300 человек, третью часть составляли крымские татары. А их в то время было всего 19,4 процента к общему числу населения Крымской АССР...

...Из переднего вагона слышалась песня. Пели хором. Потом песня донеслась и из того, что следовал за нами. Кто-то слабым, но чистым голосом запел и в нашем вагоне. Его поддержали другие.

Историю крымских татар, начиная с древнейших времен, можно проследить по народным песням. Люди пели "Порт-Артур" - о том, как крымские джигиты во время русско-японской войны бились насмерть с самураями, защищая дальневосточные границы Отечества, и "Шомпол" - о кровавых событиях 1919 года, когда во дворе Ханского дворца в Бахчисарае белогвардейцы шомполами забили насмерть 25 молодых джигитов, отказавшихся идти к ним на службу.

На пятый или шестой день изгнания в наглухо закрытых душных вагонах крымские татары пели песни, родившиеся уже в пути. Многие из них живы по сей день и по праву считаются народными. "Родимый Крым, я не говорю "прощай!", "Откройте же двери вагона!", "Что ты, воин, глядишь сурово?..", "Успею ли вернуться, пока не погас огонь в очаге?.." и другие.

Мы ехали долго. Около месяца. Стук колес вколачивался в душу, мозг, тело. Я сейчас его слышу, когда закрываю глаза, снова раскачивает меня вагон и скрипит...

Часть эшелонов с репрессированным народом направилась в Сибирь, часть на Урал, а наш повернул на юг, в Среднюю Азию. И по обеим сторонам железнодорожной насыпи по всему долговому пути в изгнание остались лежать непогребенными трупы - детей, женщин, стариков...

..."Великий кормчий" тем временем позаботился о том, чтобы все совершаемое было по з а к о н у. Пока подручные Берии сочиняли обвинения, которым оправдывалось осуждение всего крымско-татарского народа целиком, писателям и ученым было дано особое задание: изъять из памяти все, что касается крымских татар, замазать черной краской то, что не сразу удастся забыть. Срочно издаются путеводители по Крыму, учебники, печатаются стихи и проза, разжигающие в читателе презрение, ненависть к крымским татарам, пробуждающие чувство благодарности к тому, кто избавил от этих зверей и варваров. Товарные составы с набитыми битком семьями сражающихся на фронтах были еще в пути, а уже в Симферополе состоялось специальное

заседание ученых. После него академик Б.Д. Греков в соавторстве с Ю.В. Бромлеем оповестил через "Вестник АН СССР", кто из их коллег действовал в "угоду татарским буржуазным националистам", тогда как главной задачей является рассмотрение истории Крыма "в свете указаний, содержащихся в основополагающих трудах И.В. Сталина". Срочно стала переписываться история Крыма, которая, по высказыванию П.Надинского, содержала "много принципиальных ошибок и извращений исторической действительности" и не могла отвечать требованиям времени без таких характеристик: "... крымские татары мало и неохотно занимались хозяйственным трудом. Основным их занятием были беспрерывные войны и разбойничьи набеги с целью грабежа и наживы..." "... Ликвидация Казанского ханства позволила России активизировать борьбу против крымских захватчиков. России в этой борьбе помогало также донское казачество, затрудняя действия крымских хищников..." и т.д. и т.п. (Очерки по истории Крыма. Крымиздат, 1952; История СССР. М.: "Просвещение", 1979. Т.1).

И было стерто, сожжено, предано забвению все, что писалось о крымских татарах Л.Толстым, А.Чеховым, М.Горьким, И.Франко, Л.Украинкой, И.Коцюбинским, В.Короленко, все, что хоть отдаленно напоминало высказывания поэта и художника Максимилиана Волошина, жившего в Крыму и дружившего с татарами: "...Греческая и готская кровь совершенно преображают татарство и проникают в него до самой глубины мозговых извилин. Татары дают как бы синтез всей разнообразно пестрой истории страны. Под просторным и терпимым покровом Ислама расцветает собственная подлинная культура Крыма. Вся страна от Меотийских болот до южного побережья превращается в один сплошной сад: степи цветут фруктовыми деревьями, горы - виноградниками, гавани - фелюгами, города журчат фонтанами и бьют в небо белыми минаретами. В тенистых улицах с каменными и деревянными аркадами, в архитектуре и в украшениях домов, в рисунках тканей и вышивках полотенец догорает вечерняя позолота византийских мозаик и обретают сияние вязи итальянского орнамента...". Не потому ли имя поэта долгие годы предавалось забвению, что он был честным человеком, относился одинаково к людям разных национальностей, и творчество его не умещалось в идеологические рамки сталинских "историков"?

В Крыму заинтересованные и ответственные лица спешно распро-страняли страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом без устали вещали радио и пресса...

... Наш эшелон выгрузили в Голодной степи, на станции Урсатьевск. Почти вплотную к железнодорожной насыпи подступали пологие подковообразные барханы с жухлыми кустиками травы. И нигде

ни единого деревца, где можно было бы укрыться от палящего солнца. Разгуливает ветер, больно жалит лицо песок, глаз не открыть.

Приказано - ждать! А чего?.. Солдаты прохаживались вдоль насыпи и хмуро поглядывали на сидящих кучками возле своих вещей людей, заросших, оборванных, грязных. Было много больных. Они лежали на тряпках, а то и прямо на песке, стонали, просили пить. Мой дед тоже заболел в пути, бредил. Мама и бабушка сидели возле него и руками сгоняли с его лица зеленых мух...

Проходили часы. Люди без еды, без питья, без надежды на чье-либо сочувствие сидели и ждали своей участи. Быть может, за теми барханами их заставят копать для себя рвы-могилы? Тогда зачем было везти их так далеко?..

Неожиданно все оживились, повеселели. Высокий, статный старик с белой, как у имама, бородой, бесшумно ступая в мягких чарыках, проваливаясь по щиколотку в песок, переходил от семьи к семье, проводил по бороде ладонями и говорил одно и то же: "Мужайтесь. Товарищ Сталин получил наши письма. Он нас в беде не оставит. Советскую власть в Крыму я строил вот этими руками, она справедливая, не даст свершиться беззаконию. Мужайтесь и надейтесь..."

- А ну-ка, взять этого агитатора! - послышался голос офицера.

- Что он там лопочет про товарища Сталина?

- Хвалит его, - сказал кто-то из сидящих.

- Хвалит? - хмыкнул офицер. - Там разберемся, как он его хвалит.

Двое солдат взяли старика под локти и куда-то увели. Больше его никто не видел.

Наконец, под вечер издалека донеслось погромыхивание высоких фургонов, каких в Крыму сроду не видели. Они прибыли за нами, чтобы увезти еще дальше, в глубь полупустынной степи с таким страшным названием Голодная...

С тех пор мне кажется, что самые гиблые места на земле - это там, где пески перемежаются с болотами.

Нас разместили в поселке "Баяут", в облупленных, полузанесенных песком и пылью хижинах, давным-давно кем-то брошенных. Лет пятнадцать-двадцать назад сюда ссылали раскулаченных, которые в большинстве своем, умерли, и потому местные узбеки не без основания объясняли происхождение названия местности от "Байи ют", то есть "Проглоти бая". Тут весь день докучали мухи, а с наступлением вечера не давали житья комары. Людей стали косить желудочно-кишечные инфекционные заболевания и малярия.

По утрам, еще затемно, по поселку разъезжал верхом бригадир и, не слезая с лошади, стучал черенком плетки в окно или в дверь, выгонял всех на работу. Его обычно сопровождал конный сотрудник НКВД - дабы не возникло у кого-нибудь желаний отлынивать от рабо-

ты, прикинувшись больным. Работали на хлопковых полях. Многие там, между грядок, и умирали. Голодностепская целина еще только осваивалась. Она еще недостаточно была удобрена костями местных "врагов", пришлось везти их еще и из Крыма.

Я на весь день оставался с больным дедушкой один. Порой он начинал задыхаться, и я открывал дверь. Но в нее влетало больше мух и комаров, чем воздуху. Я клал дедушке на лоб мокрое полотенце, садился на высокий порог и смотрел на дорогу. По ней провозили в арбах умерших. Тела их были прикрыты рогожей, а из-под нее торчали серые ступни, большие, поменьше и совсем крошечные.

Первыми начали умирать дети. И сейчас у меня перед глазами мой сверстник, пятилетний Мидат, который корчится на полу, схватившись за живот, и умоляет слабеющим голосом: "Маму позовите... Маму позовите..." А мы, собравшиеся у его изголовья мальчишки, не знали, где ее искать. Она вернулась вечером и застала тело своего ребенка уже остывшим.

С каждым днем становилось хуже и моему деду. И однажды, когда бригадир утром громко постучал в дверь, бабушка, сказав, что муж ее тяжело болен, попросила разрешить ей или дочери остаться сегодня дома. Тогда подъехал, гарцуя на гладкой лошади, военный и коротко бросил: "Я вас обеих сейчас отправлю туда, откуда не скоро вернетесь!" Такое с некоторыми из наших односельчан уже случилось - они и вправду не вернулись обратно. Судили быстро и беспощадно. Ссылали на Колыму, в Магадан, в места, из которых мало кто возвращался.

Мама с бабушкой отправились на работу, поторапливаемые едущими позади них всадниками.

И как только мы с дедом остались одни, ему сделалось совсем худо. Он пытался мне что-то сказать, но язык его не слушался, будто вспух, не умещался во рту. Голова его металась по подушке, а руки мяли края простыни. Я подал ему мутной воды, только что принесенной из арыка. Но край кружки дробно постукивал о его сжатые зубы, и вода проливалась ему на шею. Я обнимал его и плакал. Мелькнула мысль: "Может, позвать соседей?" И все-таки я не побежал за ними.

Позади нашего дома в большом дворе с садом жила красивая девочка, старше меня года на три. У нее были папа, мама, дедушка и бабушка. Однажды ее папа угощал ребятшек сушеным уроком, давая каждому по полной пригоршне. Я тоже протянул ладонь. Он грубо пихнул меня в грудь: "А ты убирайся отсюда!"

Но эта девочка все равно мне нравилась. Однажды я ее встретил на улице, она ела кукурузную лепешку, лепешка эта одуряюще пахла. А у меня во рту и маковой росинки не было с утра. Я не выдержал и попросил отщипнуть мне кусочек. Девочка окинула меня с головы до

ног презрительным взглядом, бросила хлеб наземь и вмяла его, покрыв пяткой.

И все равно девочка не перестала мне нравиться. У нее были большие веселые глаза, множество косичек и такая красивая вышитая бисером тюбетейка.

Однажды я увидел ее в окно. Мне очень хотелось привлечь ее внимание, чем-то ее задобрить. Я решил показать ей мамины бусы, а если захочет, даже дать поддержать. Бусы были прозрачные и голубые, под цвет маминых глаз. Мама ими очень дорожила, отец привез их из Москвы, когда ездил на Первый съезд писателей. Мама надевала их редко - берегла.

Я достал бусы из шкатулки и вышел на улицу, показал их издаലെка девочке. Она подошла, настороженно улыбаясь. "Хочешь посмотреть?" - спросил я и протянул ей бусы, как вдруг она схватила их так, что нитка порвалась, и голубые звездочки посыпались в пыль. Я кинулся собирать, но она, смеясь, стала расшвыривать их ногами.

Кто-то из взрослых, проходя мимо, спросил:

- Ай-яй, девочка, зачем ты это сделала? Нехорошо.

- Они убили моего дядю! - со злостью сказала девочка, и глаза у нее сверкнули, как у рассерженной кошки. - Мой дядя погиб в Крыму!

Я вспомнил обо всем этом и, наверное, поэтому не побежал за помощью к соседям. Гладил влажный дедушкин лоб, его шершавые руки и захлебываясь слезами, спрашивал, что для него сделать. Но он молчал, смотрел не меня и молчал. Не знаю, сколько прошло времени: дедушка успокоился, а я уснул. Так мама и бабушка вечером, придя с работы, и застали меня, спящего в обнимку с умершим дедом.

По мере того, как я вырослел, меня все больше мучила совесть, что я не позвал к умирающему людей: быть может, они спасли бы...

Да, крымские татары в местах ссылки ежедневно умирали во множестве. Их нередко не успевали хоронить. Дети оставались сиротами. Когда умирал мой дед, с ним рядом находился я, шестилетний ребенок. Язык ему уже не повиновался. Но передо мной до сих пор - его глаза. Взглядом можно сказать, оказывается, гораздо больше, чем словами. И диалог этот между мной и им будет длиться, пока существует память.

По мусульманскому обычаю, женщинам во время похорон не положено быть на кладбище. Деда похоронили незнакомые люди. А я не запомнил его могилы, не смог показать ее затем бабушке и маме: там были сотни одинаковых могил. И не смогли мы по обычаю поставить у его изголовья камень с эпитафией или изречением из Корана. Вместо этого - много лет спустя - я написал стихотворение. Единственное. Быть может, оно заменит ему баш-ташы¹.

¹ Баш-ташы - надгробный камень.

МОЕМУ ДЕДУ

Вместо эпитафии

Ты здесь, внучок? Поближе подойди.
Подняться не могу. Все злее боль в груди.
В паущем скособоченном углу,
Уставясь в никуда, часами ты сидишь,
Мой повзрослевший от невзгод малыш.
Сидишь, не отгоняя даже мух,
Жужжанием бередящих душу, слух.
Сидишь средь глинобитных стен,
Забравших в плен
Твой тонкий голосок.
А ведь совсем недавно
Перебирал ты камушки рябые,
И серые, и голубые,
Что я тебе с побережья приносил,
Когда из сада шел, где с самого восхода
Деревья подрезал, траву косил.
Как были счастливы мы оба!
Был день высок и небосвод сиял...
Лужайку помнишь с ледяным ручьем,
Где ты с ягнятами скакал
Под солнцем и дождем,
Где рвал цветы, что пахли пряно?..
Увы, твое осиротело детство рано.
Нет ни лужайки, ни игрушек, ни ягнят.
Лишь мухи... Мухи неумные гудят.
А там, где ты гулял,
В прекрасном розовом краю
Другие малыши стрекозами летают
И плещутся в ручье, и радостно ныряют,
А перед сном свой смех кладут у изголовья.
Дай бог им тоже счастья и здоровья...
Прости, малыш, мне стон невольный.
Невыносимо больно!
Ты встал? Поближе подойди,
Присядь на край козлиной шкуры.
Клянусь, в ней блох и вшей не больше,
Чем у тебя в углу.
Сегодня ночью
Увидишь ты, мой мальчик, смерть воочью.
Мне в изголовье телогрейку подложи,

Сдави ладошками виски,
Держи мне голову, держи.
Ну, а теперь гляди, гляди в мои зрачки.
Ты видишь в них долину нашу, горы?
Аул, разбросанный среди садов,
И россыпь золотистую плодов,
И волны цвета изумруда?
Скажи, ты видишь это чудо?
Ты вздрогнул, рукою вытер мой вспотевший лоб,
Я чувствую души твоей озноб.
А я ведь зубы сжал, чтоб стон
Не вылетел на волю.
Но, видно, сил уж нет.
Полуденного солнца черный свет
Слепит меня сквозь мутное стекло.
Как странно: солнце есть,
Но где его тепло?
В ушах моих расплавленный свинец.
Смерть у порога, близится конец...
Уже не слышу я ни плача твоего,
Ни мух надсадного жужжания...
Теперь попробую унять
Предательскую дрожь
И сердца маятник немного успокоить.
А ты читай, читай мои глаза,
В них только правда. Лишь она одна...
Ах, жить так хочется - ведь я еще не стар.
Но мой колодец вычерпан до дна.
И не моя, внучок, вина,
Что все так вышло страшно.
Три месяца мы здесь.
Но эти девяносто дней
Состарили меня сильнее,
Чем девяносто лет.
Я выдохся, стал немощен и сед.
За что мы тут? Не спрашивай, не знаю.
Считай, что это рок.
Кто мы теперь? Никто, живущие в Нигде.
Волной беды прибило нас к беде.
Я мог бы долго жить в родном краю,
Следя, как ты становишься джигитом
С открытым сердцем и лицом открытым...
Внучок, куда ты? погоди!

Решил позвать соседей? Не зови...
Ты вспомни их брезгливое презренье,
С каким нас встретили и свысока, как в рай,
Вселяли в этот занавоженный сарай,
Как скот, которому, как милость дали
Хлеб из тоски и воду из печали.
Но на соседей не таи обиды:
За день до нас здесь побывал
Большой начальник местный,
Он им сказал,
Что я, старик, и ты, ребенок, -
Предатели с пеленок,
И потому якшались мы с врагом,
И предавали их отцов и сыновей
Из-за врожденной подлости своей.
Но мы с тобою знаем: это ложь.
И ею многих опоили, как дурманом.
Но ты, я в это верю, доживешь
До дней таких, когда обманом
Ужасным назовут весь этот бред.
И тот, кто нас не знал, и наш сосед
Прозреют и поймут:
Преступники не мы,
А те, кто с умыслом народу лгали...
Пока же будешь есть свой горьким хлеб печали
И запивать его водой-тоской,
Мой мальчик дорогой...
Ты тормозишь в отчаянье немом
Меня, полуживого,
И замираешь, и целуешь снова.
Увы, мне не помочь,
Истлела жизни нить,
Я скоро кану в ночь,
Где мне навеки быть.
Немеют руки, ноги,
Готово все к неведомой дороге...
Прости меня, внучок,
Я, грешный, лгал тебе, что живы
Родители твои и скоро их увидишь,
И потому не надо горевать.
но разве мог я несмышленишу сказать,
Что их уж нет давно - погибли оба
На той войне. Еще там длится брань...

Прими достойно весть. И взрослым стань.
И в жизнь войди джигитом,
С открытым сердцем и лицом открытым...
Знай: трудным будет путь.
Шагая по нему, не позабудь
Как нарекли тебя, шаин¹.
О господи, хотя б мой младший сын
Вернулся с фронта!
Он будет звать тебя на тысячах дорог.
Но если имя ты свое забудешь,
То не откликнешься и пропадешь,
И станешь самого себя стыдиться,
В конце концов поверишь в ложь,
Которую про нас с тобою сочинили.
И тяжело станет мне лежать в могиле...
Дыхание слабеет...
Сожми ладонь мою покрепче...
Как сладок воздух... как желанен свет...
Внучок, последний мой завет:
Не позволяй жужжащим этим тварям
Гулять по влажному стеклу
Моих застывших глаз
И по губам остывшим.
Ну вот и все.
Последний вздох угас.
Как горько умирать в краю немилым,
Где даже у небес другая синь!..
Прощай...
Аминь.

В первый же месяц по прибытии в Узбекистан умерло более 40 тысяч крымских татар. И не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что местное население встретило сосланных как своих личных врагов. Понять же их было можно...

Антикрымско-татарская пропаганда и здесь была поставлена на конвейер. Над целым народом был совершен акт насилия. Закономерен вопрос - почему? Власти должны были объяснить населению, мотивировать, за что народ наказан. Короче - узаконить произвол.

До прибытия в Среднюю Азию эшелонов с депортированными агитаторы из республиканских, областных, районных аппаратов в срочном порядке "разъясняли" местному населению, что везут к ним

---

¹ Шаин - сокол.

изменников, предателей, "продажных шкур", что мол, ваши отцы, братья, мужья, сыновья сражаются с фашистами, а эти... Нетрудно представить, как относились к прибывающим люди, у которых погибли на войне близкие. Их ненависть к "изменникам" была вполне объяснима. Не могу забыть еще один случай...

Нас было пять-шесть голодных ребятишек. Кто-то бросил камень в крону дерева, усыпанного спелыми абрикосами. Тут же раздался окрик, и все убежали. Только один, самый младший из нас, не смог побороть искушения, нагнулся и стал собирать упавшие на землю абрикосы и пихать в рот. Его поймали. С размаху ударили о землю. Он там и остался. Покорчился и затих...

Немало минуло времени, пока местное население начало что-то понимать. Возвращались с фронта десятки покалеченных, безруких, безногих солдат, побрякивая орденами на груди, они разыскивали своих матерей, жен, детей, а их уже и на свете-то не было...

И узбеки тогда, поняв, что была содеяна чудовищная несправедливость, стали делиться с крымскими татарами последним куском лепешки, последней горстью кишмиша или орехов...

Еще и сейчас, спустя сорок пять лет после той трагедии, не обнаружены точные данные о количестве прибывших в Среднюю Азию спецпереселенцев. В докладной записке тогдашнего заместителя наркома общественного порядка Узбекской ССР генерала М.Беглова сообщалось, что только в эту республику было переселено 151424 человека, в основном стариков, женщин и детей. Это не считая тех, кто погиб в долгом пути, бежал или был расстрелян: охрана открывала огонь по тем, кто пытался на остановках без разрешения выйти из вагона за питьевой водой.

После Дня Победы последовал второй поток - теперь ссылались победители. По прибытии на место они тотчас брались на учет спецкомендатурами, после чего им надлежало ежемесячно ходить "на подпись", чтобы засвидетельствовать, что они никуда не сбежали, находятся в пределах района, границ которого на имеют права пересекать без разрешения коменданта. Вчерашние воины, независимо от количества наград, Герои Советского Союза автоматически становились предателями, изменниками родины, для этого оказалось достаточно родиться крымским татаринном.

Из среды крымских татар вышли 4 генерала, более 80-ти полковников и более 100 подполковников, много офицеров и младшего состава. За образцовое выполнение боевых заданий во время войны, за умелое руководство, за личное мужество все они отмечены высокими наградами. Семь крымских татар удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а один - Амет-хан Султан - удостоен этого звания - дважды.

35 крымских татар стали кавалерами орденов Славы, из них - пятеро - кавалеры орденов Славы 3-х степеней.

Из 32-х руководителей подпольных организаций Крыма - 25 были крымскими татарами.

В годы Великой Отечественной войны 50 000 сынов и дочерей крымских татар, отличившихся на полях сражений, удостоены правительственных наград.

Свыше 19% взрослого татарского населения, оставшегося в Крыму после призыва в действующую армию, сражались против гитлеровцев в партизанских отрядах и подполье.

Все они были объявлены предателями и были сосланы. Этим страшным клеймом помечены и те 26000 крымских татар, которые погибли в боях, защищая честь и свободу родины, и те 12000 граждан крымско-татарской национальности, которые в период оккупации были уничтожены карательными экспедициями фашистов. Потому их имена и не высекались на обелисках, возводимых в память о погибших на центральных площадях крымских городов и селений, их имена были приговорены к забвению. Имена тоже подлежали ссылке.

В начале войны многие из крымско-татарских писателей, сменив перо на автомат, пошли защищать Родину от фашистских захватчиков. Большинство из них погибло смертью храбрых.

Это были те ДВЕНАДЦАТЬ, как впоследствии назвали их, которые по зову сердца встали грудью на защиту Отечества и не вернулись с поля боя. Это о них потом, много лет спустя, будет издана книга "Памяти Двенадцати", где увековечены их имена. Назовем же и мы их поименно: Ыргат Кадыр (1905-1945), Амди Алим (1905-1942), Осман Амит (1910-1942), Максуд Сулейман (1908-1945), Бекир Ваап (1915-1945), Азам Амет (1909-1942), Мамут Дибаг (1905-1942), Меннан Джаманаклы (1916-1942), Абляй Шамиль (1905-1942), Таир Усеин (1911-1942), Осман Батыров (1910-1942), Эннан Алимов (1912-1941)... Вечная им слава!

Двенадцать человек, павших в боях за Родину. Это почти половина тогдашнего состава крымских писателей!

В начале шестидесятых годов в Крымском отделении Союза писателей появилась мемориальная доска, на которой было помещено несколько имен погибших на войне крымско-татарских писателей, как видно, стараниями их бывших соратников по перу. Незамедлительно последовал из высших руководящих инстанций области приказ - уничтожить, стереть, забыть. Сослать!.. Что и было сделано.

Имена четверых (а почему не всех?) крымско-татарских писателей удостоились чести быть означенными на мемориальной доске в фойе Союза писателей Узбекистана...

... По Баяту молниеносно разнесся слух о том, что с войны вернулся сын Капье-апте. "Который?" - спрашивали люди: - У нее четверо их на войне!" "Сервер. Моряк. Вся грудь в орденах!.."

Месяц ездил он из города в город, отмерял шагами пыльные дороги от кишлака к кишлаку, искал своих. Наконец, разыскал дом, где жили мать с двумя его младшими братишками. Малышей застал одних. Лежат в полутемном сарае на рогожке, голодные, сил нет подняться. И брата не узнают. Мало ли нынче солдат с войны возвращается?.. Только когда Сервер сказал, что он их старший брат, оба с трудом поднялись и повисли у него на шее. А мать третьего дня ушла из дому и все никак не возвращается. Хозяин дома дал им полмешка семечек, чтобы они не померли с голоду. Мать семечки те пожарила и пошла на базар продать их и купить детишкам хлеба. И пропала...

Где искать мать, которую с начала войны не видел? Во дворе собрались люди, стали советовать пойти к коменданту, у него спросить. Кроме него никто не поможет. Комендант тут - и царь, и бог.

Накормил Сервер братишек нехитрым солдатским пайком да пошел потихоньку, хромая и опираясь на палку, к коменданту.

Оказывается, мать уже третий день сидела в КПЗ комендатуры.

- Вместо того, чтобы искупать свою вину честным трудом на хлопковом поле советского совхоза, она занялась спекуляцией! - сказал комендант моряку.

- Выпусти ее, гнида! - сказал матрос, бледнея.

- Ну-ну, полегче! Я тебе язык быстро укорочу! - процедил комендант, поднимаясь с места и расстегнув на всякий случай кобуру. - А ну-ка, подпиши вот эту бумагу! И будь добр каждый месяц являться на подпись!

Матрос снял с себя бушлат, увешанный орденами и медалями, и огрел ими коменданта по лицу.

Тот завопил и, паля из нагана в воздух, выскочил наружу, клича себе на помощь.

Сервер налег на дверь КПЗ, но она оказалась прочной. А у него после ранения не те были силы, что раньше. Мать узнала его по голосу, ее душили слезы, и она не могла произнести ни слова. И он не успел ничего сказать, кроме: "Мама!.. Мама! Я вернулся!.." Тут влетел комендант с подручными, скрутили ему руки, выволокли...

...Сервер вернулся из Воркуты десять лет спустя, после амнистии 1956 года. Мать в живых не застал. Разыскал только одного из братьев. Когда мать умерла, их определили в разные детские дома. Так младшего и не нашли, неизвестно, жив ли...

Чтобы вконец не расстраивать Сервера, никто не рассказал ему, что спустя несколько дней после того, как его братьев определили в детский дом, какой-то всадник волоком таскал из кишлака в кишлак,

приторочив к седлу за ногу на длинной веревке, труп мальчишки и распрашивал, чей он, этот вор, которого изловили на огороде, когда тот обламывал свежие початки кукурузы. На месте и забили палками и камнями, чтобы другим не повадно было. Труп был в пыли, грязь, лицо сплошное месиво, невозможно было узнать в нем кого-то... Вскоре, однако, люди прослышали, что младший братец Сервера из детского дома сбежал, чтобы разыскать брата - предположили, что это он и был...

О Сервере, обо всех тех, кто в матросских бушлатах и просоленных солдатских робах приезжал в прокаленные солнцем земли, ставшие местом изгнания их близких, родных, вспоминается, когда смотришь кадры тогдашней кинохроники. По дорогам страны мчатся эшелоны, увитые цветами, развозят по домам победителей. Как радостны лица советских солдат, как счастливы женщины и дети, обнимающие их. А ведь среди них, наверное, едут и крымские татары, такие же победители. Что ждет их?..

На протяжении долгих 12 лет, до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшидов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны", умер каждый третий из 400 тысяч депортированных крымских татар.

Думается, давно настала пора расставить точки над *i*, сказать советскому народу прямо и честно, кто и по отношению к кому совершил вероломство.

Крымские татары, ветераны и их близкие, устали ждать о себе честного слова. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждалась в произведении, в котором были бы правдиво показаны их отцы, деды, на чью долю выпало защищать Родину - как на фронте, так и на территории, оккупированной врагом. Но события, связанные по времени с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Вместо этого в 1947 году появился роман П.Павленко "Счастье" - о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от варваров. Но если верить старой русской поговорке о том, что "на чужом несчастье счастья не построишь", то вряд ли силком привезенные туда из центральных районов России и Украины поселенцы действительно были счастливы.

Однако отцу народов такое произведение не могло не понравиться: партийный заказ писателем был выполнен, и за это его роман был удостоен Сталинской премии.

Время менялось трудно и медленно. Прошли целые десятилетия, пока родилась на свет повесть А.Приставкина "Ночевала тучка золотая..." Два писателя - два разных мира. В одних и тех же событиях

депортации неповинных людей, в их обреченности на верную гибель один увидел счастье, другой - трагедию.

К сожалению, на сегодняшний день повесть А. Приставкина, пронзительно правдиво поведавшая о трагических днях в жизни чеченцев и ингушей, единственная. Зато как "плодотворно" потрудились И. Козлов ("В крымском подполье"), А. Первенцев ("Честь смолоду"), вместе с ними и И. Вергасов ("Крымские тетради"), который не пощадил и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку - не изменив даже имени, вывел его... турецким шпионом. Как же без устали порочили они крымских татар, будучи верноподданными великого из великих. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти, с позволения сказать, писатели, могут только те, кто полностью не информирован. Вернее, дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели. На это же были направлены все публикации в газетах и журналах. Если речь заходила о партизанском движении в Крыму, то имена активных подпольщиков - крымских татар - замалчивались, а если никак уж нельзя было обойтись без упоминания участников боевых действий, татарские имена просто руссифицировались. Пожалуйста, примеры:

1. Командир разведгруппы партизанского отряда "Севастополь-Балаклава" Сейдали Агаев во всех публикуемых материалах упоминается как С. Агеев.

2. Командир разведгруппы 17-го партизанского отряда Северного соединения Сейдали Куртсеитов стал С. Курсаковым.

3. Руководитель самой крупной подпольной организации в Симферополе Абдулла Дагджи проходит только как Дядя Володя (подпольная кличка).

4. Руководитель Сарайменской подпольной организации "Молодая Гвардия" на Керченском полуострове Алим Абденнанова - Аня (резидент военной разведки).

5. Руководитель Феодосийской подпольной организации "Алев" - "Пламя" Асие Аметова - Ася.

6. Комиссар Восточного соединения крымских партизан Рефат Муштафаев - Лагутин.

7. Командир Ялтинского партизанского отряда Южного соединения Сераджедин Менаджиев - Сергей М.

8. Руководитель подпольной группы Сарайменской подпольной организации Наджие Баталова - Батаева.

9. Знаменитый партизанский командир Мишка-Татар, Герой Польской народной республики Умер Акмолла Адаманов - Михаил Атаманов.

Нередко приходится слышать и чаще, разумеется, в Крыму, что фашисты в период оккупации благоволили к крымским татарам и не

причиняли им зла. И это не соответствует истине, которую давно уже пора восстановить.

Разве не в Бахчисарае в первый же день вступления фашистов в город на центральной площади было повешено восемь человек? Вот их имена: Юсуф Таиров, Абла Ибраимов, Лютфие Аединова (тринадцати лет), Халил Османов, Алим Куршунов, Юнус Фетиев, Усеин Джапаров, Мамут Аметов.

В течение 1941-1944 гг. фашистами казнено в городе более 350 крымских татар - коммунистов, партизан, подпольщиков. Фашисты снимали все это на кинолентку и демонстрировали населению, пытаясь его запугать.

Десятки крымских татар расстреляны в Алуште, на берегу реки Демирджи, десятки - у подножья горы Кагель, десятки - в деревнях Улу-Сала, Кызыл-Таш, Дегирменкой, Тав-Бодрак, Салы и многих, многих других.

В июле 1988 года страна узнала из информации ТАСС о том, что вокруг партизанских районов в горной части Крыма были сожжены все деревни, создана "мертвая зона". Да, это действительно так. Было уничтожено более семидесяти татарских деревень. В них проживало более 25% от общей численности всех татар в Крыму. В этих деревнях, располагавшихся в лесной глуши, в горах, жили только крымские татары.

Всему миру известны мемориалы в Хатыни и Саласпилсе. Трагедия, постигшая жителей Хатыни, постигла и жителей крымских деревень, но тщетно было бы искать в Крыму хоть какой-либо памятник, напоминающий людям о том, что и крымские татары пережили тяжёлую трагедию.

Но народ носит дорогие ему имена в своем сердце, разве забудет он имя казненной фашистами восемнадцатилетней отважной разведчицы Алиме? Люди стоя слушают песни, посвященные ей. И разве найдется хоть один крымский татарин, который не склонит головы перед памятью о легендарном летчике-испытателе дважды Герое Советского Союза Амет-хане Султане...

А вот семьи, каждая из которых достойна отдельного памятника:

Азиза Асанова из г.Симферополя, пять человек - казнены все.

Асана Халилова из деревни Суин-Аджи, Симферопольского района, семь человек - казнены все.

Ибраима Аметова из г.Алушты, одиннадцать человек - казнены все.

Бекира Дагджи из деревни Корбек, Алуштинского района, семь человек, включая семидесятилетнюю мать - казнены все.

Ибраима Халила из г. Бахчисарая, включая четверых детей - сожжены заживо все.

Муртазы Бскира из деревни Буюк-Янкой, Симферопольского района - расстреляна жена с пятью детьми.

Сундус Чорман из деревни Дегирменкой, Ялтинского района - повешена с четырьмя детьми...

И это далеко не полный список...

...Мне вспоминается случай восьмилетней давности. Поздним вечером я прилетел из Москвы в Симферополь. Попытка найти какую-либо машину, которая доставила бы меня в писательский дом творчества "Коктебель" не удалась, и пришлось смириться с мыслью, что предстоит бессонная ночь на аэровокзале.

Однако неожиданно повезло в другом. Я встретил своего приятеля из Ташкента, поэта Ризу Фазыла. Оказалось, он тоже - в "Коктебель"...

Наступило утро, когда нам удалось договориться с владельцем частной машины, и мы тронулись в путь. Разбитной словоохотливый водитель сначала повез нас окольными путями, чтобы миновать посты ГАИ, где, должно быть, всех леваков знают в лицо, и, попетляв уже за пределами города по проселочным дорогам среди рдеющих от маков покатых холмов, мы выехали, наконец, на Феодосийскую дорогу. Сказывалась бессонная ночь, нас одолевала дрема. Водитель же, не смолкая ни на минуту, перескакивал с одной темы на другую, и вдруг мы услышали: "Здесь же бандиты жили, крымские татары, сколько они крови людской пролили!.." Эти слова заставили нас вздрогнуть, как от удара, куда и дремота подевалась. Я едва успел перехватить занесенный кулак моего приятеля.

"Жигуленок" скрежетнул тормозами и остановился на обочине. Водитель ошалело уставился на нас, как видно, поняв, что мы и есть те самые "бандиты". Рассвело, по дороге на большой скорости пронеслись редкие машины.

- Ты зачем так говоришь? - спросил Риза, тяжело дыша и прижав руку к сердцу (он недавно перенес тяжелую болезнь, после чего и послали его отдохнуть).

- Все так говорят... - последовал ответ.

Водитель был не прав. "Так" говорили многие, быть может, даже большинство, но далеко не все. Кто знал крымских татар до войны и пережил с ними вместе страшные годы оккупации, "так" не говорили. Те, кто на фронте воевал бок о бок с солдатом - крымским татариним, тоже "так" не говорили. И вообще у человека, способного мыслить логически, не растерявшего гражданскую совесть, язык не мог повернуться говорить "так". Большинство предпочитало молчать. Причины нам сейчас известны. Но были люди, которые даже в тех жесточайших условиях не молчали, подавали голос в защиту справедливости. Буду-

чи людьми честными, принципиальными, они писали письма в так называемые "инстанции", понимая, что в печати им не дадут сказать об этом не слова. Крымские татары помнят их.

Помню, из рук в руки переходил тоненький листок папиросной бумаги, на нем едва различимы были буквы машинописного текста. Это было письмо С.Писарева, бывшего партийного работника, в ЦК КПСС на имя Брежнева. Из этого письма я впервые узнал о том, какую неблагоприятную роль сыграли в трагической судьбе крымских татар бывший командующий партизанским движением Крыма Мокроусов и его комиссар Мартынов. Вину за неоправданные жертвы, понесенные крымскими партизанами из-за их бездарного руководства, они свалили на местное население, рассчитывая этим обелить себя. Писарев доказывал то, что, казалось бы, и не требует доказательств: народ поголовно не может быть предателем. И сурово за это поплатился - длительное время его "лечили" в психиатрической больнице.

Та же судьба постигла добивавшихся справедливости по отношению к репрессированным народам писателя А.Костерина, генерала П.Г.Григоренко, который в конце концов был выдворен за пределы государства. Подвергся ссылке и А.Д.Сахаров, который всегда поддерживал движение крымских татар за возвращение на Родину и даже находил возможность приезжать на судебные процессы крымских правозащитников. Не обходили этой темы в своем творчестве А.Твардовский, К.Кулиев.

Но об этих письмах, обращениях к правительству мало кто знал. Распространяемые "самиздатским" способом они слишком редко попадались на глаза людям среди обширной продукции, в которой извергалась на крымских татар одна только грязь.

Это мы и пытались объяснить водителю, сидя в салоне "Жигуленка". Называли татарские имена командиров, комиссаров, руководителей подпольных групп, партизанских соединений, а глаза растерянного водителя выдавали, что он нам не верит.

- Не знаю, не знаю... Пишут другое... Рассказывают другое... - твердил он и вдруг спросил: - И что вас тянет в эту дыру, не могу понять? Один из вас живет в Москве, другой в Ташкенте, разве вам плохо там?

Но, как объяснить, что родина есть родина, что сам воздух, запах трав и цветов, вкус воды кажутся нам в других местах совсем не такими. Не зря же родина именуется матерью. Может ли человек не тянуться к матери?

Для него - "дыра". А для нас... Тут наши корни.

А корни - это то, без чего ни один народ существовать не может. Это его прошлое, его история, материализованная в памятниках культуры.

Именно поэтому после депортации из Крыма коренного населения предпринимались отчаянные усилия по уничтожению этих самых "корней". Но при этом было забыто, что корни крымских татар столь тесно переплелись с корнями веками живших рядом народов, что невозможно уничтожить одни, не ранив смертельно другие...

Несколько лет назад я повез в Крым мать. Она давно обещала показать мне деревню Кутлак, где родилась. Расположена она неподалеку от Судака.

Понятно волнение человека, оказавшегося много лет спустя в родной деревне.

Ярко светило солнце, и земля слегка парила. Минувшей ночью прошел сильный ливень, с громом, молнией. Мы вышли за околицу. Тропа вывела к седловине двух небольших холмов, где в былые времена находилось кладбище. Мама стала по именам перечислять ближайших предков, что здесь покоились. И вдруг замерла, побледнев. Спустя мгновение я все понял. Тропа перед нами была усеяна человеческими костями. Стало ясно, что когда-то кладбище разровняли бульдозером и перепахали, а прошедший накануне ливень промыл землю и обнажил то, чего бы лучше не видеть... А навстречу нам шли босые мальчишки с удочками и сачками для ловли бабочек. Шли, насвистывая, и даже не замечали, что идут по человеческим костям.

"Сволочи копали этой ночью. Рядом валяется обломленная сигаретка с фильтром. Не отсырела даже. Около нее медная позеленевшая гильза... Черепа лежали грудой, эти загадки мироздания - коричнево-темные от долгих подземных лет - словно огромные грибы-дымовики.

Глубина профессионально вырытых шахт - около двух человеческих ростов, у одной внизу отходит штрек. На дне второй лежит припрятанная, присыпанная совковая лопата, - значит, сегодня придут докапывать?!"

Это уже из поэмы А.Вознесенского "Ров". Не звеня ли одной цепи - перепаханные бульдозерами кладбища и штреки в братских могилах, и разбитые памятники на полях сражений в России?..

Прочтешь такое, увидишь воочию, и рвутся из души слова - куда подевались доброта, милосердие, сострадание? Кто отдавал распоряжения сносить кладбища крымских татар, и не только их? Как поднималась рука уничтожать прекрасные памятники исторического прошлого Крыма, бросать в костер книги крымско-татарских просветителей? А ведь и такое было...

Большинству моих сверстников, наверное, запомнилось как одно из самых ярких событий жизни, прием в ряды ВЛКСМ, а потом в члены партии. Мне же запомнился день, когда я был взят на комендантский

учет. В комсомол меня не принимали - не та национальность. А на учет взяли годом раньше, чем положено.

Прежде чем поведать об этом, придется еще раз упомянуть об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок- граждан СССР, курдов, хемшилов и ч л е н о в и х с е м е й (разрядка моя. - Э.А.), высленных в период Великой Отечественной войны". Второй пункт его гласит: "Установить, что снятие ограничений с указанных лиц и ч л е н о в и х с е м е й не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены. И подписи: К.Ворошилов, А.Пегов".

Предыдущее Постановление Государственного Комитета Оборона СССР от 11 мая 1944 года о поголовном выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР народу не было оглашено и в печати не публиковалось. Но можно не сомневаться, что ч л е н ы и х с е м е й фигурируют и там, коль скоро о них говорится в упомянутом выше Указе, изданном уже после исторического XX съезда КПСС, осудившего выселение народов, определившего этот факт как нарушение социалистической законности. Обратите внимание, какой безысходностью веет от него. И ч л е н о в и х с е м е й... Уже страдает третье и четвертое поколение. На крымских татар не распространяется даже та сакраментальная фраза, оброненная отцом народов: "Сын за отца не отвечает".

В древности, если рабыня выходила замуж за свободного, то рожденные ею дети становились свободными, и она сама могла приобрести свободу. Если раб женился на свободной, то его дети были свободны.

В странах, где царил мракобесие и иноверцы подвергались гонениям, человек, принявший религию мужа или жены, уравнивался в правах.

По Постановлению же ГКО 1944 года и Указу Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года любой гражданин, даже русский, став членом семьи крымского татарина, лишался гражданских прав, и дети его становились бесправными. Этот Указ не потерял свою силу и по сей день. Приведу пример, можно сказать, из вчера.

Эминов Рустем родился 9 августа 1967 года в г.Севастополе. Там проживает его бабушка (по матери) - русская. В 1982 году в июле он, закончив восьмилетку, решил подать документы в Севастопольский судостроительный техникум. Однако документов у него не приняли. Тогда в техникум пошла с сыном его мать, русская, и директор В.П.Молоканов ей без обиняков заявил: "У нас есть инструкция крымских татар и немцев не принимать". Это было в год 60-летия образования СССР. Пришлось посылать телеграмму на имя Генерального

секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В. Затем работник отдела науки и учебных заведений при ЦК тов. Курин О.И. сообщил отцу Эминова Рустема в телефонной беседе: "Есть решение ЦК, у Вашего сына примут документы". Вдумайтесь только: чтобы принять документы в техникум у 15-летнего юноши, крымского татарина, было необходимо решение ЦК!

Документы у Рустема действительно приняли, и он поступил учиться туда, куда хотел. Через год, когда ему исполнилось шестнадцать, ему выдали паспорт, но - б е з п р о п с к и. Хотя родился он в Севастополе, бабушка имеет двухкомнатную кооперативную квартиру и живет одна. Ее единственная дочь замужем за крымским татаринном и проживает в Ташкенте, поскольку мужу ее, а значит, и ей, возвращение в Крым запрещено.

Так урожденный севастополец Эминов Рустем был вынужден уехать в Ташкент, в места изгнания отца, откуда и был призван в ряды Советской Армии.

Теперь я вернусь к тому времени, когда сам был в том возрасте, в каком Эминов Рустем впервые столкнулся с проблемами, связанными с его национальной принадлежностью.

Тогда мне тоже едва исполнилось пятнадцать лет. В то время мы уже жили в 10-12 километрах от Самарканда, в крошечном, но по сравнению с Баяутом довольно уютном кишлаке Ертешар. Нам разрешили сюда переехать как семье, "пострадавшей в период оккупации". В 1954 году я закончил седьмой класс. С учебниками было очень сложно. В конце лета, прослышав, что в центральный книжный магазин в Самарканде поступили учебники для восьмого класса, я отправился в город, забыв предупредить мать. Купил две-три книги и, переполненный радостью, пришел на площадь, и сейчас именуемую Поворот, откуда курсировали машины в нашу сторону. Уехать было не просто, тут всегда было многолюдно. Я стал дожидаться попутки.

Вдруг кто-то железной хваткой взял меня за локоть: "Пройдемте!".

У меня оборвалось сердце: разрешения коменданта на поездку в город я не имел. Рванулся было, но мне завернули руку.

Так я оказался в городском отделении НКВД. В накуренном помещении с зарешеченными окнами находилось трое или четверо молодых упитанных мужчин.

- Почему приехал без разрешения? - спросил один из них, сверля меня глазами.

- Не знал я, дяденька... - ответил я, потирая руку, которая все еще ныла.

- Во-о заливаает, змееныш, - заметил другой с ухмылкой.

Первый придвинул ко мне листок:

- Прочти и подпиши. Чтобы впредь знал!

Я даже читать не стал этот листок. Мне было известно, что в нем написано. Это было Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1947 г. "Об уголовном наказании за побег с места спецпоселения граждан крымско-татарской национальности сроком на 20 лет каторжных работ". Со всего взрослого крымско-татарского населения были взяты подписи об ознакомлении с этим Постановлением. Его текст, отпечатанный на большом листе крупными буквами, висел на стенах во всех комендатурах, куда люди ежемесячно приходили на "отметку". Каждый был предупрежден, что переход из одного района в другой без разрешения коменданта считается побегом.

- Что я такого сделал, дяденька?.. - невольно вырвалось у меня.

- Сколько тебе лет?

- Четырнадцать, - чуть приуменьшил я.

- Во, заливаешь, во-о, заливаешь!.. - снова хохотнул тот, другой, шагнул ко мне, схватил за волосы и стукнул головой о стол, еще раз, и еще раз, и еще, стараясь, чтобы я носом угодил в бумагу: -Читай, читай!.. И заруби на носу!

Я отказался читать эту бумагу, и тем более подписывать.

Три дня меня продержали в КПЗ, отобрав учебники и почему-то ремень. На четвертый день посадили в машину с металлическим закрытым кузовом и, приказав держать руки за спиной, привезли в Чархинскую районную комендатуру.

В кабинете у коменданта я застал заплаканную мать. Уже потеряв надежду когда-либо меня увидеть, она вчера прибежал к нему, сказала, что у нее пропал сын. К кому было ей еще бежать, кто мог помочь? "Пока сын не найдется, будешь сидеть тут!" - сказал комендант и оставил ее заложницей.

Снова принялись заставляя меня подписать бумагу. Стала уговаривать и мама: "Подпиши, сынок, иначе все равно нас отсюда не выпустят". И я подписал.

Через два года комендантский режим был отменен. При этом, однако, с каждого переселенца административные органы потребовали расписку такого содержания: "Мне (ф. и. о.) объявлено, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР я освобождаюсь от спецпоселения. Я предупрежден, что снятие с меня ограничений на спецпоселение не влечет за собой возвращения мне имущества, конфискованного при выселении, и не имею права возвратиться в то место, откуда был выслан..." И это после официального осуждения сталинских беззаконий на XX съезде КПСС, когда к своим семьям и в родные места уже начали возвращаться миллионы узников лагерей, а Н.С.Хрущев обязал все органы власти проявлять максимальное внимание к реабилитированным. Решения исторического съезда не коснулись репрессированных народов. И подтверждение тому - расписка.

Не ярчайший ли это пример "двойной морали", которая затем обильно проросла в чиновниках и посейчас еще во многих сидит, что тебе сорняк, и мы не знаем, чем и как ее выкорчевать?..

Надо сказать, что к тому времени здоровье большинства высланных крымских татар было подорвано, но они не были сломлены психологически.. Несмотря ни на что, XX съезд партии, принятые на нем решения, в которых осуждалась идеология и практика сталинизма, не могли не вселить в сердца их надежду на лучшие времена. И действительно, не прошло и года, как сессия Верховного Совета СССР вынесла решение о восстановлении автономных республик и областей чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев и возвращении их с мест высылки на родину. Таким образом с этих народов было снято огульное обвинение в предательстве.

Возможно ли обычными словами передать, какое потрясение испытала крымские татары, месхетинские турки, немцы Поволжья, о судьбе которых в данном решении не было ни слова. "Почему?".. Неужели мы все еще под подозрением?" - задавался вопросом каждый.

О том времени нынче толкуют всякое. Говорят, во время сессии, где обсуждались судьбы депортированных народов, когда зашла речь о крымских татарах, Н.С.Хрущев сказал: "Нецелесообразно иметь две татарские автономные республики". Отождествление татар и крымских татар, незнание руководителем великой страны существенной разницы между двумя братскими, но этнически отличающимися друг от друга народами обернулось для крымских татар трагедией - их изгнание с родины длится по сей день. Конечно, не могли не сыграть свою роль окружавшие Н.С.Хрущева недавние соратники Сталина, со стороны которых, и это давно уже не секрет, он испытывал давление, которому не всегда был в силах противиться.

Таким образом, наступившая в стране "оттепель" мало что изменила в жизни крымских татар. Правда, многие ветераны войны стали получать своевременно не врученные им ордена. Не преувеличу, если скажу, что участников Великой Отечественной войны, не получивших своих наград, более всего среди крымских татар. В хранящихся в архиве Министерства Вооруженных Сил их наградных листах значится: "Награда не вручена за изменением места жительства".

В Москве в то время жил крымский татарин, военный историк Сулейман Асанов. Много времени он посвятил работе с архивными материалами. В списках награжденных он отыскивал фамилии земляков и списки их отсылал для публикации в газету "Ленин байрагы", которая к тому времени стала выходить в Ташкенте на крымско-татарском языке. Благодаря этому многие ордена и медали нашли своих хозяев, если, конечно, им было суждено до того времени дожить. Но кому-то из чиновников высокого ранга не понравился такой оборот

дела. Как же так? Все делается для того, чтоб у населения республики формировалось мнение: "Если бы не были виноваты, то их бы тоже вернули", - а тут - ордена?.. И редактору газеты немедленно поступило негласное указание, запрещающее публикацию подобных списков.

"Узаконенные" дискриминационные меры не могли не вызвать у крымских татар тревоги за будущее. С первого дня выселения из Крыма и во все последующие годы они понимали историческую несправедливость всех государственных актов в отношении своего народа. Движение крымских татар за восстановление своего равноправия вызывает сочувствие и симпатии среди людей других национальностей. В нем стали принимать активное участие русские, украинцы, узбеки. Вместе с крымскими татарами ездили они в Москву в качестве представителей народа, писали от своего имени обращения в высшие органы власти. Начиная с 1956 года крымские татары пишут в ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, требуя вернуть их в Крым. Число коллективных обращений, индивидуальных писем и заявлений за это время достигло нескольких десятков тысяч, они подписаны практически всем взрослым крымско-татарским народом.

Одновременно с этим партийные и советские органы Узбекистана намеренно дезинформировали ЦК КПСС и его Политбюро, направляя в его адрес данные, искажающие действительное положение крымско-татарского народа, приводя несуществующие факты, свидетельствующие об "укоренении" крымских татар на местах их насильственного поселения. Именно в этот период достигли зенита пресловутые методы "достижения успехов" рашидовых, адыловых и иже с ними. Сегодня, читая о ферганских событиях, мы воочию видим к чему привела такая идеологическая обработка общественного мнения.

Не дремало в то время и руководство Крымской области, выстраивающее всевозможные препятствия к возвращению крымских татар на родину. Для этого форсировалось заселение Крыма выходцами из Центральной России и Украины, полуостров преобразовывался так, чтобы татарам не оставить места.

Писателям, деятелям культуры и искусства крымско-татарского народа запрещалось в своем творчестве упоминать слова Крым, Черное море, названия родных деревень... Стало подвергаться сомнению само существование крымско-татарского языка...

...18 октября 1956 года исполнилось 45 лет принятия ленинского Декрета об образовании Крымской АССР.

Рабочая молодежь, студенты, некоторые представители крымско-татарской интеллигенции, принимавшие участие в движении за возвращение на родину, решили отметить этот день возложением цветов

к памятнику В.И.Ленина. Тогда для такого мероприятия еще не надо было получать разрешения местных властей. Находился в этой группе и я, недавно закончивший Литературный институт имени А.М.Горького и приступивший к работе в редакции "Ленин байрагы".

Самый лучший памятник вождю мирового пролетариата в Ташкенте возвышался на центральной площади, перед Верховным Советом и Советом Министров Узбекистана.

Жизнерадостные, празднично одетые парни и девушки с охапками ярких цветов пришли на площадь им. Ленина. Но с удивлением обнаружили, что огромный памятник огорожен со всех сторон плотным дощатым забором. А по обе стороны стоят пожарные машины и наряд милиции. Заподозрив неладное, мы остановились. Простояли минут десять-пятнадцать, разочарованные и расстроены. К нам подошел лейтенант милиции, спросил: "Что стоите?" "Да вот, цветы принесли Владимиру Ильичу Ленину", - отвечаем. "Не видите, что ли, памятник на ремонте! Расходитесь!" "Вчера еще не был на ремонте". "Слишком умные! Поменьше рассуждайте!.."

Кто-то вспомнил, что есть еще один поменьше, памятник В.И.Ленину в сквере напротив Дворца текстильщиков.

Снова повеселели, втиснулись в подкативший трамвай. Однако всего через несколько минут его настиг эскорт мотоциклистов. Трамвай замер на остановке, а моторизованная милиция поддала газу и унеслась вперед. Мы направились к памятнику, но он оказался оцепленным таким же плотным, как тот забор, кольцом из мотоциклов и стоящих за ними милиционеров. "Разве нельзя возложить цветы?" - спросили мы.

"Вам нельзя!" - был ответ.

Девушки стали кидать цветы к подножью памятника через головы милиционеров. А парни, что поотчаяннее, с букетами прорвались сквозь цепь. Парней и девушек стали хватать и, выкручивая им руки, впахивать в откуда-то взявшиеся машины...

Состоялся суд. Многие получили по два-три года лишения свободы "за нарушение общественного порядка"...

... 5 сентября 1967 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР "О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму", в котором особо подчеркивалось, что "огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживающих в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей".

Четверть века ждали крымские татары этого указа! Кроме снятия с народа сталинского обвинения, был обозначен, казалось бы, очень важный пункт, который гласил: "Разъяснить, что граждане татарской

национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме".

Однако очень скоро радость народа сменилась разочарованием. Как позже выяснилось, Указ этот издан не для тех, кто стремился вернуться на родину, а для крымских властей, не желающих впускать туда крымских татар. и для местных рашидовских верноподданных, задавшихся целью под видом "национальных регионов" в Джизаке или Мубарекской пустыне привязать крымских татар к местам ссылки навечно. Оказывается, гораздо большую силу, чем сам Указ, имело принятое одновременно Постановление Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения (не отмены, а применения! - Э.А.) Ст.2 Указа от 28.1У.1956 г., которым еще раз подтверждалось, что для крымских татар установлен особый паспортный режим и отмена обвинения не влечет за собой отмену наказания. Если раньше Указы гласили, что виноваты все без исключения, коль родились крымскими татарами, то теперь была внесена поправка - виноваты не все, но все должны нести наказание.

Не разобравшись в юридической казуистике Указа от 5 сентября 1967 года, многие истосковавшиеся по родине люди предприняли попытку переехать в Крым, купили там дома на правах личной собственности, но были встречены плотной стеной блюстителей закона от 28 апреля 1956 года. Сносились бульдозерами купленные дома, люди едва успевали выскочить, запахивались засеянные приусадебные участки, многих грузили силком в автомашины, вывозили за пределы Крыма и сбрасывали в открытой степи, прямо в слякоть, в дождь, снег...

Тысячи людей были вторично подвергнуты унижительному выселению из собственных домов. Они вынуждены были селиться в прилегающих к Крыму районах УССР и Краснодарского края РСФСР. Доведенный до отчаяния Муса Мамут покончил с собой, прибегнув к самосожжению...

В то же время, за период с 1967 г. по 1976 г. в Крым переселились только из Украины свыше 500 тысяч человек. Как в Крыму, так и в Узбекистане правоохранительные органы вооружены не г л а с н ы м и инструкциями, циркулярами, указами, всякого рода секретными и несекретными переписками, которые, вместе взятые, являются не чем иным, как сводом антикрымско-татарских дискриминационных канонов. Творцы многих из них переселились уже в мир иной, но зато благополучно живут и успешно действуют их инструкции.

С древнейших времен, с зарождением человеческих обществ для регулирования отношений между людьми, установления привилегий

одних и эксплуатации других разрабатывались законы, устанавливались табу. Свои законы имеют все религии и ежедневно священнослужители внушают их своей пастве. Законы непременно должны были знать все члены общества, все. Их тиражировали даже когда еще не было бумаги - на глиняных табличках, папирусах, изустно обнародовали глашатаи и проповедники. Их увековечивали, высекая на скалах, стеллах из базальта и гранита. Во все века законы были гласными. Законодатели ими гордились.

У нас есть Конституция СССР (Основной закон), которая провозглашена. А параллельно существуют указы, постановления, инструкции (гласные и негласные), которые строго исполняются, ибо обеспечиваются прокурорским надзором. За соблюдением же Конституции, к величайшему сожалению, нет пока официального надзора. Кому этим заниматься, если сам Генеральный прокурор издает антиконституционные негласные приказы, подобные этому:

"ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР N 54

От 9 ноября 1972 г.

г. Москва

Объявляя не подлежащий опубликованию указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г., предлагаю обеспечить надзор за его исполнением..."

Таковыми приказами сопровождалась не подлежащая опубликованию Указы Президиума Верховного Совета СССР:

От 13 декабря 1955 г. - в отношении немцев и их семей.

От 22 сентября 1956 г. - в отношении бывших греческих граждан и турецких граждан и иранских подданных - лиц без гражданства.

От 28 апреля 1956 г. - в отношении крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей.

Постановление Совета Министров N 700 от 16 августа 1978 г. - подтверждающее, что все репрессивные акции против крымских татар были правомерны.

И десятки, сотни других указов, постановлений, инструкций, не ставших и поныне достоянием гласности, тем не менее обеспеченных прокурорским надзором.

Не благодаря ли подобным негласным деяниям чиновников высочайшего ранга государство наше перестало быть правовым?

Мы, наконец, дожили до Гласности. Задались благороднейшей целью сделать государство наше правовым. так, может быть, стоит начать с опубликования всех негласных указов, постановлений, инструкций, ограничивающих права и свободы граждан СССР по национальному или другому признаку? Опубликовать и немедленно

отменить, как противоречащие Конституции СССР, а так же международным Пактам, подписанным нами? Именно в связи с принятием целого ряда античеловечных нормативных актов и инструкций национально-правовое положение крымских татар и сегодня мало изменилось. За 45 лет пребывания на местах выселения народ распался на разрозненные этнические группы, разбросанные по Средней Азии, Краснодарскому краю и югу Украины. Национальный язык, самобытная культура его находятся на грани исчезновения.

Среди сложнейших национальных вопросов, доставшихся стране в наследство от сталинской эпохи, бесспорно, одним из наиболее болезненных является судьба крымских татар и в целом будущее межнациональных отношений в Крыму. Лишь в самые последние годы вопрос этот стал, наконец, обсуждаться на страницах центральной прессы, популярных и научных изданий, местной крымской печати. Нельзя не признать, в Крыму сейчас немало делается для утверждения интернационалистских принципов. Развертывается лекционно-пропагандистская работа на основе объективного освещения межнациональных отношений. В газетах появляются материалы по истории Крыма, дающие принципиальную оценку необоснованной депортации целых народов в мае-июле 1944 года. В издательстве "Таврия" вышла брошюра "Крым многонациональный", в которой предпринята попытка по-новому, в духе современных демократических тенденций осветить сложные вопросы Крыма. Этому посвящаются передачи местного радио и телевидения. Идет работа по созданию краеведческого словаря "Крым". Стала еженедельно печататься маленькая газетка на крымско-татарском языке "Достлук" - приложение к "Крымской правде". Организуются факультативы по изучению крымско-татарского языка, он преподается в ряде школ. Словом, постепенно создаются условия для возрождения и нормального развития национальной культуры крымских татар на их исторической родине. В Крымском обкоме КПУ создан сектор межнациональных отношений, координирующий эту работу.

Однако многое еще предстоит осмыслить, проанализировать. На многие вопросы ответить. Освободиться от фальсификации истории Крыма и крымских народов. Например:

В Симферополе в бывшем Семинарском саду на Пушкинской улице был воздвигнут памятник героям Гражданской войны, казненным белогвардейцами, на нем были высечены слова на крымско-татарском и русском языках: "Здесь похоронены члены Мусульманского коммунистического бюро при Крымском Окружном Комитете РКП/б/: Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет Урманов, Евгения Лазаревна Жигалина, Абдулла Мустафа Баличиев". Памятник был уничтожен фашистами. После войны восстановлен. Однако теперь на

нем следующая надпись: "Героям, павшим за власть Советов в 1918-1920 гг. от комсомольцев г.Симферополя".

Еще пример.

В запаснике Феодосийского краеведческого музея уже более 40 лет хранится бесценный экспонат. Строго-настрога запрещено его кому бы то ни было показывать - кем? - неизвестно. Это дверь одного из подвалов Судакского комбината, где в годы оккупации была тюрьма. 14 августа 1943 года руководитель подпольной организации Судака Мемеди Эмир Усеин перед казнью кровью своей написал на этой двери фамилии казненных фашистами патриотов. Вот они: С.Амет, С.Османов, К.И.Исмаил, Л.К.Кучук-Амет, Амир А., Амет И., А.Адаш, Мемеди Эмир, М.И., Амет Н., Абан, Банада Ю., Иса". В Судаке установлен памятник с надписью: "Они погибли в гестаповских застенках". Кто - они? Ни одного имени. Как же согласуется все это с нашим священным девизом "Никто не забыт, ничто не забыто"? Неужели слова эти касаются всех, кроме крымских татар?

Еще пример.

6 апреля 1988 г. в "Литературной газете" была опубликована статья Н.Ивиной "Зачем нам отречение?". Автор ратует за возвращение городам, селам, улицам старых имен, в которых запечатлена живая история. Воодушевленные поднятыми в упомянутой статье проблемами и происходящими в стране позитивными переменами, группа крымчан обратилась в Советский фонд культуры с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении прежних названий населенным пунктам Крыма, где в настоящее время насчитывается несколько Лазаревок, несколько Лесных, Зеленых, Приветных, Заветных, Счастливых /!/...

Фантазия тех, кто занимался переименованием татарских деревень, не отличалась богатством. Взамен старых, овеянных легендами или историческими событиями в жизни народа, они придумывали слепые и безликие - Цветочное, Изобильное, Тополевка и т.д., или производили кальки с татарских названий: Охотничье вместо Авджикой, Поворотное вместо Айланма, Ущельное вместо Дерекой, Краснопещерное вместо Кызыл-Коба и пр.

Авторы этого письма в Советский фонд культуры ответа не получили.

Свою лепту в компрометацию крымских татар вносит и современное кино. Недавно телевидение предложило вниманию детей фильм "Иванко и царь Поганин", снятый на студии Укртелсфильм режиссерами Б.Ниеберидзе и С.Дудкой по сценарию О.Туманова. В этом фильме ребенок видит сцены, почти все отснятые в Бахчисарайском дворце, видит героев, обряженных в национальные одежды крымских татар, которые способны творить только зло и обращаются друг к другу

не иначе как "Поганый!" и "Поганый из поганейших!" Что хотят воспитать в детях авторы этого фильма, какие пробудить чувства?

А можно ли говорить о нравственности председателя Гаршинского сельсовета Сакского района Марченко после такого факта? Семья Сеитумеровых купила в поселке Гаршино дом. В Крым они приехали с больным ребенком, которому врачи рекомендовали поменять климат. Предсельсовета Марченко отказал им в прописке. Вскоре ребенок Сеитумеровых умер. И Марченко отказал им в праве похоронить ребенка - не выделил места на кладбище. "Откуда прибыли, туда и везите!" - был его ответ. Над убитыми горем родителями сжалился председатель соседнего сельсовета. Потрясает и сам этот факт, но еще более тот, что Марченко по сей день возглавляет Гаршинский сельсовет.

Возвращающиеся на родину крымские татары помимо экономических трудностей сталкиваются с целым рядом проблем, искусственно создаваемых местными властями. Руководители сельсоветов, совхозов и колхозов устанавливают всевозможные запреты на продажу им домов. В ряде случаев раздаются призывы вообще не продавать дома крымским татарам. Известны случаи, когда тех из местных, кто все же продает дома и собирается уехать из Крыма, обвиняют в "антипатриотизме". Во многих районах Крыма действует положение, согласно которому предпрятия, принимающие на работу крымских татар, обязаны выплачивать районному или городскому совету по несколько тысяч рублей.

Более года работала Государственная комиссия, созданная в июле 1987 года "для рассмотрения комплекса вопросов, поднимаемых лицами из числа крымско-татарской национальности". Во главе ее был поставлен А.Громыко, один из представителей консервативного бюрократического аппарата, сформированного и насквозь пропитанного духом сталинско-брежневских времен, и в исходе работы ее мало кто сомневался. Комиссия, как и ожидалось, имитировала активную деятельность, создавая комиссии всюду, в том числе и в местах насильственного поселения крымских татар. В заключение такой "объективной" деятельности комиссии и "исходя из интересов всех народов", она решила, что восстановление автономии крымских татар нецелесообразно, поскольку в местах их нынешнего проживания им лучше, чем будет в Крыму, где тесно и имеются иные проблемы, разумеется, неразрешимые. Короче - да здравствует прозорливость и забота о крымско-татарском народе, проявленная "отцом народов" товарищем Сталиным! Он предвидел, где крымским татарам будет жить лучше...

Если брать во внимание, что только за последние 20 лет в Крым в организованном (!) порядке переселено более полумиллиона человек

всех, кроме крымско-татарской национальности, что в 1988 году за 9 последних месяцев, например, только в Ленинском районе прописано 4855 приезжих, из них всего лишь 626 крымских татар, для которых родина неизменно начинается с мытарств, связанных с поисками жилища, с издевательствами местных чиновников, от которых зависит прописка, то разглагольствования о равенстве интересов "всех проживающих в Крыму наций и народностей" отдает по меньшей мере цинизмом.

Нагнетается мнение о непреодолимости демографических, земельных и иных трудностей на пути решения крымско-татарской проблемы. Однако все они - эти утверждения и суждения - опровергаются экспертными оценками специалистов.

Современная плотность населения в Крыму - 93,6 человека на квадратный километр (данные 1987 г.). Для сравнения: в близкой к Крыму Донецкой области плотность населения составляет около 200 человек на квадратный километр, а в Ферганской долине (Андижанская, Наманганская и Ферганская области УзССР), где проживает сейчас основная масса крымских татар, - 370 человек на квадратный километр (!). Это в четыре (!) раза выше, чем в Крыму.

И здесь вырисовывается чрезвычайно любопытная, если не парадоксальная картина. В Ферганской долине сложилось самое критическое положение с избытком рабочих рук, в республике в целом насчитывается более миллиона безработных. Казалось бы, естественно и логично помочь крымским татарам, желающим выехать из республики, однако выезду крымских татар возводятся препятствия, а выехать из Узбекистана предлагается... узбекам. И куда? В нечерноземные области, опустошенные организованным переселением коренного населения - русских - в Крым, на Кавказ, в Среднюю Азию из Центральной России. Здесь специально для узбеков предполагается создать новые совхозы, построить новые дома и поселки. В непривычных климатических условиях узбекские переселенцы выдерживают 2-3 года и - возвращаются на родину. Им можно возвратиться, а крымским татарам, месхетинским туркам, курдам, немцам... нельзя по сей день. Им пытаются заменить любовь к родине - "улучшением культурно-бытовых условий" их жизни.

Это - со стороны официальной власти, а вот со стороны народа, тех же узбеков, - гостеприимство ввиду дефицита жизнеустройства для своих детей, естественно и закономерно иссякает. И в результате мы получаем трагические Ферганские события... Но невзирая на все это - просьбы, мольбы, плач, трагедии как коренных, так и депортированных народов, в частности в Средней Азии - руководство страны гнет свою линию: оно никак не привыкнет считаться с интересами живых людей, слышать их голос, оно по инерции продолжают считать их

неразумными пешками в своей высокоумной бесчеловечной политике...

Приведенные примеры - лишь малая толика из арсенала бюрократических уловок, которые используют узбекские, крымские и - будем честны - московские власти, готовые в любой момент заклеить апартеид в расистской ЮАР или режим какого-нибудь очередного латиноамериканского диктатора, но считающие нормальным манипулировать судьбами советских народов.

Последний и самый веский аргумент тех, кто хотел бы оставить крымских татар без родины, состоит в том, что якобы, живущие в Крыму русские и украинцы не желают возвращения крымских татар!

И отправился я, где пешком, а где на попутках по крымским деревням. Встречался и разговаривал со своими земляками, которые кроме родного, владеют русским и украинским языками, беседовал с русскими и украинцами, многие из которых говорят и по крымско-татарски, с караимами, греками, армянами, старожилами Крыма. И стало мне совершенно очевидно, что трактористу, виноградарю, птичнице, доярке, каменщику все равно, кто трудится с ними рядом, что не в национальности дело, а в совестливости и в трудолюбии. Истинному труженику любой национальности свойственно доброжелательство, благорасположение к другим народам. Это ценнейшее нравственное достояние заложено в гены крымских татар далекими предками, которые дорожили дружбой с другими народами едва ли не больше, чем мы, провозгласившие эту дружбу государственной политикой. Скажем, в Бахчисарае по сей день стоит здание средневекового университета - "Зынжырлы Медресе". В то далекое и мрачное в нашем представлении время в этом учебном заведении обучались представители разных народов и даже вероисповеданий. Они прекрасно владели языками друг друга и легко общались. Из стен "Зынжырлы Медресе" выходили служители всех культов: муллы - для мечетей, священники - для церквей, раввины - для синагог. Не знаю, есть ли еще где в мире аналог этому? Выпускники умели не только вникнуть в философию других религий, но и подружиться и затем нести своей пастве, как семена, добрые мысли о другом народе...

Теперь в этом уникальном памятнике человеческой дружбы и интеллектуального общежития находится... дом для умалишенных.

Нет, в Крыму не существует конфликта между татарами и живущими там людьми других национальностей, здесь налицо конфликт между властью предрержащими и народом.

В большинстве своем население Крыма встречает возвращающихся на родину крымских татар доброжелательно. Десятки писем-обращений русских людей в высшие инстанции ходят по рукам, напоминая крымским татарам, что они не одиноки, что их поддерживают в их

справедливой борьбе. Авторы их - рабочие, колхозники, писатели, ученые, инженеры, врачи - говорят о том, что нельзя более мириться с затянувшимся произволом, что в решении сложных социальных, экономических и экологических проблем Крыма должны принять участие возвращенные на свои исконные земли крымские татары, что нужно как можно скорее снимать острые проблемы межнациональных отношений, чтобы враги перестройки, враги обновления страны не могли использовать их в своих неблагоприятных целях. Беспокойство это далеко не беспочвенно.

Мне до сих пор становится не по себе и даже жутковато, когда вспоминаю Сообщение ТАСС, опубликованное 24 июля 1987 года во всех газетах Советского Союза. В нем исключительно крымским татарам приписывалось уничтожение других народов - русских, украинцев, евреев, греков, цыган. Для крымских татар оно прозвучало как гром среди ясного неба и вновь напомнило о печально известных временах. Инициаторы данного сообщения, как видно, предполагали поставить на место столь неумеренных в своих требованиях справедливости крымских татар, а заодно и одернуть кое-кого из представителей советской интеллигенции, набравшихся смелости подать в их защиту голос.

Не берусь первым комментировать давно знакомый всем способ, использованный при подаче "фактов", а лучше предоставлю сначала слово очевидцу событий, о которых идет речь в сообщении, человеку, который вместе с крымскими татарами пережил все ужасы фашистской оккупации - бывшей подпольщице Григорьевой Устьинье Парфеновне. По поводу упомянутого Сообщения ТАСС она адресовала Советскому правительству письмо.

"Прочитала в газете "Крымская правда" сообщение ТАСС и крайне удивилась тому, как в нем освещены события военных лет в Крыму. Я, старый человек, мне 76 лет. Вместе с тысячами людей оставалась в оккупации. Пережила все ужасы ее. Была арестована и находилась пять месяцев в тюрьме, каждый день ожидая расстрела. Оказавшись на свободе, принимала участие в подпольно-партизанском движении в Крыму. У меня до сих пор в памяти все детали жизни, и своей, и окружавших меня людей, в том числе и татар, со многими из которых я дружила и дружу по сей день.

В Крым я переехала в 1936 году из Ленинграда и сразу стала работать в планово-экономическом техникуме. Директором техникума был татарин, член партии, а я, русская, завучем и преподавателем. В техникуме училась молодежь всех национальностей: татары, русские, греки, армяне, евреи, караимы, украинцы. Среди молодежи не было намека на национальную рознь, вражду, особенно со стороны татарской молодежи. Все учились хорошо, принимали активное уча-

стие в общественной работе, самодеятельности. Правда, в 1937 году жизнь стала омрачаться исключением из техникума и комсомола студентов, у которых арестовывали родителей.

Так, первым был исключен брат председателя Совнаркома Самединова А., объявленного врагом народа, впоследствии посмертно реабилитированного. Мирную жизнь нарушила война. Техникум закрылся. Директора и молодежь призывного возраста призвали в армию, а с 31 октября началась оккупация Крыма. В сообщении ТАСС говорится, что при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором было сформировано Крымское правительством во главе с ханом Асановым Белялом. Кто же это мог такое придумать и пропустить в печать? Из каких документов эти сведения были извлечены?

В первый же день оккупации и до последнего в Крыму и в Симферополе была установлена немецко-фашистская власть со всеми карательными органами и все должны были подчиняться этой и только этой фашистской власти. Был создан мусульманский комитет, который находился на ул. Пушкина, дом N 16. Известно, что после гражданской войны в Крыму оставалось много врагов Советской власти: буржуазные, татарские и украинские националисты, дашнаки, белогвардейцы, махновцы и др. Немецко-фашистский режим использовал в своих интересах все это отребье. Я не хочу защищать татар-предателей, карателей, но надо сказать, что сотрудничали с немцами не только татары, а и украинцы, и евреи, и люди других национальностей. Так, первой общиной была еврейская. Врачи-евреи оборудовали госпитали для раненых немцев, украинцы пошли служить в полицию, надели черные шинели с зелеными обшлагами. Но об этом постоянно умалчивается.

Я не понимаю, почему такой сильный акцент дан в статье на враждебную деятельность татар-добровольцев. Мне кажется - только для того, чтобы в настоящее время, когда идет работа комиссии по возвращению татар в Крым, подогреть вражду ко всем татарам и не дать возможности правильно решить этот вопрос. В подтверждение я цитирую дословно из "Сообщения ТАСС": "в совхозе "Красный", например, преступники из 147-го и 152-го крымско-татарских батальонов соорудили печи, в которых круглосуточно сжигались живые люди".

Авторы текста, очевидно, не имели в виду, что есть живые свидетели, узники этого лагеря, которые отрицают наличие татарских печей, например: Мария Николаевна Кобзева, Гаврилова, г.Симферополь, ул. Гагарина, дом 33, кв. 50. Ольга Финк, адреса не знаю, живет в Симферополе и многие другие. На суде над предателями в 1972 и 1974 годах были раскрыты злодеяния охранников лагеря, но о подобном не говорилось. Уничтожение военнопленных, евреев, мир-

ных жителей, угон в Германию и другие карательные действия приписываются только татарам. И этим усиливается вражда к татарам в настоящее время. Хотя все жители Крыма знают, кто осуществлял эти зверские операции.

В сообщении ТАСС и газете "Известия" ничего не говорится о том какое участие принимали татары в подпольно-партизанском движении. Сказано, правда, так скупо, что все тонет в черных красках. А ведь подпольем руководил в Симферополе Абдулла Дагджи, татарин, два с половиной года оккупации до трагической гибели его в конце 1943-го года. Он расстрелян немецкими карателями по доносу русской Зои Мартыновой. И на нас с мужем был сделан донос в ГПФ украинцем Прокопенко, бывшим махновцем. Вместе с Дагджи были расстреляны две его сестры, участницы подполья и мать. Расстреляли Гульзаде Сафи, руководителя подпольной организации на кожзаводе. Многие, многие погибли в схватке со злейшим врагом - фашизмом.

Руководитель подпольной организации Абдулла Исмаилов в деревне "Сары Кият", у которого немцы расстреляли брата за то, что он отказался везти боеприпасы на Керченский полуостров, спас мне жизнь, укрыл у себя в доме до дня, когда я смогла уйти в лес. Спас еврея военнопленного Аркадия Лапскера, достал ему документы, по которым тот высвободился из лагеря. После войны Лапскер жил в Одессе. Можно было бы много привести примеров патриотической деятельности татарского населения.

Хорошо, допустим, татары провинились, но ведь карателями были и украинцы, и кубанские казаки, бежавшие с Кубани, и генерал Власов сдал армию и перешел на сторону фашистов.

Татары провинились и их без разбора выслали, а в чем провинились болгары и греки? И кто перед ними провинился? Сейчас надо не взвинчивать людей и не натравливать их друг на друга, а правильно освещать положение данного дела.

А у нас митингуют после сообщения ТАСС и посылают протесты в Москву против возвращения татар в Крым.

Август 1987 г.

Бывшая партизанка-подпольщица ГРИГОРЬЕВА У.П."

Было бы грех отрицать, что среди крымских татар, как и среди других, оказавшихся в оккупации народов, были националисты, лица, "обиженные" на Советскую власть, да и просто уголовные элементы, которые пошли на службу к оккупантам. Определенные компетентные органы нашего государства знают их всех поименно, располагают списком всех лиц, из которых формировались гитлеровцами упомянутые в Информации батальоны и роты, и прекрасно осведомлены, что

подразделения эти состояли менее, чем на треть из татар, хотя и именовались "татарскими".

А также имеются показания свидетелей и обвиняемых двух судов, состоявшихся на территории совхоза "Красный" в 1972 и 1974 годах, подробно публиковавшихся тогда в печати. И, как замечает в своем письме Устинья Парфеновна, в них и упоминания не было о печах, "в которых круглосуточно сжигались живые люди..." А такой факт вряд ли мог остаться без внимания.

При желании быть объективными авторы информации ТАСС от 24 июля 1987 года могли бы быть таковыми. Они же предпочли вновь извлечь на божий свет "компромат" из захороненных, казалось бы, архивов Берии, сфабрикованных в свое время его подручными для оправдания, "узаконивания" античеловеческой акции по выселению и уничтожению целых народов, не имевшей во всем мире аналогии.

В Крыму действительно создавались "отряды самообороны" для борьбы с партизанским движением. Формировались они в местах, где жили люди различных национальностей, и включались представители разных народов. "Самооборонцы" Бия-Салы, Ново-Бодрака, Буры, Тернаира, Тавеля и других русских сел, конечно, состояли, в основном, из русских; украинских сел Соловьевка, Константиновка, Мусаби - из украинцев; крымско-татарских деревень Корбек, Молбай, Улу-Узень - из крымских татар и т.д. Распространению "отрядов самообороны" в определенной степени способствовали "ошибки" некоторых руководителей партизанского движения Крыма (Мокроусова, Мартынова), которые "грабеж продовольственных баз партизан фашистами рассматривали как мародерство со стороны местного населения и любого попавшего в лес гражданина расстреливали" (протокол заседания бюро Крымского обкома от 18 ноября 1943 года).

Что же касается добровольческих батальонов и рот, необходимо сказать следующее. Авторы Сообщения, доверяя всецело "материалам", оставленным Берией, даже не удосужились заглянуть в документы научного архива Института истории АН СССР. А из них явствует, что в 1942 -1943 годах в Крыму насчитывалось около 30 тысяч "добровольцев", в том числе двенадцать власовских батальонов, закавказский полк "Бергман", казачий полк, туркестанский, армянский, грузинский, кавказско-магометанский легионы, несколько полицейских батальонов, набранных из татар /как крымских, так и поволжских, и прибывших с румынами из Добруджи/, русских, украинцев, армян, болгар, греков и других крымчан, а также военнопленных и иных лиц.

Словом, налицо новая попытка всех коллаборационистов Крыма выдать за крымских татар. Вали, мол, на серого!..

По данным западногерманских историков, до марта 1942 года немцами было набрано в Крыму среди татар 1632 "добровольца", но даже и эти далеко не все были крымскими татарами. Так называемые "татарские добровольческие формирования" пополнились затем 4000 военнопленных, среди которых были как татары, так и представители других народностей, чаще из числа мусульман. Причем командирами в них были только немцы.

Из Сообщения следует, что, якобы, "после оккупации Крыма при содействии немцев в Симферополе был созван мусульманский съезд, на котором сформировано крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом." Мягко говоря, и это - неправда. Не было ни съезда, ни крымского правительства, ни человека (еще и хана!) с таким именем. В Крыму даже не было пресловутого общекрымского "мусульманского комитета", а функционировали лишь городские и районные (в местах проживания татар, турок и других мусульман). Что же касается принудительных мер в отношении населения, то этим в Крыму занимались гражданские власти - городские управы, возглавляемые бургомистрами. Бургомистром же Симферополя был Севостьянов, Севастополя - Супрягин, Керчи - Токарев, Феодосии - Анджевский, Ялты - Мальцев, Джанкоя - Польский, Евпатории - Епифанов, Старого Крыма - Арцышевский. Полицмейстерами в этих городах так же были не татары. Этот список показывает, в чьих руках фактически была гражданская власть в Крыму в годы оккупации.

В Сообщении сказано, что были "выжжены населенные пункты вблизи лесных массивов и истреблены их жители. Так была создана "мертвая зона" вокруг партизанских отрядов". Да, это действительно так, что было, то было. Каратели уничтожили более 70 крымских деревень. Но в Сообщении отсутствует весьма существенная деталь - не сказано, чьи это были деревни. А были они чисто татарскими. И проживало в них более 25% от общей численности татар в Крыму. В этих деревнях, расположенных в горах и лесной глуши, жили только крымские татары. И истреблены были эти деревни карательными отрядами, состоящими из гитлеровцев.

В наше время, когда провозглашено восстановление изрядно пошатнувшихся устоев нравственности, и народы страны обрели новые и вполне реальные возможности в реализации своих давних надежд, тема крымских татар перестала быть запретной, и люди постепенно стали узнавать об их истинной, а не фальсифицированной роли в Великой Отечественной войне. Информация ТАСС от 24 июля 1987 года, в которой так произвольно, так по-сталински, по-бериевски перетасовываются факты и все ставится с ног на голову, прозвучала неким диссонансом и не могла не вызвать возмущения крымско-татарского народа, который уже почти столетия вынужден опровергать

свою злонамеренно искаженную репутацию, очищать от клеветы свою честь...

... Время сделало людей зорче. Они внимательно приглядываются друг к другу, выясняют кто есть кто на самом деле, а не словах. Пришла пора сказать правду и о репрессированных народах, в числе которых вот уже полвека страдает ни в чем неповинный крымско-татарский народ. Никакие успехи перестройки не станут действительными успехами до тех пор, пока не будут по справедливости решены вопросы о полном оправдании, о возвращении на родную землю, о возмещении морального ущерба оскорбленным и оклеветанным, ограбленным и преданным физическому геноциду советским народам, а в их числе крымским татарам.

Москва, 1990

Лиля БУДЖУРОВА
РАЗГОВОР С СЫНОМ

Осману Джелилову,
без вести пропавшему
в возрасте 2-х лет
в день выселения

Где ты, мой сыночек сероглазый?
Что ж ты не приснишься мне ни разу
Взрослым: ты, наверно, уж седой?
Не болит ли на плече местечко
Помнишь, ты ушибся о крылечко?
Ах, какой то виделось бедой...

Помнишь, день такой был - ясный-ясный,
Шли тогда с тобой мы в твои ясли,
В тот проклятый страшный майский день?
Что ж ты, сердце глупое, молчало,
Ничего кругом не замечало?
Только в небе жаворонков звень...

Ты не знаешь, сын, что дальше было -
Как меня слепым прикладом били,
Не рвалась чтоб за тобой бежать,
Как твою сестренку уносили,
Знали, подлецы, какую силой
Сердце материнское держать.

Как потом я поезда встречала,
В окна их летящие кричала
Твое имя, род твой и село...
С той поры, когда смотрю я фильмы,
Где встречаются на вокзалах милых,
Словно в душу пеплом нанесло.

Сколько детдомов я обыскала,
Сколько душу горькую таскала
По дворам бесправья и потерь!..
И сейчас мне этот ужас снится:
Чьи-то пальцы мнут и мнут страницы
С именами потерявшихся детей.

А потом однажды мне сказали:
"Сын ваш умер где-то на вокзале,
Потому его в бумагах нет..."
Ты не думай, мальчик, я не верю,
Ведь не люди мне сказали - звери.
Лишь зверей достоин был ответ...

Я уже стара, родной сыночек,
У твоей сестры большие дочки,
Много с ними счастья и забот;
Только часто долгими ночами
Слушаю у двери, не стучат ли,
Кажется, что ты придешь вот-вот.

В эти ночи я прошу у Бога:
- Покарай тех нелюдей дорогой
В дальний путь от дома своего!
Накажи и их моей бедою,
Сделай душу всю от слез седою,
Отомсти за сына моего!..

* * *

- Скажи, отец, зачем черны мои глаза?
- От моря Черного, дитя мое.
- А от чего в твоих глазах слеза?
- От горя черного, дитя мое.

- Скажи, отец, где Родина моя?
- У моря Черного, дитя мое.
- Зачем уехал ты в далекие края?
- То горе черное, дитя мое...

ГОВОРИ

Говори, отец, говори,
Говори, отец, до зари!
Говори о жестокой войне,
Говори о страшном том дне.
В моих венах пусть бьется беда,
Как соленого моря вода,
Пусть бьются камнями в виски
Черноморского пляжа пески!
Не щади меня, не щади,
Вновь из дома родного иди,
Вновь теряй по вагонам родных,
Вновь считай, кто остался в живых!
Я хочу обо всем узнать,
Чтобы внукам твоим передать -
Твою боль, что кричит во мне
Каждый миг - наяву и во сне!
Пусть для них тоже станет родным
Слово "Родина" и слово "Крым"!
Говори, отец, говори,
Говори, отец, до зари!

КАК ПАХНЕТ РОДИНА

Как пахнет родина?
Сухой травинкой,
Запутавшейся в волосах ребенка,
Сосновой веткой, горечью полынной,
Или разлукой, в сердце погребенной?
Овечьим сыром, кофе ароматом,
Разлитым звонко в тоненькие чашки,
Даг-чаем, миндалем, душистой мятой,
Сегодняшнею явью, сном вчерашним?
Иль жгучим криком чайки одинокой?
Иль Чатыр-дага высотой снежной?
Старинной песни музыкой далекой?
Нет, -
пахнет моя родина надеждой.

МЫ ЖДАЛИ ЭТОТ ЧАС

Мы ждали этот час все сорок пять
Проклятых лет, прожитых мимо,
И каждую чужой Отчизны пядь
Отметили своей могилой.

Все эти годы на висках седых,
На стенах камер и психушек,
И в вечном ожидании беды
В слезящихся глазах старушек.

На километрах всяческих бумаг,
Приговоренных к непрочтению,
На душах, сжавшихся в кулак,
Злу отдающих предпочтенье...

И вот, когда пришел победы час,
У нас ее опять украли,
Упрятав, бедную, подальше с глаз,
Мол, подождет еще, татарин.

А мы-то думали, что этот день
Днем радости всеобщей станет,
Пролет салютов ярь, литавров звень,
И сотнями оркестров грянет.

Посвящается активистам
национального движения

Что буду делать я без этой боли,
Если когда-нибудь вернусь домой?
Для сердца, жить привыкшего в неволе,
Не станет ли убийственным покой?

Боль эта - часть души моей и жизни -
Забуть мне не давала, кто я есть,
Чья в жилах кровь течет, какой Отчизны
Кричит во мне поруганная честь.

Боль эта памятью отцовской стала
И деда неувиденным лицом,
И запоздалой ярости началом,
И застарелой трусости концом.

Она однажды цепью приковала
Меня навек к народу моему,
И я одной из многих тысяч стала,
Чье сердце похоронено в Крыму.

Она открыла мне глаза и уши
На горе незнакомых матерей:
Отсутствие беды калечит души -
Нехватка счастья делает добрей.
Она мне дорога, я все приемлю,
Чем болен мой измученный народ,
Ведь боль моя - мой путь в родную землю,
Которым я иду из года в год.

1989, август

Тимур ПУЛАТОВ
ВСЕМ МИРОМ - ПОМОЧЬ БРАТЬЯМ!

... Есть и такие люди, что искренне недоумевают: чего еще нужно крымским татарам? Ведь они трудоустроены в местах переселения, обуты-одеты, имеют крышу над головой... Но это взгляд бездуховного человека, манкурта, не помнящего ни своей истории, ни своей родины.

Знарок Крыма, поэт Максимилиан Волошин писал в 1925 году, в пору, когда крымские татары еще жили на своей родине: "Крымские татары - народ, в котором к примитивно-жизнеспособному стволу монголизма были привиты очень крепкие и отстоянные культурные яды, отчасти смягченные тем, что они уже были ранее переработаны другими эллинизированными варварами.

Это вызвало сразу прекрасное (хозяйственно-эстетическое, но не интеллектуальное) цветение, которое совершенно разрушило первобытную расовую устойчивость и крепость. В любом татарине сразу чувствуется тонкая наследственная культурность, но бесконечно хрупкая и неспособная себя отстоять..."

Это точное наблюдение по поводу культуры, "неспособной себя отстоять", особенно ярко подтвердилось, когда крымские татары были насильственно помещены в иную культурную среду в Средней Азии и Сибири.

Что тут скрывать, за сорок с лишним лет ссылки крымские татары так и не вросли своей культурой в культуру узбекского и других среднеазиатских народов, все время чувствуя себя обособленно и задыхаясь от этой обособленности.

Причину такого обособления помогает отчасти понять и другое наблюдение Максимилиана Волошина: "Полтораэта лет грубого имперского владычества над Крымом вырвало у них (крымских татар. - Т.П.) почву из-под ног, а пустить новые корни они уже не могут, благодаря своему греческому, готскому, итальянскому наследству..."

Если уж на родной почве эта культура не могла пустить новые корни, то как она пустит их на чужой? Что общего между нашей культурой, замешанной на тюркской, персидской, арабской традициях, и крымско-татарской с элементами греческой и итальянской?

Сам по себе синтез крымско-татарской и нашей, узбекской культуры мог бы дать интересные плоды при общей прошлой исламской традиции. Но для этого необходимо свободное и естественное развитие культур, чего не скажешь о культуре народа, над которым долгие годы висело клеймо "народа-преступника".

Хотя бы физически выжить в таких условиях. И выжить крымским татарам помог, наверное, этот "примитивно-жизнеспособный ствол монголизма". Он помогает им на протяжении своей трагической истории всякий раз надеяться и горько разочаровываться, и снова наполняться верой...

Как верили они, выгрузившись с эшелонов в конце своего долгого пути в Узбекистан, в мае 1944 года, что злодеяния в отношении их допустил Берия и что "великий и справедливый вождь и учитель" Иосиф Виссарионович Сталин, узнав об этом насилии, немедленно вернет их обратно на родину, верили в это и какое-то время еще ждали, не развязывая узлов с пожитками и не обустриваясь на новом, незнакомом месте. Эта вера в "справедливого вождя" стоила народу кроме сотен погибших от отчаяния и болезней в дороге еще сорока тысяч погибших от голода уже на новом месте - детей, женщин, стариков.

Остальным помогли выжить понимание и сочувствие коренного узбекского, казахского населения, которое, несмотря на пренебрежение и строгость местных сталинских чиновников, ни разу, ни словом, ни действием не оскорбило переселенцев, потеснилось, поделилось с ними не только теплом своих очагов, но и землей, территориями.

И это при том, что во многих районах поселения татар ощущается переизбыток коренного населения - почти миллион незанятых рабочих рук сейчас в одном Узбекистане!

Простой наш народ своим особым чутьем, замешанным на мудрости, сострадании к чужому горю и на достоинстве, вопреки сталинской пропаганде о "врагах народа", о "народе-предателе" понимал, что крымские татары, превыше всего ценящие труд, честь, как и они, узбеки, в поте лица добывают свой кусок насущного хлеба. Правда, большинство моих земляков, должно быть, задавало себе вопрос, подобный тому, который задал себе я, когда впервые, будучи подростком, стал задумываться над горестной судьбой переселенцев: "Почему наша узбекская земля, единственная и неповторимая наша родина, стала местом наказания, ссылки для другого народа?! Не надругался

ли тот, кто это сделал, и над нашими чувствами любви и поклонения родине?..."

Конечно, сталинская неволя, как и всякая другая, не могла не отразиться отрицательно на нравственности, на характере крымских татар, сделав некогда открытый и жизнелюбивый народ скрытным и подавленным. Народ постепенно растрачивал не только основы своей национальной культуры, но и свои традиционные хозяйственные навыки - искусных земледельцев, садоводов, виноградарей...

К сожалению, творческая интеллигенция, в частности, писатели не смогли хоть как-то уберечь свою культуру от упадка в чужой среде.

Да и не могли они этого сделать по той простой причине, что до самого недавнего времени в их произведениях запрещалось всякое упоминание о Крыме, об их жизни как прошлой, так и настоящей, не говоря уже о том, что выпало на долю народа во время переселения.

Помню, в 1972 году писатель Ш.Алядин, бывший до войны председателем Союза писателей Крымской автономной республики, рассказал мне, как он, капитан Советской Армии, после вступления со своей дивизией в освобожденный Крым был схвачен и сослан вслед основной массе переселенцев в Узбекистан, как долго мытарствовал он по нашим городам и кишлакам, терпя унижения со стороны сталинских чиновников, пока где-то под Андижаном не нашел свою семью: жену и дочерей, опухших и умирающих от голода. Издевательства и унижения, которым подверглась его семья, как и семьи других спецпереселенцев, могли бы стать сюжетом для полного драматизма повествования, но, когда я спросил крымско-татарского писателя, почему он обо всем этом не напишет, он раздосадованно пожал плечами: "Зачем? И кто все это опубликует? Нам запрещено не только писать, но и думать о пережитом..."

Запрещено думать о пережитом...

Перед самой войной в Крыму вместе с русскими, украинцами, армянами, болгарами, греками проживали почти четверть миллиона крымских татар. Почти шестьдесят тысяч крымских татар были призваны на фронты Великой Отечественной, из коих каждый второй пал смертью храбрых, не считая тех, кто участвовал в партизанском движении или пропал без вести. Вот истинный вклад крымских татар в нашу общую победу над фашизмом! И навешивать на целый народ клеймо "народа-преступника" на основании предательства какой-то его части - безнравственно.

Мною собраны десятки свидетельств крымских татар-переселенцев, на основании чего я сделал вывод о том, что судьба этого народа - следствие личной мести Сталина. Украинцев он морил голодом "лишь" за то, что они сопротивлялись грубым перекосам коллективизации, узбеков и казахов истреблял за то, что на их лицах не было радости во время насильственного обобществления их скота, а на крымских татар вожь давно "точил зуб" за то, что они роптали на беззакония НКВД, истребившего их лучших людей, цвет нации, на извращения "сталинской национальной политики". На памятнике жертвам беззаконий и репрессий сталинизма, который будет воздвигнут в Москве, в списке жертв, вне сомнения, должен быть поставлен крымско-татарский народ...

*Национальный вопрос сегодня:
Материалы совещания в редакции
«Дружба народов». 1988 N 12.*

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

18 мая 1944 года вместе с крымскими татарами подверглись депортации:

396 немцев,
32 румына,
21 австриец,
1 венгр,
7 финнов

История СССР. 1989. N 6.

* * *

По Постановлению Государственного Комитета Обороны от 2 июня 1944 г., N 5984, за два дня (27 и 28 июня) было выселено

15 040 греков,
12 422 болгар,
9621 армянин.

Кроме них в число выселенных попали 1119 иностранных подданных, проживавших в Крыму:

немцы, итальянцы, румыны,
3531 грек,
105 турок,
16 иранцев.

Там же.

Борис БЕБЕШ БЕЗ ВИНЫ И БЕЗ УКАЗА

Воспоминания

Я родился в 1931 году в Ялте, где родились еще мой дед, отец, мать, старший брат, бабушка - весь мой род.

В начале 1941 года отца неожиданно арестовали, говорили, кто-то на него донес, и его осудили. Началась война. Фашисты стремительно приближались к Крыму. Наши войска уходили поспешно, гражданское население эвакуировалось выборочно - в первую очередь работ-

ники советских и партийных органов, знатные люди, а наша семья - без отца - состояла из бабушки, матери, 14-летнего брата и меня. Немыслимо было попасть на перегруженные теплоходы, которые, как нам становилось известно почти тотчас же, почти все были потоплены при бомбежке вражеской авиацией. Так мы оказались в оккупации, но еще до прихода немцев в Ялту, неожиданно дома появился отец. Он рассказал, что их, заключенных, использовали на строительстве оборонительных рубежей. При отступлении повели колонной, но налетели фашистские самолеты, стали бомбить, и они разбежались, кто куда.

Вернувшись, отец связался с ялтинским подпольем и через Виктора Александровича Жукова передавал интересующие партизан сведения о численности оккупантов, их вооруженности и т.д. Я помогал отцу. А было это так. Работы не было, а кормиться как-то было надо, и отец, как и многие другие, вырезал из кости крымские сувениры и ходил вместе со мной в расположение частей гитлеровцев и продавал их, вернее, обменивал на продукты. Пока он торговал, я смотрел и считал танки, машины, пулеметы и так далее. Жизнь была тяжелая, трудная, голодная, перебивались, кто как мог. Мне частенько с другими ребятами приходилось ходить к румынам, итальянцам, немцам и воровать овес из кормушек лошадей. Из этого овса варили дома кашу.

Когда наши спустили десант, всех мужчин, в том числе моего отца и Жукова, забрали и отправили в концлагерь под Симферополь, в так называемый "картофельный городок". И вновь случай помог отцу и Жукову - им удалось бежать оттуда и до прихода наших они прятались в горах.

В этот период - перед освобождением - Ялту часто бомбили с моря. По городу били наши военные корабли. И хотя мы наравне с оккупантами подвергались опасности, но радовались, что Красная Армия бьет врагов. В одну из бомбежек был разбит наш дом, и нам пришлось перебираться в другое помещение.

В начале 1944 года гитлеровцы начали бежать из Крыма, бросая технику, госпитали. Сбегались в Севастополь, и в один прекрасный день в Ялте наступила тишина, город будто вымер, а наутро в нее вступили наши войска. Радости не было предела - мы победили. Вернулся отец. Вскоре брату пришла повестка - он отправился воевать в Севастополь. А потом пришла повестка и отцу, которому было тогда 43 года, но ему не пришлось идти в армию.

Отлично помню день, когда пришла ему повестка, вечер, ночь и утро. Мать собирает отца на фронт, утром в 7 часов ему идти. Я кручусь возле, слушая отцовские наставления - еще бы, я, тринадцатилетний, остаюсь с двумя женщинами за главу в семье. Заснули поздно, вдруг в 5 часов утра - страшный стук в дверь. Открываем: стоят солдаты с автоматами и офицер. Спрашивают:

- Кто здесь живет?

- Караимы.

- Собирайтесь. Вас выселяют как врагов народа.

- Как - врагов? - удивляется отец. - Мой сын воюет в Севастополе, а через два часа должен явиться по повестке... Вот!

Но офицер в ключья рвет повестку отца и кричит, чтобы мы через 10 минут были готовы в дорогу. "Иначе погоним, как собак!" - пригрозил он.

Что можно было собрать за 10 минут?

Оделись по погоде - стоял июнь 1944 года. Я поехал в коротких детских штанишках, летней рубашке и летнем пиджачке. Мать, бабушка и отец - в летнем. С собой взяли по смене белья и еду, какая была.

Вышли во двор, а там - соседи, плач, крики, стоны. Старики, женщины, дети. Расстерянные, испуганные. Караимы, армяне, болгары, греки... Татар вывезли весной, теперь пришел наш черед. Со двора нас всех согнали в городской сад, где театр имени Чехова, окружили плотной стеной солдат. Они не пускали ни за водой, ни в туалет. Все в панике, а людей со всех сторон ведут и ведут. Я никак не мог понять, что происходит: чего только не пришлось перетерпеть от немцев, но ведь это наши, родные?

Подали открытые грузовые машины, приказали людям садиться. Стали садиться - люди тянут с собой узлы, чемоданы, а солдаты вырывают их из рук, откидывают в сторону, а людей пинками и прикладами торопят сесть в машину. Наконец, всех погрузили и повезли. Как мне потом сказали, нас везли через Ай-Петри коротким путем на станцию Сирень. Везли ночью, было очень холодно, укрыться нечем. Женщины плакали, дети начали кашлять. Все время хотелось есть и пить.

На станции нас подвезли к товарному эшелону, раскрыли двери-ворота вагона и приказали садиться. В вагоне пусто - сесть не на что, стояли. Окна были забиты, потом задвинули двери, щелкнула снаружи щеколда и нас повезли.

Сели прямо на пол - кто где стоял. Куда везут, зачем, почему - никто не знал. Ехали много суток - днем наш эшелон, как правило, стоял в тупике какой-нибудь станции, один-два мужчины из вагона под конвоем шли на станцию, брали там ведро-два горячей воды и возвращались. Хорошо, если им удавалось увидеть название станции, разговаривать с людьми не разрешалось под страхом расстрела. Ночью нас везли. Люди в вагоне начали болеть, умер один старик, умирала женщина, но доехала. Если на станциях рядом оказывались люди, им говорили, что везут предателей родины, и в нас швыряли камнями, палками, кричали проклятия.

Ехали много дней. Каким-то образом узнали, что нас везут в Сибирь на поселение. Ночью на какой-то станции остановились, двери распахнулись и нам сказали: "Все, ваша дорога кончилась, вылезайте! Вылезли, нас построили в колонну и погнали к реке, там нас уже ждали баржи - на таких возят песок, гравий и прочие грузы. Велели садиться на баржи и повезли уже по реке. Часть оставили, сказали, что их повезут в другую сторону. Делили людей, как стадо, разъединяли семьи, не слушали ни просьб, ни плача.

Плыли несколько дней - без еды, без воды. Потом я узнал, что плыли мы сначала по реке Белой, потом по ее притоку Уфимке и приплыли в поселок Красный Ключ, это почти 200 километров от Уфы. В поселке находился лесхоз, лесопилка, бумажная фабрика. Поселили нас в бараке, который освещался днем и ночью. Люди стали работать на лесоповале, лесопилке, я пошел в школу. Но на "предателей родины" в поселке смотрели очень плохо, в школе меня начали трепать, оскорблять, бить, пришлось мне бросить школу, так я пропустил учебный год. Родители еженедельно ходили отмечаться в спецкомендатуру.

Оказалось, что у отца моего, бухгалтера, дефицитная профессия. Его командировали в Уфу с отчетом и там он договорился о работе на кирпичном заводе. День Победы мы встретили в Красном Ключе - мы особенно радовались, считая, что теперь вспомнят о нас, исправят ошибку. Верили, ждали, питались иллюзиями...

В августе 1946 года удалось перебраться в Уфу. Вскоре и в наш дом пришла радость - отозвался брат и в 1947 году приехал к нам в отпуск. Он воевал до Победы, а после его оставили в морской пехоте в Севастополе. Он рассказал нам, что, узнав о нашем выселении, подал рапорт командованию о том, что он караим и семью его выслали. Он просит демобилизовать его и воссоединить с семьей. На его глазах так поступали с бойцами греческой, татарской национальности. Но его вызвали и сказали, что караимы не подлежат выселению, произошла ошибка, с вашей семьей разберутся, а вы служите дальше.

От нас брат поехал в Москву с ходатайством о нашем освобождении. Он прослужил на флоте до 1950 года, а нас освободили из-под спецучета и сняли ограничения в 1951 году.

Отец и мать, конечно, обрадовались, что больше не надо ходить отмечаться в спецкомендатуру, что теперь можно ездить свободно, но почему-то побоялись возвращаться в Крым. Почему - не знаю. Возможно, в приказе об освобождении были ограничения. Так мы и остались в Уфе, здесь я похоронил сначала мать, потом отца...

Нас, караимов, очень мало, всего 2800 человек. Это не народ, не нация, не национальность - этническая группа. Но как бы мы не назывались по-научному, мы остаемся людьми, и нам дорог родной

язык, утраченный, можно сказать, совсем, наши традиции, уже почти забытые... Родина, наконец. Я с детства мечтаю вернуться в Крым, но дорога туда мне практически закрыта. Мне хочется общаться с караимами, которые в виду своей малочисленности почти все между собой родственники. Но в Крыму их живет 900 человек, 400 в Литве, в Гракае, остальные разбросаны в результате "ошибочной" депортации на Урале, в Башкирии, в Сибири. Кто - где. Без вины и без Указа с нами расправились... На моих глазах 15 ялтинских семей караимов вымерли полностью.

Уфа, 1990

* * *

По Постановлению Государственного Комитета Обороны от 31 августа 1944 г., № 6279, из Грузии в Казахстан, Киргизию и Узбекистан было выселено:

46 516 турок

8694 курдов

1385 хемшидов

29 505 представителей других национальностей, не входивших в список специально выселяемых по государственному заданию.

Частичному выселению подлежали курды из Армении.

Всего из Закавказья было выселено турок, курдов и других народов около 100 тысяч.

История СССР. 1989. № 6.

* * *

По данным Управления общего снабжения ГУЛАГа, на довольствии в местах заключения состояло без малого 16 миллионов - по числу пайкодач в первые послевоенные годы.

*Антон АНТОНОВ-ОВСЕНКО. Противостояние
Литературная газета. 1991. 3 апреля*

* * *

В 1948 - 1953 годы из Армении насильственно выселены около 100 000 азербайджанцев. Более половины из них погибли во время депортации от эпидемических заболеваний и голода.

Из Архива газеты "Азербайджан" (Баку)

Публикация В.РЗАЕВА

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Из беседы с поэтом

- Когда я в Алма-Ате пятидесятих годов учился в школе, нас знакомили с прошлым Греции, Рима, Западной Европы, Америки и, конечно, России. Но из истории казахов - ни одного имени, ни одного события. Кстати, не только школьников, но и историков отучили от своей истории, от своих предков. Помню, когда я, работая над книгой "Аз и Я", исследовал архивные документы в алма-атинской академической библиотеке, то отыскал удивительные первоисточники на запыленных полках хранилища. И что меня потрясло - страницы многих из них пришлось разрезать обыкновенной расческой, которая оказалась в кармане, не знал, что надо запастись костяным ножом. Я был первым, кто прочитал драгоценные страницы о прошлом...

Удивляюсь и огорчаюсь тому, что у нас нет Музея древнетюркского рунического письма, памятники которого обнаруживаются на громадных просторах от Монголии и Китая до Венгрии, но до сих пор еще не собраны под одной крышей... Ведь речь идет об одной из древнейших мировых письменностей, незаслуженно обойденной вниманием, которой она достойна... Если шедевры рунического письма исчезнут - потомки нам не простят. Да и мы сами себе.

Связи нашего сознания с прошлым искусственно пресекались. А ведь это кровеносные сосуды истории и прерывать их нельзя без ущерба для общественного и национального развития. Сейчас газеты и журналы свели острые лучи своих "прожекторов" на тридцатых годах. Это десятилетие далеко не полно представлено в нашем сознании, хотя оно является ключевым для понимания всего семидесятилетия.

В музейных экспозициях о 30-х мы видим только победы. Пока еще нет в них фото и прочих документов о насильственной коллективизации, голоде, репрессиях, которые бы диалектически дополнили картины первых пятилеток. Кто знает, что в конце 20-х годов казахов проживало на территории республики более шести миллионов? А после коллективизации осталось около трех! Возможно, и немного жертв в масштабах всей страны, но для нас это половина нации. Уничтожение происходило безо всякой огласки. Но со всеми признаками геноцида, организованного ретивыми чиновниками. Мы не проводим ежегодных дней памяти жертв геноцида. Такие дни не проводятся ни в России, ни на Украине, ни в Белоруссии - между тем как все народы испытывали ужасы истребления. Молчать безнравственно, как и спекулировать на этой теме. Необходимо сообща выработать строгий

тактичный подход, чтобы народы не начали соревноваться мерами слез и страданий. Иначе - порочный круг. Искалечим сознание будущих поколений, воспитаем в душах огонь ненависти...

... Историю любого народа надо рассматривать в контексте общечеловеческой истории, а не расхожих и часто услужливо предлагаемых мифов, не отвергая с ходу самые на первый поверхностный взгляд невероятные параллели. Ни один язык не упал готовым с неба. Каждый - результат бесконечных взаимосвязей с другими. И чем богаче язык, тем больше у него было контактов. Эту простую мысль еще не донесли до наших учебников...

Возвращение исторической правды не акция-однодневка, а процесс... Сиюминутной акции легче соответствовать, а тут каждый новый день раскрывает новые драматические страницы. Давайте, например, взглянем: как формировалась интеллигенция в наших республиках? В 1930-е годы в срочном приказном порядке отменялись прежние алфавиты у народов Советского Востока, никто не спрашивал желания народа, не была проведена соответствующая научная подготовка. Первые классы начальной школы писали традиционным арабским шрифтом, в третьем классе переучивались на латиницу, а заканчивали школу кириллицей. Все письменное наследие было забыто. При этом книги, ценнейшие рукописи по различным отраслям знаний и особенно по истории, написанные в средние века, сжигались. У кого находили старинные книги - арестовывали как неблагонадежного, политического диверсанта, носителя вируса буржуазного национализма. Насильственное изменение алфавита не коснулось на Советском Востоке лишь грузин и армян. В ареал алфавитной кампании были вовлечены и молдаване, которые прежде пользовались латиницей. Таким образом, последующие поколения казахов, узбеков, азербайджанцев, таджиков, туркмен, татар, киргизов, кумыков, балкарцев, башкир, карачаевцев, каракалпаков оказались отрезаны от своего прошлого, от своей древней культуры. Навязывались совершенно чуждые этим народам концепции их истории, которые во многом не изжиты и сегодня...

Ныне патриотизм как забота о национальных ценностях наконец-то признается естественным правом каждого народа. Однако эгоизм иных патриотов способен профанировать демократию, превратив гласность в кликушество.

Самосознанием невозможно наделить сверху и сразу. Оно вырабатывается сложно и долго. И после десятилетий, а для некоторых народов и столетий исторической немоты выкрики естественны. Голоса еще не распеты, но мы должны выговорить весь алфавит самосознания до буквы "Я", превращая хаотический ор в демократическое бельканто.

*"Голоса еще не распеты"
Советский музей. 1989. № 3.*

Мурад АДЖИЕВ
"ИЗ РОДА ПОЛОВЕЦКОГО"

Очерк¹

"В кумыкских песнях отражается нравственный облик кумыка - рассудительного и наблюдательного, со строгим понятием о чести и верности данному слову, отзывчивого к чужому горю, любящего свой край, склонного к созерцанию и философским размышлениям, но умеющего повеселиться с товарищами. Как народ более культурный кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседние племена".

Так писали о кумыках в XIX веке. Значит, такими они и были. А мы? Достойны ли мы, нынешние кумыки, этих слов? Вровень ли идем со своими предками? Увы. Сегодня эти приятные слова к кумыкам не относятся, настолько искалечен теперь наш народ. Не поют уже песен в аулах, давно не поют. От традиций ничего не осталось, разве что "умение повеселиться"...

Если так пойдет и дальше, боюсь, скоро кумыки окончательно исчезнут. Пора уже, видимо, заводить "Красную книгу" народов СССР. Это не громкие слова и не преувеличение. Жестокая реальность.

В отличие от других народов Дагестана кумыки всегда жили на равнине и в предгорьях. Ведь нашими предками были половцы. На середину XIII века приходятся первые упоминания о кумыках как о народе Кавказа.

Много воды с той поры утекло в нашем Доне. Ныне кумыков насчитывается чуть более двухсот тысяч. А было - миллионы! Тьмы и тьмы.

В Дагестане уже не осталось ни одного кумыкского района, умирают целые поселения...

Идет массовое вытеснение кумыков из республики, изгнание с родных ныне земель...

Передо мной результаты первой российской переписи населения (1926 года. - Ред.-сост.). Тогда в стране проживало 196 народов. А сейчас осталось ... никто даже не знает, сколько. Официально сообщается, что в СССР более ста различных наций и народностей. Простите, а куда же делись остальные? Речь же идет не о людях, которых правители расстреливали миллионами, а о целых народах, со своей богатейшей и неповторимой историей, культурой, традициями.

¹ Печатается в сокращении

Впрочем, ответ на вопрос "куда делись?" можно проследить на драматической судьбе моего народа.

Тысячи горских семей сперва насильственно завозились из горных аулов и расселялись по Кумыкской равнине. Причем тавлу (так по-кумыкски называют жителей гор) выделяли лучшие земельные участки, по площади в несколько раз больше, чем были у потомственных жителей равнины. Переселенцам давали такие ссуды, которые местным и не снились...

В переселенческом колхозе имени Г.Цадасы, например, горцы получали участки по 40 соток и плюс под огород еще 20 соток, в то время как кумыкам более 7 соток земли выделять не положено. Почему? Никто не мог объяснить, все ссылались на какое-то постановление Совмина Дагестана.

Режим максимального благоприятствования за счет другого народа привел к тому, что на равнину с гор уже добровольно потянулись тысячи семей. Кумыкские поселения лишились своих пашен, пастбищ, садов, быстро захирели. Закрываются кумыкские школы, уничтожаются культурные центры и памятники...

Вот пример по Хасавюртовскому району, бывшему когда-то "самым кумыкским" нашим этническим центром. Лишь четверть населения здесь теперь кумыки. Да и то значительная часть их - безработные и безземельные. В Аксае, например, уже овцу не прокормишь - негде. Там и в помине нет тучных отар, о которых упоминал Лермонтов.

Кстати, раньше в Хасавюртовском районе жили не только кумыки, но и русские, вернее, казаки. От казаков остались лишь названия сел - Петровское, Петраковское и другие, а самих выселили. Были несколько немецких поселений, но немцев тоже выселили... Нет народа - нет проблем.

Я родился уже не в Аксае, откуда родом мои дедушка и прадедушка. Нас, как и тысячи других семей, выселили раньше, до моего рождения. Сейчас вроде насильственного выселения нет, но есть экономическое принуждение, которое ничуть не лучше принудительных методов, которые применялись в сталинско-бериевские времена, ибо итог один и тот же: постепенно исчезают, расплываются по миру целые народы...

Из-за насильственного передвижения горцев на равнину, а равнинных жителей - в горы и в другие места нарушаются традиционные виды профессий как у тех, так и у других, а в результате - ущерб экономике, всей природе. Рисоводство, например, которым занялись, вернее, принудили заняться не имевших к тому навыков горцев на равнине, привело к экологической катастрофе: погибли тысячи гектаров, всюду засоление почвы.

Загублены леса. И самое страшное - появилась пустыня с песками.

При этом поля в горах зарастают...

Землей изгоев сделала Кумыкскую равнину. Чем заслужил мой народ такое проклятие?

Литературная Россия. 1990. 21 сент.

Мария Федоровна Григорьева, учительница, районный центр Верх-Усугли:

- В 1939-м на севере Читинской области было 14 тысяч эвенков. Сейчас тысяча на три района - Тунгокоченский, Каларский, Тунгуро-Олекминский. И много тысяч оленей было. А оленей отнимали. Да еще в конце пятидесятых, перед укрупнением, в районе было семь тысяч оленей, сейчас - тысяча. Эвенки... вымерли от тоски... От того, что не давали им своим делом заниматься...

Анна Михайловна Таскерова, врач, Верх-Усугли:

- В госпромхозах штатные охотники - все русские, ни одного эвенка в штат не принимают. Проблема оружия. У эвенков нет железного ящика для хранения оружия, и им не дают разрешения на охоту. Как только сокращения, наших первых сокращают - и в госпромхозе, и в совхозе. И получается у нас, что эвенки - преступники. Эвейк рожден охотиться, пасти оленей, собирать дикоросы. А коренного жителя так ли, сяк ли, но все от охоты отрывают. Тот сидел, тот дебил. Ты этого дебила в лес отпусти - он тебе покажет, на что способен.

Галина Александровна Русяева, бывший участковый милиционер, Тунгокочен:

- Конфликтовала я с начальством из-за коренного населения. Жизнь эвенков - лес! Народ простодушный, доверчивый, обмануть легко. А обидчик сидит дирижером где-то в Москве ли, в Чите... Переносят райцентр из Тунгокочена в Верх-Усугли, здесь хозяйство ликвидируют, лис всех увезли, оленей передали в Кыкер, там эвенков нет, а наши эвенки остаются без работы. Первое золото откуда? От нас, из Забайкалья. Серебро - от нас. Коренному жителю это не нужно. Его "золото и серебро" - лес!.. Их были когда-то великие тысячи! Остались десятки... Сначала - колонизировано, потом - национализировано, потом - коллективизировано, а потом - все ликвидировано! С индейцами хоть договора какие-то заключаются... А наших точно и нет совсем. И не будет скоро - опять геологи копаются...

Федор Петрович Жуманеев, потомственный охотник, Тунгокочен:

- Лет шестьдесят, наверное, охочусь. Нет, больше, наверное... С девяти лет пошел... Здесь и родился, в тайге, в Тунгокочене. Сдаю соболя, белку, рысь. Пенсия - пятьдесят рублей только. Охочусь. И

¹ Печатается в сокращении

бабушка моя тоже был охотник. Без ружья-то какво? Медведь придет съест. А теперь все запрещают.

- Как вам можно запретить, коли вы всю жизнь охотник?

- Черт-те его знает. Все чего-то придумают.

- Много пушнины за жизнь сдали?

- Счета нету. Я всех больше сдал. За сезон один раз 110 соболей втроем взяли. Из эвенков я теперь самый старший. Раньше десять палаток вместе стояли, а теперь один да один. Боюсь. Медведь придет - задавит. (Смеется дед, как ребенок, - излучает лукавое простодушие.) Встретил медведя - тихо-тихо стой, только не беги. Медведь говорит: я одного человека боюсь, больше никого не боюсь. Вышел ко мне лет пять назад... прямо на палатку... Поговорили, разошлись тихо... Эвенков совсем мало осталось, эти умрут, дак и все... Кто с медведем поговорит?

Обаятельный дед Жуманеев не ропщет, ни на что не жалуется, редкое среди эвенков долгожительство научило, видно, деда добродушному смирению: все, что не тайга, живет по законам, ему непонятным. И они никак от него не зависят, а его бесхитростное бытие целиком зависит от них, и им надо улыбаться, потому что ничего другого не остается.

Дедушка Жуманеев читать не умсет - учился в школе два месяца. А пушнины сдал государству за жизнь... Кто говорит - на миллион, кто - на два миллиона. Сдавал, сдавал - ничего и не требуя для себя, кроме жизни в лесу, в котором прошла жизнь многих поколений его народа.

И дожил до того, что говорит с улыбкой (от нее щемит - такая беззащитность!):

- Участок мой отбирают...

Велик советский Север, а проблемы 26 малочисленных его народностей везде одинаковы. Выступая на первом учредительном съезде коренных народов Ханты-Мансийского округа, член Верховного Совета СССР Е.Д.Айпин сказал:

"Тяжк и труден путь через многие столетия. И в пути, называемом жизнью, мы потеряли не один род и не одно племя. Но все же мы выжили, хотя числом изрядно уменьшились.

Мы выжили, потому что наша судьба была в наших руках. Но сегодня, увы, аша судьба не принадлежит нам. Вернее, уже прошло несколько десятилетий, как ее отняли из наших рук... Мы не знаем, где нам завтра ловить рыбу, выслеживать зверя и птицу, пасти оленей. не знаем, где нам завтра срубить избушку, поставить ловушку, похоронить последнего сказочника..."

Огонек. 1990. N 38.

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
И НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР:
§1

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывают в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах "зеленые" банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому, в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины

П Р И К А З Ы В А Ю :

1. Выслать в отдельные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.
2. Выселение производить:
  - а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;
  - б) во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;

в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии;

г) выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться одним и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) завести в особых отделах специальные дела на каждого;

б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел;

в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

*Народный Комиссар Внутренних дел Союза ССР
БЕРИЯ*

*Зам.Народного Комиссара Обороны Союза ССР,
Маршал Советского Союза ЖУКОВ*

Верно: Начальник 4-го отделения полковник ФЕОДОРОВ
(ЦДАГОУ, ф.1, оп.70, спр.997, арк. 91)*

Примеч.ред.-сост.: Приказ, к счастью, по неизвестным причинам реализован не был.

А. ТВАРДОВСКИЙ

... Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору!

.....

И душу чувствами людскими
Не отягчай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, как он велик,
Хотя б ты крымский был татарин,
Ингуш иль друг степей калмык.

Рукоплещи всем приговорам,
Каких постигнуть не дано.
Оклевеши народ, с которым
В изгнанье брошен заодно.

.....

Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий
И не видать еще конца.

*По праву памяти: Поэма
ТВАРДОВСКИЙ А. Поэмы. М., 1988*

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

Вадим ТЮТЮННИК
ТУРКИ ИЗ МЕСХЕТИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В большинстве случаев информация об условно называемых месхетинских турках, поступающая в верхние эшелоны власти, не представляет собою объективных фактов и характеристик, а формируется на основе архаичных пережитков в мышлении, стереотипного подхода, неизученности рассматриваемых вопросов. Неизбежно это сказывается на выработке позиций тех или иных инстанций, или отдельных руководителей по отношению к самому народу, на принятии или непринятии жизненно важных для него решений.

Так, на фоне отсутствия максимально полных и объективных данных об истории, жизни и быте месхетинских турок, которые уже можно было бы получить, будь проведено хотя бы одно серьезное комплексное исследование, и которые могли бы, сдерживая и корректируя небезвредную стереотипность в осмыслении человеческого сообщества, его взаимосвязей и происходящих в нем процессов, нарисовать истинный образ этого народа.

Сегодня зачастую слово "турок" вызывает у наших соотечественников удивление тем, что живет он почему-то в нашей стране, а при попытке представить неизвестный поныне неосведомленному человеку облик советского турка перед глазами предстает неизменная феска над сверкающими глазами и крупным кривым носом, яркие шаровары и, чего доброго, еще изогнутая в руке сабля (хотя вряд ли: рассудок здесь подскажет, что ятаган давно стал для турок музейным экспонатом.) Но справедливости ради не следует упрекать обыкновенного человека за то, что образ янычара многие годы был более ему доступен, чем лицо его соотечественника-турка, хотя и его современника, но живущего иной полувековой жизнью под колпаком механизма репрессий и дискриминаций. Да и откуда нам знать, что предки турок из Месхетии всегда жили по эту сторону гор, отделяющих южную и юго-западную часть Грузии от Турции, на высоте более 2 тысячи метров над уровнем моря, что они никогда не служили в османской армии. Не брал их на службу и русский царь после того, как в 1829 году по Адрианопольскому мирному договору часть их территории перешла к России. Случайно ли не брал? Очевидно, невыгодно было рекрутировать крестьян, производивших продукты питания для обширной территории Грузии, или лесорубов, снабжавших ценными породами древесины по реке Куре даже прикаспийские земли. Хотя в те времена люди имели возможность свободно пересекать границу с Турцией и

Персией, они и после того, как Ахалцихский вилайет стал уездом, не пожелали покинуть родную землю своих предков, к которой всегда питали особую любовь и привязанность. Так они и жили своей тихой и бесхитростной крестьянской жизнью, никем не замечаемые. Ни в 19-м веке, ни в 20-м, ни в советское время о месхетинских турках вроде не положено было писать, а с 1944 года стало запрещено. А почему? Кому они мешали?

Военное ремесло не было здесь для турок традиционным и не могло конкурировать с ремеслом труженика, возделывающего землю. Но пробил час, и на Великую Отечественную войну от 158-тысячного народа на фронт ушло 40 тысяч его сыновей, из которых в живых осталось всего 14 тысяч. Раненные, покалеченные бойцы сократили эту цифру в послевоенные годы. Оставшиеся в тылу женщины, дети и старики, как и вся страна, отдавали фронту последнее: продукты, вязаное шерстяное белье, ослов в качестве гужевого транспорта. Народ неустанно трудился и оплакивал бесконечные похоронки, как и многие другие по всей стране. Все это было до 1944 года.

Шли тяжелые военные годы. Но никто, ни воевавшие за родину месхетинские турки, ни оставшиеся в тылу за тысячу километров от тех мест, где рвались бомбы и снаряды, их родные, не могли и догадываться, что им придется испытать такое, что оказалось страшнее, горше и обиднее, чем сама война.

В ночь с 14 на 15 ноября 1944 года весь народ, в том числе вернувшиеся с фронта калеки, которые не могли больше воевать, были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Люди турецкой национальности, а также жившие по соседству с ними другие мусульманские народы: азербайджанцы, курды, хемшилы стали жертвами заранее спланированного сталинского злодеяния. Специальное постановление Государственного Комитета Оборона от 14 ноября 1944 года предредило судьбу более 115,5 тысячи ни в чем неповинных людей. Они были разбужены ночью войсками НКВД и выгнаны из своих домов на улицу, а утром погружены на "студебеккеры" и отправлены в неизвестном направлении. В дорогу разрешалось брать только то, что можно было унести в руках. Да и что можно было погрузить в битком набитые людьми грузовики? По дороге к железнодорожной станции из-за спешки или неопытности водителей некоторые перегруженные людьми машины теряли на горной дороге управление и переворачивались. На станции людей перегрузили в малопригодные даже для перевозки скота вагоны и отправили в ссылку по рельсам, которые по указанию властей турки укладывали своими руками незадолго до депортации. Ехать им предстояло не день и не два, - а почти целый месяц, зимой - в неотапливаемых товарняках.

Сегодня оставшиеся в живых старики с теплотой и благодарностью вспоминают сочувствие и доброту, проявленные грузинами, армянами и молочанами, которые со слезами на глазах подбегали к еще открытым дверям вагонов и бросали все, что могли: хлеб, лаваш, сушеное мясо, бастурму, сыр, теплую одежду. Можно ли выразить словами выпавшие на долю ссыльных страдания, боль и обиду. Обиду не только за себя, но и за своих отцов, мужей и сыновей, проливавших в те самые дни кровь на фронте. У них отобрали не только родную землю. Матери теряли своих детей под рев грузовиков и стук вагонных колес. А у многих была отнята и сама жизнь. Умерших в заколоченных вагонах, а подчас и тех, в ком еще билось сердце (кого тогда интересовала точность констатации смерти) конвоиры буквально вырывали из рук родственников, умолявших не бросать их на снегу непохороненными.

Да, зловещий указ выполнялся тогда четко и неукоснительно. Его результат - смерть в дороге от холода и голода, от болезней на голых необжитых местах ссылки в первые же месяцы зимы более 17 тысяч безвинных стариков, женщин и детей. Остальные, кому суждено было остаться в живых, были рассеяны по обширной территории без всякого соблюдения родства или других связей. С рокового 44-го по 1956 год народ оказался в положении резерванта под строгим комендантским режимом. Туркам не разрешалось покидать места поселения. Молодым людям, жившим в разных селах, нельзя было вступать в брак. За нарушение комендантского режима грозило суровое наказание: сперва избивали, затем судили, или просто объявляли срок вплоть до 25 лет с отправкой в Сибирь со всей семьей.

На вопрос, каковы истинные причины этого акта вандализма, кроме общих умозаключений, конкретного и однозначного ответа не дано. Известное постановление тогда гласило, что "в целях усиления безопасности границ" лица турецкой национальности подлежат переселению, а иными словами - ссылке. Кроме вышеуказанной причины, иные мотивы депортации приведены не были. Трагическое же изгнание целого народа произошло в то время, когда гитлеровские войска были отброшены к западным границам нашей Родины, а Турция к тому моменту придерживалась нейтралитета и не собиралась воевать против нас. По данным нашей разведки никакие перемещения или скопления турецких войск близ нашей границы не производились. Наоборот, после заключения договора между СССР и Германией в 1939 году Турция предложила союз с нами, но СССР отказался, так как в подписанном с Германией договоре говорилось, что СССР не будет заключать договора с враждебной Германии страной или ее союзниками. Как СССР, так и Турция, согласно заключенным с Гер-

манией договорам, поставляли ей до войны огромное количество зерна и другого сельскохозяйственного сырья.

Выселение турок, а так же мусульманских народов из пяти районов так называемой Месхетии-Джавахетии - междуречья Чороха и Куры на юге Грузии - Ахалцихского, Адигенского, Аспинзенского, Ахалкалакского и Богдановского районов было совершено, несмотря на то, что по сей день никакими материалами о предательстве со стороны турков во время Великой Отечественной войны или об их враждебном отношении к советской власти компетентные органы не располагают. Однако есть другие факты.

Более 26 тысяч турок из Месхетии, сражавшихся за Родину, не вернулись с поля боя. В числе сыновей этого народа 8 Героев Советского Союза, три кавалера трех степеней ордена Славы, двое защитников Брестской крепости и много орденосцев и медалистов, отличившихся в годы войны. Кстати, мало кому известно, что Шукри Поладов (конспиративная кличка Шакуро), расстрелянный вместе с 26 бакинскими комиссарами, и Омар Фаик Нейманзаде, известный публицист-демократ, писатель и поэт, издатель, член Ревкома Грузии, казненный в 1937 году по приговору тройки НКВД республики, были по национальности месхетинскими турками.

Эту небогатую, но убедительную информацию, совсем недавно промелькнувшую в некоторых газетах и журналах, следовало бы дополнить обширным фактическим материалом, который только в наши дни стал собираться из искусственно обедненных в прежние годы и уничтоженных исторических источников. Трагическая история месхетинских турок в основном составляется из рассказов очевидцев, живыми отправленных в небытие, из открывшихся архивов, экспедиционных поездок энтузиастов по обширной территории страны, где сегодня рассеяны турки из Месхетии.

Из забытых или укрываемых фактов складывается сегодня мозаичная картина жизни этого народа, по которой зияющим разломом прошел 1944 год. По одну сторону от него яркие краски человеческой памяти о счастливой и полноценной жизни крестьян турецкой национальности, как бы слившихся воедино с богатой и щедрой природой родной земли, на которой они всегда жили в мире и согласии с другими народами. По другую - словно в кривом зеркале - черные и серые блики исковерканных судеб десятков, сотен тысяч людей, лишенных родины, близких, права на родной язык и свою культуру, а порою и права на защиту своей жизни.

Сегодня бесчеловечный эксперимент, произведенный над целыми народами приносит дьявольские плоды. Ничем иным как актами геноцида сталинского режима (и уже пора признать то, что депортации есть ничто иное, как преднамеренное, целевое уничтожение чем-то не

угодных правительству народов) были созданы условия для возникновения сложнейших межнациональных проблем, тупиковых ситуаций внутринационального развития. Он, этот эксперимент, осуществленный в интересах политики геноцида по отношению к более слабым и потому "инородцам", не принес, да и не мог принести пользы ни одному из более сильных и многочисленных, а потому "коренных" народов. Фактически запрограммированные в те годы национальные проблемы можно уподобить складу не уничтоженных вовремя боеприпасов, которые взрываются сегодня десятками и в местах насильственного поселения, и в тех краях, откуда народ был депортирован. Именно поэтому, а вовсе не по причине демографических всплесков, чем сегодня кое-кто попытается это объяснить, случились трагедии в Фергане летом 1989 года, в Ташкентской области зимой 1990 года. Эти объяснения затеяют собою более серьезные проблемы, упрощают ситуацию и не вмещаются в нравственные рамки здравого смысла. Утрата моральных и этических традиций, бездуховность, так называемый национальный эгоизм - следствие ущербной национальной политики, проводимой в течение долгих лет.

Непроверенные слухи, порою совершенно абсурдные, когда массовые убийства и погромы пытались объяснить якобы имевшими место бытовыми конфликтами в сфере супружеских взаимоотношений у двух народов и возникновение в связи с этим столкновений между ними, нужны кому-то именно для того, чтобы нравственности осталось еще меньше, бездуховность дошла до своего предела, а "национальный эгоизм" приобрел наиболее агрессивные черты. Для того, очевидно, чтобы в основном пассивное состояние человеческого, действительно эгоистичного равнодушия к познанию и пониманию другого, постепенно привело бы к отчуждению человека от человека, к отвержению им себе подобного. Иными словами, чтобы часть коренного населения, отравляемая заведомой ложью подстрекателей, поверила в то, что их действительно существующие проблемы напрямую якобы связаны с внешним благополучием живущего рядом трудового люда (заметим, не только турок), поддалась своей роковой слабости и стала активно выполнять не что иное, как задания обновленной политики геноцида, проводники которой по-прежнему остаются невысвеченными под сенью следственной недостижимости, информационной сумятицы, формальных обобщений, существующих благодаря привычке к парадности, благодаря желанию полировать до блеска недостатки и оштукатуривать достоинства в стереотипы. Это далеко не самообман. Вот поэтому и становятся обобщения, тем более стереотипы с пристрастием, как и слухи не без злого умысла, опасным пропагандистским оружием в руках нечестных политиков. Чего проще, лишь на основании национальной принадлежности обвинить весь на-

род в измене, приводя в качестве доказательства единственный факт, к тому же, скорее всего мифический - дарение белого жеребца в золотой сбруе Гитлеру кем-то из сотрудничавших с врагом представителей обвиненного и пострадавшего только за это народа. Кстати, сей всеобщий и стандартный "факт" без разбора приписывается сегодня нескольким кавказским народам одновременно. Другие народы не удостоиваются и такого мифического обвинения - без каких-либо мотивов изгоняются в чужие края только по национальной принадлежности, где, естественно, "инородцу" не удалось обрести второй "малой родины". А, вообще, может ли быть у человека две родины или две матери?

Вина за национальность механически переносилась на рожденных уже в депортации. Когда в истории человечества и где на планете Земля встречалось столь циничное отношение к детям, которые с первых дней своего существования слышали слово "предатель"?.. И дети турок из Месхетии, родившиеся в Казахстане и Средней Азии, тоже слышали это слово, брошенное соседскими детьми "коренной" национальности, слово, проникшее в их формирующееся мировоззрение через старших как осколок кривого зеркала шовинизма...

Обобщения, практикуемые в нашей национальной политике, - явление безжалостное и опасное. Турки, изгнанные с родной земли, пострадали и продолжают страдать сегодня. И несмотря на то, что никогда не представляли для государства какой-либо угрозы, все же кому-то чем-то мешали. Может быть, тем, что хотя и были с давних времен жителями Месхетии на юго-западе Грузии, все же были иноверцами, как и другие мусульманские народы, репрессированные по идее Сталина и приказу Берии. Остается только догадываться - почему? Хотя, разумеется, религия - любая - мешала установлению неограниченной власти над человеком, ибо вносила в его душу идеи человеколюбия и гуманности, понятия о нравственности. Не сами по себе слетали с церковей колокола, рушились подрубленные минареты, свершались насилия над отдельными людьми, сословиями, целыми народами. Почему? Почему? Сто тысяч безответных почему.

Не было ли это низменным проявлением одного из законов, заимствованного от мира животных - отвоеванием более обширных территорий, анималистическим подходом к управлению владениями в форме квалифицированного выполнения приказов "сверху", приказов по "расчистке" территорий? Все это по сути своей - замаскированная политика геноцида, проводимая в интересах большего за счет меньших, и прикрываемая словами из фабрикуемых "обвинительных дел".

И как же она живуча!

Сегодня по той же схеме, но еще более жестокими методами производится "расчистка" среднеазиатской территории, земли, на кото-

рую, как известно, турки попали не по своей воле, но отдавали ей все силы, возделывая ее, превращая многие пустынные земли в цветущие сады. И не удивительно: народ этот всегда отличался не только своим трудолюбием, но и высокой культурой земледелия. Выжить туркам помогла крестьянская любовь к земле. Только им известно, что значит оказаться в их положении и выжить. В те голодные годы турки сдавали в колхоз горсти зерна, прихваченные как талисман на жизнь из Месхетии, и чудом, а скорее всего сознательно, сбереженные для первого посева на чужбине. Собирая колоски после уборки урожая, рисковали понести за это наказание. Заготавливали на болотах камыш ночью, чтобы успеть продать его утром на базаре, купить на вырученные деньги какое-то количество кукурузного зерна с тем, чтобы прокормить немаленькие семьи, в среднем состоящие из шести-восьми человек, и еще... поспеть к началу рабочего дня в колхозе. Мало ли можно вспомнить горького?!

Вопроса об изгнании турок с новых мест поселения в ту пору не существовало. Было все иначе. Тогда они были нужны на той земле в своем новом качестве "спецпереселенцев", несущих тяжкую трудовую повинность под досмотром комендатуры. Нужны были, как и их соплеменники, защищавшие родину, которых, кстати, не отозвали с фронта и не отправили в штрафные батальоны по логике вещей, будь она у бесславных "обвинителей народов". Хотя с ними поступили ничем не лучше, когда закончилась война. Радость победы над фашистскими захватчиками охватила тогда весь мир. Но не уменьшило душевных страданий "спецпереселенцев": не известно было, кто из воинов, членов их семей, остался в живых, найдут ли они друг друга, как бойцы воспримут и осознают все происшедшее. Ведь фронтовики тогда и не догадывались о случившемся. На их запросы правдивого ответа не давалось: все сваливалось на плохую работу почты, неразбериху и войну. А потом уцелевшие на войне и вернувшиеся в родные края с победой вместо радостных лиц родных и близких увидели опустошенные безжалостной рукой дома. Убитые не на войне горем, они по полгода, голодные и измученные, многие на костылях, добирались до мест ссылки их родных на попутках, на подножках железнодорожных вагонов. Не все и не сразу находили свои семьи, порою только кого-нибудь единственного из семьи, оставшегося в живых, но больного и морально травмированного. Защитник родины требовал справедливости. В ответ его в лучшем случае избивали. У всех вернувшихся с фронта участь была одна: каждого вызывали в спецкомендатуру, отбирали награды и все документы, и ставили на учет как спецпереселенца, лишённого не только права на свободное передвижение, но и многих иных свобод...

Шли годы, люди были вынуждены как-то смириться с судьбой, но горечь обиды на сердце не утихала. Время для них словно остановилось, придавленное неподъемной плитой того сталинского указа. За сорок пять лет на ней выросли горы "научных аргументов", сводящих на нет предельно ясное по своей человеческой природе стремление народа вернуться на свою историческую родину, к очагам его предков, на свою родную и желанную землю. Народилась проблема этногенеза месхетинских турок - защищаются диссертации, в которых утверждается, что турок на их родной земле будто бы никогда и не бывало...

Не упрощая данной проблемы, следует сказать, что о древней истории и этногенезе советских турок из Месхетии-Джавахетии ведутся нескончаемые споры. Следует также уточнить, что эти споры вспыхивают именно тогда, когда вопрос о сегодняшнем положении этого народа достигает своего пика. Что же касается существа спора, то одни высказываются за азербайджанские корни турок Месхетии. Другие, называют их просто месхами, как бы упрощая и перенося географическое название на целый этнос, тем самым камуфлируя и обезличивая характерные черты народа, игнорируя при этом культуру и язык, носителем которых он является, активно отстаивают теорию грузинского происхождения "месхов". Третьи считают, что месхетинские турки - это не "отуреченные грузины", а все же турки и при этом в качестве аргумента приводят наличие общих антропологических, культурных и языковых характеристик данного этноса и населения собственно турецкой Восточной Анатолии, имеющей общую границу с районом юго-западной Грузии - Месхетии - исторической родины народа с одноименным названием. Кстати, самоназвание этого народа а х ы с х а т ю р к л е р и, что в переводе с турецкого - ахалцихские турки, где первая часть этого словосочетания происходит от турецкого варианта названия административного центра одного из пяти районов бывшего расселения турок в Грузии - немаловажный феномен в их истории.

Вопрос этногенеза действительно не прост. Но нельзя согласиться с тем, что он выносится на первое место из целого ряда жизненно важных для этого народа вопросов, требующих безотлагательных решений. Оказывается, сегодня стало чрезвычайно важно проводить прежде всего некую "аттестацию" народа по национальному признаку, а уж потом решать, жить ему или не жить на земле его предков, достоин он, согласно своей национальности, уважения, права на справедливое отношение и полноценную человеческую жизнь. Но скажите, когда и где учитывались права месхетинских турок?

По существу турки из Месхетии представляют собой особую этнографическую группу турецкого этноса. Эта этническая группа, как и многие другие этнические образования, складывалась в пограничной

зоне двух этнических территорий - Грузии и Турции. Естественно, что она формировалась из представителей обоих народов и даже в некоторой степени соединила в себе черты культур этих народов, но при доминирующей составляющей турецкой. Это подтверждает не только восточноанатолийский диалект турецкого языка, на котором говорят турки из Месхетии, но и наличие турецкой культурной основы.

В то же время, подобная им по механизму формирования группа аджарцев сформировалась на основе преобладания грузинского этнического субстрата, поэтому и является этнографической группой грузин, имеет грузинское самоназвание. Подобные маргинальные, этномаргинальные этнографические группы с ярко выраженным двойственным этнокультурным началом обычно с преобладанием одного из этногенетических факторов - обычное и распространенное явление для пограничных районов всего мира. Возьмем, к примеру, Украину и Венгрию, Россию и Эстонию, Францию и Испанию. Во всех случаях этническая принадлежность населения в приграничных зонах может быть определена только на основе личного самосознания этого населения. Этот принцип является господствующим в мировой практике, принят комиссией ООН по населению и поселениям и в нашей стране также используется при проведении переписей.

Казалось бы, все здесь ясно и понятно: если не уцелело достаточного количества исторических материалов, то есть общепринятая, достаточно гуманная практика, которая применяется во всем цивилизованном мире. В конце концов, есть сам народ, имеющий свое собственное мнение по этому вопросу, поддерживаемое большинством его представителей. Что же еще? Увы, причины есть, хотя в основной своей массе носят субъективный характер. При этом роль науки игнорируется, научные данные подтасовываются во взъерошенные шовинистические и другие подобные "концепции справедливости", в которых нет на нее и намека. А права народа так и остаются висеть в воздухе.

Месхетинские турки оказались сегодня отверженными не столько в национальном смысле, сколько в общественном, так как остается нереализованным основное право народа жить компактно на своей территории. Безнравственно ущемлять право народа на национальное самоопределение так же, как слепо требовать удостоверения личности у пострадавшего, нуждающегося в экстренной медицинской помощи. Когда ошибается ум - это полбеда, когда же - сердце - это уже беда настоящая. Поэтому нельзя уходить от правды в научные споры и ограничиваться лишь только сочувствием к этому народу. Нельзя, потому что в человеческом сознании идеалы гуманизма - явление непреходящее, хотя порою и затмевается ложными и мелкими идеями шовинистического самосохранения, явно преувеличивающих значе-

ние национальной принадлежности по отношению к человеческой нравственности. Национальное может быть красиво и нужно только тогда, когда оно питается из чистого нравственного источника. И потому, что природа не сотворила ни одного безнравственного народа, народное или национальное всегда должно оставаться чистым и свободным от наносного и преходящего...

"Кампания" за искоренение из лексикона, из списка народов Советского Союза слова "турок" началась еще в 1924 году, когда Сталин предложил Омару Фаику, лидеру месхетинских турок и первому признанному авторитету среди народа сменить национальность, тем самым показать пример другим - то же, что было предложено и аджарцам. Такие предложения были неоднократными и сопровождались иными акциями против турецкого населения.

В период с 1930 по 1939 год туркам насильственно стали изменять фамилии и национальность, практически обезглавили народ, уничтожив всех мало-мальски грамотных людей, влиятельных среди турок авторитетов. Известно, какая участь постигла турецкого просветителя Омара Фаика в 1937 году. Вскоре всему народу было отпущено за непокорность. Многих, даже записанных азербайджанцами и грузинами, выслали из 212 деревень Месхетии как турок. В дальнейшем, даже при предъявлении паспортов отца и матери по национальности обоих турок, их ребенок уже в других республиках и даже после отмены комендантского режима в 1956 году очень часто не мог при получении своего собственного паспорта записаться в нем турком. Царила известная конъюнктура, когда "инородцу" из спецпереселенцев уже в 16 лет перекрывался путь к знаниям, трудовой карьере, да и прочим элементарным правам человека.

Словно большое дерево, глубоко пустившее корни в благодатную почву родной земли, которое затем было выкорчевано и пересажено на чужую грубой и безжалостной рукой, народ этот оказался обреченным на медленное и мучительное увядание. Несмотря на исключительное трудолюбие и тягу к знаниям, рост турецкой интеллигенции после ссылки всегда оставался крайне слабым. В республиках в основном проявлялось внимание к росту своих национальных кадров. Турецкой молодежи с высшим образованием практически невозможно было найти работу. Вынужденное предание забвению родного языка и переход на другой неуклонно вели и продолжают вести сегодня к гибели богатой и самобытной культуры, к значительной деформации древнейшего восточноанатолийского диалекта турецкого языка, выразительного и звучного, лишенного напылений заимствования, присущего "цивилизованным" языкам, а поэтому чистого, как горный снег.

Всегда с расширением ареала расселения народа, а сегодня, как становится известным, турок можно встретить где угодно, только не на их родине, ускоряется процесс ассимиляции, забываются древние традиции и обычаи. Лишь в семье с материнским молоком дети впитывают чуткость восприятия, способность усваивать колорит своей национальности, перенимают от стариков веками накопленную высокую мораль и мудрость их предков. Но, к сожалению, на одной домашней почве нельзя сохранить во всем объеме национальную культуру. В то время как прогрессирует засорение диалекта, уменьшается словарный запас (особенно у молодежи), турецкий язык для турок сегодня нигде не преподается, за исключением одной-двух групп, организованных энтузиастами. При формальном отношении не только к самому делу, но и к дальнейшей судьбе народа, не могли, разумеется, увенчаться успехом попытки преподавания родного языка туркам в некоторых местах их проживания. Кроме того мешала и продолжает мешать территориальная распыленность маленького народа, делающая невозможным создание очага национальной культуры.

После снятия 12-летнего комендантского режима в 1956 году немалая часть месхетинских турок, стремящаяся быть поближе к своей родине, расселилась в Азербайджане, Кабардино-Балкарии. Некоторым, пяти-шести семьям удалось было вернуться в Месхетию. Но когда стало известно, что в эту местность возвращаются депортированные в 1944 году турки, их выселили снова: всех до одного посадили на грузовики... затем перегрузили в вагоны... Люди вспоминают, как при вторичной депортации их вагоны загнали в какой-то тупик, где они прожили целых два месяца!

Вскоре после этого именно здесь в спешном порядке была расширена пограничная зона до 78 километров, в других местах она никогда не превышала двух-семи километров. Фактически, в эту зону вошла вся Месхетия-Джавахетия. Ее северная граница прошла по крайним селам Ахалцихского района. Пройти под шлагбаумом, охраняемым часовыми, в Месхетию-Джавахетию до последнего времени можно было только после получения специальной визы, которая могла быть оформлена на основании вызова родственников! Но каких? Даже сегодня в Месхетии не проживает ни одного турка. Кому из грузинских старожилов, еще хорошо помнящих теплые человеческие отношения между людьми разной национальности, их естественное добрососедство, хотелось иметь конфликты с властью, запрещающей, вплоть до угроз, иметь связи с бывшими соседями-турками, даже вспоминать о них. Но правдами и неправдами турки туда все-таки попали. Правда, лишь на какой-то миг, чтобы хоть увидеть своими глазами склоны родных гор, давно распаханные "под пар" родные села, потрогать ру-

ками остатки древних строений. Только этим людям дано было слышать, как звала их к себе родная земля, небо и даже камни.

Трудно узнать богатый ранее край, который превращен ныне в пустошь с бездумно и не по-хозяйски запаханными родниками и речушками. На этой земле теперь уже нет турецких захоронений. Несмотря на пустующие вокруг земли, именно на месте бывших турецких сел построены коровники. Когда увезли народ, кто-то пустил слух о якобы спрятанном золоте в стенах турецких домов. Искатели сокровищ не пощадили эти последние и единственные реликвии разрушенной и искалеченной культуры народа.

Приезжавшие на свидание с родной землей терялись при виде ее: это была та самая Месхетия и в то же время другая. Казалось, земля эта не узнавала так долго скитающегося где-то человека - своего сына. Молчали камни, разбросанные по ней. Но люди все же помнили доброе и оставались людьми. Оставались похожими друг на друга в главном, в мироощущении, в любви к ближнему, к человеку. И тогда "гостей родной земли" принимали с теплотой и кавказским радушием: усаживали за стол, старались угостить лучшим, что было в доме и, обо всем спрашивая, не отпускали их до утра. Пожилые грузины с интересом всматривались в молодых турок, вспоминая черты их отцов и матерей, дедушек и бабушек, которым так и не довелось снова увидеть родные края. Люди говорили, и глаза у рассказчиков и слушателей наполнялись слезами.

Основным способом для турка попасть на землю его отцов был туризм. Вдвоем, чаще в одиночку, ехал он на встречу с родиной в туристическом автобусе. И замирало сердце у того шлагбаума с часowymi, где, казалось, несмотря на грузинскую фамилию, или запись в графе "национальность" - "азербайджанец", "грузин" или "узбек", все же догадаются, что ты турок, и не пустят дальше, туда, куда рвалось сердце. А потом, удачно миновав КПП, увидя знакомые очертания родных склонов, он, словно опутывающие его цепи, срывал с себя страх, вечный спутник в его жизни после ссылки. Какими словами передать чувства одолевшего все барьеры и препятствия на пути к родной земле?

Если ты турок, турок из Месхетии, то можешь поехать куда угодно, и по турпутевке за границу, и... по призыву в Афганистан, где сложили свои головы и молодые месхетинские турки. Снова, как в 40-е: воюй за родину - и воевали, да еще как! Воюй даже не за свою землю, но забудь свою малую родину - о ней позаботятся другие.

Так получается, что сегодня многим остается непонятной тяга пожилого турка, а тем более молодого, родившегося после войны, в ссылке, к земле его отцов и желание жить на этой земле. Старик еще,

может быть, помнит, а молодой-то что? А молодой-то рос не в интернате, оторванным от семьи, и не пропадал целыми днями на улице, а с детства работал вместе со всеми по хозяйству в свободное от учебы время. Он хорошо помнит рассказы своего деда и бабушки о совсем другой, необыкновенной жизни там, на родине, и сравнивает рассказы с хорошо знакомыми ему реалиями - упреками и оскорблениями, прозвищами "чужак" и "враг", избиениями, а теперь уже погромами, поджогами и убийствами, единственно за то, что у тебя нет своего места, с которого тебя никто не посмел бы сгонять и на котором не убивали бы твоих детей. Материнская, отцовская земля - для него не пустой звук. У городского человека на этот счет могут быть свои понятия. У крестьянина же, выросшего на земле и приросшего к ней - свои...

Нельзя у человека, лишенного большинства естественных гражданских и национальных прав, отбирать еще и право на память. Для турок их родина вчера и сегодня - на замке, а вот ключ от него неизвестно в чьих руках. Только не в народных, как пытаются уверить нас силы, заинтересованные всю ответственность в нужный им момент переложить на свой народ, высоко поднимая лозунги шовинизма и национализма. И замок, повешенный Сталиным и Берией, продолжает оставаться закрытым и все больше ржавеет. Но ведь нельзя надеть замок на человеческую душу. Нельзя! Однако реальность остается драматической: вариант особой резервации, где люди вроде на свободе, а их родная земля - за "колючей проволокой" человеконенавистничества. В самые суровые военные годы за поселком Джагызма, где живут сегодня ленинабадцы, начиналась пограничная зона и ее никто тогда не собирался расширять. После же 1956 года, в мирное время, шлагбаум перенесли чуть ли не до самого Боржоми, почти на сотню километров вглубь страны.

Более жесткого наказания для народа и придумать нельзя. А оно к тому же оказалось бессрочным. За время, прошедшее с 1944 года даже истинные преступники успели отсидеть не один срок и вернуться домой. А без вины виноватые турки превратились в народ без определенного места жительства, народ- БОМЖ.

Что же мешает решить их проблему по-человечески?

Имеет место административная незаинтересованность в огромных ресурсах хозяйственного потенциала месхетинских турок, исторически сложившегося и сохраняющегося поныне. Налицо и старая болезнь ортодоксального национализма, вспышки которого в последнее время то и дело возникают и на территории их исторической родины, и на местах их насильственного поселения. По-прежнему силы, заинтересованные в том, чтобы не отмирали установленные Сталиным

порядки и продолжали действовать приказы, давно истлевшие на бумаге, приводят все новые доводы, один нелепее другого, чтобы воспрепятствовать возвращению турок. И снова на первое место выдвигается национальный признак. Понятие "человек" здесь не звучит. У турок отнимается последнее - национальное достоинство. Им предъявлен ультиматум: хочешь жить в Грузии - стань грузином. Всего навсего. И как просто... А что делать, если ты мусульманин, если твои родители и прародители всегда пели, рассказывали сказки на турецком языке, по-турецки плясали, носили турецкую одежду и готовили турецкую еду, а тебе, чтобы вернуться на родную землю, обязательно надо отказаться от своей религии, изменить имя и фамилию.

И, оказывается, все это нужно пережить, чтобы, как говорят "ученые люди", тебя "невежественного и заплутавшего" в хитросплетениях политических наук, вывести на свет божий и вернуть в "родное лоно твоей истинной нации", от которой ты был отторжен. Ибо в Месхетии, уголке Грузии "месхом может быть только грузин, а не представитель какой-либо другой национальности". Это на Украине и в Белоруссии могут жить украинские и белорусские поляки, а в Месхетии - только грузины. Почему же так, с одной стороны, все упрощается и искажается, с другой - усложняется до бездушного истязания людей? Да потому, чтобы все осталось, как прежде, как распорядился товарищ Сталин...

Все, что происходит с месхетинскими турками с 20-х годов, можно уподобить мученическому кружению народа вокруг кола враждебности к ним, вбитого Сталиным, его политикой. По существу нерешение их вопроса - утверждение его, Сталина в целом и в принципе давно осужденных действий: все остается с турками по слову и желанию вождя-карателя...

Первым о месхетинских турках два года назад написал Чингиз Айтматов. К этому времени началось движение за возвращение их на родину. В предшествующий период действия за репатриацию этого народа различных неформальных турецких организаций, возникающих после 1956 года, были полностью скованы репрессивным механизмом командно-административной системы. Тем не менее еще в конце 50-х годов в Средней Азии состоялся учредительный съезд советских турок, а в 1961 году окончательно сформировался и приступил к работе Временный организационный комитет (ВОК) по возвращению на родину, который был переименован в мае 1990 года в Общество месхетинских турок "Ватан" ("Родина"). Основной задачей ВОКа было и остается возвращение турок из Месхетии на их родину, восстановление всех поправленных прав народа, справедливости и законности.

Члены этого общества делают все возможное, чтобы добиться правды, невзирая на гонения и репрессии, которым подвергались, несмотря на то, что им инспирировали всевозможные уголовные правонарушения и за мельчайшие "отклонения от нормы" давали срока. Вот, к примеру, факт из биографии лидера месхетинских турок, председателя Общества "Ватан" Юсуфа Сарварова, приговоренного к двум годам лишения свободы только за то, что группа турок, которую он возглавлял, добиваясь приема у властей, отказалась покинуть вестибюль приемной в конце рабочего дня.

Турки, лишившиеся своей интеллигенции в конце 20-х и 30-е годы, запуганные страшными годами ссылки и послессылочным террором, с 1956 года направили в Москву более 200 делегаций - пока безрезультатно. Но и сегодня они довольно большими группами приезжают в Москву, отрываясь от работы (а некоторые по известным причинам ее не имеют), тратя свои сбережения на дальнюю поездку, на оплату недешевого приюта в столице на ночь, да не на одну, стоят у дверей "судьбоносных учреждений" в надежде на справедливость, в надежде не потерять эту свою последнюю надежду. Стоят, порою вызывая недоумение и даже возмущение пробегающих или проезжающих мимо людей, у которых, вероятно, все и всегда было в порядке, поэтому, не разбираясь в непростом вопросе, они тут же на ходу спешат дать оценку увиденному и упрекнуть турок в безделье. Кто, не зная сути происходящего, поверит, что сегодня это и есть их работа и именно она является для них наиважнейшей. Пусть мои слова не прозвучат упреком на упрек: понятно, что людям, от которых многие годы скрывалась правда, нелегко разобраться в мешанине коротких и зачастую поверхностных "информашек" в газетах, нелегко поверить в то, что они никогда не знали, тем более, к их счастью, не пережили.

Возвращение на родину для турок - не просто самоцель. Это - необходимое и главное условие национального спасения народа. В противном случае - распыление, ассимиляция и исчезновение. Об этом страшно говорить, когда перед тобой судьба - по официальным подсчетам - 207 тысяч людей. Но угроза их исчезновения - уже близкая перспектива. И позор всем нам - современникам и свидетелям их уничтожения. Тем более, что несмотря на всю сложность вопроса, при объективном его рассмотрении, он может быть решен и этнос можно сохранить. Ведь речь идет не о моментальном возвращении всех 207 тысяч турок, включая новое поколение, а о рациональном развитии региона южной Грузии, земли которого находятся сегодня не просто "под паром", а в бедственном состоянии.

Уже сегодня в этом крае, где из 212 сел были выселены турки, 84 села пустуют, или разрушены полностью и сравнены с землей, используется только 30 процентов пахотных земель, проживает по сравнс-

нию с 1944 годом на 58,5 тысячи людей меньше, в силу чего и дает он, этот край всего четверть продукции военного уровня, что подтверждается документально данными, полученными при обследовании территории Месхетии-Джавахети по меньшей мере двумя рабочими комиссиями с официальным статусом. Уже сегодня край мог бы принять ищущих по всей стране приюта, бедствующих беженцев-турок из Узбекистана. Это явилось бы не только воскрешением заброшенной земли, о которой пишет грузинская поэтесса Анна Каландадзе на страницах "Литературной газеты" за 8 марта 1989 года в своем стихотворении "У карты заброшенных деревень Месхет-Джавахети":

Зарастает Месхет-Джавахети былинный...
Сорных трав в Джакистане и Джаки -
глухая стена...

...Ныне Грузией пренебрегают грузины,
И пустеет земля - никому не нужна.
Торжествует, ликует, трезвонит
о том Сатана.

Воистину Сатана торжествует в Грузии, власти которой возводят всевозможные препятствия возвращению месхетинских турок на их разоренную, опустошенную родину. Вся страна ищет им пристанище, а грузины...

В спешном порядке месхетинских турок-беженцев из Ферганы расселяют по России, по всем ее 24-м областям, но только в сельской местности, в глухих деревнях. Туда же определяют и турки, жившие в городах и имеющие городские профессии. Не без труда нашли они пристанище в 7 районах Украины, в ряде районов Азербайджана, на территории Северного Кавказа. И повсюду они сталкиваются с новыми проблемами: кому удалось купить жилье, не могут найти работу, а нашедшие работу часто не находят в тех краях продажных домов - негласные "инструкции" запрещают русским и украинцам продавать туркам дома. Вопрос с пропиской для турка - очень часто большая проблема. Именно так обстоят дела в Краснодарском и Ставропольском краях. Месхетинские турки, превращенные в беженцев, по имеющимся данным, появились и в Нагорном Карабахе, и в районе Чернобыля, и в северном Сиктывкаре. Так, разбредаясь по стране, теряют они связи с родными и близкими, с родным языком и культурой. И никто не задумывается даже, что значит для турецкой семьи нарушение сложившихся традиций и связей, семьи, в которой считается большим грехом, если сын не проведает хотя бы раз в полгода мать или сестру. Никто не задумывается и о последствиях внедрения турок-

южан в среднюю полосу России, в болеющее своими болезнями Нечерноземье. Недальновидностью, непродуманностью, мнимым удовлетворением сиюминутной нужды рождено Постановление Совета Министров СССР N 503 "О мерах по созданию необходимых условий для проживания в областях РСФСР турок-месхетинцев, вынужденно покинувших постоянное место жительства в Узбекской ССР". Оно было издано в те страшные дни Ферганы 26 июня 1989 года, и в нем, в частности, записано, что "единовременное денежное пособие семьям турок-месхетинцев выплачивается в том случае, если семьи указанных граждан переселились в сельские районы Воронежской области для работы в сельскохозяйственном производстве", и уже совсем не выплачивается, согласно решению не только финансового управления Воронежского облисполкома, но и инструкциям финансовых органов других областей, беженцам, выехавшим оттуда по ряду объективных причин.

Не так просто южанам, привыкшим не только к другому климату, но и к иному образу труда, быта, к совсем другой пище, прижиться на Севере, в условиях неблагоприятного сегодня русского села. Да и почему они должны вновь принять не первый раз предъявляемый им ультиматум - либо-либо..., унижающий не только обездоленных турок, но и самих россиян, и подписывать бюрократические бумаги с обязательством отработать столько-то лет на земле, к примеру, совхоза "Дружба" Гагаринского района Смоленской области. Снова обязанность, долг, снова наказание по воле каких-то обстоятельств и инструкций, писанных на свежей бумаге все теми же старыми чернилами... И все это только потому, что другой выход у турок вряд ли найдется. Так на Руси и в былые времена не относились к погорельцам, всегда предоставляя им кров и еду безвозмездно. Но несмотря на безысходность их положения, люди все же отправляются в путь: человек-труженик берет у государства эти деньги, чтобы возвращать этот долг, вновь годами работая на чьей-нибудь земле. Верящий, что завтра ему "дадут родину" (вдумайтесь в эту фразу: "дадут родину"...), не единожды за полвека жизни в изгнании голодающий и унижаемый, но не расстающийся с мыслью о торжестве справедливости и возвращении на родину ни на минуту, человек продолжает терпеть и ждать.

Если найдется в сердце место для милосердия к этим людям, то найдется и клочок земли там, в Месхетии.

Не случайно не увенчались успехом предпринятые не так давно попытки республиканских властей заселить Месхетию грузинами с плоскостных территорий, как только в повестке дня вопрос о возвращении туда турок. Люди, привыкшие к жизни на равнине, вскоре покинули горы.

В последние годы отношение к ВОКу месхетинских турок все же изменилось и несколько раз их принимали (хотя и без определенных конкретных результатов в разрешении проблемы) и в Москве, и в Грузии. На этих переговорах турки предлагали сделать хотя бы несколько шагов им навстречу для улучшения искусственно разрушенных взаимоотношений двух народов, зашедших к тупик, для восстановления былых, существовавших до рокового 44-го года добрых отношений, которые хорошо помнят старожилы грузины. Но руководство Грузии не пошло навстречу предложениям, одним из которых было организовать встречу турецких, грузинских и армянских аксакалов, обратиться к мудрости старшего поколения. А желание турецкой молодежи потрудиться вместе с грузинской на реставрации архитектурных памятников старины Месхетии-Джавахе́тии было встречено властями как попытка восстановить в Грузии ислам. И опять же возведение искусственного барьера в бесконечных и тщетных поисках истоков конфликта в истории сосуществования грузинского и турецкого народов в Месхетии. И ведь давно пора прислушаться к здравому смыслу и понять, что тезис об исторической несовместимости каких-либо народов фальшив, тенденциозен и не подтверждается мировым опытом. Можно изъять из памяти все доброе из прежней жизни, можно найти, вырыть из земли кости соотечественников и заявить, что они были убиты турками, не уточняя при этом какими именно, если это так. Обычный подход: достаточно тебе принадлежать к расе и ты автоматически, хочешь ты этого или нет, виновен ты или нет, становишься жертвой бомбы "отмщения" кустарного изготовления. Нельзя игнорировать общеизвестный исторический факт длительного мирного сосуществования двух народов - аборигенного грузинского и турецкого. Будь иначе, один из них был бы истреблен, либо мигрировал в другие места.

Социально-политическая обстановка в Грузии остается питательной почвой для возникновения будоражащих население слухов-нелепиц о каком-то заговоре Москвы и турок против Грузии. Здесь срабатывает националистический лозунг: "Грузия для грузин", а отсюда и все остальные измышления, и пустые широкоэвangelические заявления о готовности "оказывать гуманитарную помощь братьям-месхам". Почему же, когда ссылали целый народ, не было слышно голосов в защиту "отуреченных грузин", а сегодня муссируются призывы к недопущению турок в Грузию? Если турок признает себя "отуреченным грузином", изменит имя и фамилию, религию, культуру, носителем которой он является, то есть согласится со всеми грузинскими требованиями, то он Грузией принимается. Остается только удивляться столь упрямому нежеланию понять, что национальность

человека не является чем-то порочащим его честь и достоинство, или оправдывающим его качества.

Думается все-таки, что все эти высказывания не являют мнение собственно грузинского народа, а всего лишь политиканствующей, агрессивно-националистической немногочисленной его части.

Оставляя за двумя народами право решить этот важный вопрос самим при поддержке всех честных людей, хотелось бы подчеркнуть, что сегодня есть все предпосылки положительного решения проблемы возвращения многострадального народа на его родину. К тому же турки не претендуют на дома своих предков, в которых уже полвека живут грузинские семьи, на земельные надслы своих отцов, не требуют компенсации за нанесенный им когда-то ущерб, по грубым подсчетам составляющий более пяти миллиардов рублей. Они нуждаются в понимании их беды и их отчаяния. Они ждут сочувствия и содействия в их скорейшем возвращении в родную Месхетию. Для них, по словам одного из старых турок, уроженца того горного края "родина - это первая мать, потому что она дает тебе твою мать. Матери стареют и умирают, а родина остается навсегда".

1991, март

ВОСПОМИНАНИЯ МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ...

Горькие времена начались для нас, турок Месхетии, с 1937 года. Я жил тогда с родителями в Адигенском районе Грузинской ССР.

Если где-нибудь, в каком-нибудь селе были образованные умные люди, их арестовывали и увозили. В 1941 году почти всех молодых мужчин и парней, окончивших школу, мобилизовали на фронт. В их числе были мой отец и мой старший брат. Оба они погибли. Из 26 моих родственников, двоюродных братьев, дядей остался в живых только один человек, который живет в Курской области. Половина же из них не вернулась с войны. Многие возвращались инвалидами и умирали вскоре после войны в тяжелых условиях ссылки.

В прошлом году скончался искалеченный на фронте, самый близкий мне человек - мой двоюродный брат. Чего и говорить. Я сам, своими глазами видел всю тяжесть, выпавшую на долю нашего народа, когда в селах остались лишь дети, женщины, старики и старухи.

В 1944 году, в ночь на 15 ноября в наши села ввели войска НКВД, которые находились под командованием Берии, милицию и солдат. Из пяти районов, а это почти 235 сел, в которых почти не оставалось мужского населения, за одну ночь вывезли всех турок. Среди этих сел

были и такие, в которых проживало смешанное население. Их было не так уж много, но люди всегда жили там, как братья. Были и такие, где жили половина турок, половина армян. А в нашем районе, в селе Уде жили турки и грузины. В селах Вале и Боладжур жили немногочисленные грузины. Живут они там и сегодня в так и остающихся полупустыми селах: вывозили только мусульман.

Семьи старших мужчин, из которых 26 тысяч положили свои головы на фронтах Великой Отечественной войны, были сосланы в Казахстан и Среднюю Азию. Я видел своими глазами, как людей грузили в холодные товарные вагоны, в каких зимой не разрешалось перевозить даже скот. Каждый эшелон до места назначения сопровождало около 50 солдат. Я видел, как по дороге через Урал и Казахстан выбрасывали из вагонов и оставляли непохороненными вдоль железной дороги трупы людей, большинство из которых были ни в чем не повинные дети и старики. Среди них был и мой дедушка. Его сын и мой отец, который с 1938 года находился на военной службе и попал кавалеристом в 1940 году в Латвию, не вернулся домой. Он служил в пограничных войсках и пропал тогда без вести. Три раза я обращался в Москву, чтобы хоть что-то узнать о его судьбе. Другой сын, мой дядя, восемь лет пролежал после ранения в госпитале в Ашхабаде.

Когда нас забросили в холодную и голодную степь Мирзачель, было нас около 5-6 тысяч семей. Сейчас это место узбеки называют Гулистаном - Цветущим краем. Наши руки его сделали цветущим.

В 1944 году мне было 17 лет. Я тогда только-только закончил школу. Из сел нас вывозили в "студебеккерах", везли в Ахалцих по горным дорогам: некоторые машины с людьми переворачивались, срываясь под откос. В Ахалцихе нас грузили в товарняки и заколачивали двери, чтобы никто не убежал. Беглецов же ждала смерть. Но все же такие были: в них стреляли... Многих из остальных тоже ждала смерть, но медленная и мучительная за дверьми вагонов, у которых находилось по два солдата, или уже в голодном, холодном чужом крае.

В каждый вагон погрузили примерно по 18 семей. На редких станциях солдаты говорили нам, чтобы мы приготовили ведра и какие-нибудь корзинки для хлеба. На вагон выдавали по две-три булки хлеба и полведра или ведро какой-нибудь похлебки. А кормить нас начали только в Махачкале. Так четыремя эшелонами нас развезли по разным местам: одни попали в Мирзачель, другие в Сырдарью, третьи - в Великоалексеевский. Четвертый эшелон остановился в конечном пункте Золотая Орда. И везде - голодная степь. На дорогу ушло 28 дней. Была уже настоящая зима. Не всех тогда довели: многие остались лежать вдоль длинного пути.

Попали мы тогда под страшный гнет комендантуры, не разрешавшей нам даже выходить из села. Тех, кто попался за нарушение режима,

ждало наказание - каторга на 25 лет без суда и следствия. Немало наших сослали в Сибирь. Каждые десять дней все - старики, старухи, женщины, дети - должны были ходить отмечаться в комендатуре. Бывали и проверки по домам ночью. Все это продолжалось до 1956 года. Из Сибири половина сосланных не вернулась: погибли, пропали без вести.

В первые два месяца после того, как нас сослали, от голода и болезней, от издевательств погибло более 17 тысяч турок. В 1945-46 годах я своими руками выкопал 64 могилы, в которые положили умерших турок. Они были простыми крестьянами. Что еще сказать?...

Вспоминаю то, что видел собственными глазами в Сырдарьинском районе, в голодной узбекской степи.

Первый год я работал в бригаде. В 1945 году маленькая лепешка хлеба стоила десять рублей. Как-то раз собрали мы 320 рублей. Бригада выдала мне эти деньги и мне сказали, чтобы я сходил на базар и купил лепешек, пока остальные будут копать. Я молодой тогда был. Справился с покупкой, а на обратном пути (идти нужно было около 3,5 километра), проходя через кишлак, который назывался "Социализм", увидел сидящего в тени старика с палочкой. Он был такой маленький, сильно худой. Сидит и о чем-то думает. Жарко тогда было, я решил подойти к нему и присесть в тени, отдохнуть. Подошел к нему и поздоровался. Оказался он нашим, месхетинским турком. Медленно поднявшись, он стоял и продолжал о чем-то думать, меня словно не замечая. Достал я одну лепешку, разломил ее и говорю ему:

- Дедушка, давайте вместе покушаем.

Он посмотрел на хлеб, затем выхватил у меня из рук половину лепешки и убежал внутрь дома. Молодой я тогда был - удивился. Пошел за стариком в дом. На полу был постелен камыш, на нем лежала девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Красивая такая, белокожая, просто смотреть невозможно. Говорит ей старик:

- Фатима, Фатима, хлеб привезли! Кушай. Открой же глаза!

Она приоткрыла глаза, но есть не смогла. Тогда я сказал старику:

- Давайте ей хлеб с водой, может быть, она тогда поест.

Он принес воды, и мы с трудом подняли девочку. Поела она немного. Достал я еще пять-шесть лепешек и сказал старику:

- Дедушка, возьми хлеб и тоже покушай.

А он отвечает мне:

- Нет, - потом продолжил:

- Когда мы попали в этот дом, нас было двенадцать душ. Все умерли: и жена, и сыновья, все дети. Осталась одна Фатима. Я молюсь каждую ночь до самого утра, прошу всевышнего лишь об одном, чтобы забрал он к себе меня первого, чтобы не видеть мне смерти моей, теперь единственной дочери. Я держу клятву и поэтому есть не буду. Все равно

я умру. А за лепешки - спасибо! Дочке хватит теперь на несколько дней. Потом кто-нибудь заберет ее.

Действительно так и вышло.

Через неделю я снова проходил через кишлак. Старик уже умер. Я узнал это от соседей. Они же рассказали мне, что в совхозе нашлись люди, родственники Фатимы, которые ее забрали после смерти отца.

Почти через десять лет я встретил Фатиму: она была уже замужем, имела двух сыновей и дочь.

Да, все это было в кишлаке "Социализм", что рядом со станцией Великоалексеевская, теперь - Бахт.

Из Узбекистана я уехал задолго до Ферганских событий. После 1950 года еще в Средней Азии а работал бригадиром, а после 1958 года вместе с многими турками выехал в Азербайджан, в Саатлинский район Муганской долины. Никто, нигде и никогда не давал нам хороших земель. Так случилось и в Азербайджане. Много лет я работал председателем сельского совета, заместителем председателя колхоза, которому в 1967 году присвоили звание Героя Социалистического труда. Колхоз этот и сегодня носит имя Мевлюда Аслановича Байрактарова, турка из Месхетии. Этот человек вернулся с фронта в звании майора, в орденах и медалях. К моменту его возвращения с войны жена вместе с двумя сыновьями умерла от голода в Чилинском районе Казахстана. Потом я забрал его к нам в степь, а позже мы вместе уехали в Азербайджан.

Много труда пришлось вложить в колхоз "Адегюн". Стало у меня болеть сердце, и я поехал подлечиться в Кисловодск в 1974 году. Климат мне подошел. Решил переехать сюда. Трижды пришлось подавать заявление об увольнении, наконец, меня отпустили и я переехал вместе со своими родственниками в Кабардино-Балкарию. Сюда же приехал и здесь же скончался мой друг, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1925 года Мевлюд Байрактаров...

В конце 1927 года по приказу Сталина Ахалцихский уезд разделили на районы.

Когда я учился в школе, до 1936 года у нас были турецкие учебники, Азербайджанские, правда, были учителя. После 1936 года нам стали преподавать азербайджанский язык. Чего только с нами не делали! Сперва мы были турками, потом нас стали делать азербайджанцами, грузинами. А в 1944 году мы снова стали турками и нас сослали. А ведь мы были нормальными людьми и жили обычной человеческой жизнью. В Месхетии было много смешанных браков. Например, сейчас в Кабардино-Балкарии живет месхетинский турок Азал. С давних времен живет он со своей женой-грузинкой. Да что говорить, в селе Уде были десятки смешанных браков: жила там половина грузин, полови-

на турок. У Латившаха Бараташвили, который учил нас грузинскому языку, жена была грузинка. А после ее смерти он женился на татарке.

По приказу Сталина делали так. У кого жена была грузинка, армянка или русская, тем надлежало распрощаться с супругой. Ей же разрешалось остаться или забрать с собой в дорогу все вещи. Муж же должен был как турок покинуть родину. Помню заведующего финотделом Айдына. Его жена была русской. Когда ее вызвали в район и объявили условия, она при все народе сказала: "Где мой муж умрет, и я там умирать буду. Не оставлю я своего мужа и детей". Ее увезли вместе со всеми. Мне хорошо запомнились эти слова: тогда я учился в школе и уже знал русский язык.

Наши девушки тоже выходили за грузин. Религия не мешала. И сегодня в районе Боржоми живет три женщины - турчанки из Месхетии. В Тбилиси тоже живет наша турчанка, она профессор...

Странно все-таки получается: если турок - то нечеловек?..

Наша историческая родина там, в Месхетии. Не царь, не фашисты выслали нас с родной земли, а правительство СССР. Оно и должно вернуть народ домой. Скажу вот о чем. Вчера случилась трагедия в Фергане, случилась она уже и в Ташкентской области. Завтра же она может произойти во Фрунзе, в Алма-Ате, в других местах. Сегодня каждый народ старается держать свою землю в своих руках, как свое счастье. А где же наше счастье?.. Некоторые говорят, что, мол, грузины не хотят, чтобы мы вернулись. А я скажу, не так это. Мы жили с грузинскими братьями веками мирно и хорошо. А теперь враждебная агитация: вот, мол, турки придут... Территория Месхетии на советской стороне составляет 8600 квадратных метров. Сегодня там живет 190 тысяч человек согласно данным из грузинских источников. Но более половины из них имеют как бы дачи, а сами живут в Тбилиси, Кутаиси, других местах. Говорят, что мы, турки там не поместимся. Уверяю, если решать вопрос по-хозяйски, то там, в Месхетии можно поселить и накормить три-три с половиной миллиона человек. Несколько наших турок в прошлом году ездили туда. Выяснилось, что раньше одно село давало больше продукции, чем сейчас весь Ахалцихский район.

Месхетия - это огромная территория. Там можно возродить и развивать сильное садоводство и огородничество. Ведь когда-то этот край снабжал Грузию фруктами и овощами. Там росло все, что захочешь, кроме хлопка. Высококачественный был мед. Очень славился и был почти в каждом хозяйстве. Пчелы не нуждались в подкормке. Вся природа была необыкновенная. До сих пор помню. За двумя горами была Кутаисская, грузинская земля. По другую сторону через гору - турецкая территория. А мы жили в долине между гор. Рядом с нами была аджарская гора - за ней начиналась Аджария. По обе стороны был

очень хороший сосновый лес. Обеспечивал он хвойной доской всю Грузию и даже Азербайджан. В те времена ценную древесину сплавляли по реке.

Непонятно мне все же. При царе нас берегли. А сегодня мы никому, выходит, не нужны. Недавно я слышал, что в Краснодарском крае туркам ставят ультиматум, чтобы они уезжали прочь. Не прописывают, работы не дают. Только соседи русские и помогают, даже кормят... Вот так. А что есть у беженца? Да ничего, кроме проблем. Не лучше и в других местах: в Смоленской, Волгоградской, Ростовской, Саратовской, Куйбышевской, Оренбургской, Курской, Белгородской, Орловской, Воронежской, Донецкой, в Ставропольском крае, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и других местах. Где только нас сегодня нет!.. В одном Азербайджане, если взять с турками, поселившимися раньше, - можно насчитать сто тысяч. Повсюду мы чужие, всем мешаем. Где же, в конце концов, справедливость? Что же делают с нами?!

Почти 17 тысяч турок живет сейчас в Ставропольском крае. Живут они без прописки, висят словно в воздухе. То же самое и в Азербайджане. Правда, мы очень благодарим азербайджанцев, которые оказали нам организованную помощь. Они собирали у простых людей муку и машинами развозили по семьям беженцев: кому мешок муки на семью, кому полмешка. Да еще помогали им деньгами - по 50 рублей на кормильца. Никто ведь до сих пор не открыл счет в помощь беженцам-туркам. Не так было бы обидно, если бы об этом хотя бы написали. У нас нет своей газеты, ничего нет. Но есть о чем рассказать.

Когда 10-12 июня 1989 года из Узбекистана хлынул по Северокавказской железной дороге поток беженцев, я своими глазами видел матерей, которые везли в чемоданах... своих умерших детей. И это в 1989 году, в конце XX века!..

И сегодня, когда умирают наши люди в Курской, Орловской области, родственники их там не хоронят. Клянусь, десятки умерших везут к нам в Кабардино-Балкарию, или в Азербайджан, какие-нибудь другие южные места, чтобы похоронить по-мусульмански поближе к родной земле. О чем только думает наш парламент? Неужели сердце у них каменное? Как можно не слышать криков, не видеть слез, не чувствовать боли нашего народа?..

Что у нас осталось? Слезы. Надежда. И честь. Да еще вот эти рабочие руки. Больше ничего. Вот так и живем. Если бы наши слезы капали в одно место начиная с 1944 года, то получилось бы солёное море. А если бы собрать в одно место безвинно пролитую кровь - тоже получилось бы море. На наш крик ниоткуда нет ни одного ответа за 45 лет. Вот так и живем. Живем и помним.

1990, февраль
Рассказ Назима Алиевича АЛИЕВА
1927 года рождения

КАК Я, ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА, СТАЛ "ПРЕСТУПНИКОМ"

Я - месхетинский турок, но в паспортах я и мои дети записаны азербайджанцами, и этому есть причина.

Когда я учился в школе в городе Ахалцихе Грузинской ССР, нам часто говорили, что мы азербайджанцы. В дальнейшем нас так и стали записывать в школе, да и в других местах. Однако выселяли нас как турок. Когда мы попали в Среднюю Азию, слово "турок" для местной власти было чем-то порочным. Поэтому нам было трудно. А когда мы говорили, что мы азербайджанцы, отношение к нам менялось. На родине, в школе, преподавали азербайджанский язык. Родной не преподавали вообще. Вероятно, в сводках давали, что мы учили турецкий, но на самом деле это был азербайджанский язык.

Помню еще с детства, как наши люди отправляли скот на летние пастбища - "яйла". Однажды и мне довелось побывать там. Местность очень красивая. Там были большие луга, где заготавливали на зиму сено. Турки в основном занимались скотоводством, но далеко не на последнем месте были садоводство и огородничество. Помню, что мои родители работали в колхозе. Еще помню, когда в 1932 году создавались первые колхозы. Как-то так получилось, что колхоз наш распался, а потом снова был организован в 1936 году. Отец мой тогда работал в нем сторожем. В то время комбайнов не было - косили пшеницу вручную, а также ячмень и кормовые травы. Помню, что несколько раз мать избирали депутатом в местный совет, кажется, и в районный тоже.

Когда началась война, мне не было и шестнадцати. Началась мобилизация на фронт. Кругом слышался плач, все чувствовали себя мобилизованными на защиту Отечества.

В те дни мне попала в руки книга о полководце Суворове. С этой книгой в руках меня и увидели офицеры, которые находились в нашем селе, и спросили, почему я интересуюсь Суворовым. Я ответил им, что хочу стать полководцем, чтобы прогнать врага. Это была, конечно, детская наивность. Но все же, когда мне исполнилось 18 лет, я, окончив учебу в техникуме, пошел в армию, попрощавшись с родными, которые оставались в тылу. Надо сказать, что в ту пору и в тылу приходилось нелегко: жили по карточкам, все отдавали фронту, и одежду, и продукты: все, что могло пригодиться нашим бойцам.

Мобилизовали меня в конце 1942 года. Вначале я попал в военное училище в городе Тбилиси, которое окончил специалистом по связи. Потом меня направили на 3-й Украинский фронт 53-й Армии, где я обеспечивал связь между армией и дивизией. Мы продвигались от

Волчанска до Полтавы, затем дальше до Кременчуга. В Кременчуге был взорван мост, и нам пришлось немного южнее города форсировать Днепр. Потом мы продвигались дальше. Местность там холмистая, сложная. Меня сняли со связи и назначили командиром пехотного взвода 1-й части.

В период подготовки к очередному наступлению, утром на рассвете, после того как закончилась артподготовка, мы пошли атаковать противника. Заняли их траншеи и на небольшом участке закрепились. Это были тяжелые бои. Под сильным натиском фашистов наши стали отходить. Я вернул их и поставил пулемет на место. И мы снова встретили гитлеровцев, как полагается. Но все же силы были неравные, и враг снова нас потеснил. Тогда там меня тяжело ранило в шею навывлет. Я лежал у вражеской траншеи, когда фашисты ходили и выискивали еще живых. Старался не шелохнуться, лежал, словно мертвый. Когда они миновали меня и немного удалились, я короткими ползками добрался до обрыва и скатился вниз. Не знаю, сколько, с сильным головокружением, пролежал я там в ожидании своих. Я все же дождался: наши автоматчики перешли в атаку, и ко мне подоспел санитар, который оттащил меня в наши траншеи.

Сначала харьковский госпиталь, потом - вологодский. А после излечения меня направили в часть возле станции Алабино. Затем попал в Москву в запасной полк, где нас, хорошо одев и обув, погрузили в эшелон и отправили в направлении Смоленска. Не доехав до Смоленска, на станции Красная нас высадили и снова переформировали. Потом повезли дальше. Оказывается, нас готовили к штурму врага под Оршей.

В тех боях мы успешно прорвали оборону противника, взяли город и продолжали гнать фашистов до Минска. Чтобы не допустить разрушения города, мы встретили врага на подходе, как следует. Командовавший войсками противника генерал бежал на самолете, остальные сдались в плен. Нас хотя и снимали с передовой после сильных сражений, но отдохнуть мы обычно не успевали: нас отправляли дальше. Так мы прошли Минск и перешли границу Литвы. Форсировали Неман. За Неманом я снова был ранен, но легко: мне зашили ногу, и я вернулся в свою часть. Перешли границу с Польшей и продвинулись до границ Восточной Пруссии. Тогда офицеров не хватало. Я был в звании младшего лейтенанта. Снова ранение в ногу. И еще однажды вот как был ранен.

Это было в лесу под Габсбургом, ночью, когда при обходе часовых из-за дерева почти в упор меня ранил в голову фашист. Он даже не ожидал, что я смогу еще броситься на него. Он растерялся и мне удалось повалить его и выхватить у него пистолет... В этой схватке я победил, но сам едва выжил: ручьем из головы лилась кровь, кружи-

лась голова. Но ранение оказалось все же не смертельным. И я вскоре поправился. В составе 376-го стрелкового полка при 31-й Армии я вышел к Балтийскому морю.

Выходит, до Победы я был ранен четыре раза, дважды - в 1945 году. За взятие одного из прусских городов меня наградили Орденом Красной Звезды. Был я также представлен к награде, когда взвод, которым я командовал, ликвидировал засаду противника при взятии города, но получить ее я не успел, так как был ранен и меня увезли.

После ранения 22 апреля 1945 года меня привезли в город Чкалов, нынешний Оренбург. Вылечили. Раньше я получал письма из дома, но теперь они почему-то перестали ко мне доходить. Все получали, а я нет. Казалось, что мне пишут из дома, но письма меня не догоняют: я ведь постоянно менял местонахождение, все время передвигался. В Оренбурге мне дали месячный отпуск на излечение. Это уже было после Победы. С хорошим, радостным настроением, с сознанием того, что мы остались живы и война кончилась нашей Победой, с товарищем мы приехали в Москву. Прошлись по большим и красивым улицам. Все нас радовало. Тогда я не знал и даже не догадывался о том, что меня ждало впереди. Мой спутник тоже ехал в Тбилиси. Там мы распрощались, и я решил ехать дальше, предварительно купив что-то из продуктов по талонам. Не скрою, на душе было как-то беспокойно. Думал о письмах, хотя обнадеживало то, что мои письма ко мне не возвращались. И вот тогда, когда мне выдавали продукты, один из майоров, приметив меня, спросил, куда я направляюсь, и рассказал потом, что наших всех выслали. На мой вопрос: "Как же так?!" - он ничего не мог ответить.

Я добрался до села, где родился, но там уже никого не было... Меня встретили армяне из соседнего села. Я побыл у них, они меня хорошо приняли, все мне рассказали.

В военкомате мне выдали направление в Среднюю Азию. Таких, как я собралось несколько, и через неделю мы отправились разыскивать родных через Баку пароходом в Красноводск и дальше. По дороге я все время вспоминал, как я вошел в родное село и увидел дома, в которых жили другие люди, в основном грузины и осетины. Они смотрели на меня с жалостью и сочувствием. Никто не встретил меня враждебно, с непониманием. Вспоминал, как зашел я в наш дом. Находится там долго я не мог. Ночевал в соседской армянской семье. Случайно оказалось, что им написал кто-то из наших ссыльных, и они дали мне адрес, указанный на конверте.

Искал по этому адресу целый месяц. Пришлось вернуться в Ташкент. Оттуда поехал в Катта-Курган, где мне сказали, что мои находятся в Метанском районе. А как туда добраться, я не представлял. Так и сидел у дороги. Совсем стемнело. Хорошо, один узбек, ехавший из

Азербайджана, где работал нефтяником, пригласил меня переночевать у его родственников. Наутро я отправился в Метанский район. Когда я туда приехал, люди заметили меня, одетого в военную форму, и собрались целой толпой. Они начали меня расспрашивать. В свою очередь я стал спрашивать, не знает ли кто, где мои родные. Тогда кто-то их разыскал, и мы наконец встретились.

Выслали тогда мою мать, отца, брата, вернувшегося с фронта инвалидом, младшего моего брата, жену старшего брата, тоже фронтовика-инвалида, который вскоре умер от ран, выслали двоих его сыновей, бабушку по материнской линии, которая умерла по дороге в вагоне и была второпях похоронена у железной дороги. Позднее мы безрезультатно искали то место...

Назад в армию я уже не вернулся. Меня оставили, взяв в комендантуре на спецучет. Я писал в Верховный Совет, в Москву и был очень огорчен ответом. В нем говорилось, что будь я не просто офицер, а даже генерал, все равно я турок и поэтому должен оставаться на спецучете. Мы не имели права даже передвигаться по району. В противном случае грозило 25 лет каторжных работ.

Меня предупреждали, чтобы я больше никуда не писал и поставили следить за мной человека. В 1950 году я был обвинен в "антисоветской агитации". Работал я тогда в школе под Самаркандом. За мной пришли в школу при Барлавском сельсовете Метанского района и арестовали. Меня привели домой и сказали, чтобы я как следует оделся. Также мне велели взять и ватное одеяло. Тогда я спросил, зачем это, и в чем, собственно, дело? Мне ответили, что с машины упал хлопок, а я подобрал его и продал, а кому именно продал, сознаюсь, мол, там сам. У меня не укладывалось в голове, что же происходит на самом деле. Эти люди в гражданской одежде привезли меня в областное управление КГБ, в Самарканд. Там все и было сочинено о моей "антисоветской деятельности". Потом состоялось заседание областной коллегии суда и мне присудили... 25 лет. В зале суда никого не было, двери были закрыты. Сказали, правда, что я могу обжаловать приговор, но я ответил, что сейчас я этого делать не буду, и меня отправили в лагерь, в город Ангрэн под Ташкентом. После обследования комиссией, благодаря ранениям меня не отправили работать в угольные шахты. Как выяснилось в дальнейшем Верховный Суд Узбекской ССР не утвердил решения областного суда и оставил в силе... только 10 лет. Из Ангрэна меня перевели в Беговат. После отбытия там полутора лет я был переведен в город Алмалык тоже под Ташкентом. А после смерти "отца народов" я написал в Москву. И тут пришел ответ о немедленном освобождении со снятием судимости. Я поехал к родным.

27 октября 1989 года в газете "Советский Узбекистан" была помещена статья, в которой говорилось, что после совместной проверки

прокуратуры и органов КГБ меня реабилитировали... через 37 лет!.. В статье говорилось, что обвинение было сфабриковано и никакими фактами не подтвердилось. Так вот я, защитник Отечества стал "преступником"...

1990, февраль
Рассказ Али Халиловича ЮСУПОВА
1925 года рождения

САМ Я - ЧИСТЫЙ ТУРОК

Я родился в 1923 году в селе Зедубани Адигюнского района Грузинской ССР в крестьянской семье. Фамилий тогда у нас не было. Я, например, Муссадин Сейфатоглы, так и писали. А мой отец - Сейфат Шакироглы. В 1931 году, когда умерли мои родители, мы с братишкой попали в районный детдом. Там нам сказали, что наша фамилия будет Демитрадзе. Я удивился и спрашивал, почему Демитрадзе, ведь отец у нас Сейфат и фамилия должна быть Сейфатовы. Но меня никто не послушал и записали нас Демитрадзе. А национальность мы получили уже в 1937 году. В то время нас не учили турецкому, а преподавали в школе азербайджанский. Вот и по национальности нас записали азербайджанцами, а фамилию оставили грузинскую. А ведь я сам чистый турок. Но дети мои тоже Демитрадзе по фамилии, а по национальности азербайджанцы. А как высылать стали, на паспорт не смотрели - выслали как турка.

С 1936 года по 1943 я учился в районе, в школе, где 1-2 часа преподавали грузинский язык, остальные часы - азербайджанский и русский. Во время войны в 1943 году меня направили работать в село помощником бухгалтера. 13 ноября 1944 года, в 2 или 3 часа ночи нас разбудили. Село было окружено автоматчиками. Всего солдат было около 300. Видел и противотанковые ружья у солдат. Жило тогда в селе 154 турецкие семьи. Куда нас собрались везти, не говорили. Но в Указе, я сам его читал, было написано, что "временное переселение". Был я тогда за переводчика. В Указе написано - 1939-1944 гг. Значит ли это, что хотели нас еще до войны выслать, не знаю. Боялись, что повезут в Сибирь или на Урал. Приехали только в конце декабря, больше месяца везти нас неизвестно куда. Разбросали по Казахстану: кого в Чимкент, кого - в Алма-Ату... Нас было четверо: две сестры - одна умерла в Узбекистане в 1951 году, и два брата. А детдом наш закрыли в 1937 году, когда первого секретаря райкома Азизова Радихана, который организовал этот детдом, арестовали и расстреляли как "врага народа". Так мы и жили. Когда нас отправили в Среднюю Азию, я начал писать стихи. Я много их сочинял, вот, к примеру, одно из них, написанное в 1944 году:

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Прощай, Родина! Живи долго счастливой.
Только с этим последним свиданием
Сбереги меня в сердце своем
Непрерывно как сына.
Разлучаясь с тобой,
Я хочу, чтобы ты не теряла надежды
На скорую встречу с твоими детьми.
И поверь, тебя я никогда не предам,
Даже в мыслях на миг не покину.
Я запомню те черные тучи,
что родное село окружили,
И огонь тот запомню, который,
Потешаясь над миром извечным отцов,
Выжиг душу народа и дерево жизни,
без смысла калеча,
Превратил в серый пепел.
Я запомню кровавый тот рок, что,
Взмахнув своим черным крылом,
Жестоко мой народ изувечил
И судьбу его перевернул.
Я запомню. Иначе кто узнает,
Как силы черные под звон
И бряцанье оружия
Топтали и сушили землю прежде,
Чем обрушить приказа тайного весь ужас
На мирные дома. Иначе кто узнает,
Что горе без границ
Людей, как камень, придавило,
Что день 14 ноября для них стал черным днем:
Красивый месяц потускнел,
Погасло солнце.
Безвинный, безоружный мой народ
Чужим, сиротским стал,
Безвестным для родины своей.
Запомню я. Иначе не услышать
Под небесами тот стон отчаянья...

1990, февраль

ПОГУБИЛ НАШ НАРОД СТАЛИН

Мы жили в Адигюнском районе Грузии, в селе Зазало. Сеяли хлеб, занимались скотоводством. В селе было 150 дворов. Председателем колхоза был наш турок Милалов Мухаддин. До 1941 года я работал в колхозе. Год работал чабаном, после этого ушел в армию, на фронт.

Деда своего не помню. Отца помню. Он работал в колхозе до 73-летнего возраста. Моя мать была инвалидом, в колхозе не работала, была домохозяйкой. Жена моя работала в колхозе. У нас сеяли не только хлеб, но и картошку сажали, выращивали любую культуру, кроме хлопка.

Село Зазало находилось в низине. На юг от села была гора и лес. До границы с Турцией не было и километра. И на запад была возвышенность. Там стояли казармы погранзаставы. На восток тоже были горы. Село находилось в таком прекрасном месте. Пили мы только родниковую воду. Неполившая у нас была земля. Вовремя шел дождь и урожаи всегда были хорошие. А какие были пастбища! Сейчас, говорят, места там мало. Как же мало? С утра до вечера можно было гнать скот и все равно не дойдешь до конца долины: такие там большие расстояния. Чабаном я был - сам, своими ногами землю мерял.

В селе нашем действовала настоящая мечеть, красивая, прямо как стамбульская. Она была построена по настоящему проекту. Когда организовывали колхоз, из мечети сделали склад и засыпали туда зерно. А после нашего выселения ее разобрали до основания и куда-то вывезли. Одна стена нашего дома почти примыкала к мечети. А в 1937 году по приказу Сталина всех наших ученых мулл, которые чуть побогаче других жили, раскулачили и увезли. Многие потом боялись даже молитвы читать. Такое время было...

У нашего народа был обычай. Каждый год в июне, сразу после мая кочевали со скотом, гнали его на простор за 30 километров от села, где были пастбища, луга и леса. Играла музыка. Веселилась молодежь. Боролись борцы. Танцевали люди. В то время люди имели кто по десятку коров, кто по полтора, а кто и по два, да еще с десятком овец на семью. Семьи-то у нас большие всегда были. Там, на пастбищах люди жили по четыре-пять месяцев. Делали запасы сыра и масла на зиму. Устраивались девичьи праздники, на которых пехлеваны-борцы мсрялись силой, боролись с буйволами. Пастухами на яйлах-пастбищах работали мужчины, а женщины оставались дома, в селе. Пожилые женщины, те, которые уже не могли работать в колхозе, выезжали на пастбище. Там, на яйлах, были специальные сараи, где коров доили три раза в день, сбивали масло, сыр, заготавливали еду на зиму. Каждая

семья резала на зиму одну-две коровы или бычков и четырех баранов. Хозяин кормил себя сам и еще работал в колхозе. Религиозные праздники не приходились по календарю на один и тот же день из года в год. Месяц держали пост, потом праздновали, а через 70 дней начинался другой праздник - Курбанбайрам. Каждый год по два раза обязательно отмечались такие праздники-байрамы. Остальные празднества были, в основном, свадьбы. На свадьбе веселилось все село, играли ее двое суток. Гуляли ночью и днем. Теперь так не умсют.

В колхозе убирали урожаи пшеницы, ячменя и кукурузы. Потом молотили быками. Дома женщины вязали из шерсти джемпера, теплые носки. Тогда в магазинах ткани не было. И мы делали ее из бараньей шерсти. Всякую ткань делали. Спали на сделанных из досок - особых, широких, но невысоких нарах - сакю. Обычно на стене висел ковер, а пол был застелен. Сад у нас был почти в один гектар. На 15 сотках росли груши - десять разных сортов. Например, балармуды, ненезир, агыршах, таврыджих, ненеармуды, мачарла, аразхабармуды, и еще пара сортов, уже не помню названий. Много было яблок: субалманы, крафильалманы, узун алма - по-русски розмарин. Была очень сладкая слива - чанчунуз. В Узбекистане таких сладких слив нет. Влесу рос орех дикий - фундук, а в садах - грецкий орех. На базаре в Ахалцихе мы покупали немного, только кое-что из одежды, керосин для освещения, или масло. В большинстве случаев хватало того, что делали сами. Держали мы и пчел - кто по 4-5 ульев, кто по 10-12, а кто и больше. Все зависело от размера семьи. Постель у нас - матрасы, подушки - делались из овечьей шерсти. Комнаты были большие, просторные, такие, какие хотел иметь хозяин, когда строил дом. Дома раньше стояли ближе друг к другу: за стеной уже были соседи. А сейчас все села на одно лицо - типовые застройки, все одинаковые, и зачем только такое придумали. Стены тогда были каменные, а крыши делались из досок, на которые толстым слоем насыпалась земля, так, чтобы вода не протекала. Через стену уже было хозяйство соседа: можно было постучать в стену и тебя услышат и придут. Дома располагались часто один выше другого, как бы ступенями. Но и ровно тоже строились, в зависимости от местности.

Вообще, мы были веселым народом. Каждая пятница - джума - считалась у нас праздничным днем и начиналась с молитвы. До чего народ наш был веселый! Вот, например, приходили люди из других аулов в нашу мечеть, когда молились - все молчали. Но после молитвы мы выходили из мечети все вместе и начинали шутить, силой меряться, бороться. Всем весело было. Интересные соревнования устраивались с буйволами-джамушами. Каждый из соревнующихся кормил своего буйвола дома и никому не показывал его. Потом выводили буйволов в поле - ферман. 10-15 человек держали на веревке одного

буйвола. Столько же - другого. И между буйволами устраивалось соревнование. Когда один из буйволов начинал побеждать, его, чтобы он не сгубил более слабого, оттаскивали за веревку. Весело тогда жили. А теперь один день - Фергана, другой - Ташкент... Слезы, кровь, голод, холод, бездомье... И не верится, что когда-то мы жили совсем по-другому, были народом...

Почему я 49 лет остаюсь без родины? Я ее защищал от фашистов. Воевал под городом Элиста, в Ставропольском крае, в Краснодарском. Освобождал Ставрополь. В чем же я виновен? Чем провинился мой народ? Сначала его в одночасье вывезли из родных сел, теперь выгнали из Ферганы, сделали из нас беженцев, не дают ни прописаться, ни работать в этих краях, где я когда-то проливал кровь. Мои дети меня спрашивают, может ли человек воевать за Родину и в то же время ее не иметь? Мы тогда кричали: "Вперед! За Родину, За Сталина! Отступить некуда, за нами Москва!" И я кричал и бежал под пулями вперед вместе со всеми, несколько раз был ранен, отлеживался в медсанбатах, в госпиталях и снова "Вперед! За Родину, за Сталина!.." За что же меня и моих детей лишили Родины?!

В 1945 году, 6 января в Будапеште я получил осколочное ранение в правое плечо. Вывели тогда нас с поля боя после того, как мы девять дней не давали противнику проехать по участку дороги, стратегически важному для общей победы. Отправили меня тогда санитарным эшелоном в Грузию. Везли 18 суток. Начальником эшелона был капитан, турок по национальности. Я спросил его, куда нас везут, близко ли к родным краям? Он пошутил в ответ, что довезет меня до самого дома. В Тбилиси нас переформировали: оставили тех, кто остался без ног, а нас повезли дальше. От радости, что скоро увижу родные края, не спал всю ночь. Пытался угадать, куда пойдет поезд - в Кутаиси или в сторону Боржоми, от которого до родины моей рукой подать. В конце концов поезд остановился в Боржоми. Наш вагон отцепили и половину раненых разместили в санатории "Лица". А я 19 февраля 1945 года попал в госпиталь в самом Боржоми. Не выдержал я тогда и пошел на железнодорожную станцию. Смотрю, один человек подмывает. Я спросил у него, далеко ли до Ахалциха и сколько километров до Адзгюна? Он так громко, почти криком спрашивает, зачем это мне знать? Как же, отвечаю, родина там моя, дом мой, родные, близкие. Он отвечает мне тогда, что нет там никого, всех оттуда выслали...

Я не поверил его словам. Как это нет? Как это - выслали? Подумал, что он просто шутит, обманывает меня. Сильно расстроенный вернулся в свой вагон - нас еще не успели вывезти в госпитальное здание. Там было с нами несколько человек грузин из соседнего села Арал. Они хорошо знали турецкий язык. Начал я их расспрашивать. Ответили они, чтобы я не обижался на то, что они скажут, и рассказали, что

произошло. Лег я в госпиталь, но казалось, что я забыл о своих ранах - так сильно я расстроился. Оттуда начал писать в военкомат, в комитет ГБ и в райком партии. Еле дождался ответа через месяц: "Ваших родственников выслали в Среднюю Азию". Без адреса. Вот так...

Вылечили меня и отправили в город Гори. Там стоял 88 полк. Оттуда меня снова отправили на фронт. Ежедневно политрук показывал нам на масштабной карте, как продвигались наши войска и освобождались от гитлеровцев города. И пока мы добрались до места назначения, было уже 7 мая, а потом 9 мая 1945 года - Победа... Большой Праздник... Отправили нас снова в Тбилиси. Те, кто имел госпитальную справку о тяжелом ранении, по приказу главнокомандующего отпустили домой. Из пяти ранений у меня было три тяжелых и меня демобилизовали. Мне тогда было 25 лет.

Приехал я в Адегюн, в свой район. Пришел в военкомат, где мне выдали направление в Ташкент. Там я должен был явиться в управление НКВД. Приехал я в Ташкент, пришел в управление - мне велели написать заявление на работу куда хочу, в колхоз либо на завод, а тем временем обещали мне найти моих родных и сообщить, как найдут. Я им сказал, что сюда я приехал к семье, а не трудоустроиваться. Сказал, что уже 4 года не видел отца и мать. Ответили мне коротко: нечего переливать из пустого в порожнее, туюк искать - дело трудное: расселяли их, как кукурузу, по 12 областям, поди-ка найди. Так что, мол, иди устраивайся на работу и жди вестей, а тут не скандаль!

А вскоре я увидел, что таких, как я, демобилизованных, было немало - сотни туюк, крымских татар и других, которые ходили-бродили по улицам и по базарам, разыскивая родных. Удалось мне встретить знакомого, который сказал, что моя семья находится в Ташкентской области, в Средне-Чирчикском районе, в колхозе имени Сталина. Я обрадовался, тут же поехал туда. Ехал где трамваем, где на попутных грузовиках, где шел пешком. Наконец, добрался. Оказалось, отец мой умер еще в мае 1945 года, а мать лежит больная. В доме, где она лежала, дверей не было вовсе и половины окон тоже. Дети мои лежали рядом с больной бабушкой, больные. Жена покрыла тело какой-то тряпкой: ходит не одетая, не голая. После уборки рисового поля она собрала три мешка колосков. Больше в доме ничего съестного не было. Колхоз ничего не давал - такой был бедный. Только один раз дали кукурузной муки. Стали мы там жить. За 12 километров таскали на своих плечах камыш и продавали его на базаре в городе Кулюке. На вырученные деньги покупали кукурузу по 5-6 рублей за килограмм. Снова таскали камыш и снова его продавали и покупали кукурузу. А срезали и носили камыш по ночам, так как днем нужно было успевать делать работу в колхозе. Так и кормили семью. Мы тогда находились под комендантским надзором: попробуй совершить прогул... Работали

от темна до темна, часов ни у кого не было, так что смотрели по свету: как развиднелось, значит пора на работу. Если кто не выполнял дневную норму, оставался работать на ночь. Так что мы старались, чтобы успеть сбежать за камышом. После работы летишь туда, где он растет, нарежешь себе снопы из камыша, чтобы удобнее было нести и до рассвета мы уже на базаре, а там спешишь продать поскорее, чтобы вовремя быть на работе. Когда я стал работать в колхозе, мне платили за один трудодень один килограмм зерна, какое было - ячмень, кукуруза, горох. Рады были и этому. В одной комнате жило четыре семьи: две родных сестры, мать, жена и двое детей, соседи со своими женами и детьми.

Работал я в колхозе из всей семьи один: жена моя от перенесенных трудностей потеряла трудоспособность, еле справлялась с тем, что требовалось семье - матери да детям. А в колхозе труд был тяжелый, в основном ручной. Работал я в поле, очищал арыки и водосбросы. Идти домой на обед смысла не было: есть там было нечего и без меня. Так что работали без перерывов на обед, пока не выполняли норму. А голодный человек быстро слабеет, плохой он работник - голодный. Так и работали, чтобы выжить. Выжили. В 50-60-е годы нажили дом. Это потому, что ни от какой работы я не отказывался. Два сезона, зимой, почти босой, я работал на тракторе. Потом перевели меня на хлопковое поле звеньевым. Работал днем и ночью, узнал, что такое поливное земледелие. На родине нашей совсем другой климат, другая природа, там все было в радость, а здесь и работа не в радость... В 1952 году поставили меня бригадиром на хлопке. Поле, которое давало 12 центнеров, я поднял до 24 центнеров. На две бригады у нас был один трактор. Работали на нем по очереди: заберут у нас трактор - наше поле засыхает, мы на тракторе работаем - у соседа сохнет хлопок. Дело иногда доходило до ссор. Тяжело было. Постепенно, конечно, все налаживалось, но сколько слез и пота пролито. Да если посчитать дни с того момента, как я ушел на фронт из родного села, то живу я без Родины уже 49 лет. Все вокруг меняется как будто, а для нас, турок, все остается по-прежнему и даже труднее с каждым днем.

*1990, февраль
Кадим МАМЕДОВ,
1920 года рождения*

У МЕНЯ НА СЕРДЦЕ...

Голос из толпы

...У меня на сердце столько горя, что если о нем писать - потребовалась бы река чернил.

Когда нас выслали, отец мой воевал на фронте, а мы держались за подол материнского платья, плакали и спрашивали, куда нас увозят. И мама плакала вместе с нами. Взяла с собой в дорогу только еду - сколько могла, ведь мужчин с нами не было. Из нашего села ни один мужчина, что ушел на фронт, не вернулся. Если бы хоть один вернулся, может, на сердце было бы меньше горя!

Когда нас разлучили с родиной, мне было 10 лет. Мать по дороге умерла, оставила нас - восемь сирот. Так было трудно выжить! Не легче и жить - не ели, не пили, не одевались по-человечески. Работали без просвета, чтобы хоть крышу над головой иметь. Днем и ночью трудились. Только-только наскребли необходимое для жизни - вдруг в Узбекистане новая беда на нас обрушилась.

Мы с мужем выращивали шелковичный кокон. Это нелегкий труд. Как-то собрали урожай, сдали на приемный пункт. А когда возвращались обратно, бандиты напали на нас, убили моего мужа. Он 27 лет работал в одном и том же колхозе. Днем и ночью работал и всегда просил, чтобы ему еще дали работу...

Теперь я снова с детьми без крова, без места на земле. За что, почему мы стали бездомными? Кто виноват, что мы остались без Родины? Неужели мы хуже всех, в чем мы виноваты?! Дайте нам Родину! Верните нас домой!!

*Запись и перевод В.ТЮТЮННИКА
1990, февраль*

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ

Письмо беженки-турчанки

Когда я была маленькой, часто видела и слышала, как мать складывает и поет песни о пережитом. О том, как выселяли наш народ во время войны, как насильно загоняли в вагоны, как по 20 дней не выпускали из телятников. Весь этот ужас и страх тех дней она вспоминала со слезами на глазах, но я не могла себе все это представить.

И только сейчас, когда нас, турок-месхетинцев, снова постигло горе, я поняла весь ужас тех дней. Мы стали беженцами и, гонимые экстремистами, вынуждены уехать за пределы Узбекистана, оставив

родные дома, друзей. Горе мое безмерно, ведь я больше никогда не увижу их, а среди них есть и корейцы, и русские, и татары, и узбеки, и азербайджанцы, с которыми я сроднилась.

Сорок пять лет жили мы в Узбекистане, честно работали, поднимали хлопковые поля, собирали, как и другие, хлопок. В нашем поселке были три турецкие бригады хлопкоробов, и возглавляли их тоже турки. Наши родители и старшие братья вложили столько труда в хлопковые поля! А сегодня... Сегодня мы оказались лишними, стали беженцами в своей родной советской стране.

Сейчас мы разбросаны кто где, и снова у нас нет родного крова, поэтому я присоединяюсь к голосу своего народа: дайте нам Родину! Поймите одно: живя врозь, мы можем забыть все - свои обычаи, свой язык. Мы даже не знаем своей культуры и истории. Наш народ выселяли из Грузии, там надо искать корни нашей истории. В годы войны многие наши турки были на фронте, но почему-то о них не пишут. Лично у меня с войны не вернулся дядя - Рафик Расулов. Да и многие у нас не дождались своих сыновей. Но мы не знаем своих героев.

Снова обращаюсь я ко всему советскому народу, ко всем народным депутатам: помогите нам. Да, Сталин совершил преступление - по его вине мы оказались в изгнании. Но сейчас ведь не сталинское время, и, может быть, уже хватит того, что мы пережили. Без Родины человек - нищий.

Да, посылаю вам письмо. Его написала подруга моей племянницы из Узбекистана. Они с детства вместе росли, ходили в садик, школу. Их разлучили ферганские события. Меня резанула по сердцу тоска и печаль детей, а им всего по восемь лет. Прочтите его:

"Здравствуй, дорогая Валида, пишет тебе Галя. Как бабушка? дедушка? ты? Лейла? дядя Анвар? Абит? Как там у вас погода? У нас плохая. Ты как учишься? Я учусь только на пять и четыре. Я скучаю по тебе. Когда я иду из школы, я думаю о тебе. Я о тебе плачу. Раифа тоже плачет о тебе. Обязательно приезжай к нам. Будем ходить к Раифе и будем играть.

До свидания. Пиши".

Увидятся ли они когда-нибудь?..

*с. Русаново Курская область
Саходат ПИПИНОВА
Советская Россия. 1989. 30 декабря*

О РОДИНЕ

Песня-плач

Собирайтесь, братья, - родина уходит из рук.
Придите, братья, на помощь к нам!
Кому плакать, как не мне!
Крепче меня свяжите - родина уходит из рук.
Сердце и печень приложите к любви...
Спустились до Ацхури - цветы мои завяли,
Тоска по родине пронзила меня насквозь.
Спустились до Боржоми - надежду перерезали мою,
Сердце и душа кровью переполнились.
Кому плакать, как не мне!
Вот и поезд пришел - голова моя закружилась,
Сердце и печень в крови потонули...
Села в вагон - спина сторбилась,
Целый месяц по голым доскам жизнь моя расплескивалась.
Кому плакать, как не мне!
Сколько по этой дороге
Наших дорогих в ямы заброшено!
Кому плакать, как не мне!
Спустились до Баладара - похлебку принесли.
Мать моя так и застыла, в плаче приговаривая:
Изверг Сталин, чтоб трон твой рухнул вместе с тобой!
Разлучил ты дитя с матерью - сына с родиной!
Кому плакать, как не мне!
Спустились в Дагестан - сердце мое переполнилось горем,
Проколола сердце мое тоска по родной земле!
Кому плакать, как не мне!
Мать моя плакала-умоляла:
- Не выбрасывайте мой труп из поезда!
Огонь горечи сжег мое сердце:
Слава Аллаху, доехала она живой,
А там из рук узбеков в могилу сошла...
Кому плакать, как не мне...

ПАМЯТЬ О КАВКАЗЕ

Песня-плач

Наша Родина - Кавказ!
Великий Аллах там создал нас.
Но даже могилы наших предков
Выгребли с Кавказа.
Вершины кавказских гор под небесами,
А внизу плодородные сады.
Из-за деяний безбожника Сталина
Кавказ плачет кровавыми слезами.
Горы Кавказа в цвету
И долины его - в цвету.
Сталин золото и серебро на медь разменял,
А потом людьми словно сурьмой торговал.
Кавказские скитальцы так горько плачут!
Кавказские скитальцы так горько плачут!
Идите же, скитальцы, идите назад, кто дойдет!
Аллаху одному известно,
Свидимся ли с Родиной мы вновь...

ПЛАЧ

Плачу я и нет конца моим слезам.
Печаль моя горька.
Вздохнула я -
Так вздыхает брошенный людьми сад.
Плачу я - глаза ослепли от слез.
Разлуку с родиной мне пережить нельзя.
О горе говорить язык мой устал.
Передо мною догорает костер воспоминаний о былом.
И увядает внутри меня цветок жизни молодой.
Нутро мое пылает, лишь родину припоминаю я.
Молюсь за Горбачева, чтоб дал Аллах ему сил,
Сколько дал он нам... Одна надежда на него,
Чтобы земли родного Кавказа
Коснуться нашим стопам...

*ДЕРГУЛОВА Итибар Шариф-кызы, 85 лет
Запись и перевод В.ТЮТЮННИКА*

Майра САЛЫКОВА, Семен ЯНОВСКИЙ
ГДЕ СЫН ТВОЙ, ЗЕМЛЯ?

Очерк

Еще год назад их не всегда называли, перечисляя народы, подвергнувшиеся депортации в период культа личности и до сих пор не вернувшиеся на места своего исторического проживания. Но сегодня, после печально известных Ферганских событий, потрясших всю страну, достоянием широких кругов общественности стало еще одно, не разрешенное до сего дня последствие сталинской национальной политики. Вот уже сорок пятый год кочует по огромной стране маленький народ, который называет себя месхетинскими турками.

КАК ЭТО БЫЛО

...Тяжкая это доля - ходить по инстанциям десятки лет, переживая все заново. В который раз рассказывать то, что лучше забыть навсегда, как приснившийся однажды кошмарный сон. Свидетельства эти необходимо сохранить, без них невозможно представить себе в полном объеме, что же стоит за желанием этого народа вернуться в родные места. Нельзя решать современные проблемы, не зная того, что пришлось пережить не только месхетинцам, но и всем народам, разделившим с ними судьбу депортированных "невозвращенцев".

Тайфур Абузер: Мне было 10 лет, когда нас изгнали. Сам я из Аспиндзского района Месхетии, село Хертвези. Нас выгнали в 12 часов ночи на улицу и держали до 4 часов утра, а потом сказали: "Мы временно вас увозим". Мне мать сказала: "Иди к бабушке", - а бабушка наша жила в другом селе. Я должен был сообщить ей, что нас куда-то увозят. Но, как только я вышел на дорогу, меня схватили и бросили в первый попавшийся "студебеккер". Отлученный от родителей и родственников, я был привезен в Алма-Атинскую область. Еле выжил в дороге. Рассказывать, что творилось по дороге в товарняках для скота, в которых нас везли, просто нет никаких душевных сил... Я не видел родственников с 1944 по 1948 год. Потом случайно на базаре меня увидела моя тетка, потом приехали отец, брат. А позже вернулся из армии дядя. Его вызвали в комендатуру и говорят: "Снимай ордена, погоньи". Все это и документы в придачу у него забрали. После этого он сник, проболел год и умер.

Я юрист по образованию, окончил Московскую академию, не хочу никаких должностей, поеду и буду работать на ферме, в колхозе,

скотником, кем угодно - только бы вернуться на родину. Мне больше ничего не надо!

"...ОЧЕНЬ НАДЕЕМСЯ НА ВАШУ ПОМОЩЬ" -

писали члены Временного организационного комитета месхетинских турок председателю правления Советского фонда культуры академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Речь в обращении шла о незаконной высылке в ноябре 1944 года граждан турецкой, а также курдской, хемшинской, азербайджанской национальностей с территории пяти районов юга Грузии: Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского - с общим географическим названием Месхетия-Джавахетия. О том, как, депортированные в республики Средней Азии и Казахстана, эти народы оказались в крайне тяжелом положении. Из 115 тысяч стариков, женщин и детей за месяц пути в битком набитых вагонах и первую зимовку в фанерных строениях и землянках погибла четверть. Это происходило в то время, когда 40 тысяч турок, с первых дней Великой Отечественной войны сражались в рядах Советской Армии. В живых из этих воевавших мужчин осталось 14 тысяч. Все вернувшиеся с войны: и Герои Советского Союза, и орденосцы, и инвалиды - оказались в одинаковом положении с сосланными. В положении резервантов с жестким комендантским режимом, ослабление которого произошло лишь в 1956 году.

Стремясь быть ближе к родине, немалая часть турок расселилась в Азербайджане, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае и других регионах страны. Везде наблюдается постепенный процесс ассимиляции. Были попытки создания турецких школ, но огромная территориальная распыленность маленького народа делает нерсальным в данных условиях создание единого очага культуры. "Этот вопрос, - говорят они, - может быть решен только при компактном расселении нашего народа".

Члены Временного организационного комитета отметили, что возвращение на свою историческую родину - Ахалцихский регион Грузинской ССР даст возможность возродить исчезающую национальную культуру. Реальность такого возвращения, как считают члены ВОКа, подтверждается наличием на территории Месхетии-Джавахетии нескольких десятков разрушенных и пустующих сел.

До сих пор остается нерешенной проблема этнического происхождения месхетинцев. Одни представители этого народа считают себя месхетинскими турками - их большинство, другие месхетами - частью единой грузинской нации. Эмма Панеш, ученый из Ленинграда, сделала доклад по этой теме на заседании совета по развитию и сохране-

нию культуры малочисленных народов Фонда культуры СССР. Вот ее точка зрения:

Месхетия-Джаваетия - это пограничье. Если представить себе, что на протяжении многих веков на пограничной территории жили и соседствовали контактирующие этносы турок и грузин, то, обращаясь к мировой истории любого пограничья, ситуация могла быть довольно типичной. Если бы эта территория была турецкая, то грузин, как обычно это делали в таких случаях, переселили бы в глубь страны, а на территории пограничья были бы устроены военные поселения. Если бы территория была грузинской, то было бы то же самое, только с другой стороны. Что и было сделано в 1944 году. С пограничья были выселены мусульманские народы. Месхетинские турки были вывезены, а на освободившуюся территорию заселили грузин. Хотя, несомненно, была и часть выселенных грузин-мусульман. Мы думаем, что вопрос о происхождении необходимо решать спокойно. И очень важно, чтобы при решении этого вопроса не оказывалось давления на самосознание месхетинцев, ибо вопрос это тонкий и деликатный".

Существует и другая точка зрения. Грузинский историк Гурам Мамулиа:

"Эта проблема - одна из самых сложных для грузин. Для всей республики. Та группа людей, о которой говорится как о турках, на самом деле месхи. Так как издавна население того края было исключительно грузинским. Турки как таковые, я имею в виду османских, там никогда не проживали. Даже в официальной статистике прошлого не было такого понятия - "турки". В результате экспансии Турецкой империи процесс мусульманизации месхов протекал в тех местах почти три столетия. В связи с этим произошла потеря языка со всеми вытекающими последствиями. Но говорить, что в Месхетии испокон веков жили турки и что это турецкая земля - сплошное недоразумение. Месхетия являлась центром грузинской культуры. И даже если посмотреть на этот край с точки зрения материальных памятников культуры, то именно там находятся самые крупные христианские церкви. И позже уже можно проследить по историческим документам, по мере запустения края, мечети, которые возникали в результате этой мусульманизации. Часть месхов перешла в результате гонений в католическую веру. Самосознание месхов в результате этого распалась на три части: часть была тайными православными, которых относили к грузинам, часть католиками, которых называли французами, и часть омульманенного населения, которое называло себя татарами, но не турками.

Я могу сказать, оглядываясь на историю этого края и историю месхов, что эта часть грузинского населения веками была жертвой

большой политики государств. Они жили на границе и постоянно испытывали давление со стороны государств. Даже в советский период их записывали и азербайджанцами, и грузинами, а в 1944 году они были высланы как турки. И так называемая турецко-мехетинская нация была образована на почве религиозного, а не национального самосознания. К сожалению, в ближайшей истории были события, которые еще остались в памяти людей. Когда турки в 1918 году наступали через Мехетию, мусульманское население подняло восстание. Доходило до резни. Христиан и мусульман. Там, где христиане и мусульмане жили бок о бок, часто мусульмане спасали, укрывали христиан. Но были и ужасные сцены. И это по сей день живет в сознании людей.

Сегодня среди месхов есть значительная часть, которая понимает и осознает свое грузинское происхождение. Они просят дать им возможность возвратиться на родину. В разные районы Грузии, включая и Мехетию. Мы поняли, что это то крыло, на которое можно опираться в решении этого вопроса. Но тяжело приходится не только с месхами, но и с грузинами. Ведь, когда месхов выслали, среди народа велась соответствующая пропаганда. Надо было заселять опустевшую пограничную территорию. Грузины туда ехать не хотели. Поэтому заселение проводилось в принудительном порядке. В основном из районов Западной Грузии. Туда специально вступали войска, разрушали дома, буквально силой сажали на машины и заселяли таким образом мехетинские села.

Все это происходило зимой. Условия климатические были совершенно другие. Это сейчас в Мехетии построили дома, а тогда там жили в основном в землянках. Погибли почти все младенцы. Чтобы люди не бежали в свои родные места, установили комендантский режим. И чтобы как-то удержать людей, им вбивали в головы, что из этих сел выселили предателей. Что мы, мол, освободили вашу землю от турок, а вы не хотите жить здесь, потому что не являетесь патриотами. И вся идеологическая и пропагандистская машина была запущена для соответствующей обработки населения. Долгое время оттуда практически нельзя было выписаться и уехать.

И потому население настороженно сейчас относится к возвращению мехетинцев. Очень большие сложности могут возникнуть и возникают при неправильном поведении тех из них, кто допускает незрелые, непродуманные заявления, приезжая в те края с целью осмотреть места будущих заселений”.

Расул Мамедов:

“Советское государство нам доверяет границу охранять в любом месте Советского Союза. Кроме нашей родины - Мехетии. Пара-

докс. Почему так? Мой сын, например, служил в Афганистане, сын соседа-земляка погиб от пули душманов. Как так получается, что мы можем служить везде, даже за пределами страны, и здесь национальный вопрос не возникает. Где справедливость? А как только зашел разговор о нашем возвращении, возникла вдруг проблема нашего происхождения. Кто мы - турки или грузины? Так вот что я хочу сказать, кого так занимает этот вопрос, - у нас Конституцией закреплено право на свободу совести. Хочу - буду мусульманином. Хочу - христианином. Хочу - я могу записаться грузином, хочу - турком. Но никто не имеет права меня заставлять или вынуждать меня записываться грузином. И еще вот что хочу сказать. Если многие ученые в Грузии считают, что мы - омусульманенные грузины, что же они все эти долгие 45 лет не били во все колокола? Что, мол, наши братья грузины пропадают в изгнании? Что же все эти долгие, мучительные для нас годы не пригласило нас обратно грузинское правительство? Почему вопрос: турки мы или грузины, возник тогда, когда зашла речь о нашем возвращении в Месхетию?"

Исмаил Гуняшев:

"Везде в нашей стране стоят памятники солдатам, погибшим в Великую Отечественную войну. На них написано, кто погиб, когда, все можно узнать. Так неужели 40 тысяч турок, воевавших в те годы, а погибло из них 26 тысяч 267 человек, не заслужили такого памятника или обелиска на родине? Когда в тех местах, где мы сейчас живем, открывали обелиск погибшим односельчанам, я спросил: "Почему же наших соплеменников не включают в эти списки?" И мне председатель райисполкома ответил, что, мол, мы ставим обелиск тем солдатам, кто из нашего села ушел и не вернулся, а ваши солдаты не из нашего села ушли. Вы должны поставить им обелиск в своем родном селе". А как я могу это сделать, если я даже попасть туда не могу? Долгое время вся территория, на которой мы проживали официально, входила в погранзону. Въезд был по особым спецпропускам..."

КАКАЯ ОНА, МЕСХЕТИЯ?

В воспоминаниях всех месхетинцев: и тех, кто считает себя месхами, и тех, кто считает себя турками, - это была земля счастья. Счастья жизни на родине. Полностью ощутить все, что под этим подразумевается, могут люди, слишком дорого заплатившие за горькое это познание.

По дороге в Месхетию, в селе Хашури, живет возвратившийся в Грузию из Средней Азии Бахадыр Матанов. Ему было 11 лет в 1944 году, жил он в Аспиндзском районе, в селе Ошора. Помнит весь этот

ужас от начала до конца. Потом, после снятия комендантского режима, отслужил в армии, окончил институт, работал.

В 1973 году, взяв путевку, поехал отдыхать в Боржоми. И вдруг экскурсия, собираются на Вардзи. А дорога туда как раз через его родное село. Он знал, что по паспорту, где было записано, кто он и откуда, его дальше шлагбаума не пустят. Знал. И все равно записался. Когда доехали до шлагбаума, все вышли из автобуса. Шла проверка документов. Он сказал, что забыл паспорт, но есть депутатское удостоверение и документы, что он является заместителем председателя райисполкома в Средней Азии. Долго перезванивались пограничники с начальством, пока наконец, махнув рукой, не сказали: "Поезжай!" А когда автобус прибыл в Ошору, он уже не мог сдержать себя. Попросил остановить в центре села, выбежал на улицу и закричал во всю глубину легких: "Я здесь родился! Здесь жил мой отец! Я здесь, и теперь можете делать со мной, что хотите!" Казалось, вся жизнь до этого мгновенья была ради этих нескольких минут. Он думал, что к нему побегут, станут выдворять обратно, но экскурсовод, поняв, в чем дело, просто умолял не кричать так громко. И многие люди в автобусе плакали...

Много лет прошло с тех пор. Он познакомился с грузинской семьей, которая сейчас живет в бывшем их доме. Они стали почти родными людьми. И не оставляло его с тех пор жгучее желание вернуться. И он вернулся. Правда, живет не в Месхетии, но все-таки на родине, в Грузии. Считает, что они, месхи, грузинского происхождения. Учит грузинский язык. Хотел записаться грузином в паспорте, вернуть себе грузинскую фамилию. И, как мы узнали недавно, ему это удалось. Сейчас в его паспорте записано новое имя - Бадри Метонидзе.

Кошали Алиев:

"Я лично выселял своего родного отца... Я служил тогда в армии и оказался среди тех солдат, которые занимались выселением турок. И я сам выселял собственного отца из родного дома. Отец мой погиб в дороге, и я даже не знаю, где его могила. Мать умерла от горя. Осталось четыре брата и две сестры. Два года я искал их, писал в Москву и нашел в Казахстане. Так это было. Вы понимаете, я сам грузил свою семью на студебеккер, четыре семьи на одну машину..."

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начиналась Месхетия для тех, кто решил посетить этот древний грузинский край? С пограничного шлагбаума при въезде в самую обширную на территории Советского Союза погранзону. Месхетинцы считают, что зона была создана специально для них. Чтобы не было возможности не только вернуться, но даже посетить могилы

предков. А грузины, переселенные сюда тоже насильно, считают, что этот шлагбаум был предназначен для них, чтобы они не могли уехать из Месхетии в родные края тогда, в страшные сороковые годы.

Совсем недавно шлагбаум при въезде на территорию Месхетии-Джавахетии был снят. Но проблема, созданная в далеких сороковых годах, еще не решена.

Мы спросили: "Сколько месхетинцев сейчас живет в самой Месхетии?" Нам ответили, что официально три семьи, но реально проживает сейчас в Ахалцихском районе только один Марат Бараташвили. Сын Латившаха Бараташвили, посвятившего всю свою жизнь делу возвращения на родину. Считает себя месхом.

Марат работает в местном краеведческом музее.

Занимается этим вопросом уже много лет. Он единственный смог вернуться на родину. Привез туда свою семью. Ему, конечно, нелегко. Сначала люди относились с опаской, многим не нравилось, что он, работая в музее, имеет доступ к архивам. Но все-таки его природное миролюбие, стремление прикоснуться к своим историческим истокам, воспитанность потихоньку привели к терпимому отношению. Пока так.

Наш разговор в Маратом был долгий.

"Более запутанного вопроса - кто мы? - в СССР нет. Иди разберись! Профессионалы головы ломают, а тут простой крестьянин. Что ему надо? Ему земля нужна, ему семья нужна, ему работать надо, детей растить. Что там политика? Дайте землю где родился, откуда родом, где предки похоронены. Вопрос не в том, чтобы всех перевезти на свои старые места. Все дело в действительной реабилитации месхов и высланных вместе с ними представителей других этнических групп.

Марат Бараташвили говорит об этом, как о самом важном аспекте вопроса. Он считает недопустимым тот факт, что вот уже спустя 45 лет после высылки он - единственный месх, вернувшийся на землю предков.

Вахли Ахметов:

"В 18 лет меня мобилизовали в Советскую Армию 23 июня 1942 года. Наша 77-я стрелковая дивизия формировалась в Дербенте. После демобилизации всех солдат встречали с музыкой, а нас кто встретил? Приехали в родное село - никого нет. Правда, через полчаса появились два милиционера, говорят: "Тебе здесь делать нечего. Давай езжай отсюда..." "Куда" - спрашиваю. А они - в Среднюю Азию, мол, вся семья твоя там находится. Я четыре месяца искал свою семью, голодный, холодный... Когда нашел, уже почти никого не было в живых, только один брат-инвалид и сноха. Остальные все умерли. За что мы воевали? Неужели даже теперь мы не имеем права жить на родной земле? Ведь ветеранов становится год от года все

меньше. Не дали нам жить на родине, так хоть умереть там. На это мы имеем право? Пока я был на фронте, ничего не знал о судьбе своих близких. Писем после 44-го не получал совсем. Несколько раз обращался в политчасть, там отвечали: "Не знаем, пока война..." Хотя все они тогда знали, просто им совесть не позволяла сказать мне правду. Ведь мы тогда все могли в любой день умереть. За Родину".

Мы посетили все районы края Месхетии-Джавахеитии. Видели, как живут там сейчас люди. Читали справки, предоставленные нам, о том, что Месхетия является сейчас районом экономически отсталым, дотационным. Проблем много. У тех людей, кто живет там, не хватает строительных материалов, земли. Нас убеждали, что восстанавливать старые, разрушенные села месхетинцев невозможно, что земля сейчас не годится для современного уровня земледелия. Люди во многих селах, узнав, откуда мы и по какому вопросу, обступали нас и делились своими мыслями.

Беспокойство людей понятно. Тяжелая экономическая ситуация в районе ложится бременем на плечи местных крестьян. Возвращение месхетинцев, даже пока в незначительном количестве, может создать, как считают многие, трудности не только экономического характера, но и психологические. Те, кто был переселен сюда насильственно в дома месхетинцев, говорили нам: "Разве они смогут забыть эту несправедливость? Разве они смогут смириться тем, что мы заняли их земли? Что на месте мечети, например, построили школу или что-то еще? Разве сможем мы рядом с ними жить спокойно?"

Совершенно обратное говорили нам месхетинские турки, нелегально посещавшие свои села в недавние, более спокойные времена. О том, как радостно и тепло принимали их, как плакали все вместе. Откуда тогда это беспокойство? Ведь известно, что Временный организационный комитет месхетинских турок записал в своем Уставе отказ от претензий возврата жилищ, оставленных в результате депортации 1944 года. Но тревога не отпускает людей. В селе Удэ вспомнили люди о событиях 1918 года, о которых рассказывал нам Гурам Мамулия. Водили нас на сельское кладбище, где покоится прах жертв тех лет.

И подумалось тогда: если память человеческая так долго хранит воспоминания пусть немногочисленных, но черных страниц истории, то скоро ли забудутся нашими современниками события последних лет в Армении и Азербайджане и других регионах страны? Скоро ли смогут забыть месхетинские турки события в Фергане? Возможно ли вообще забыть об этом? Но если помнить об этом всегда, вечно, то что же может ожидать нас всех впереди? Идти вперед, оглядываясь назад,

только для того, чтобы в оправдание своей собственной нетерпимости представить черные страницы давней и недавней истории?

КОГДА НАСТУПИТ ВРЕМЯ?

В Москве состоялась неофициальная встреча граждан грузинской национальности с представителями месхетинских турок.

Не по всем вопросам было достигнуто согласие. Но главное, что вынесли и те, и другие, - нужно наводить мосты между людьми. И обязательно учитывать сложную ситуацию, которая сложилась в Грузии. Представители грузинской национальности заявили, что "теперешнее общественное мнение в республике складывается не в пользу возвращения месхетинских турок в Месхетию. Причины этого - события последних месяцев: это 9 апреля, беспорядки в Восточной Картли, напряженность в Абхазии и Южной Осетии. Грузинскому народу надо дать время разобраться в самом себе".

Ясно одно - вопросы эти должны решаться спокойно. Нельзя не учитывать реалии сегодняшнего дня. И положение в Грузии. И положение народа, который 45 лет лишен родного очага. Учитывать, что после печально известных ферганских событий десятки тысяч месхетинцев стали беженцами. Нельзя жить без надежды на справедливое разрешение этого вопроса. Но одной надежды мало. Время идет. Подрастают новые поколения. Что ответим на их вопросы завтра? Как посмотрим в их глаза?

Пока материал готовился к печати, нам сообщили из Тбилиси, что Марат Бараташвили, поселившийся на родине, там уже не живет. Ему пришлось покинуть край его предков - Месхетию.

Огонек. 1989. N 50.

...Из того будущего разительные неожиданности проступают нам и сейчас. Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия!.. А вот уже сегодня: притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов, - неужели это и есть желанная национальная свобода?

За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни - никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими интересами, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН.

Как нам обустроить Россию. Л., 1990.

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ГРУЗИЮ

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Вашу статью "Как нам обустроить Россию?", опубликованную в "Комсомольской правде" и "Литературной газете", прочитали многие миллионы людей. Именно это обстоятельство побуждает нас обратиться к Вам с настоящим открытым письмом, поскольку Вы в Вашем труде не обошли вниманием Грузию.

Хотя нашим болезненным проблемам Вами уделено всего семь с половиною газетных строк, их содержание свидетельствует о том, что Вы плохо знакомы с этим вопросом или кем-то дезинформированы. Оно и не мудрено, потому что в течение последних лет так называемой "гласности" в советских органах информации, за малым исключением, грузинские проблемы освещаются необъективно.

Вы сетуете на "недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов". Это ошибка. Вопрос стоит не о месхах, а о турках, проживающих отнюдь не искони в южных районах Грузии, а это далеко не одно и то же, потому что - согласитесь - для турок исконной родиной является Турция.

Слов нет, массовая высылка лиц любой национальности с мест их проживания есть акт жестокий, но вот не встает же вопрос о возвращении на западные территории Чехо-Словакии судетских немцев, принимая во внимание, какую роль они сыграли в трагедии этой страны в месяцы, предшествовавшие мюнхенскому стовору в 1938 г.

Когда Вы писали упомянутые строки о Грузии, Вам не приходила мысль о возможной аналогии?

Да ведь не поднимаете Вы голоса и о возвращении немцев в Восточную Пруссию, тем же Сталиным присоединенную к России и переименованную в Калининградскую область.

Но даже если оставить в стороне эти аспекты проблемы турок, некогда завоевавших и заселивших искони грузинскую землю - Месхетию (еще Руставели писал о себе: "месх безвестный из Рустави..."), то подумайте о следующем.

В 1944 г. в Среднюю Азию было переселено 40-45 тысяч турок, проживавших в Месхетии; теперь их 400 тысяч. Население Грузии насчитывает около 5 с половиной миллионов человек, из которых грузин менее 4 миллионов. Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы практически возможным вселение такого количества людей в столь небольшую по территории страну, как Грузия? Ведь их же надо обеспечить жильем, питанием, работой. Откуда же все это взять при общем для всего СССР развале экономики, не миновавшем и нашу республику, перенесшую к тому же недавно тяжелые стихийные бедствия, в результате которых тысячи семей остались без крова?

И потом, Вы упускаете из виду еще одно, важнейшее, но из Вашего далека и отстраненности от наших дел трудноразличимое обстоятельство: в тех самых регионах южной Грузии, о которых идет речь, проживает много армян и в случае вселения туда турок неизбежны острейшие конфликты между ними. А пресса будет писать о "кровавой пролитии в Грузии", не вдаваясь в подробности, и опять окажутся виноватыми грузины. Что же нам делать?

Двумя строками выше Вы пишете о "притеснении абхазцев, притеснении осетин". И здесь, к сожалению, Вы, Александр Исаевич, проявляете слабую осведомленность. Вот всего несколько официальных цифр о "притеснении абхазцев". Составляя на территории Абхазской Автономной ССР всего 17,8 процента населения, абхазы занимают в Верховном Совете Абхазской АССР 57 из 140 депутатских мест, то есть 41 процент, а грузины, которых в Абхазии 45,7 процента, имеют 38 процентов депутатских мандатов. Из 119 членов обкома абхазов - 52 человека, то есть 44 процента, грузин - 49 человек, то есть 41 процент; в Совете Министров Абхазской АССР из двенадцати министров 8 абхазов.

Теперь - о культурном "притеснении". Составляя, напомним, 17,8 процента населения Абхазской АССР, абхазы имеют собственные: университет, телецентр, национальный театр, книгоиздательство, "толстые" литературные журналы, прессу, школы, творческие союзы (писателей, художников, композиторов), фольклорные ансамбли.

Скажите: какая национальная группа в СССР (или где бы то ни было), насчитывающая 93 тысячи человек, имеет все это?

Такое же положение и у южных осетин. А вот в Северной Осетии, входящей в состав РСФСР, до последнего года не было ни одной осетинской школы.

Не подлежит сомнению, что противостояния между отдельными более или менее многочисленными национальностями в разных регионах СССР принимают различные, в том числе и неприемлемые, формы. Но при этом их, не задумываясь, относят не на счет антигуманного режима, чья национальная политика изначально была нацелена на создание безликого, бесправного, бездумного и безвольного "советского народа", а на счет хоть и более многочисленных, но столь же угнетенных народов. Но разве в этой забытой Богом империи есть хоть один более или, если угодно, менее угнетенный народ, чем другой?! Путь к решению национальных и межнациональных проблем один - это демократический строй и неукоснительное соблюдение прав человека.

И последнее. У Вас есть такая фраза: "Впрочем, Россия не завоевывала ее (Грузию) насильственно, а только Ленин в 1921 г."

В этих словах слышится отзвук широко распространенного, ошибочного мнения о сути так называемого "добровольного присоединения" Грузии к России, порожденного искаженным освещением данной проблемы многими историками.

Действительно, находясь в безвыходном положении, царь Ираклий II просил единовенную Россию о покровительстве и помощи, соглашаясь взамен признать себя вассалом российских императоров. Но он не просил Россию низложить династию Багратионов и ликвидировать Грузинское царство в нарушение Георгиевского трактата в 1783 г., образовав на его месте две губернии: Тифлисскую и Кутаисскую, что было сделано вскоре после вступления русских войск в Грузию.

Мы убеждены, что если бы Вы, Александр Исаевич, знали все эти факты, Вы бы не бросили в адрес Грузии столь несправедливые и незаслуженные упреки.

Общеизвестно, что грузины издревле отличались своей терпимостью к другим народам. Чутким барометром является отношение коренного населения к евреям. Так вот, в 1913 году на Всемирном еврейском конгрессе во Франкфурте-на-Майне в ответ на горькие слова одного из депутатов о том, что в мире нет страны, где не было бы антисемитизма, раввин Давид Баазов заявил: "Такая страна есть, это Грузия, маленькая христианская нация, среди которой мы живем 2500 лет и никогда не чувствовали к себе неприязни, не испытывали ущемление своих прав. Грузия не знает гетто, погромов, дискриминации". На грузинском языке нет слова "погром". Весь зал поднялся и устроил овацию.

Помимо евреев, в Грузии проживают абхазы, армяне, поляки, осетины, азербайджанцы, русские, курды, ассирийцы, украинцы, эстонцы и представители других национальностей. Как Вы думаете, если б грузины их притесняли, избрали бы они местом своего жительства Грузию? Мы уж не говорим о русских духоборах и молоканах, которые были изгнаны с родины царскими властями и нашли приют и достойную жизнь в Грузии. Вот почему бесславно провалились попытки создать так называемый "интерфронт" в Грузии.

Вот почему мы уверены, что если бы все вышеперечисленные факты были Вам известны, Вы бы не написали о Грузии того, что благодаря Вашему высокому авторитету может создать искаженную картину у многих людей о положении в Грузии.

Многое меняется, и в добрый час. Если Вам когда-нибудь представится возможность, приезжайте, Александр Исаевич, в Грузию. Мы Вас примем как дорогого гостя. Мы покажем Вам все, что Вы хотите посмотреть, ознакомим с любыми материалами, которые Вас интересуют, организуем встречи со всеми, с кем пожелаете встретиться.

Просим не сомневаться в глубочайшем к Вам уважении

*Леван ХАИНДРАВА, писатель,
Эльдар ШЕНГЕЛАЯ, режиссер
Литературная газета. 1990. 24 окт.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Грузинская творческая и научная интеллигенция все чаще выступает с оправданиями и разъяснениями происходящего на их родине. Главная забота этих выступлений - сберечь сложившуюся репутацию Грузии как страны гостеприимной, щедрой, распахнутой в большой мир и приветствующей на своей земле все народы. Лейтмотив их един - истинная грузинская современная действительность искажается в печати СССР и мира в силу отдаленности (как к примеру, А. Солженицын) или злонамеренности (рука "центра - Кремля") пишущих о Грузии.

Но факты, увы, заметно пошатнули прославленную грузинскую репутацию. Факты исторические и - как их логическое развитие - современные. Национальные репрессии, начиная с 1931 года, объективно "работали" на очищение гостеприимной и гуманной Грузии от инородцев и на расширение ее границ.

1931 год - Абхазская Советская Социалистическая Республика вводится в состав Грузинской ССР на правах автономной.

1937 год - депортация курдов, в том числе и из Грузии.

1941 год - депортация немцев и иностранно-подданных, в том числе и из Грузии.

1943 - 1944 годы - вследствие депортации карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев граница Грузии передвигается на север, на большую часть земель этих репрессированных народов, а столица упраздненной Карачаевской автономии переименовывается в город Клухори.

1944 год - из Грузии депортируются оставшиеся курды, хемшиды (хемшилы, хемшины), азербайджанцы, греки, месхетинские турки. На освобожденные от чеченцев земли, присоединенные к Дагестану, из Грузии депортируется более 2000 семей аварцев и других дагестанских народов.

1949 год - Грузия освобождается от понтийских греков, организованно вывезенных с земли, на которой они издавна жили, в Казахстан и Киргизию. Места их проживания, в основном на территории Абхазии и Аджарии, заселяются грузинскими семьями.

80-е годы в истории Грузии отмечены все более усиливающимися репрессиями ее правительства против инородцев. Одна за другой возникают и ведутся войны с абхазцами, осетинами, дагестанскими народами, азербайджанцами, грузинами-мусульманами, имеющими административно-политическую "крышу" - Аджарскую автономию. Впрочем, в стремлении к единству и чистоте грузинской нации правительство намерено ликвидировать на своей территории все автономии.

Вынуждены сняться с насиженных мест и в полном составе выехать русские духоборы и молокане, спасавшие в Грузии более столетия свою веру. Безудержно эмигрируют на этническую родину евреи, вернувшиеся было понтийские греки, выезжают курды-езиды, писавшиеся грузинами...

Но стремятся домой-домой! - на отнятую родину исстрадавшиеся в полувековом изгнании турки. С редким упорством, заслуживающим иного, доброго, человеческого применения, виртуозно создавая разнообразные препятствия, грузинское правительство не допускает их возвращения на родную землю в Месхетии и Джавахетии.

Для оправдания-обоснования этой позиции привлекаются грузинские ученые - историки, этнологи, социологи, экономисты, которые послушно "доказывают", что в Грузии, на ее границах с Турцией никогда не жили турки...

Сегодня первый президент Грузии Звиад Гамсахурдиа заявляет открыто, что чрезмерная (?) терпимость в отношении к другим национальностям - это роскошь, которую могут позволить себе другие страны, но не Грузия. "Грузия - не Англия, и не Франция. Грузии грозит опасность поглощения другими национальностями, которые присланы сюда Кремлем, Россией, империей: азербайджанцы, армяне

и даже осетины - все они некоренное население". Все они должны, по требовательному и в силу его положения законодательному мнению З.Гамсахурдиа, уйти "домой", оставив Грузию грузинам, поскольку большинство из них - враги грузинского народа ("Балтимор-Сан". Вашингтон, США. 1991, март).

Остается удивляться - столетие за столетием, живя в тесном добрососедстве с другими нациями, грузинский народ не растворился, не утратил своей национальной неповторимости - почему это стало ему противопоказано сегодня?

Все это очень печально - ибо налицо чистейшей воды национальный эгоизм, устремленный к изоляционизму, что ведет не к национальному расцвету, а к застою и гибели.

1991, август

ГРЕКИ

* * *

ГРЕКИ издревле жили на территории Молдавии, Одесской области, Крыма, Донецкой области, Краснодарского края, Ставрополя, Черноморского побережья Кавказа (понтийские греки), в Абхазии, Грузии...

Переселение греков, проживавших на территории от Анапы до Сочи, проводилось в два этапа. В 1942 г. были переселены греки - иностранные подданные. В мае 1942 г. из Краснодарского края, Ростовской обл. и частично Крымской АССР были выселены граждане иностранных государств - всего 8300 человек, из Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья Грузии - 16 376 человек. Некоторым из них предоставлялось право выбора местожительства. Многие из "кубанских" греков проживали в Сталинградской области, в районах Северного и Западного Казахстана...

В сентябре 1945 года... начальники проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР получили приказ... направить в Новосибирск, в распоряжение отделов спецпоселений управлений НКВД Новосибирской области:... крымских греков ... - в Свердловскую область...

В 1949 г. были переселены турки, армяне, оставшееся греческое население Краснодарского края и других районов Черноморского побережья (включая часть территории Грузинской ССР), всего - 57 680 человек.

История СССР. 1989. № 6.

* * *

На 1990 год на территории СССР проживает 357 975 греков согласно официальной переписи, но реально их около миллиона. Только 44,5% назвавшихся греками считают родным греческий язык.

В Грузии проживает 100 304 грека, в Абхазии - 14 663, в Аджарии - 7379, на Украине - 98 578, в РСФСР - 91 654 (расселены в Краснодарском и Ставропольском краях, Северной Осетии, в Удмуртской, Якутской, Хакасской, Ханты-Мансийской автономных республиках, на Чукотке, в Ямало-Ненецком округе), в Казахстане - 46 714 и в Узбекистане - 10 479 человек греческой национальности...

ГРЕКИ В СССР

Очерк

Свой определенный вклад в историю нашей страны внесли и поданные России греки. Активное участие принимали они в революционном движении. Широкую известность получила деятельность одного из руководителей революционно настроенной молодежи в Тбилиси Якова Ионида. Одним из легендарных бакинских комиссаров был Иракий Метакса. Навсегда остались в истории революционного движения имена Н. Анастасиади, И. Хиотиса, К. Семерджиева и др.

После победы Октябрьской революции и гражданской войны греки, как и многие так называемые малочисленные народы СССР, получили возможность свободного национально-культурного развития. Появились первые газеты и издания на греческом языке, были созданы и начали работать любительские и профессиональные театры. Только в Грузии в 1927-1928 годы функционировало около 100 греческих школ, а в городах Батуми, Сухуми, в Цалкинском районе были открыты греческие отделения педтехникумов. В Новороссийске издавалась газета "Спартакос", а в 1921 году в Батуми, при Аджарском обкоме КП(б) Грузии было основано издательство "Коммунистис" и стала выходить газета на греческом языке. Позднее, уже в 1932 году в Сухуми стала издаваться и газета "Коккинас капнас" ("Красный табак"). Была создана и национально-территориальная единица в Северо-Кавказском крае - Греческий район с центром в станице Крымская (ныне Краснодарский край), где в основном проживали греки-табаководы, переселившиеся туда в 1870-1880 годы. В районе выходила газета "За социалистическое табаководство", функционировала неполная средняя школа. Район был ликвидирован в 1937 году.

Репрессии 1937-1938 годов положили конец надеждам греков на возможность сохранения своей национальной культуры и самобытности. После разгрома издательства "Коммунистис" и закрытия греческих школ в 1938 году начался процесс постепенной ассимиляции и растворения греков в иноязычной среде. Многие греки, потомки тех, кто в XIX веке и еще раньше осваивал земли Южной России, Прикубанья, Причерноморья, уезжали в Грецию. Ломались судьбы, распались семьи, рвались родственные связи...

Вместе со всем советским народом пережили греки и лихолетье Великой Отечественной войны: сражались на фронтах и в партизанских отрядах, самоотверженно трудились в тылу. Многим были присуждены почетные звания Героев Советского Союза и Героев Социалистического труда.

Потом начались репрессии против греческого народа. Сначала попали под репрессивный каток крымские греки - в 1944 году их выселили вместе с другими народами, населявшими этот полуостров, а в 1948-1949 тотальной высылке были подвергнуты понтийские греки, т.е. проживавшие в Грузии, Аджарии, Абхазии, по всему Черноморскому побережью Кавказа. Греки пополнили ряды спецпереселенцев по национальному признаку: ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, немцев, месхетинских турок, крымских татар... В 1956 году с греков, как и с остальных народов, были сняты ограничения в передвижении, но запрещено, либо не рекомендовано возвращение на родину. Но политическое и культурное положение греков, как и некоторых других репрессированных народов, остается неопределенным.

В июле 1989 г. В Москве состоялась учредительная конференция по созданию Всесоюзного общества советских греков - таким образом греческое население СССР получило общественную организацию, призванную содействовать развитию и удовлетворению социальных и культурных запросов этого народа, желающего стать равноправным членом семьи советских народов.

*Н.А.ЭРИТРИАДУ
Тбилиси, 1989*

Иван ДАЛЬЯН ВЕРНИТЕ НАС ДОМОЙ

Воспоминания

Увлекательна и поучительна многовекторная история греков, издавна поселившихся в Крыму, но о ней в другом месте. Вспомним, как жили греки Крыма после Октябрьской революции.

Расцвет греческой культуры в Крыму начался в первые годы XX столетия и достиг своего апогея в конце 20-х и 30-е годы. В Крыму действовали школы на греческом языке, функционировала письменность и церковь, на греческом издавались газеты, журналы и книги, переводились лучшие произведения русской и мировой литературы, даже велась деловая переписка. Народ имел свою интеллигенцию, литературу, развивал искусство. Греки занимались земледелием, животноводством, виноградарством и виноделием, табаководством и садоводством, рыболовством и мореходством, торговали и были в основной своей массе народом зажиточным.

Массовое разорение крестьянских хозяйств в нашей стране началось к концу 20-х годов, и греки вместе со всеми почувствовали жесткий прессинг. В результате так называемого раскулачивания большинство крепких крестьянских семей было вывезено куда-то в

Сибирь. Другие из числа зажиточных и середняков, оставив свои хозяйства, бежали от репрессий в города шахтерского Донбасса. Однако осенью 1932 года в Приазовье, как и по всей Украине начался страшный голод, продолжавшийся и в 1933 году.

Он унес сотни тысяч жизней и вынудил приазовских греков спасаться от голода и искать убежища в других областях страны. Часть приазовских греков вновь вернулась в Крым, на историческую родину предков, среди них была и наша семья со всеми почти родственниками. Наше, совсем еще недавно большое и богатое село Кашлагач в Больше-Янисольском районе Донецкой области, где я родился, было разорено - к весне 1933 года в нем осталось в живых всего четыре семьи...

Только-только кончился голод, начались массовые репрессии и террор. Лучшие представители греческой интеллигенции, рабочего класса и трудового крестьянства были арестованы и безвинно осуждены, заполнив тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. В одночасье все достижения греческой национальной культуры и самобытности оказались сведены на-нет: закрыты греческие школы, запрещена письменность, разрушены церкви, изъяты из обращения книги и имена...

Не была пощажена и крупная греческая церковь в Симферополе, являвшаяся шедевром архитектуры, в росписи которой участвовали великие художники-иконописцы России и Европы.

В годы Великой Отечественной войны крымские греки не сидели сложа руки, а вместе с другими народами нашей страны встали на ее защиту и включились в активную борьбу против гитлеровского фашизма. Одни из них ушли сражаться на фронт, другие в годы оккупации Крыма ушли в горы и леса полуострова в партизанские отряды, участвовали в активной подпольной борьбе в крымских городах.

В лесах Южного берега Крыма под командованием грека М.А. Македонского успешно действовало Южное соединение партизан, в котором было много греков, начальником разведки этого соединения был грек Ф.А.Якустиди. командиром одного партизанского отряда, а затем 4-й партизанской бригады был грек Х.К. Чусси... Однако о мужественной борьбе греков, по-видимому, по указанию сверху писалось мало и скупое, да и сейчас почти не пишется. Между тем в партизанских отрядах греки держались до конца и предпочитали голодную смерть фашистскому плену. Греческую деревню Лаки в Бахчисарайском районе, где председателем колхоза был грек Х.Спаи, фашисты окружили и сожгли вместе с женщинами и детьми за помощь партизанам. Для греков это своя Хатынь. Это греки, рискуя жизнью, носили в осажденный фашистами Севастополь питьевую воду...

Комсомольским руководителем подпольной группы в с.Кисек-Артук (ныне Клиновка) был крымский грек К.Д.Апостолиди. В подпольную группу входила вся его семья из восьми человек и еще 20 жителей

села. Карательный отряд окружил село, схватил его мать, брата и нескольких других подпольщиков и передал всех в гестапо, где их подвергли пыткам и замучили насмерть. Есть и еще примеры и факты - крымские греки в оккупированном Крыму проявили себя как истинные патриоты своей советской родины.

Радостно, с хлебом и солью встречали они вместе со всеми крымчанами своих освободителей - части Красной Армии 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Это было в апреле 1944 года. Для нашей семьи радость была вдвойне: в составе 51-й армии в Симферополь вошел полевой госпиталь, врачом которого была наша тетя Дальян Екатерина Ивановна. Казалось, все испытания остались позади, греки окрыленно взялись восстанавливать все разрушенное. Одно удивляло и обижало: греков не брали в ряды действующей Красной Армии, освобождая от призыва впредь "до особого распоряжения". Это означало выражение политического недоверия, и греческая молодежь призывного возраста очень переживала.

Особое распоряжение вскоре поступило и обескуражило всех крымчан: сначала за сутки выслали всех крымских татар, потом - никто из нас этого не ожидал - 27 июня 1944 года среди ночи подняли крымских греков, болгар и армян. К домам были подогнаны военные грузовые машины, вооруженные работники НКВД и автоматчики военных властей вошли в квартиры перепуганных людей и велели в течение получаса собраться для выезда, взяв с собой только необходимое и еду. Остальное свое имущество оставить на месте.

Что значит необходимое? Необходимое для чего и на какое время? Этого нам никто не сказал. Полусонные, перепуганные и плачущие люди - в основном, женщины и дети в полной растерянности и замешательстве метались в своих квартирах и домах, не зная и не понимая, что же им брать с собой и куда их собираются везти. Срок, отведенный для сборов истекал, паника и беспомощность людей не прекращались. Удивительно ли, что люди не успели и не смогли взять с собой ни теплой одежды, ни еды, которой, впрочем, у них и не было. Затем их с жалким скарбом погрузили на военные грузовики и под усиленным конвоем вывезли на ближайшие железнодорожные станции. Здесь произвели сортировку привезенных людей: греков к грекам, армян к армянам, болгар к болгарам, - сформировали эшелоны для вывоза.

Нашу семью из Симферополя вывезли на железнодорожную станцию Каракият в 8 километрах к северу от города, в тупике которой формировались эшелоны. Квартира по Феодосийскому шоссе, дом 54 была опечатана прибывшими для выселения работниками НКВД, а позже разграблена. Оставленное греками в своих домах и квартирах имущество, нажитое многолетним честным трудом, было разграблено, а скот, квартиры и дома конфискованы и переданы в райисполкомы

и горисполкомы. А греков тем временем погрузили в товарные вагоны и под конвоем вывезли из Крыма только за то, что они греки по национальности. Подумать страшно, сколько было искалечено жизни и душ невинных честных людей, оказавшихся на свою беду греками!

Товарные спецэшелоны увозили 28 500 крымских греков от очага их постоянного, исторически сложившегося проживания в неизвестности, в ссылку - именуемую на языке НКВД "спецпоселение" - в отдаленные районы Северного Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии. Их расселили мелкими группами среди иноязычного населения, что усугубило житейские трудности, которые им пришлось пережить, на огромной территории от города Красновидерска на севере Пермской области до города Гурьева на юге Западного Казахстана, от г. Прокопьевска в Кемеровской области до Коканда в Узбекистане... Совершенно другие климатические и бытовые условия и языковая среда, иной, непривычный труд...

В пути следования эшелона нам иногда выдавали так называемый суп и хлеб. Насколько я помню, симферопольские греки были высланы в Пермскую, Свердловскую и Кемеровскую области, феодосийские - в Гурьевскую, ялтинские и бахчисарайские - в Узбекистан, керченские - в Свердловскую область.

Следуя в неизвестность, греки не унывали. Этому способствовало то, что на некоторых железнодорожных станциях скапливалось до 10-12 эшелонов, в которых находились знакомые. Возникал обмен мнениями, вопросы, куда и зачем нас везут, находили самые фантастические ответы, составлялись планы выхода из создавшегося положения. Такие "встречи" не обходились без шуток, смеха и юмора, вселявших надежду на скорое исправление ошибки, совершенной в отношении греков.

Эшелон, в котором везли нашу семью, от города Первоуральска Свердловской области, был ориентирован на северо-запад в Пермскую область, и по мере его продвижения на отдельных полустанках часть вагонов выгружалась - эти семьи направлялись на лесозаготовки в дремучие леса Урала. На небольшой железнодорожной станции-полустанке под названием Мулянка пришел наш черед. Здесь выгрузилось шесть греческих семей из нашего вагона и еще несколько из соседних. Эшелон пошел дальше, а мы остались у пристанционных пристроек на сырой земле под ветром. Начало темнеть, пошел дождь. Стали искать укрытие. Обнаружили полуразрушенное овощехранилище, сообщив поправили его и перенесли туда вещи. В это овощехранилище, спасавшем нас от дождя и ветра, мы прожили семь суток, забытые и никому ненужные. На восьмые сутки вечером за нами приехали подводы с работником НКВД. Погрузили мы свои вещички,

стариков, детей и ослабевших и двинулись в путь пешком. После полуночи прибыли в поселок Юг, где нас поселили в деревянном зернохранилище.

Здесь кстати прерваться, чтобы обратить внимание, в кого мы незаметно для себя и окружающих были превращены за дни от 27 июня 1944 года. Вывели нас из родных домов как опасных преступников под дулами автоматов. Погрузили в скотские вагоны, в которых везли не одну неделю. Бросили-выгрузили как ненужный хлам на голую землю, и мы нашли пристанище в овощехранилище, чтобы затем нас уже поселили (!) в зернохранилище. У нас отняли волю и к нам перестали относиться как к людям...

В зернохранилище мы прожили около недели. Затем нас расселили по домам местных жителей, которых обязали нас кормить. Здесь, в поселке Юг располагалось подсобное хозяйство НКВД Пермской области - мы были привезены для работы в этом хозяйстве. Не скажу, что нам приходилось хуже, чем другим. Наша семья была пристроена в дом к одинокой женщине - она выделила нам одну небольшую комнату с одной кроватью на шестерых и кормила три раза в день картошкой. Трудясь полный день, каждый из нас зарабатывал 35-40 рублей в месяц, а буханка хлеба стоила 130 рублей. Поэтому на всю жизнь запомнились мне дни уборки ржи, когда мы имели возможность в поле поджаривать и есть ржаные зерна, да еще прихватывать их домой, а еще больше нравилось убирать турнепс - кормовой овощ, сладкий и очень сочный, ели его сколько хотели, впрок, хотя и раздувало животы. Так наша семья прожила до конца 1944 года. Научились косить рожь косами и серпами, молотить на молотилке с конной тягой, выкапывать лопатами турнепс и картофель...

В декабре в поселке появились руководители пермских предприятий и медицинских учреждений - среди ссыльных они искали необходимых для себя работников. Среди греков нашлись и токари, и слесари, энергетики и инженеры - их забрали на пермский кирпичный завод. Наша семья была задействована в Пермскую психиатрическую больницу, где отец стал работать фельдшером, мама - санитаркой, а слесарем-водопроводчиком, а сестра - в регистратуре. В Перми я продолжил учение в вечерней школе рабочей молодежи.

В местах поселений у греков отбирали все документы, ставили на спецучет в спецкомендатурах НКВД и приказывали являться вначале 2 раза, а потом один раз в месяц на отметку. Работать можно было только по направлению и разрешению спецкомендатуры. Власть над спецпоселенцами полностью находилась в руках спецкоменданта, которые, как правило, не отличались ни культурой, ни человечностью,

а бесконтрольная власть над людьми превращала их в зверей, в самодуров. Тяжело вспоминать, как спецкомендант куражился над беззащитными людьми, виновными лишь в том, что родились греками, как, напившись самодельного зелья, доставал наган и открывал по ним стрельбу, как с его подачи бригады на лесоповалах устанавливали завышенные нормы "гордым горожанам", впервые увидевшим тайгу и взявшим в руки электропилу и топор. К невыполнившим задание применялись "санкции" по настроению и усмотрению начальства... Тягостно вспоминать их безудержные издевательства над женщинами, особенно молодыми, над интеллигентами...

Много человеческого горя, страданий, унижений и оскорблений пришлось перенести грекам только за то, что они родились греками.

Единственным документом у спецпереселенцев была Справка НКВД с указанием места проживания. За выезд за пределы означенного места проживания даже на непродолжительное время и по сверхуважительной причине полагалось карать без суда 25 годами каторжных работ, что практически и осуществлялось. На все запросы в правительство и в Президиум Верховного Совета СССР о причинах и сроках ссылки, через комендатуру неизменно приходили однозначные ответы: "переселены правильно".

В 1947 году моя сестра вышла замуж за приезжего украинца и, несмотря на протест родителей, выехала с ним в неизвестном направлении. Ее поступок очень осложнил положение всей семьи: у меня и у родителей допытывались о месте ее нахождения. В случае поимки она была бы приговорена к 25 годам каторжных работ. Почти все уехавшие или сбежавшие с мест поселения были пойманы и осуждены, а сестра оставалась в бегах. Это раздражало спецкомендатуру и озлобляло против нас: за каждого пойманного беглеца они получали всевозможные поощрения и повышения, а здесь - прокол. Тогда в отместку ее родных - отца, мать, меня, брата, и младшую сестру - переселили в Соликамск Пермской области. Мне как брату не разрешили учиться в университете, поставив условием: сообщу, где сестра, буду учиться, не сообщу - не буду. Естественно, я никаким образом не мог удовлетворить ни просьбы, ни угрозы спецкомендатуры, и тайком посылал прошения о разрешении учиться в Президиум Верховного Совета СССР Н.М.Швернику - и оттуда разрешение учиться в Пермском университете было получено. Осенью 1948 года я поступил туда на геологический факультет и получил собственную справку. Вот она:

СССР
Управление МВД
по Молотовской области
"13" УШ 1953 г.
N 9/6 - 382
Молотов

СПРАВКА

Выдана спецпереселенцу (ке) ДАЛЬЯН ИВАНУ БОРИСОВИЧУ
1924 года рождения, уроженец (ка)

Больше-Новоселковского района, Сталинской области
работающему (ей) студент госуниверситета

в том, что ему (ей) разрешено проживать в городе Молотове по
адресу: ул. Генкеля, общежитие N 6, кв. 18.

Справка выдана взамен паспорта и действительна только в гор.
Молотов.

Срок действия справки по 12 августа 1954 года.

Начальник отдела УМВД Мол. области полковник Кудрявцев.

Справка выдана 12 августа 1953 года.

фотография и печать

В 1953 году я закончил университет и был направлен на работу по специальности геолога-нефтяника в нефтеразведочную организацию города Актюбинска, где и работаю по сей день, получив паспорт свободного гражданина СССР только в 1956 году, 32 лет отроду. В тот же год специальные Справки для представления в Паспортный стол получили мои родители. В них указывалось, что "Справка выдана Дальяну Борису Ивановичу (Дальян Ксении Ивановне, 1896 г.р.) 1896 г.р., уроженца с. Б-Новоселовка Б-Новоселковского района Сталинской области по национальности ГРЕК в том, что он (она) в соответствии с распоряжением МВД СССР N 0101 от 28/Ш-56 г. со спецпоселения освобожден (на). Справка выдана для предъявления в паспортный стол Соликамского ГО МВД. Комендант Спецкомендатур МВД по Соликамскому району ст. лейтенант 13 апреля 1956 г." Родители переехали ко мне в Актюбинск, здесь умерли и похоронены.

После смерти "Отца всех народов" МВД начиная с 1954 года стало разрешать отдельным крымским грекам выезд с мест поселения, а в марте 1956 года сняло ограничения со всех греков с правом выезда, но только не в Крым. Это не нашло понимания у греков и привело их в уныние. Ведь среди высланных были военные, уволенные из армии по ранению, бывшие партизаны и подпольщики, работники партийных и советских организаций, возвратившиеся в Крым после его освобожде-

ния, орденосцы и т.д. Часть греков, имевших материальные возможности и родственников в других областях страны, поехали к ним. Большинство же, "не имея ни кола, ни двора", вынуждено было остаться на местах поселений. Позже часть из них уехала куда попало - на Украину, в Краснодарский край, Ставропольский, поближе к родине, лишь чуть более 3000 человек сумели вернуться в Крым, хотя до 1990 года прописка греков здесь была запрещена.

Где же сегодня находится большинство ссыльных крымских греков? Изгнанные с родной крымской земли, с земли своих предков, они странствуют по всей стране как бездомные беженцы, не веря в справедливость и устраивая свою жизнь и судьбу кто как может. Многие из них все еще проживают в местах ссылки. Другие, видя бесправие и национальную безысходность и не имея уверенности в будущем, эмигрируют в Грецию, на этническую родину. Однако втайне все греки без исключения лелеют надежду на конечную справедливость, рассчитывают на перестройку и формирование правового государства, в котором будут исправлены совершенные против народов акции и впредь не будут допущены деградация и исчезновение крымских греков как малого народа, одного из тех, кто был обречен на геноцид и уничтожение в сталинской империи.

Выступая 26 ноября 1988 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР М.С.Горбачев сказал мудрые слова о том, что "будет величайшей ошибкой, даже преступлением, если станут исчезать народности, если все будет сглаживаться. Нет, мы придем к укреплению нашего федеративного государства на основе дальнейшего расцвета всех наций и народностей". К сожалению, слова эти пока не претворены в жизнь, не коснулись судьбы ни крымских татар, ни месхетинских турок, ни других репрессированных народов.

Нам совершенно непонятно - разум этого не может воспринять - почему крымские греки, подвергшиеся геноциду, уже более 46 лет разбросаны и разобщены по всей стране? За это время они фактически утратили родной греческий язык, богатую национальную культуру, историю, традиции и другие духовные этнические ценности. Иначе говоря, они уничтожаются как народ, как нация древней культуры. Изгнанные ни за что ни про что с родной крымской земли, униженные и оскорбленные, разбросанные по всей стране, греки до сих пор боятся, что все повторится вновь. Я и сам, пережив 9 лет под спецкомендантским надзором, записал двух своих дочерей русскими, чтобы они никогда не испытали пережитого мной за свою национальную принадлежность.

Греки тихо, без демонстраций ждут, когда для них кончится бесправие и унижение, беззаконие и бесчеловечность, когда наступит справедливое решение их национального вопроса, когда их вернут домой...

Актюбинск, январь 1991

Милана ЛАЗАРИДИ, Константин КАРАХИНИДИ ГРЕКИ В КИРГИЗИИ

Очерк

Процесс появления греков в Средней Азии и Казахстане трагичен и в известной мере обычен для эпохи "великих переселений". Сходная судьба выпала на долю азербайджанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, турок, немцев, татар, калмыков, корейцев и других народов Советского Союза. Люди старшего поколения до сих пор с ужасом вспоминают эти годы.

У известного писателя Фазиля Искандера в новых опубликованных главах его романа "Сандро из Чегема" есть такие строчки: "А церковь по-прежнему называли греческой и продолжали называть даже после того, как в 1949 году всех греков, вместе со стариками и детьми, партийными и беспартийными, сгребли в одну кучу и переселили в Казахстан"... Сколько слез было пролито в то время, когда греков называли предателями, "продавшими родину", когда приходилось всем от мала до велика отмечаться каждую неделю в спецкомендатуре, когда греков не принимали в комсомол, а двери почти всех высших учебных заведений были закрыты для них.

"А кто знает о страданиях крымских греков (да разве только крымских), - рассказывает в одном из интервью писатель А. Приставкин, - которые, кстати, доставляли в осажденный Севастополь воду и среди которых не было предателей"... Не были греки предателями, а жили в трудные годы интересами и заботами всего советского народа.

Наши старшие рассказывают, как происходило выселение.

- ... Мужчины - в угол! - кричали злые от неправого дела солдаты.
- Взять только необходимое.

Обычно это начиналось в 4 - 5 часов утра. Автоматы в руках недавних фронтовиков теперь смотрели на беззащитных и ни в чем неповинных детей, женщин, стариков и старух. Мужчин, как и повсей стране, в греческих домах было немного, одни были репрессированы еще в 37-м году и отбывали срок, другие воевали и тоже гибли от фашистских пуль и снарядов.

- А были и "веселые" солдаты, - вспоминает А.Х. Карслиди, - один такой пришел в наш дом, все рассматривал, что мать увязывает в узел: "Это что? Кастрюля? Можно. Хлеб? Можно. Полотенце? Можно. Узел завязали - "в сторону, в сторону, не подходить!" Так и унес с собой и кастрюлю, и хлеб, и полотенце...

Особенно ужасным для греков-спецпереселенцев был первый год: пили воду из арыков, жили и спали под открытым небом, в голодной

степи. Страшная зима сорок девятого года, когда морозы доходили до 30 градусов - это после благодатного Причерноморья - унесла много жизней! Погибали от тифа, малярии, дизентерии, врачи же - как далеко им было до греческого Гиппократы, да и не вспоминали они тогда его клятву! - отказывались лечить не только взрослых, но и детей.

- Там было хуже, чем в лагере, хуже потому, что одно дело когда погибает сам, - вспоминали позже наши современники, - а другое - когда смотришь, как погибают дети...

Тридцать седьмой год был не только предшественником сорок четвертого и сорок девятого, а эти - сороковые - не только логическим "последствием" тридцать седьмого. Воплощенные в жизнь и судьбах людей, они персплетались, перетекали один в другой жуткой беспырывной чередой. Но если видеть только ужас тех лет, когда совершенно непонятно, как и каким образом люди все-таки выжили, как они остались людьми, а не превратились в бессловесных рабов, как же они сохранили в себе то человеческое начало, которое всегда проявляется в наиболее тяжелые периоды человеческой истории. Не покорность, не смирение, а величайшая готовность трудиться и творить мир своего народа - всегда была с греками и всегда позволяла сохранить их лицам необщее выражение...

До 1941 года "киргизских" греков можно было пересчитать по пальцам. В 1942 году прибыл в Ош первый эшелон греков-спецпереселенцев. Подавляющее число семей приютили жители Наукатского района... Общая жизнь да общие заботы быстро помогли найти общий язык.

Один из авторов этой статьи был свидетелем характерной ситуации.

Однажды, будучи в Таласе, он попал в компанию, где встретились вместе карачаевец, киргиз и грек. Каково же было его удивление, когда он услышал, насколько легко собеседники переходили на язык другой нации: грек обращался к приятелям по-киргизски, киргиз - по-немецки, а карачасвец - по-гречески.

Народы в своем неустанном творческом движении преодолевают те преграды, которые им ставят чьи-то глупые, а то и просто враждебные амбиции и претензии; в совместном труде они находят главное, что их объединяет, - надежду на счастливую жизнь, воспитание детей, мир. А национальные отличия вовсе не отделяют, не разводят людей...

Литературный Киргизстан 1989. N 10.

Нонна ЕРИФРИАДИ ВЕЧНЫЙ СКИТАЛЕЦ

Воспоминания

Батуми. Июнь 1949 года. Неделю назад сданы экзамены за шестой класс средней школы. Впереди лето, которое всегда ждешь с нетерпением, тем более, что отец обещал устроить прогулку в горы. Мы еще не сходили на старую крепость: ее белый куб хорошо виден с балкона нашего дома. В 1914 году на двух холмах, возвышающихся над батумской бухтой, выстроили бетонные капониры для артиллерии, стерегущей город от нападения с моря. Народ назвал их Крепостью.

Вот уже два года мы живем в одной комнате трехкомнатной квартиры на втором этаже двухэтажного дома. Это - в поселке рабочих Главнефтеснаба, на окраине Батуми, в так называемом Городке. Отец работает врачом-терапевтом в поликлинике, а мама - акушер-гинеколог в городском роддоме. А до того, как маме удалось "выбить" эту комнату в ведомственном доме, потому что она работала еще и врачом в поликлинике Главнефтеснаба, я с братом, мама, тетя, папина сестра и бабушка, не считая папы, жили в подвальной комнате в частном доме в центре города. Дом принадлежал бабушкиной сестре - бабушке Афины. Это был добротный каменный дом, построенный в начале 1910 годов. В доме было семь комнат, давно не действующая ванная, кухня, коридор-веранда, парадный подъезд с улицы и черный ход со двора. Под домом были глубокие подвалы с прачечной, но сейчас там жили жильцы. В самом доме обитало 19 человек: сама бабушка Афина, ее дальняя родственница - древняя старуха, и четверо взрослых сыновей Афины с семьями.

Моя бабушка Кириаки, или для нас яя, что по-гречески и значит бабушка, в 1917 году, бросив дом со всем имуществом, скотину и земельный участок, бежала с детьми из деревни Кромни (это в Турции, близ Трапезунда) в Батуми, где жили ее родственники.

Сначала ее приютил один из братьев, выделив ей комнату в своем доме. Но после его смерти и отъезда его семьи в Грецию в 1938 году, дом был продан, и яя осталась без крова. К тому времени две ее дочери были замужем и жили отдельно, отец, окончив Ростовский медицинский институт, работал в Краснодарском крае. Яя с тетей Элени, младшей сестрой отца, остались вдвоем. Тогда бабушка Афина предложили им перебраться во флигель во дворе своего дома. Правда, свободных комнат там не было, но под флигелем, во всю его длину тянулся громадный подвал. Выгородили дощатой перегородкой одну комнатку, а за стенкой устроили кухню, отделив ее от остального подвала ящиками с

книгами, оставленными яе уехавшими в Грецию родственниками. Комнатка имела два крошечных, полметра на полметра, окошечка, не дававших почти света. Весь день горело электричество, одна стена всегда была сырой. Вот туда мы и приехали в 1942 году, эвакуировавшись из Краснодарского края, перейдя пешком через Кавказские горы и растеряв по дороге остатки имущества. Но это уже другая история.

В 1943 году отца призвали в армию. Уже где-то в Польше, в 1944 году он тяжело заболел, оказался в санитарном поезде, идущем на Кавказ и два месяца пролежал в госпитале в Кировабаде /Гяндже/, куда потом ездила мама навестить его. По выздоровлении отец был назначен врачом в Арабкирский лагерь для военнопленных, находившийся под Ереваном, где и проработал до демобилизации в начале 1947 года.

И вот всего два года как наша семья вместе. Помню, как мы были счастливы, получив комнату в Городке. Комната была в 16 квадратных метров, с паровым отоплением - такая редкость для Батума! Балкончик выходил на южную сторону, и мы с мамой потом развели там цветы. Никакой мебели, кроме большого буфета и детского (моего) бамбукового столика, у нас не было. Из поликлиники маме выдали под расписку на время жесткую, узкую кушетку, на которых обычно смотрят больных. Яя дала нам одну железную кровать с немного провисшей сеткой и кухонный стол с табуретками, который стоял посреди комнаты. Не сразу, но через некоторое время появились еще две разнокалиберные кровати - дар маминой пациентки, работавшей в каком-то военном санатории в Махинджаури. Вот и вся наша обстановка. Гардероба не было: одежда висела в углу комнаты под занавеской. На маленьком столике лежали наши с братом учебники и тетради, а уроки мы готовили, сидя за кухонным столом или на широким подоконнике. Мне очень нравился наш буфет. Когда-то, году в 1938-39 родители купили его в Батуми, но увести в хутор Черниговский Краснодарского края не смогли, и он остался стоять у яя. В подвале потолок был настолько низок, что буфет пришлось разделить на две части. В собранном виде он совершенно потряс мое детское воображение своей монументальностью, хотя сейчас я понимаю, что это был обыкновенный буфет, даже не из орехового дерева. Мне нравилось заглядывать в зеркальную вставку, нравились радужные солнечные зайчики на стенах от граненых толстых стекол верхней части дверец. Одним словом, в моем представлении буфет был самой ценной нашей вещью.

Радовало нас новое жилье теплом и сухостью. Наш сырой подвал в бесконечные батумские дождливые недели отапливался лишь керосинкой. Яя после замужества тети Элены, где-то в 1947 или 1948 году, переехала к нам и спала на кушетке. В подвале остались кое-какие

вещи и треугольный шкафчик-иконостас с иконами. Забрать его, несмотря на настойчивые просьбы я, родители не решались: хотя они сами были беспартийными, но наши соседи - члены партии, и неизвестно, как они отнесутся к этому. За иконостасом присматривала моя тетя Марика, жившая с двумя сыновьями в том же дворе, что и я. Она зажигала слабую лампадку по воскресеньям и по праздникам, смахивала пыль с икон, проветривала комнатку...

Я пишу с такими, казалось бы, незначительными подробностями, чтобы воспроизвести тот быт, которым жили мы, греки, накануне депортации. Греки - представители не столько национальной, сколько советской интеллигенции уже послереволюционной формации.

На летние каникулы мы с братом обычно оставались в городе. После двух поездок в пионерлагеря, окончившиеся для меня весьма плачевно (после первой я завшивела так, что яе месяца три приходилось дважды в день вычесывать из моих волос гнид частым гребнем, смоченным в керосине, а после второй я тяжело заболела от недоедания), решено было на семейном совете оставить меня дома с братом, который был младше меня года на три, но отчаянно отстаивал свою независимость от моих посягательств, что без конца приводило к конфликтам. Кроме того, отец получил недалеко от поликлиники крохотный огородик, и почти каждый вечер мы все отправлялись туда окучивать две грядки с картошкой, огурцами и луком, выдергивать сорняки и поливать. Днем иногда вся детвора из соседних домов ватагой в 7 - 10 человек, где самому взрослому было 13, а самому младшему - 7 лет, отправлялись на море. Чаше ходили пешком на Барцхану, ближний пригород, иногда садились на автобус и ехали на главный пляж, на Приморский бульвар. Но больше всего я любила лето за свободу и возможность вдоволь читать. При рабочем клубе Главнеф-теснаба была библиотека с молодой и энергичной библиотекаршей, которую звали Тина. Большого, к сожалению, моя память не сохранила. Тина пыталась занять нашу праздную летнюю жизнь хоть чем-то интересным: записывала в драмкружок, устраивала утренники с декламацией так называемых "литмонтажей" и с киносеансами. Правда, мы предпочитали смотреть вечерние сеансы с улицы, заглядывая в открытые от духоты окна клуба. Библиотека, благодаря стараниям Тины, была довольно хорошей. А так как я была пай-девочка и отличница, то пользовалась особым ее доверием: мне позволялось входить в книгохранилище и самой выбирать себе книжки. Отец составил список, куда входила вся русская и зарубежная классика. Так началось мое образование. Некоторые книги мне были явно не "по зубам". Взяв в библиотеке трагедии Шекспира, в основном, из-за картинок (это было, видимо, издание Брокгауза-Ефрона под редакцией С.А. Венгерова с иллюстрациями знаменитых живописцев - Тициана, Делакруа,

Миллеса, Редгрейва, Каульбаха и др.), я пыталась их читать, но мне стало скучно. Я пожаловалась отцу, что не могу читать Шекспира, и тогда он, открыв "Отелло", начал читать вслух, попутно комментируя текст и объясняя слова, значение которых мне было неясно. Это было захватывающе интересно. Дальше я уже читала сама, но каждый вечер после работы отец, по моей просьбе, прочитывал какой-нибудь монолог из "Гамлета", "Ромео и Джульетты", "Отелло" или "Макбета". Помимо библиотеки я брала книги для чтения и у нашей родственницы, невестки бабушки Афины по фамилии Иоакимиди.

Где-то числа 13 июня 1949 года я отправилась за очередной книгой, но дом Иоакимиди представлял собой странное зрелище: все было сдвинуто с мест, кругом валялись раскрытые ящики, обрывки веревок, стружки, бумажки... В большой комнате, всегда чинно убранной и пустынной был полный хаос. Все дверцы громадного двухэтажного дубового буфета были раскрыты, часть длинного стола заставлена посудой. С привычных мест - напротив входной двери - сняты портреты бабушки Афины и дедушки Ильи, скатан ковер, покрывавший тахту, и она стыдливо белела полосатым матрасом. Без конца кто-то вбегал и выбегал, что-то вносили и выносили... Никому до меня не было дела, все были взвинчены, взволнованы. С трудом я разобрала, что готовится выселение всех понтийских греков. Вернувшись домой, я все рассказала отцу. Мама была на суточном дежурстве в роддоме и должна была придти домой только вечером на следующий день. Ни отец, ни тем более я не восприняли всерьез принесенную мной новость. Дело в том, что Иоакимиди как и некоторые другие наши батумские родственники, все еще имели иностранное, то есть греческое подданство. В некоторых отношениях это было удобно: их не призывали в армию, их не вовлекали в другие советские акции... И мы с папой решили, что разговоры о выселении имеют отношение только к иностранно-подданным грекам.

Но когда стемнело, в нашем поселке началось какое-то скрытое, странное движение, а на площади перед магазином стали выстраиваться ряды больших военных грузовиков, крытых брезентом. В воздухе витала неопределенная тревога, а в душу закрадывался страх. Прислушивавшаяся к нашему разговору я вдруг потребовала, чтобы мы с отцом доставили ее иконы. Уложив спать брата, мы с папой пешком пошли в город, в центр. По дороге отец показывал мне некоторые созвездия в бархатно-черном южном небе. С тех пор я люблю находить ковш Большой Медведицы, неверно поблескивающую Полярную, Плеяды и созвездие Лиры, где равнодушно сверкает Вега.

Вернувшись домой с иконами, под сильным впечатлением лихорадочных сборов наших родственников я тоже попыталась набить всем, что попало под руку, три наших жалких, выдавших виды чсмоданчи-

ка. Отец разбирал при свете настольной лампы какие-то бумаги, брат и я давно спали, и я, полив напоследок цветы на балконе, тоже легла, мгновенно провалившись в сон. Проснулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Сон подростка глубокий и крепкий, и я не сразу открыла глаза, а открыв, долго не могла сообразить что происходит.

В комнате было людно. При слабом свете настольной лампы и холодно-мертвенном свете луны, лившемся в балконную дверь, я увидела незнакомого военного в форме лейтенанта, он сидел за столом, двух мужчин в штатском с растерянными и какими-то помятыми лицами (они назывались "понятыми"), а у дверей стоял молоденький солдатик с ружьем. Схватив халатик, я хотела выйти в туалет переодеться, но солдатик меня не пустил. Тогда я вышла на балкон, сняла ночную рубашку, натянула халат, с опозданием сообразив, что через незанавешанную балконную дверь мое переселение прекрасно просматривалось из комнаты.

Закончив что-то писать, лейтенант сказал понятым: "Приступайте к обыску". В комнату вошел еще один красноармеец, и втроем они быстро вывернули содержимое чемоданов, обшарили все полки буфета, перетряхнули наши книги и учебники, заглянули под матрасы, прощупали подушки. Разбуженная я тихо причитала, мой восьмилетний брат, поднятый с кровати, опять заснул, примостившись на детском стульчике и положив голову на переворошенную постель. Когда взялись за большую плетеную корзину, в которой лежали зимние вещи, и в комнате запахло нафталином, отец, не выдержав, спросил: "Что вы ищете?" Последовал короткий ответ: "Оружие". Обыск продолжался еще какое-то время, наконец, лейтенант, кончив писать протокол, дал его отцу на подпись и сказал:

- Собирайтесь, вы и ваша семья высылаетесь отсюда. У вас есть еще два с половиной часа.

Отец, не терявший присутствия духа, попросил привезти маму, которая дежурит в больнице. Пока за ней ездили, один из понятых, вооруженный красноармеец и я безуспешно пытались собрать хоть что-то из того, что валялось на полу, лежало на кроватях и под ними. Привезли маму. На ней, что называется, лица не было. Войдя в комнату и увидев все это, она разрыдалась. И опять отец, который был, или во всяком случае выглядел совершенно спокойным, обратился к лейтенанту:

- Если выселяются только греки, то нельзя ли оставить мою жену, она не гречанка - с детьми? Дети еще не достигли совершеннолетия.

Лейтенант, очень молодой, почти мальчик, заколебался, вызвал с собой в коридор одного из понятых, переговорил с ним, затем, вернувшись в комнату, сказал отцу, что съездит в штаб посоветоваться, но чтобы мы тем не менее собирались, так как времени осталось мало: в

пять утра надо выезжать. Отец успокаивал маму, а она, судорожно всхлипывая, металась от кроватей к буфету, пытаясь собрать вещи в дорогу.

Лейтенант вернулся очень быстро и сказал, что мы с братом и мамой остаемся, а отец и я, которой к тому времени было 77 лет, должны ехать. Опять все было вывернуто из чемоданов, и мама, не переставая плакать, старалась разыскать в развале вещи папы и яи. Я завязала в головной платок свои иконы и, сидя на кушетке, то посылала безадресный проклятия на понтийском диалекте, то начинала причитать, прощаясь с нами. Лейтенант, поглядывая на часы, стал торопить отца, подсказывая маме: "Не забудьте положить теплые вещи, кружки, ложки, какие-нибудь миски. Дайте с собой деньги". Повернувшись к отцу, он велел: "Не забудьте взять документы, диплом и другое". "Ну что ж, - сказал отец, - в таком случае я надсну свои награды" и достал из коробочки свои фронтовые медали. Лейтенант отвел глаза.

Уже рассветало, когда мы вынесли два деревянных чемодана и тюк с постелью. С докторским чемоданчиком в руках - в нем всегда лежали бланки для рецептов, аппарат для измерения давления, стетоскоп, справочник - отец стал прощаться с нами. Заголосила яя, громко заревел вновь разбуженный брат. У меня слез не было. Я плохо сознавала, что происходит. Отец вышел... И тут мама рванулась следом - она забыла дать деньги. С сумкой в руках она буквально скатилась с лестницы, бросилась к машине. На ее счастье мотор не сразу завелся, и она успела еще раз обнять яю, что-то торопливо говорила отцу... В окнах стали появляться соседи. Мама, которую отталкивал красноармеец, пыталась дотянуться до отца, сидящего в кузове. Я смотрела на все это сверху, из окна кухни. Вот лейтенант что-то резко сказал, сел в кабину, солдат впрыгнул в кузов, машина тронулась... Мама, рыдая, устремилась за ней. Откуда-то сразу возникли соседи, окружили маму, она стояла среди них и захлебывалась от рыданий. Я увидела, как в ее сумку, которую она держала в руках, женщины стали класть деньги. В нашем доме и в поселке жил народ простой, рабочий, разноплеменный и многонациональный. Отца любили: он никогда не отказывался от вызова к больному даже глубокой ночью...

Потом мама рассказывала, что дома денег как всегда перед зарплатой не было, в сумке было всего 30 рублей - их она и отдала отцу. Это по нынешним временам что-то около 3-х рублей. Соседи собрали около тысячи, столько же маме дали в долг еще две соседки, и с этими деньгами она кинулась в грузовой порт, куда, как ей сказала, свозили со всего города и окрестностей греков. Был уже полдень, когда вернулась мама, бледная, с черными провалами на месте глаз.

- Пойдем скорее, - сказала она. - Их еще не увезли. Я успела сбежать на базар и кое-что купила им в дорогу. Беги за хлебом, купи сахара, соли и спичек.

Я помчалась в магазин, а мама стала что-то готовить на керосинке. Помню, как мы через пролом в ограде, прошли на территорию порта, заставленную длинными составами "телячьих" вагонов. Видимо, составов не хватало, так как между ними у вещей и на вещах сидели и лежали люди. К маме со слезами кинулась женщина - я узнала в ней нашу дальнюю родственницу. Она указала, где находится отец и яя. И мы побежали вдоль длинного ряда вагонов. Почти под самой крышей виднелись небольшие окошечки, которые были зарешечены. В окошечках появлялись и исчезали лица людей. Двери вагонов были плотно закрыты на задвижки. Из вагонов доносился неясный шум, детский плач, иногда тяжелые рыдания и стоны. К счастью, день был пасмурный, нежаркий. У каждого вагона мы приостанавливались, и мама спрашивала, не ли в вагоне врача Анести Ерифриади. Везде отвечали отрицательно. Обогнув состав, мы пошли с другой стороны, и мама задавала и задавала свой вопрос. Охраны никакой не было, и мы свободно совершали свой обход. Отойдя от очередного вагона, услышали голос отца, зовущего нас. Бегом вернулись, увидев лицо отца в окошечке. И опять нам повезло - окошечко оказалось незарешеченным, и, связав два пояска от наших платьев с обрывком какой-то тут же найденной веревки, мы передали отцу авоську со снедью и сверточек денег. Мама опять заплакала, отец просил ее быть мужественной, говорил что-то ласковое и мне... Я видимо, потеряла сознание, потому что не помню, как очутилась на земле. Когда я открыла глаза, первое, что я увидела - белое лицо мамы, ее шевелящиеся губы. Рядом стояли два вооруженных красноармейца и что-то говорили маме. Она дрожащими руками достала паспорт из сумочки, дала его тому, который был постарше. Тот долго недоверчиво изучал его, затем что-то сказал напарнику. Отдав ружье старшему, тот вместе с мамой поднял меня. Голова у меня кружилась, все плыло перед глазами, я ничего не слышала и только, посмотрев на судорожно подергивающиеся мамини губы, ее расширенные от ужаса глаза интуитивно поняла, что надо идти. Как мы дотащились до главной проходной и оказались за воротами порта, помню плохо. Посадив меня на скамейку, мама кинулась куда-то, принесла мне стакан воды и мокрым платком стала обтирать мне лицо. наконец, ко мне вернулся слух. Увидев, что я прихожу в себя, мама попросила посидеть и подождать ее. С моря дул прохладный бриз, приносящий запах керосина, гниющих водорослей и рыбы - неповторимый запах батумской бухты. Сколько раз я потом с тоской ощущала его в своих казахстанских снах!

Мама вернулась очень скоро, села рядом и зарыдала. С трудом я поняла, что пролом в ограде забили, и значит увидеть еще раз папу мы не сможем...

И суток не прошло с того часа, как я отправилась к Иоакимиди за Майн Ридом - но жизнь перевернулась и я стала совсем другой...

Недели через две мы получили от папы первое письмо. Конверт со штемпелем Саратова. В конверте маленький рецептурный бланк, исписанный карандашом убористым отцовским почерком: "Родные мои! Есть надежда, что вы получите эту весточку: наш охранник согласился бросить письмо в почтовый ящик. Только сейчас я вздохнул с облегчением: нас везут на восток. Когда эшелон шел по побережью в сторону Туапсе, все решили, что везут в Новороссийск, чтоб погрузить на пароходы и отправить в Грецию. Что я пережил, не могу описать! Как я мысленно прощался с вами навсегда, мои дорогие! Но сейчас я бодр и весел: пусть будет Сибирь, но ведь там мы можем быть вместе. Рая, за нас не беспокойся. Иногда через охранников кое-что удастся покупать на остановках. Раз в день приносят обед и хлеб. Целую вас, мои милые. Ваш Анести".

Затем бланк телеграммы с коротким текстом: "Прибыли окончательное местоназначение станцию Тимур Казахстан. Подробности письмом, целую Анести".

Помню, как долго я отыскивала на карте Казахстана эту загадочную станцию. Помню, как год спустя пассажирский поезд Москва - Алма-Ата, в котором мы ехали к отцу в город Чимкент - центр Южно-Казахстанского края, остановился на пять минут на этой станции: неопределенного бурого цвета станционное зданье, за ним какие-то низенькие строения из самана с камышовыми крышами, несколько верблюдов, лениво бродящих чуть вдалеке, серая въедливая пыль и ни одного зеленого кустика или деревца. Не могу забыть и того потрясения, когда увидела человека, спящего в жидкой тени телеграфного столба прямо на голой, растрескавшейся земле с какими-то редкими пучками высохшей травы... Полоснула мысль: как здесь могут жить люди?

За минувший год мы получили от отца несколько писем. Одно из первых: "Шаульдер. Июль 1949. Привезли нас в Южный Казахстан, в районный центр Шаульдер. Меня как врача, несколько медсестер, строителей оставили здесь, остальных развезли по колхозам. Я уже работаю в районной больничке. Живем тут же, в комнатке с маленьким оконцем, с земляным полом и дверью прямо на улицу. Стены толстые, из самана - это кирпичи из глины, перемешанной с соломой и навозом. А крыша камышовая. Зато в комнате прохладно, а на улице жара до 50 градусов. Спим пока на полу, но в больнице обещали дать два деревянных топчана. Раз в месяц мы, спецпереселенцы, обязаны

ходить на регистрацию в районное отделение милиции. С водой очень трудно: местные жители пьют воду из арыков - это такие оросительные каналы. В больницу привозят воду из артезианского колодца, и я ношу воду для питья из больницы в чайнике и ведре. Кипятим воду и готовим на костре во дворе. С питанием пока устроиваемся: в магазинчике есть хлеб, рис, чай, сахар. По воскресеньям на площади бывает базар: продают овец, овечий сыр, баранину, баранье сало, кумыс, верблюжью и овечью шерсть, много арбузов и дынь, которые нам заменяют фрукты. Из овощей есть только морковь, лук, чеснок, бывают помидоры, урюк (мелкие абрикосы). В общем, не голодаем. Я понемногу привыкает к хозяйству, помогают ей медсестры из больницы. Как вы там? Рая, ты не нервничай, береги себя и детей. Нам ничего не надо, понемногу обживаемся, кое-что купим. Все время думаю о вас, мои дети. Как же мне вас не хватает!.."

Мы с братом к этому времени были в деревне у тети Лены, сестры отца. Эта деревня - Дагва - находилась в горах, недалеко от Кобулету, Двухэтажные дома с шиферными крышами были разбросаны по склону далеко друг от друга, скрываясь в зелени цитрусовых, ореховых и лавровишневых деревьев. Все это перемежалось плантациями чайных кустов, спускавшихся террасами вниз по ущелью. Дом стоял на самой горе и оттуда открывался захватывающе красивый вид на море и на россыпь домиков Кобулету. Мы с братом облюбовали высокое лавровишневое дерево с большой развилкой. С раннего утра, если не шел дождь, пока тетя выгоняла корову вниз по тропе, мы, схватив ломоть хлеба, который выпекался дома каждые пять дней и хранился в кладовке, забирались на дерево и устраивались в развилке. Брат выстругивал себе деревянный кинжал или вырезал из коры лодку, а я, наевшись лавровишни до горечи во рту и почернения языка, утыкалась в книжку.

После отъезда отца и яи, мы с мамой как-то отправились в бабушкин подвал, чтобы посмотреть, что из вещей там осталось. Тогда-то я и открыла свой "клондайк", мое книжное Эльдorado: в двух больших ящиках лежали книги, оставленные когда-то нашими родственниками, уехавшими в 1938 году в Грецию. Как я сейчас понимаю, это были приложения к журналу "Нива": собрания сочинений Бальзака и Золя, Мольера и Диккенса, Метерлинка и Гюго. Потихоньку от мамы я том за томом стала перетаскивать книги к нам домой. Начался мой книжный "запой", как потом определила мое состояние мама. Я могла сидеть за книгой сутки, забывая о еде и питье, о брате и о целом мире. Это продолжалось недели три, пока совершенно замученная разными заботами мама не обратила внимание на мою бледность, сонливость, отсутствие аппетита. Тогда-то нас с братом и забрала тетя в деревню. Мама запретила брать с собой книги, но я сумела тайком сунуть в

корзину томик Гофмана с интригующим названием "Эликсир сатаны", и с упоением зачитывалась им.

Через двенадцать дней мы вернулись в город: у брата началось сильное расстройство желудка, и перепуганная тетя, безуспешно перепробовав все домашние средства, сочла за благо отвезти нас домой. Наша комната представляла собой странное зрелище: на столе, на полу, на кроватях лежали кучи разных вещей. Тут были шерстяные одеяла, керосинка с набором фитилей, алюминиевые кастрюльки, резиновые сапоги, теплое мужское белье, два клетчатых крестьянских платка, стеганка-ватник и старый папин меховой жилет. Это готовились посылки в Казахстан.

За наше отсутствие произошло небывалое в истории нашей семьи событие: на одну из облигаций очередного займа вдруг выпал выигрыш в 10 000 рублей. Ни до того, ни после не происходило ничего подобного. Сумма была для нас почти астрономической, и мама лихорадочно начала покупать всякие вещи, которые были необходимы, чтобы перезимовать в условиях суровой казахстанской зимы. В общей сложности было отправлено папе около десяти посылок...

... Уже в Казахстане папа рассказывал: "В теплушке нас было человек 60, не считая детей. Вдоль стен в два ряда шли нары, но на них не все расположились: на полу, на тюках и чемоданах лежали и сидели люди. В нашем вагоне детей было немного, но оказалась одна роженица, которую с младенцем забрали прямо из роддома. От нервного потрясения у нее пропало молоко: младенец кричал два дня и две ночи, потом умер. Женщина умерла через сутки от родовой горячки. Помочь я ей не мог: лекарств, кроме двух пакетиков фталазола, случайно оказавшихся у меня в кармане рубашки, не было никаких. В дороге умерли еще трое стариков: один от инсульта, остальные от инфаркта. Везли нас недели две. До Туапсе ехали преимущественно по ночам. Потом повезли быстрее. Все очень страдали от жары и жажды, особенно старики и дети. Дверь открывали два раза в сутки: утром вносили большой котел с кашей или макаронами и большой бак с водой, вечером забирали опорожненную посуду и, если попадался молодой дежурный охранник, то за деньги, собранные для него, приносил буханки хлеба и несколько чайников кипятку. Очень донимала вонь от стоявшей в углу параша...

Когда нас привезли на станцию Тимур и открыли двери, то люди, увидав пустыню, не захотели выходить из вагонов. Тогда к открытым дверям подогнали грузовик и охранники, войдя в вагон, начинали швырять в кузов вперемешку чемоданы, тюки, детей, женщин... Стоял страшный крик... Одна молоденькая девушка кричала: "Не смейте! Прекрати издевательства! Я комсомолка, я протестую!" Но ее быстро заставили замолчать: попросту стукнули прикладом по голове...

Привезли нас в районный центр Шаульдер. Специалистов-медсестер и врачей (кроме меня, врачей не было), инженеров, строителей - оставили там, а остальных развезли по колхозам.

Тяжко пришлось нам в этом краю с его жестоким климатом, непривычной для приморских жителей адской сухой жарой, отсутствием зелени и воды. Старые люди умирали от перегрева, дети - от кишечных инфекций, от некачественных продуктов питания, от скверной воды. Очень угнетал растилающийся кругом пейзаж: безжизненная пустыня с растрескавшейся землей, какими-то полузасохшими, нищенскими кустиками. Единственный раз этот безрадостный, тягостный пейзаж потряс меня ранней весной, в марте, когда как-то сразу, вдруг покрылся желтыми и красными тюльпанами, но через два дня краски пропали так же внезапно, как и появились. Все опять стало уныло-серым, безысходным... Меня часто вызывали к больным за пределы районного центра. Сначала я каждый раз оповещал милицию, когда за мной приезжали на грузовике или на лошади, но потом начальник махнул рукой на инструкции и разрешил мне в любое время ехать по вызовам.

Наша районная медицина не справлялась с объемом работы. Особенно тяжелое положение было с чабанами и их семьями на участках отгонного животноводства. Однажды, это было в середине апреля, меня вызвал заведующий больницей и попросил поехать к больной, которая находилась в степи, в юрте, приблизительно в 50 километрах от нас. Ехать надо было на лошади верхом: ее привел в поводу 15-летний сын больной. Объяснить, что с матерью он не мог, только твердил, что надо ехать быстрее, а то она умрет. Ехали мы почти всю ночь: мальчик, видимо, заплутал и боялся в этом сознаться. От тряски в седле меня сильно укачало, я то засыпал, то, встряхнувшись, приходил в себя. Уже брезжил рассвет, когда мы подъехали к трем одиноким юртам. Больная была без сознания, бредила, температура под 40 градусов. Необходима была срочная госпитализация. Мальчик поскакал в близлежащий колхоз за подводой, на которой через несколько часов я доставил больную в районную больницу. У женщины оказался энцефалит. А спустя несколько дней заболел и я сам: лошадь, на которой я ехал к больной, носила на себе зараженных клещей..."

Отца отправили в областную больницу, где он лечился около двух месяцев. По выздоровлении он остался работать в городе Чимкенте, куда в конце августа 1950 года приехали и мы с мамой. В Батуми мы сдали ведомственную квартиру, продали мой любимый буфет и оплаканные мною книги, чтобы набрать денег на дорогу.

В Батуми наша семья так никогда и не вернулась...

... В сентябре мы с братом пошли в школу. Моя женская школа имени В.И.Ленина располагалась на центральной улице Чимкента -

Советской. Седьмой класс, куда я попала, оказался многочисленным и многонациональным: из 43 человек было шесть гречанок, большинство составляли русские, украинки, было три казашки, две узбечки, несколько татарок... Разноплеменность никак не сказывалась на наших взаимоотношениях - все мы чувствовали себя одинаково равными. Может быть, сыграло свою роль и то обстоятельство, что педагогический состав школы был столь же многонационален.

Ко времени нашего с мамой приезда в Чимкент уже переехали многие из наших знакомых и родственников. Большинство греков, разбросанных сначала по отдаленным колхозам, стали стекаться в районные центры, города и поселки городского типа Арысь, Кентау, Джамбул, Туркестан. Среди них было много хороших специалистов - техники и инженеры-строители, педагоги, врачи, квалифицированные каменщики, механики... Нужда в специалистах была огромной. Поэтому областное отделение МГБ не чинило препятствий для этих переездов: все равно все обязаны были, начиная с 16 лет, ежемесячно являться в спецкомендатуру по месту жительства на отметку.

Перебрались в Чимкент и братья Иоакимиди, за исключением одного, который с семьей оказался в Арыси. Сначала они все попали в хлопковый совхоз Пахта-Арал, где спецпереселенцы работали на уборке хлопка: целый день на жаре, согнувшись, страдая от жажды, так как арычную воду пить боялись, а чистую не всегда привозили в поле. Дети болели дизентерией, умирали, особенно малыши до года. И все же те, кто попал в Пахта-Арал, оказались в более сносных условиях: там было много зелени, сады, огороды, а на воскресных базарах - изобилие молочных продуктов, овощей и фруктов.

Моя одноклассница Элли Таксопуло рассказывала, что их семья попала в отдаленный колхоз, где разводили верблюдов. Кругом не было ни дерева, ни травинки, кроме верблюжьей колючки и саксаула. Готовили на костре, жгли кизяк и саксаул. Через два месяца отцу удалось выбраться на центральную усадьбу колхоза и устроиться работать счетоводом. Жили они вчетвером в одной комнатке саманного дома с земляным полом и крошечным окошком. Учиться было негде: единственная школа имела всего четыре класса с обучением на казахском языке. Поэтому они с сестрой год не ходили в школу. Было довольно голодно, пока не приучились есть конину и баранину. Спасали посылки тетки, родной сестры матери, оставшейся в Сухуми. К моменту нашего появления в Чимкенте они уже месяц как были там: тетя продала в Сухуми их частный дом, всю мебель, книги и старый рояль, и, приехав в Чимкент, купила на свое имя дом, так как спецпереселенцам запрещалось приобретать дома. Георгию Константиновичу, отцу Элли, пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы

вырваться в областной центр: он был прекрасный финансист, и правление колхоза ни за что не желало расставаться с ним.

Жили мы все убого – мебели не было никакой, так что привезенные нами из Батуми наши разнокалиберные кровати еще долго служили нам. Помню, каким праздником было для нас, когда один благодарный папин пациент принес ему в подарок самодельную резную полочку для полотенец и небольшое зеркало в деревянной раме. В доме долго не было шкафа для одежды, которая висела на стене на гвоздях. Однажды там завелась мышка, которую я обнаружила, случайно встряхнув платье прежде чем его надеть...

Перебираясь в Чимкент и другие города края, греки быстро начинали обустраиваться. В основном им приходилось снимать квартиры у местных жителей. Город тогда резко делился на старый, где преобладали глинобитные дома с плоским или камышовыми крышами и глухими, без окон стенами, выходившими на улицу. В старом городе жили, в основном, узбеки и казахи. Новый город состоял из довольно широких улиц, застроенных одноэтажными частными домами на окраинах и невысокими двухэтажными, изредка трехэтажными – в центре.

Весь центр состоял из одной улицы, Советской, и начинался от площади Ленина, доходя до Пионерского парка, хотя сама улица продолжалась и дальше. В центре помещалось здание обкома с внушительными колоннами, кинотеатр с псевдоклассическим портиком на четырех колоннах, городской парк и наша школа, удачно расположенная рядом с кинотеатром и входом в парк. Вдоль всех улиц журчали арьки и стеной стояли высоченные пирамидальные тополя.

Несмотря на мощные бульжниками дороги над городом вечно висела серая мучная пыль, так что окна, выходящие на улицу постоянно приходилось держать закрытыми. Население нового города составляли русские и украинцы, потомки казаков с Урала, переселившиеся сюда еще в конце XIX века, да кое-кто из эвакуированных сюда в годы войны. Народ в общем был довольно добродушный. При каждом доме сад с огородом, дома выходили на улицу трех-четырехконными фасадами, над которыми низко нависали шиферные или железные крыши, но попадались и камышовые. Сады были ухоженными, обильно поливаемыми, в них росли почти все известные фрукты – яблоки, груши, виноград и сливы, абрикосы, урюк, персики... Многие держали на подворье коров, которых кормили жмыхом и сеном, привозимым на рынок, по местному толчок. Один толчок назывался Верхний Базар, наверное, потому, что располагался он на холме над городом, и функционировал он по воскресеньям. Чего там только не было!.. Среди всякой снеди, гор арбузов и дынь, ходили знакомые старушки-гречанки в черной одежде, увешанные гирляндами разно-

цветных вязаных носков (зимой шерстяных, летом бумажных) и, быстро перебирая спицами и переговариваясь, продолжали на ходу вязать свои изделия. Для многих наших знакомых и родственников, греков базар был источником существования: они торговали там вязанными и шитыми собственными руками изделиями, обувью (среди греков много портных и сапожников), кустарно изготовленной мебелью и прочей мелочью...

Ощущалась ли какая-нибудь дискриминация спецпереселенцев? Конечно. Грек, каким бы блестящим специалистом он не был, не мог занимать руководящую должность вплоть до 1956 года, когда были сняты ограничения, но не возвращены гражданские права. Правда, моего отца реабилитировали в октябре 1950 года и этому предшествовала следующая история.

После высылки отца мама никак не могла успокоиться и начала хлопотать, естественно, без всяких результатов. Но среди маминих пациенток оказалась одна очень милая женщина-москвичка, жена военного, которая оказалась с ним в Батуми и жила с нами по соседству в Городке. Она и предложила маме свою помощь. Маме надо было написать прошение на имя тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР Шверника, а передать его в приемную и даже в собственные руки Председателя она бралась сама через свою сестру, которая работала в Секретариате Верховного Совета. Москвичка была журналисткой и с ее помощью было написано короткое, но эмоционально-энергичное прошение, где перечень заслуг отца перед советской властью кончался обращением: "Верните мне мужа, а моим детям отца!" Не думаю, чтобы этот призыв возымел свое действие, скорее всего сестра нашей заступницы действительно сумела получить нужную резолюцию и прошение было переслано в МГБ Грузинской ССР, где в свою очередь решили, что исключение лишь подтверждает правило, и сообщили отцу через своих коллег из Казахстана, что произошла ошибка с его выселением и что отныне он не считается спецпереселенцем и восстанавливается в гражданских правах. Вот и все: официальных извинений никто не принес, а уж о возмещении материальных убытков и мыслей ни у кого, в том числе и у пострадавшего не было. И недолго он пребывал в "честных" гражданах: в 1952 году в связи с намечавшимся процессом "врачей-убийц" отцу напомнили о его "неблагонадежности" по причине национальности. К тому же он имел неосторожность высказать сомнение относительно "виновности" своего учителя академика Виноградова, за что и был тотчас же уволен с работы. Тогда же уволили и маму, и долгие четыре месяца, вплоть до марта 1953 года мы существовали лишь на гонорары за частные вызовы к больным...

Мы, дети, гораздо меньше сталкивались с откровенной дискриминацией и несправедливостью. Надо отдать должное директору нашей школы Осецкой и завучу Шевченко Нине Дмитриевне - только благодаря их твердости и принципиальности горно не посмел лишиться меня и Элли золотых медалей по окончании средней школы.

И все-таки две по сей день саднящие царапины остались на моей памяти. Помню, как я была уязвлена, когда в паспортном столе милиции, куда я пришла получать паспорт, меня долго уговаривали заменить в графе национальность "гречанку" на "русскую". Это было мое первое столкновение с двойной моралью: в школе нам внушали, что в нашей стране все национальности равноправны, а здесь предлагали отречься от отца, от яи, от всего того, что было мне родным и дорогим.

Другой случай - закономерное следствие этой двойной морали: в 1954 году я с родителями впервые отправилась голосовать на выборах. Там меня заметила корреспондент городской газеты, сфотографировала и решила взять короткое интервью. Однако, узнав мою фамилию, не смогла скрыть своего разочарования и досады. Так я начала понимать, что существует разлад между истинами, декларируемыми школьными учебниками, газетами, радио и - реальной жизнью.

С 1954 года начались некоторые послабления режима спецпереселенцев - отменили обязательную явку в комендатуру, разрешили беспрепятственные поездки по территории области и выезд в Алма-Ату на лечение и учебу. А ведь до этого греческой молодежи было трудно получить образование. Выбор у нас был небогатый: пединститут и технологический институт стройматериалов в Чимкенте, да зубо-врачебный и индустриально-строительный техникумы.

Хорошо помню драматическую историю с одной нашей дальней родственницей, одаренной музыкантшей, которая покушалась на самоубийство, получив из МГБ отказ на выезд в Алма-Ату, хотя имелся вызов на экзамены от Казахской консерватории. Произошло это в 1951 году...

Наступил 1956 год... Греки перестали быть спецпереселенцами. Кое-кто, решившись пройти через многочисленные бюрократические препоны и мытарства, добился разрешения уехать в Грецию. Но таких было немного. Другие стали собираться назад, к прежним пенатам. Но вышло постановление - возвращение на прежнее место жительства запрещалось. Вероятно, государство предусмотрело лишние хлопоты с возвращающимися хозяевами незаконно конфискованного имущества и домов. Невольно поднимался вопрос о возмещении нанесенного материального ущерба. У многих греков оставались приусадебные участки с добротными домами, скот, обстановка, мебель, книги... Помню, какое удручающее впечатление произвела на меня продажа скарба увезенных греков - горестное свидетельство человеческого не-

счастья. Антикварной мебели и предметов художественно ценных на таких торжищах не встречалось: они оседали в руках и домах "власть предержащих". Все понимая, греки рвались к родному морю - Понту Эвксинскому, на побережье, где родились они и их отцы, где остались могилы. Их возвращение к разоренным очагам - особая история.

Те же греки, у которых, как у нашей семьи, не осталось на прежнем месте глубоких корней, предпочли остаться там, где худо-бедно, но обжились. В Чимкенте мы похоронили яю, и спустя несколько лет маму...

Древний народ, давший человечеству великую культуру, оказался в советской стране искусственно разобщенным, разбросанным по обширной территории, лицом к лицу с реальной опасностью растерять последние остатки национально-культурной самобытности. Древний народ - вечный скиталец.

Тбилиси, 1990

В Геленджике, на берегу Черного моря, которое эллины называли Понтом Эвксинским, то есть морем гостеприимным, прошло организационное объединение греков-понтийцев, проживающих на территории Советского Союза (все понтийцы - греки, выходцы с южного берега Черного моря, но не все греки - понтийцы).

Вот что говорит один из организаторов конференции специалист высшей категории Совмина Абхазии Харлампий Политидис: "Мы все из разных регионов. В Ставропольском крае, например, испокон веков к грекам было теплое отношение, поэтому их представители спокойнее других реагируют на вопрос об образовании греческой автономии. А мы испытываем огромное давление со стороны грузинских националистов. И греки из нашей республики (Грузии) в основном эмигрируют (велик поток греков-эмигрантов и из Средней Азии и Казахстана). Почему через три тысячи лет они вдруг решили вернуться на "историческую родину"? Сами родились в СССР, отцы и деды жили здесь. Росли, учились, работали и вдруг все бросить? Здесь веками складывались их язык, культура. Значит, здесь нам и жить, здесь создавать свою государственность. Но только на паритетных началах, при взаимной договорснности с другими народами. Без силового давления".

У греков никогда не было своей автономии. За пределами Греции греков проживает около 5 миллионов, в СССР - свыше 900 тысяч. Эта цифра отличается от официальной - 358 тысяч, поскольку учитывает, что многие греки были вынуждены менять свои фамилии и национальность. В принятом на съезде уставе записано о необходимости добиться

от Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик принятия законодательных актов по восстановлению национальности и фамилий, а также исторических названий греческих населенных пунктов.

Отсутствие национально-территориального образования ставит почти миллионный народ перед жестким выбором; или ассимиляция, исчезновение языка, культуры, или эмиграция в Грецию, на Кипр.

На самом деле все еще хуже, считает врач из Алма-Аты Аннис Параскевопуло: "Мы не нужны ни здесь, ни там..."

Пожилые люди редки у репрессированных народов. 70-летний патриарх-грек сказал по-русски: "Мы потеряли язык по вине варваров". Ахиллес Чепиди из Рустави сказал: "Когда-то в древности греки принесли на Русь высокую культуру. Но исторически сложилось так, что многое мы потеряли. И теперь просим русский народ помочь нам возродиться. Греки нуждаются в помощи и рассчитывают получить ее именно от русского, украинского и грузинского народов, с которыми связаны единой православной верой".

*Независимая газета (Москва)
1991. 6 апреля*

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

* * *

В 1987-1989 годы из Армении по распоряжению республиканского правительства насильственно депортированы за пределы республики около 220 000 азербайджанских крестьян.

*Из архива газеты "Азербайджан" (Баку)
Публикация В.РЗАЕВА*

* * *

...Убивать турок и курдов в любых условиях, никогда не щадить армян, которые предают нацию...

*Из программы армянской националистической организации "ГНЧАК"
Независимая газета (Москва)
1991. 21 мая*

* * *

...Грабить и разрушать все, созданное турками; только террор и беспощадная война против турок...

*Из Программы армянской националистической
организации "ДАШНАКЦУТЮН"
Там же*

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ДЕТСТВО

Лица не выцветут, листья не выгорят...
Грязью гремит, огрызается пригород.
Клювом поводит верблюд.
Мерно куркульские мельницы мелют.
Греков и курдов с корейцами селят,
Семечками плюют.

Немцы, чеченцы, баптисты, "субботники",
Спецпоселенцы, бандеровцы, льготники,
Спившиеся скрипачи...
И улыбаются края хозяйева,
Год напролет - не унять никогда его -
Эпос поет манасчи.

Песня родная земли неприкаянной,
Плещущий говор библейской окраины,
Сплющенный гул тишины!
Банки консервные глухо запаяны
И пустотою полны.

Синие горы с лесами еловыми,
Бесы, играющие с барсоловами.
В таяньи облачных стай
Грезится злющий,
Беженцев шлющий,
Непостижимый Китай.

Что ж там? Чужого молчания флаги,
Сладкая, желтая горечь бумаги,
Твердость все той же покорной отваги,
Лишнее, чуждое зло...
Лиственной былью,
Лёссовой пылью
Все занесло.

1976.

ИСХОД

Вот названья племен... На скрижалях резцов запиши:
Здесь - калмыки, балкарцы, чеченцы... Еще - ингуши,
Карачаевцы... Горцы, бесчисленные оборванцы,
Вы услышали слово и двинулись в ночь без вождя,

Свесив ноги с теплушек, глаза на встречных, галдя,
Вымогая дары, вырезая начальников станций.
А до этой поры пребывали вы все в рудниках,
На строительстве домен. Но брови нахмурил Аллах,
Тьма окутала землю, и умер суровый виновник...
Только юрты летят и седые верблюды ревут,
И к товарным вагонам аральскую рыбу несут,
Только солнце встает, и в огне - тамариск и терновник.
С иноверцем блудившую в землю живьем закопав,
За коленом колено народ погружался в состав.
Долог сон возвращенья, но завтра пойдут по Кавказу
И целующий четки и прячущий мелочь в платке,
И старуха, и парень - папаха на бритой башке,
Предъявляя кинжалы противящимся указу.
Было мальчику душно в задвинутом, затхло купе -
На стоянках сбегал и терялся в бурливой толпе...
По голодной степи, по степи, Тамерланом спаленной,
Словно в пламенном облаке, в неколебимой пыли,
С мертвецами, отрытыми из нелюбимой земли,
С чуть живыми младенцами длинные шли эшелоны.

1980

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Узнаю бесконечное лето,
Вижу, вглядываясь во тьму,
Одеяло горчичного цвета,
Солнцем выжженную кошму.

Клочья жизни неистово-острой
Возникают в разорванном сне.
Вновь сменяющиеся медсестры
Днем и ночью подходят ко мне.

Шоколадки и пестрые книжки
За терпение дарят они.
Колют, колют меня без отдышки,
И сменяются ночи и дни.

Встречу взгляд сострадательно-зоркий
И замечу, что я не один...
В порыжелой стоит гимнастерке,
Смотрит ссыльный Кулиев Кайсын.

1987

Леонид Шорохов
ОРЛЕНОК
рассказ

1

Средняя Азия, середина пятидесятых.

Городок пыльный, скучный, забытый Богом и властью. Улицы кривые, немощные, насквозь ветрами просвистанны. Воздушные потоки, стекая с недалеких гор, захватывают песчинки, мелкие камешки, пригоршнями швыряют их в серые, мутные стекла.

Обыватель темен, груб, зол, дик, пьян. Каждое воскресенье на базаре рукопашная. Из-за пустяка, из-за копеечного словечка бьются насмерть, выхлестывают зубы, крушат ребра.

Милиционеры при первой же вспышке страстей прячутся за углы, боязливо вслушиваются, ожидают конца побоища, когда шум стихает и уцелевшие драчуны расползаются по пивным, правоохранительные органы скопом врзаются в толпу, хватают самого побитого, с хрустом выкручивают неудачнику руки и, торжествуя, волокут через весь город в кутузку. Победителей провожает до горотдела базарная толпа, поносит "легавых" последними словами, сбивает задержанного.

2

Вавилонское смешение языков. На улицах узбекская, русская, корейская, татарская, еврейская речь.

Первая волна нового великого переселения народов - год 1937-й. Эшелоны с корейцами. Пересезд ополовинил стариков и детей, уцелевшим было не привыкать к голоду и каторжному труду, ухватились за землю - выжили. Понастроили глинобитных мазанок, в рисовых чеках зажурчала вода, потянуло живительным теплом "канов".

"Ш А Н Х А Й" - никого и обучать не понадобилось - село новое понятие на язык, как шляпа из рисовой соломы на круглую корейскую голову.

Пинки великодержавного сапога следовали один за другим.

Год 39-й - поляки. Лето сорок первого - первая депортация прибалтов. Месяц спустя - немцы Поволжья. Следом беженцы: евреи - польские, румынские, украинские.

Измученных, голодных, больных людей разгрузили в степи, ве-

лели рыть землянки. Через полгода вся еврейская нищета вымерла, в живых остались богачи да ремесленники.

В сорок четвертом на пустыре за цемзаводом возникли три татарских спецпоселка. Порядки строгие, самовольный выход за пределы поселка - побег. Давали до восьми лет, случалось, по настроению и шлепали на месте.

Татары тосковали по Крыму, собирались вечерами во дворах, пели вполголоса родные песни. Поселковый комендант квалифицировал "Хайтарму" как злостную антисоветчину. Ночью пришла полуторка, собрала солистов, увезла неведомо куда. После этого люди не то что петь - говорить стали шепотом.

3

До пятьдесят третьего - полный беспросвет. Тряслись все, одна "лягашня" смело ходила по улицам. С пятьдесят третьего по пятьдесят шестой - смутное время. Разговоры шепотком, разговоры такие, за которые еще год назад отвинчивали вместе с умным языком и дурную голову.

Впрочем от долгой привычки к плохому в хорошее никто не верил.

А в пятьдесят шестом, как взорвалось. - СЪЕЗД!

Батька-то усатый! Ай-яй-яй, ну и ну!

Словно бы петлю на горле слегка ослабили. Повяло невиданной, неслыханной прежде свободой.

4

В октябре пятьдесят седьмого полетел спутник. Большой мир необратимо менялся, вступал в космическую эру.

И только в провинции все оставалось по-прежнему. Далек-далеко над Москвой погулял грозовой фронт, покропил столичные асфальты мелким дождичком, а до Байбада и дальним громоуханием не добрался.

Надежды на лучшие перемены таяли. Амнистия не коснулась ни татар, ни греков, ни литовцев. Жала жизнь людей до крайнего предела и отпустить не думала.

Каждый народец спасался от родной Советской власти на свой лад.

Корейцы, зашибив кое-какую деньгу, ударились в картеж. Евреи предпочитали не высовываться, поддерживали друг-друга на плаву, учили детей на врачей, учителей, инженеров. Татары строили теп-

лицы, сажали сады. Узбеки выращивали дыни, торговали скотом, копили деньги на калымы, свадьбы, обрезания. Русские ишачили на заводах.

Гнилая ряска старого страха вновь затянула чистое зеркальце, возникшее было на поверхности зловонного государственного болота.

Одно было хорошо - дешевая, как вода, водка. Пить стали заметно сильнее, чем раньше. Торговля оживилась, на улицах появились шашлычники, нарасхват шла бочковая селедкапряного посола.

5

На Первое мая с утра мягкая, прозрачная жара. Красные волны знамен. Музыка, приветственные возгласы, колонны людей, портреты, плакаты, лозунги; по верх голов - чугунный, подновленный краплагом Ленин.

- Ура-а-а! - раз за разом, то стройно, то вразнобой. - Ура-а-а, дорогие товарищи!

Шум, суета, настроение, все принаряжены, некоторые уже успели принять стопку-другую...

Праздник.

К двум площадь пустеет, народ разбредается - кто на маевку в рощу, кто домой к праздничному столу.

Трибуна пуста, за памятником вождю хлопочут шашлычники. Старший машет фанеркой, едкий дым лезет ему в глаза, облизывает пузо длинны белым языком. Младший поправляет алюминиевые стулья, протирает столики.

За одним из них - четверо молодых крымских татар, тесно, локтями друг к другу, лбом ко лбу. Кончают третью бутылку водки, между поллитрами - лепешек, пива, шашлыков - не считано.

Лица багровые, распаленные градусом и беседой. Речь тяжелая, бедная словами, страсти разгораются с каждым выпитым стаканом, спор грозит перерасти в ссору.

- ...твой отец в 44-м?! - бешено хрипит Реза.

- Отца не трожь! - Ахтем плотен, широкоплеч, водка оказывает на него меньшее воздействие, чем на высокого, худого, нескладного Резу.

- Помог ему партбилет?! - у Резы стекленеют глаза. - Сначала составлял черные списки, потом сам поехал по этим спискам с теми, кого закладывал, в одном товарняке! Сколько на его совести татарских жизней?!

- Отца не трожь! - Ахтем идет багровыми пятнами. - Своего дядю

лучше вспомни. Кто в сорок втором разбогател на золотых коронках из Керченского рва?!

- Э-э-э, к чему этот разговор? - вмешивается двоюродный брат Ахтема Исмаил. - По тюрьме соскучились - такое вслух болтаете? Люди вокруг.

Все невольны оборачиваются.

Прижимая к груди старенькую темно-вишневую скрипку, к столу нерешительно приближается робкая сгорбленная фигура в потрепанном костюме. Это Нухим (слегка тронутый, по общему мнению), пожилой еврей, зарабатывающий на жизнь игрой на свадьбах, гулянках, похоронах. В праздники Нухим промышляет в парке, его заказчики - пьяные компании за столиками.

- А-а-а, - машет рукой Ахтем, - чепуха, это же чокнутый Хайм.

- Откуда знаешь, какой он чокнутый? - возражает Исмаил. - Может, не зря тут крутится. В такое время живем, родному брату доверять нельзя.

Но Ахтем уже зовет Нухима:

- Иди сюда, Хайм, не бойся. Знаешь "Хайтарму"?

Нухим вежливо кивает, прижимает скрипку к небритому подбородку, худые длинные пальцы артистично охватывают гриф. Смычок плывет вверх, ведя за собой тонкий, упирающийся звук.

Парни смолкают.

6

Нухим снимает крошечную комнатку в чужой кибитке. Земляной пол, камышовая крыша, подслеповатое косое окошечко - вмазанный в стену осколок стекла. Мебель - горбылевый топчан, стол, самодельная табуретка.

Все богатство Нухима - старая скрипка, завернутая в лоскут облысевшего бархата, смычок, огрызок канифоли. Прочее имущество - на себе. Мало сказать, что Нухим беден, он нищ.

Дважды в неделю, ближе к вечеру, старик появляется на базаре. К закату солнца меркантильное остервенение торговцев стихает и цены слегка падают. Для Нухима эти микроскопические колебания рыночного курса имеют сугубое значение.

Он не спеша бредет вдоль рядов, складывая в авоську овощи. Дойдя до шашлычного ряда, Нухим невольно поджимает губы, сморщивается, словно глотнув кислого.

- Цены, цены, - шепчет он, - не торговля, а бандитский налет!

Однако деваться некуда - мальчик растет, ему требуются не только витамины, но и белок, белок, много белка!

Зажмурившись от собственного нахальства, Нухим заказывает четыре шашлыка, через секунду запоздалый страх нагоняет его, и старик бормочет:

- Подождите, я таки еще раз посчитаю деньги!

Он вынимает горсть мелочи, суетливо копошится, отделяя серебро от меди, считает, путается, снова считает.

Толстый шашлычник подмигивает Нухиму:

- Не спеши, отец! - укладывает на горячую лепешку шашлыки, щедро посыпает шипящую баранину шинкованным луком и выдерживает из середины оголенные шампуры. - Кушай на здоровье!

- Боречке, - шепчет Нухим, пряча покупку.

С единственным племянником, Борей, связаны все надежды старика. От огромной еврейской семьи из Бердичева после войны уцелели жалкие крохи. Эвакуация подмела стариков, мужчины сгнули на фронтах, голод забрал детей. Чудом выжили белобилетник Нухим и две его младшие сестры - Дора и Миля.

В 48-м Дора вышла замуж за хорошего человека, врача.

Кто же знал, что так обернется?

В одну из ночей тревожного 49-го за Исааком пришли, все перевернули вверх ногами, забрали мужа, а наутро жена родила мальчику. Старый Нухим заменил Боре отца.

Непроходящая боль, страх, волнение. Ребенок был гениален, сверстники завидовали. Жестокие дети мучали мальчика в садике, травили в школе. Ужасные жилищные условия: мать, тетка, ребенок - все в одной комнате.

Дора преподавала пение в школе, Миля аккомпанировала. Мальчик голодал, выглядел оборванцем. Сердце Нухима обливало кровью: восемь палочек шашлыка в неделю - все, что он мог.

Сам Нухим сидит на хлебе и воде, сестры - на воде и хлебе. Все, что удастся добыть, - ребенку. Каждый день новые закавыки, то одно, то другое. Еще не кончился учебный год, а мальчик уже до дыр износил обувь - парусина, будь она неладна. Где взять денег?

Теперь вся надежда Нухима на Первомайские. Лето Боря пробегает босиком, следующие праздники только в ноябре, а значит, об обуви надо позаботиться заранее.

"Туфли, - думает Нухим, направляясь в парк, - туфли Боречке".

Нежно поет скрипка. Мерцающий звук тревожно отзывается в растревоженных, беспокойных сердцах.

Чья-то рука скользит по мокрой столешнице, летит на землю пустая бутылка. Зажмурившись и низко уронив плечи, Реза в невыносимой тоске мотает пьяной головой:

- Уйди, сволочь, не трави душу!

Нухим обрывает мелодию. Вдогонку ему летят две измятые рублевые бумажки, их бросил Ахтем. Старик боязливо подбирает деньги и торопится прочь.

- Уй-й-ди! - рвет на груди рубашку Реза. Он плачет крупными горькими слезами. - Су-у-уки! Продали, погубили татарский народ! За казенный паек под пули подвели!

Реза, качаясь, вылезает из-за столика, собутыльники тянут его за локти, пытаясь усадить, но Реза вырывается. Он не видит ничего, кроме ненавистного лица Ахтема.

- Продали нар-р-род!

Опрокинув стул, он хватается Ахтема за грудки.

- За все ответите, суки, все равно за все ответите!

Исмаил с напарником пытаются развести дерущихся, но это им не удается. Реза размахивается и изо всех сил бьет. Ахтем трезвее Резы и еще надеется поправить дело миром.

- Не бей! - кричит он, пытаясь перехватить кулак.

Реза выдергивает руку и бьет снова и снова. Наконец Ахтем не выдерживает. Пригнувшись, он бросает вперед мускулистое тело.

Удар настигает Резу на встречном движении, он со всего маху грохается на поваленные стулья, выдирается, хватается за стул и вскидывается над головой. Удар может стоить Ахтему жизни, но и тот вооружился.

Два встретившихся в воздухе стула разлетаются вдребезги. Ахтем оказывается проворнее, он успевает достать Резу кулаком. Реза снова на земле. Сверху сыплются бутылки, тарелки, остатки пищи. Сознание Резы меркнет.

Ахтем бросается на поверженного противника. Опомнившиеся собутыльники хватают его и тащат прочь.

- Брат, брат, - уламывают они озверевшего парня, - хватит, больше не надо, смываемся, "легалые" заметут!

Ахтем яростно сопротивляется, но совладать с двумя дюжими парнями ему не под силу. Через пять минут троица уже далеко, а еще через минуту из-под столика выползает оклемавшийся Реза.

Он сплевывает кровью, вытирает разбитое лицо:

- Где?!

Сбежавшиеся на драку окрестное пацанье шарахается в стороны.

Реза бросается к мангалу:

- Где?! - трясет он перепуганного парня.

Тот кивает головой.

- В парке?

- В парке, в парке, - с готовностью подтверждает шашлычник.

Реза отшвыривает его и бросается в парк. Пацанье припускает следом.

8

Нухим медленно бредет по боковой дорожке парка.

В конце садовой эспланады - летний кинотеатр, площадка с фонтаном, чайхана. На нее-то и нацелился старик. На праздники в чайхане полно народа - Нухим тихо радуется, предвкушая хороший заработок.

На сердце у него светло: почин сделан (и полновесный почин!), а ведь до вечера еще далеко - будет, будет Боречке подарок!

Старик нежно прижимает к груди скрипку.

Нухим не слышит ни шума драки за спиной, ни криков, ни ругани. По центральной аллее, топоча, как слон, пробегает Реза. Нухим не замечает разъяренного парня, он весь поглощен сложными математическими расчетами, губы неслышно шевелятся, голова кивает в такт шагам. Старик высчитывает, сколько денег перепадет ему за все майские праздники. Сумма выворачивается чудовищная, невероятная, Нухим пугается и выбрасывает из калькуляции День Победы.

Сладко думать, что даже остающегося хватит, чтобы обуь Борю, еще слаще тайно знать, что временно исключенный из расчетов разгром германского фашизма таки войдет составной частью в конечный результат, и Нухим, махнув рукой на приличествующую старости скромность, весь отдается безудержному полету фантазии.

Велосипед!

Как загораются Боречкины глаза при виде хромированной, блестящей, недоступной нищему мальчику машины!

"Орленок"!

Нухим на секунду замуривается - его запьяневший мозг сам ослеплен сверкающим, звонким словом, как бы источающим легкий, волшебный запах рубчатой резины. Нухим уже не сторбленный, жалкий старик, а восторженный мальчишка, околдованный желанной игрушкой!

- Ве-ло-си-пед! - шепчет, почти выпевает он. - Да, да, велосипед. У мальчика нельзя отнимать детства!

На время забыты беспросветная, безысходная нужда, старость, болезни, сейчас Нухим богат, как Лаван, могуч, как Моисей, что

стоит ему наполнить радостью маленькое родное сердечко, зажечь свет в налитых древней печалью Боречкиных глазах, что стоит?

Реза добегает до чайханы, мечется, бросается то к одним, то к другим, жадно выпрашивает, но Ахтема и след простыл. Реза не может поверить, что обидчик ускользнул. "Назад", - вспыхивает в пьяной голове, - Ахтем на площади у памятника!" Реза поворачивает, идет, почти бежит по дорожке.

Впрочем, на полпути до него наконец доходит, что Ахтема уже не найти. Мысль невыносима. Реза стонет, рычит, злоба ищет немедленного выхода, сдерживать ее нет ни желания, ни сил.

На глаза ему попадается Нухим. Старик вежливо сторонится, он и не подозревает о бушующей в душе Резы буре. Отстраненный вид Нухима взрывает Резу, он задыхается, давится злобой:

- А-а, сволочь, попался!

Реза бросается к Нухиму, выхватывает скрипку и с размаху бьет ею старика. Нухим настолько ошеломлен неожиданным нападением, что не делает попыток защититься.

Летят щепки, с жалобным писком лопаются струны.

- Х-ходишь, - кричит Реза, - вынюхиваешь, высматриваешь, жидовская морда! Я тебе высмотрю!

Нухим падает. Реза отбрасывает жалкий обломок грифа и, матерясь, уходит.

За массивными воротами парка притаились четверо милиционеров. Они издали наблюдают за избивением старика, ждут, когда Реза вывернет на засаду. Соваться в парк, полный пьяного народа, народная власть не рискует.

Как только парень появляется в проходе ворот, милиция бросается в атаку. Через минуту руки Резы вывернуты, почти выломлены из плеч. Сам он едва не пашет носом землю.

- Четверо на одного, сладили, с-суки!

Реза воеет от боли, двое милиционеров бегом тащат его от ворот, торопясь поскорей дотянуть хулигана до горотдела, еще двое сдерживают напор мгновенно возникшей толпы. Из нее несется ругань, постовые отпихивают наиболее возбужденных и тоже кричат и матерятся.

Забытый всеми Нухим сидит на дорожке. Вокруг него - жалкие обломки разбитой скрипки. Старик подымает деку и бережно прикладывает, прижимает ее к отколу фанеры, словно надеясь, что они каким-то чудесным способом соединятся, но усилия его тщетны, кусочки дерева выскальзывают из трясущихся рук. Нухим терпеливо подымает их и снова прилаживает друг к другу.

Голова его не в силах вместить весь ужас, всю непоправимость, громадность приключившейся беды.

- Велосипед, - по инерции шепчет он, продолжая свое бессмысленное занятие. - Боречке, деточке, сиротке...

10

Стайка пацанов, проводившая Резу до КПЗ, возвратилась на площадь, к памятнику. Идет оживленное смакование подробностей драки. Нухим забыт, разбитая скрипка - мелкий эпизод, не заслуживающий внимания.

- Ахтем ему к-е-ек замочит! - худенький вихрастый подросток, подпрыгивает от возбуждения, лупит кулаком в воздух. - К-е-ек замочит!

- Тот с ходу под стол! - подхватывает другой.

- Сначала Реза Ахтему навешал, - вмешивается третий.

- Скажешь тоже, навешал, - пренебрежительно машет вихрастый, - крови-то не было, а значит, не в счет!

Пацаны единодушно соглашаются:

- Без крови не в счет!

.....
Один из этих пацанов - я.

11

Детство - Малая Родина, страна - Большая. Только из их нерасторжимого соединения может вырасти подлинно человеческая душа.

Поседевший, изверившийся, больной, я мучительно вглядываюсь в прошлое, стараясь отыскать в нем хоть что-то, от чего никогда и ни за что на свете не смог бы отказаться, не отказавшись тем самым от самого себя.

Вглядываюсь - и вижу нищих, грабящих нищих, униженных, мучающих униженных, угнетенных, топчущих угнетенных.

Это - мое детство и это - моя страна.

И я напрасно мучаюсь, стремясь отыскать в жестоком лике мачехи милые сердцу материнские черты.

Их нет в искаженном ненавистью чужом лице.

Литературная газета. 1990, 18 июля.

ТРЕЗВО ОГЛЯДЕВШИСЬ, МЫ СО ВСЕЙ ОЧЕВИДНОСТЬЮ ПОЙМЕМ, ЧТО ДЕЛИТЬ НАМ НЕЧЕГО. ОСНОВА НАШЕГО ВСЕОБЩЕГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ - ОТСУТСТВИЕ НОРМАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. СУЩЕСТВУЮЩАЯ ОЗЛОБЛЯЕТ И УНИЖАЕТ ЛЮДЕЙ, А ОЗЛОБЛЕННЫЕ ЛЮДИ ЛЕГКО СОЗДАЮТ ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ВРАГА...

Фазиль ИСКАНДЕР

НЕВОЗМОЖНО НАШЕМУ ОБЩЕСТВУ НРАВСТВЕННО ВОЗРОДИТЬСЯ БЕЗ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ.

*Из выступления народного депутата
Верховного Совета СССР, ингуша*

Гамзата ФАРГИЕВА

О ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ НАРОДОВ СССР

Из стенограммы 30-го заседания Второй сессии Верховного Совета СССР
14 ноября 1989 года

Председательствует Председатель Со-
вета Союза Верховного Совета СССР
Е.М.ПРИМАКОВ

Председательствующий. ... По первому вопросу - о проекте Декларации "О полной политической реабилитации народов, подвергшихся насильственному переселению" - слово имеет товарищ Нишанов.

Нишанов. ... Новый политический курс партии, начатый в апреле 1985 года, создал реальную возможность и необходимые условия для решения вопросов, связанных со снятием обвинений, выдвигаемых против целых народов. Стало возможным осуществление полной политической реабилитации народов, подвергшихся насильственному переселению в период культа личности... Трагические потери в период культа личности понесли все без исключения народы нашей страны... Хотя после XX съезда партии многие антидемократические, попирающие права человека решения были осуждены и отменены, не во всех случаях удалось устранить последствия допущенного беззакония... Законодательная реабилитация репрессированных народов будет иметь важное значение для укрепления национального достоинства каждой нации, восстановления исторической правды, оздоровления общественной морали... Нам надо в принципе принять эту главную политическую Декларацию... Практические вопросы будут рассмотрены (специальными комиссиями).

ВОПРОСЫ НИШАНОВУ:

Карягин В.Я. Гарантирует ли Декларация, что впредь такого больше не повторится и что решение проблемы будет полностью отвечать чаяниям крымско-татарского народа? И второй. Когда конкретно будут заслушаны выводы комиссий по проблемам крымских татар, советских немцев и турок-месхетинцев и будет принято решение, имеющее силу закона?

Нишанов Р.Н. Первое. Декларация полностью гарантирует, что подобное никогда не повторится... Что касается конкретного решения проблем крымско-татарской и турок-месхетинцев, то сейчас завершают свою работу комиссии. Результаты будут рассмотрены Верховным Советом или Советом национальностей по мере завершения.

Мошняга Т.В. ... Располагает ли Верховный Совет СССР данными о количестве депортированных по союзным республикам в соответст-

вующие годы? В частности, количество депортированных из Молдавии.

Председательствующий. В Декларации говорится о депортации целых народов. Следует учесть, что пострадали все народы. Но одни были частично депортированы, а другие переселены целиком, и это прежде всего учитывается в Декларации... Слово предоставляется Кугультинову Давиду Никитичу. Время выступления - 5 минут.

Кугультинов Д.Н. Товарищи! Мне 67 лет. Трудовой мой стаж составляет 72 года. Как могло так случиться. Год пребывания на фронте, в тюрьмах и лагерях согласно проекту Закона о пенсионном обеспечении граждан в СССР засчитывается за три. Поэтому мой трудовой стаж на пять лет больше моего возраста. Я прошу у вас по минуте за каждый год, который я провел в тюрьмах и лагерях - это составит 13 минут, - ибо я буду говорить о вещах весьма серьезных.

Прежде всего хочу сказать, что само название - Декларация - меня не устраивает; что-то протестует во мне. Что означает полная политическая реабилитация насильственно переселенных народов? Подчеркиваю - политическая. Разве можно реабилитировать того, кто политически мыслит не так, как ты? Разве можно при нашем плюрализме наказывать и реабилитировать за то, что ты веруешь в другую политическую систему? Думаю, здесь есть какой-то нонсенс. Я против слов "политическая реабилитация", ибо, кроме политического, есть юридический и прочие аспекты реабилитации. Думаю, что нам надо принять Декларацию о п о л н о й р е а б и л и т а ц и и, исключив слово "политическая". Иначе, делая акцент на этом слове, мы как бы отводим в сторону все другие аспекты. Делать это по отношению к народам, которые пережили такое, нельзя и вообще нельзя распространять какие-либо человеческие и правовые аспекты на нечеловеческие, звериные деяния.

Далее. После слов о насильственном переселении надо обязательно добавить "подвергшихся геноциду", ибо такое понятие существует в международной практике. Оно означает уничтожение, истребление народа или группы народов. Когда калмыков, народ, испокон веков живший на юге, сослали и поразбросали от Урала до Петропавловска-на-Камчатке и на берега Северного моря, наш народ был обречен на уничтожение. Но он выжил вопреки воле тех, кто совершил этот вандализм, это зверство. Выжил потому, что там были люди - русские, казахи, киргизы, узбеки - народы, не давшие вымереть насильственно переселенным народам. И я хочу сказать великое спасибо великому русскому народу, казахскому народу, киргизскому народу, узбекскому народу - всем народам, ибо народы мудры, народы благородны. Эти слова благодарности хочу сказать от всей души, и может, от имени всех народов. Декларация, которую мы будем сейчас принимать, действи-

тельно имеет огромное политическое значение перед лицом всего мира.

Далее. Нельзя реабилитировать народы, которые несли ответственность только за то, что они народы. Нельзя быть наказанным и реабилитированным только за то, что ты калмык, чеченец, ингуш. Это все равно, что реабилитировать расстрелянных евреев за то, что они евреи. Здесь акцент должен быть перенесен так, как это прекрасно сделано в письме М.С.Горбачева депутатам, и я зачитаю отрывок из него, чтобы все слышали, чтобы народы слышали: "По нашему мнению, в этом документе необходимо решительно осудить насильственное переселение народов как антисоциалистическую, абсолютно противоправную практику. Сталинскому произволу и насилию должна быть дана политическая, правовая и нравственная оценка как преступлению против советских народов. Декларация явилась бы юридическим актом, дающим гарантии, что подобные действия никогда не повторятся." Вот эти слова и должны лечь в основу нашей Декларации.

Считаю также, что необходимо делом подтвердить слова Декларации, - слишком много мы деклараций принимаем, слишком много слов говорим. Что же можно сделать? Приведу один пример. За что не получил звания Героя Советского Союза один из калмыков в 1945 году? Он и сейчас жив, но болен. Я говорю о подполковнике Эренцене Бадмаеве... Здесь сидят маршалы, генералы, они знают - когда командира роты представляют к награде командир полка, командир бригады, командир дивизии, командир корпуса, он уже герой. И только за то, что Бадмаев калмык, он не получил этого звания. Настало время исправить эту несправедливость...

Хочу еще об одном сказать. Почему мы переживаем великие беды и никто никогда не отвечает за это? Вот Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области. В этом Указе сказано: всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы, а Калмыцкую республику ликвидировать. Подпись - Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин. Это он подписывал тогда, когда его жена выскребала гнид из белья заключенных в одном из лагерей в Казахстане. Этот ленинец, переродившийся в Иуду, подписал не только этот документ, но и многие другие позорные документы, а мы с вами ходим по проспекту Калинина, смотрим на его памятник. Почему мы так трудно расстаемся с нашим позорным прошлым? И не этим ли объясняется в какой-то степени падение нашего с вами престижа? Нашу Декларацию ждут крымские татары и немцы, турки и другие народы. А в наших списках не названы другие народы, которые вынесли те же горести. Они перечислены в другом документе

1948 года. В нем за самовольный выезд, побег из мест обязательного поселения предусмотрено привлечение к уголовной ответственности. Мера наказания за это "преступление" - 20 лет каторжных работ. За то, что сын ушел к матери в другое село, за то, что парень, влюбленный в девушку, побежал, по глупости юношеской, в другое село на свидание, им давали 20 лет каторги! Вот что мы осуждаем сейчас.

А теперь я хочу назвать народы, которые по этому документу подлежали наказанию за самовольный выезд из мест обязательного поселения: чеченцы, карачаевцы, ингуши, калмыки, немцы, турки, крымские татары, крымские болгары, крымские армяне, балкарцы, хемшины. Все они будут благодарить нас с вами, будут благодарить господ Бога те, кто верует за то, что правда есть на земле и есть носители этой правды...

Дарсигов М.Ю. ...Как можно разделять нации? Если бы мы были дружны после установления Советской власти, этого бы не было. Но не было у нас дружбы. Когда Советская власть устанавливалась, малые нации старались, чтобы большевиков не уничтожила белая армия. Ингушский народ, чеченский не дали белой армии, Деникину расстреливать большевиков, не выдавали их. Для чего нужно было выселять чеченцев, ингушей в 1944 году? Я помню, как выгружали вагоны, там были мертвые - по 100 человек, а тех, кто подходил, - расстреливали. Разве мы живем не в Советской стране? В 1953 году мы зверя Берия разоблачили, и если бы не было Хрущева, мы бы не сидели здесь в зале, и этих руководителей партии не было бы. Недавно у нас живые свидетели нашлись, которые помнят, как наших чеченцев и ингушей - 700 человек - живыми сожгли. Таково было указание Берии.

Где же правда? Почему я сегодня должен ходить кланяться к руководителю, мол, отдай мою землю? Почему такое творится? Зачем меня политически реабилитировать? Мне надо, чтобы мне отдали землю, на которой я родился. Пусть на этой земле живут люди любой национальности, мы будем жить дружно. Сегодня Берии и Сталина нет, что стоит принять нужное решение? Прямо завтра же. Нас же выселяли за два часа. Ведь земля-то одна, народ видит, все понимает. У нас маленькая нация, маленькая земля - на лошади за полчаса можно объехать. Если там, где я родился, мой дом не вернули, так где же правда?.. Мы, чеченцы и ингуши, перестройку поддерживаем. Я видел, как люди молятся, чтоб перестройка Горбачева пошла. Так пусть теперь решится и наш вопрос. Я считаю, что надо принять конкретные меры, поручить Совету Министров СССР выработать постановление, определяющее восстановление имущественного, территориального и других прав репрессированных народов.

Олейник Б.И. Я полностью разделяю гнев и боль прекрасного человека, воина и чудесного поэта Давида Кугультинова, поддерживаю

представителя ингушского народа. Но я выступал, выступаю и буду выступать против термина "реабилитация". Если мы как-то "пришивали" этот термин, хотя бы по фальшивым доносам безвинно репрессированным, то к нации, к народу это ни в коем случае не применимо. Это будет кощунственно, потому что они - вне компетенции суда мирского. Мы же не судим гору, реку, море за то, что они размещены там, где нам не хочется. Это дала природа. Поэтому я хотел бы предложить - восстановление в естественных правах этих народов... безоговорочно осуждает не просто практику, а хотя бы антигуманную практику насильственного переселения как тяжелейшее преступление. Я бы добавил еще - против человечности, противоречащее самой природе...

Фаргиев Х.А. ... Я сегодня вспомнил рассказы своих родителей о том, как 149 жителей чеченского селения Хайбах загнали в конюшню, обложили сеном и заживо сожгли. Женщин, стариков, детей. Самому старшему из них было 110 лет, самый младший родился в ночь перед сожжением. Это невозможно ни понять, ни простить. И поэтому требование о восстановлении исторической справедливости привело меня на эту трибуну... Полная реабилитация всех репрессированных народов! Я предлагаю также добавить еще один абзац - "предать гласности и отменить все указы и постановления союзного и республиканского уровня, изданные в 50-е и последующие годы в отношении ингушского народа, как и всех других", требуется полная гласность: как упразднились автономии этих народов, как происходила депортация. Отмена этих указов устраним половинчатость в восстановлении исторической правды.

Дальше. Необходимо восстановление всех наименований населенных пунктов, которые были до выселения, потому что существование названий, данных после 1944 года, - это страшный укол народу. Это - оскорбление, и ему надо положить конец. Это - напоминание нашему народу о том, что мы были высланы.

Следующее. Надо отменить статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года в части запрещения возвращения имущества, конфискованного при выселении. Это антиконституционная статья, она требует отмены. На сталинском беззаконии мы не можем построить правовое государство.

Что касается ингушей, то следует отменить постановление Совета Министров СССР от 5 марта 1982 года N 183, запрещающее прописку в Пригородном районе Северной Осетии. Запрещена она и в городе Орджоникидзе. Данное постановление направлено против ингушей, так как оно препятствует их возвращению к своим прежним местам проживания. Это постановление противоречит статье 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года, которое разре-

шает ингушам и чеченцам возвращаться на прежнее местожительство...

Председательствующий. Я хотел бы обратить ваше внимание, товарищи, вот на что. Мы принимаем Декларацию, а не постановление или закон, которые предусматривают совершенно конкретные меры. Их тоже необходимо принять. Постановления, законы, другие нормативные акты будут изданы на основе той работы, которая ведется депутатами... Принимается документ, имеющий огромное политическое значение для страны, для процесса демократизации, но не предусматривающий детализации и конкретизации механизма по выработке и осуществлению определенных мер...

Авторханов С.Э. ...Представьте себе чувства народного депутата СССР, который родился в изгнании, став спецпереселенцем сразу, как появился на свет. Мой народ был "помилован" в 1957 году, а не реабилитирован. Какие чувства могут испытывать народы, которым в любой день могли сказать: вас пожалели и помиловали, а вы тут еще смеете выступать? А ведь в недавнее время так и пытались говорить. Я понимаю чувства Давида Кугультинова, Мусы Дарсигова. Они вместе со своими народами все это испытали, но это испытание легло и на меня. В моем паспорте навсегда осталось место рождения - Средняя Азия. Я благодарен тем народам, которые помогли моим родителям воспитать и сделать меня человеком. Я хочу сказать о тех чудовищных обвинениях и лжи, использованных для очернения народов. Сейчас уже документально установлено, что за весь период Великой Отечественной войны на территорию Чечено-Ингушетии было сброшено всего 74 десанта. При этом народ обвиняется в массовом бандитизме и в массовом переходе на сторону противника, хотя лишь часть Чечено-Ингушетии была временно оккупирована. Защищая родину погибли сотни чеченцев и ингушей. Герой нашего народа, пулеметчик, 19-летний Хаппашан Урадилов уничтожил десятки фашистов, погиб при защите Сталинграда. Сформированный в Чечено-Ингушетии кавалерийский полк прошел от Терека до Эльбы. И вот представьте себе положение командира полка полковника Весаитова, который после победы должен был ехать не к себе на родину - в Чечено-Ингушетию, а в Казахстан, к выселенной семье. Думаю, что вы сегодня сможете понять нас, испытавших и продолжающих испытывать на себе вопиющее беззаконие. Я хотел бы просить народных депутатов поддержать решение ряда вопросов правового, экономического и территориального характера, без которого эта реабилитация не будет достаточно полной... В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР" предусмотрено: "Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года "О ликвидации Чечено-Ин-

гушской АССР и об административном устройстве ее территории". Мы считаем, что это оскорбительная формулировка, и предлагаем отменить все Указы Президиума Верховного Совета СССР в отношении всех репрессированных народов как антиконституционные, антисоциалистические. Это нужно для того, чтобы начать серьезно рассматривать проблему восстановления границ. Подтвержу свои слова на примере Чечено-Ингушетии и, в частности, на примере одного из районов, включенных в состав Северной Осетии. Это тяжелый вопрос, но он должен быть решен, так как является предметом постоянных стычек братских народов, долгие годы живших в дружбе. В приведенном Указе сказано о разрешении чеченцам, ингушам возвращаться на прежнее место жительства, но не отменено предыдущее решение: Указ от 6 июля 1956 года, который позволял не возвращать имущества, конфискованного при выселении. Очень много примеров, когда жилые дома ингушей, чеченцев в Чечено-Ингушетии, проживающих сегодня в Дагестане, Северной Осетии, стоят незаселенные, свободные, без ухода хозяина разваливаются. Но даже эти развалины их бывшие законные хозяева получить не могут. Указ от 9 января 1957 года оставил без внимания, обошел молчанием чеченцев, ингушей, проживающих в прилегающих районах, то есть в Дагестане и Северной Осетии. Это создало основу для продолжения мучений людей, поиска ими правды и справедливости, разрешения на нормальное расселение на территории, исторически им принадлежавшей... Людям было сказано, что принято постановление - не прописывать ингушей в определенных районах. Подобное происходит в стране, чья Конституция запрещает дискриминацию по национальным, расовым, религиозным признакам, которая, как известно, преследуется законом. Мы просим отменить это постановление. Такого же решения мы ждем от Совмина Дагестанской АССР в отношении чеченцев. Было бы справедливо и правильно, если бы правительство Дагестана восстановило Ауховский район, что явилось бы истинным шагом к дружбе и братству.

У нас на Кавказе говорят: помочь ослабевшему в пути - достоинство, пройти мимо, делая вид, что не видишь, - низость. Было время нам всем было тяжело. Сегодня нужно сделать так, чтобы быстрее зажили наши оставшиеся раны. Еще не возвращены на свои исторические места крымские татары, турки-месхетинцы, немцы Поволжья... Я обращаюсь к вашей мудрости. Подумайте над проблемой репрессированных народов, не оттолкните ее, постарайтесь вникнуть в ее суть... Вношу предложение: Признать все Указы Президиума Верховного Совета СССР в отношении репрессированных народов как антиконституционные, антисоциалистические, как акты вандализма. Поручить Президиуму Верховного Совета СССР создать комиссию по

правовой, экономической и территориальной реабилитации этих народов для подготовки соответствующего постановления...

Оболенский А.М. ... Пожелания могут остаться пустым сотрясанием воздуха, если мы не сможем найти, выработать механизм, который, как предохранитель, будет предотвращать подобное. Лучшим лекарством от преступности является неотвратимость наказания за совершенное преступление. Эта пока недостижимая мечта правоохранительных органов полностью совпадает с вековой мечтой человечества... Предлагаю записать следующее. Признавая всю полноту вины и ответственности за произвол, допущенный в отношении граждан во время осуществления массовых переселений, Верховный Совет СССР намерен всемерно способствовать возвращению на родину граждан, пострадавших во время репрессий, если они изъявят на то желание... Хотел бы сделать уточнение по тексту. Такая фраза: "Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов. Я думаю, что не только этими национальностями закрывается список - предлагаю добавить и "многих других народов".

Антанайтис В.В. ... Народы Советского Союза давно ждали такого документа... Однако Декларация не является документом окончательным, ее следует дополнить конкретными решениями. Назову некоторые. Первое: право возвращения народов на прежние места жительства. Второе: возмещение материального и морального ущерба. И третье: в Декларации необходимо упомянуть о праве прибалтийских республик, так как они понесли наиболее ощутимый ущерб. Дело в том, что прибалтийские народы были переселены с их территорий - этого не случилось ни с одним народом. В 1940 году сталинским режимом была уничтожена государственность Эстонии, Латвии, Литвы, в 1940 году против этих республик была применена агрессия, они были оккупированы и аннексированы. Пребывание Эстонии, Латвии, Литвы в составе Советского Союза является незаконным... Перестройка, основанная на лжи, в Литве, Латвии, Эстонии не будет иметь успеха. В 1940 году в Советском Союзе был самый кровавый режим в мире. Были уничтожены лидеры коммунистов Прибалтики... Верховному Совету СССР легко дать правовую оценку, проанализировать и обобщить выводы, сделанные в республиках, где люди лучше других знают и помнят, что действительно произошло в 1940 году...

Сахаров А.Д. Декларация, которую мы сегодня обсуждаем, является документом огромного политического, исторического и нравственного значения. Поэтому я считаю, что, во-первых, необходимо полностью перечислить все народы, относительно переселения которых есть документальные свидетельства, а также добавить "и другие", потому что в ряде случаев - мы можем это предполагать - таких

свидетельств не сохранилось. Список должен быть максимально полным.

Я согласен с депутатом Кугультиновым, что слова "политическая реабилитация" или даже просто слово "реабилитация" тут не может быть применено - оно является неправильным и даже оскорбительным. Я предлагаю сказать, что эта Декларация - восстановление справедливости по отношению к переселенным и подвергшимся геноциду народам. И раз речь идет о восстановлении справедливости, то это должен быть действительно акт полной справедливости. Когда люди действительно восстанавливают справедливость, они не боятся отдать обратно больше, чем было взято, а больше в данном случае отдать невозможно. Поэтому мы должны включить в Декларацию слова о том, что, сознавая историческую вину перед переселенными народами, государство принимает на себя обязательство принять все меры для возвращения на родину тех представителей этих народов, которые выразят такое желание, способствовать этому юридически и материально. Государство готово принять на себя ответственность за материальную компенсацию нанесенного людям ущерба.

Наше государство является не только правопреемником, а просто прямым наследником того сталинского режима, жесточайшего режима, который осуществил эти акты. Мы знаем, например, что правительство ФРГ приняло на себя ответственность за материальную компенсацию тем, кто стал жертвой фашизма. И тем более наше правительство, наше государство не может уйти от такой компенсации.

Но первое и самое главное - это обеспечить право на беспрепятственное возвращение народов, восстановление тех государственных форм, которые были у этих народов. Это тот факт, где мы не можем думать ни о чем, кроме восстановления справедливости. Никакие прагматические соображения нас тут не могут останавливать. И я уверен, что те, кто живет сейчас на этой территории, будут жить в мире с переселенными народами, найдут возможность потесниться, если в этом будет необходимость. Другие решения проблемы могут быть найдены, но не выполнить этого долга справедливости мы не имеем права.

Щербак Ю.Н. Ранней весной 1944 года я возвращался из эвакуации из России в Киев, на Украину. На одной из маленьких станций, не помню уж какой, мы увидели страшный эшелон, в котором были женщины, дети, старики. Я никогда не забуду их страдальческих взглядов, их голосов, их просьб дать им поесть, дать им воды. Эти воспоминания преследуют меня, и прекрасно, что сегодня мы в этом зале принимаем Декларацию, которая окончательно должна подвести черту под этой страшной, кровавой, драматической историей... Я хо-

чу, в частности, напомнить, что население Западной Украины очень пострадало в период 1939-1941 годов и в послевоенные годы от массовых депортаций. Десятки, а может быть, и сотни тысяч людей были переселены. Практически ни в одной семье нет человека, который бы не пережил это... Мы не должны забывать о поляках, которые тоже пострадали. И сегодня, наверное, надо было бы здесь их назвать, потому что перед войной были переселены, депортированы поляки, потом было совершено преступление в Катюни, убийство польских военнопленных.

Далее. Я предлагаю следующий абзац сформулировать таким образом: "Верховный Совет провозглашает и подтверждает полную невиновность народов, подвергшихся насильственному переселению". Подчеркиваю: не "реабилитацию", а "полную невиновность". К фразе "безоговорочно осуждает практику насильственного переселения как тяжелейшее преступление перед человечностью" предлагаю добавить слова: "противоречащие основам международного права, гуманистической природе социалистического строя, принципам демократии и законности". И далее, я думаю, нам надо придать достаточный вес этому заявлению и сказать: "Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик торжественно заявляет..." и далее по тексту. Я хочу в заключение сказать, что есть бог на небе и есть справедливость на земле, только, к сожалению, часто эта справедливость запаздывает на долгие годы. Но хорошо, что она все же приходит.

Шеховцов В.А. ... Сегодня Декларация необходима нам и как юридический акт. Я знаю, что нормативного акта в форме декларации практика не знает. Верховный Совет СССР - орган законодательный, в соответствии с действующей Конституцией мы принимаем законы и постановления. Я думаю, хватит деклараций. Предлагаемый и обсуждаемый сегодня чрезвычайно важный и принципиальный документ лучше назвать постановлением о полной реабилитации репрессированных народов... Считаю, что постановление - это как раз то название, которое отражает сущность данного документа, и хотя звучит оно не так громко, как декларация, но зато верно по существу... Убежден, что вслед за принятием такого постановления необходимо решать реальные проблемы, стоящие перед репрессированными народами. юридическую же базу последующих справедливых решений и действий мы должны, обязаны утвердить сегодня.

Халлик К.С. ... Я поддерживаю мнение депутатов Оболенского и Сахарова о том, что этот документ - будет ли он постановлением или декларацией, все равно, - должен быть, прежде всего, документом публичного покаяния государства за преступления, которые были совершены против народов. Это первое.

Второе - о списке народов... Он должен быть максимально полным. Поэтому к тем народам, которые в нем уже названы, я хочу добавить еще один народ, вернее "осколочек" народа. речь идет о советских финнах, которые истреблялись, перегонялись с одного края необъятной страны на другой в течение почти 20 лет. Я думаю, что документ, который мы примем сегодня,.. будет говорить о нашей бескомпромиссной решимости покончить с рецидивами сталинщины. Но это означает также, что морально-политические оценки, которые мы даем нашему прошлому, должны вызвать и адекватные правовые оценки. По международной конвенции от 9 декабря 1949 года то, о чем мы сегодня говорим, может характеризоваться только однозначно - как проявление геноцида. Следовательно, у нас нет права, давая оценку случившемуся, ссылаться на нарушение принципов демократии. О какой демократии можно вообще говорить, если были нарушены элементарные человеческие права, и в первую очередь - право человека на жизнь. То, что "особыми совещаниями" или даже Верховным Советом в прошлом подобные античеловеческие решения принимались с соблюдением демократических процедур большинством, не превращает их в решения такого рода, о которых можно сказать: демократично - недемократично, по-социалистически - не по-социалистически и так далее. Мы вообще должны исключить возможность применения таких оценок.

И последнее. Я поддерживаю предложения о том, что мы должны заявить от имени Верховного Совета о готовности принять меры не только по реабилитации, но и по восстановлению в национальных правах всех народов, вплоть до их возвращения на родину.

Семенихин А.В. ... Я буду говорить о немецком народе, который, считаю, пострадал больше всех из репрессированных народов. Почему? Потому что все народы в основном сохранили свои обычаи, язык, а немецкий народ, с которым мы, русские, казахи, другие народы, живем в Казахстане, забыл и свои обычаи, и свой язык. И вот теперь представители этого более чем двухмиллионного народа, который вносит в развитие нашего общества огромный вклад, срываются со своих мест, уезжают в ФРГ. Конечно, там принимают их с объятиями, потому что уезжают представители интеллигенции, высококвалифицированные рабочие, специалисты, которые у нас в стране получили образование, приобрели опыт. Я считаю, что нам надо как можно быстрее провести референдум немецкого народа. И очень тщательно продумать, где расселить немецкое население...

Сефершаев Ф. Я - единственный депутат от крымско-татарского народа. Крымско-татарский народ является древним народом со своей многовековой историей, языком, культурой и укладом жизни. Крымские татары на протяжении тысячи лет жили на Крымском полуост-

рове. В 1783 году Крым вошел в состав России. Когда началась Великая Отечественная война, наш народ, численность которого тогда составляла около 350 тысяч человек, как и все советские народы, стал на защиту нашей Родины от фашистского нашествия. 68 тысяч мужчин ушли на фронт, 28 тысяч погибли на войне. 12 тысяч участвовали в подпольном и партизанском движении. в годы войны были сожжены десятки крымских татарских сел. Несмотря на все это сразу же после освобождения Крыма Советской Армией крымские татары, по указанию Сталина были изгнаны из родных домов. Я сам переезжал, мне тогда было девять лет... Прошу ускорить принятие решения о механизме юридической реабилитации нашего народа, мы ждем этого решения 44 года. Мы потеряли свой язык, обычаи...

Игнатович Н.И. ... Людей моего народа, белорусов, тоже депортировали, но больше уничтожали на месте: в подвалах, лесах, ямах, оврагах. Водних только Куропатах, местечке близ Минска, по признанию официальных властей, уничтожено около 30 тысяч, а по данным активистов общества "Белоруссия" - около 250 тысяч человек. Пролилась невинная кровь не только белорусов, она смешалась со столь же невинной кровью и литовцев, и поляков, и украинцев, и русских. Я не представляю братства выше, чем вот это - по невинно пролитой крови. Теперь непосредственно о документе, который мы обсуждаем. Эта Декларация запоздала лет на 35. Полностью согласен с теми, кто предлагает назвать ее "декларацией о полном восстановлении в правах народов, подвергшихся..." Уважаемые депутаты Кугультинов и Халлик упомянули термин "геноцид", от которого многие все еще хотят откреститься. Общепринятое определение этому понятию такое - это уничтожение людей по расовому, национальному, религиозному признаку, или же создание для людей по этим же признакам условий, невозможных для проживания и влекущих их вымирание. Как видите, применительно к репрессированным народам есть все. что касается объективной стороны этого определения. Поэтому я предлагаю в предпоследний абзац Декларации после слов "...как тяжелейшее преступление..." с дополнением Бориса Ильича Олейника "против человечности" через тире поставить "геноцид"...

На первой сессии Верховного Совета СССР при обсуждении постановления о дополнительных мерах по восстановлению социальной справедливости в отношении жертв репрессий 30-х, 40-х, начала 50-х годов, я задал вопрос: до каких пор мы будем продолжать увековечивать в различных формах имена тех, кто повинен в репрессиях? Тогда, на первой сессии, вопрос повис в воздухе в этом зале. Висит он до сих пор. И пока он будет висеть, пока на этот вопрос не будет дан ответ, гарантий тому, что происшедшее не сможет повториться, я не вижу...

Икаев Г.Д. Сегодня принимается, наверное, величайший по справедливости акт, позволяющий нам всем избавиться от какого-то чувства исторической вины. Мне понятны боль, гнев, требования, прозвучавшие в выступлениях товарищей Кугультинова, Дарсигова, Фаргисева, Авторханова. Мне бы хотелось только больше взвешенности в решении некоторых вопросов. Акт, который мы сегодня принимаем, это акт высшего органа государственной власти, и он должен служить только консолидации народов, а следовательно - прогрессу в их отношениях. Некоторые же конкретные требования, прозвучавшие, например, в выступлениях товарищей из Пригородного района Северной Осетии, я думаю, вряд ли послужат этим целям... Декларация не должна содержать конкретики, а должна носить общий характер...

Амбарцумян С.А. Переселение, геноцид, насилие, беззаконие, античеловечность, вандализм и так далее, и так далее - все это мы видим в акте переселения народов, которое проходило не только в период второй мировой войны, но и после нее, вплоть до начала 50-х годов. Так, примерно 200 тысяч армян было переселено, начиная с войны до 1949 года. Так что в этой нашей Декларации, которую точнее все же назвать Постановлением, я думаю, надо расширить временные границы до начала 50-х годов, чтобы еще раз не пришлось вернуться к этому вопросу. Следующий вопрос - реабилитация. Термин "реабилитация" к этому акту никакого отношения не имеет... это совершенно другое понятие. Я предлагаю назвать этот документ Постановлением об осуждении актов насильственного переселения народов и объявлении их невинными жертвами беззакония периода культа личности Сталина и о полном восстановлении их прав...

Бишер И.О. ... Следует говорить о полном восстановлении справедливости. Нельзя повторять то, что произошло в 1956-м и в некоторые другие годы, когда политическая реабилитация этих народов вполне сочеталась с незаконными - или уже "законными" - ограничениями конституционных прав граждан. В частности, имеются в виду ограничения в передвижении, невозвращении имущества... Второе. Мы охарактеризовали это преступление как геноцид. Но если это геноцид, если это преступление против человечества, то соответственно оно не должно иметь срока давности. Мы ведь подписывали соответствующую международную декларацию, поэтому и должны сказать прямо. Понятно, подавляющее большинство организаторов беззаконий или умерли, или уже не в состоянии сесть на скамью подсудимых. Но кто-то сегодня еще получает генеральские или какие-либо другие особые пенсии. Считаю, что они должны быть лишены этого. Думаю, что наш документ должен определить к ним и соответствующее отношение. Но самое главное - такие действия не должны повториться. В

нашей стране никогда не могут повторяться внесудебные репрессии по таким признакам, как принадлежность к той или иной нации...

Нишанов Р.Н. ... Приняв Декларацию, мы на ее основе примем ряд постановлений, которые охватят все ценные предложения, высказанные депутатами... Многие выступавшие поставили вопрос о расширении перечня пострадавших от репрессий народов. В целом это правильная постановка вопроса, но, вырабатывая основу документа, мы стремились учесть именно целые народы, которые были переселены... Я исхожу из того, что, принимая Декларацию, мы восстанавливаем в правах подвергшихся репрессиям народы...

Медведев Н.Н. Вопрос. Почему не учтено слово "геноцид"? Мы осудили во время Нюрнбергского процесса преступления Гитлера и национал-социалистической партии, гестапо, признав за ними геноцид. Мы должны аналогичную оценку дать и в отношении тех, кто у нас повинен в десятках миллионов загубленных людей.

Председательствующий. Не знаю, как юридически это делать.

Геноцид - это, в общем-то, физическое уничтожение народов.

(Шум в зале)

Нишанов Р.Н. ...Я некоторые вопросы здесь не затрагивал, хотя несколько выступавших депутатов правильно их подняли. Ну, в частности, депутаты из прибалтийских республик... Давайте наберемся терпения,.. все же комиссия работает... Что касается вопроса реабилитации лиц, которые были репрессированы, погибли в лагерях, тюрьмах, то и по этому вопросу работает специальная комиссия...

С места. Депутат Игнатович дал полное объяснение, полное пояснение слову "геноцид" и показал - это точно, я тоже знаю, что оно означает не только истреблять физически, но и создавать условия для того, чтобы человек или народ не выжил, вымирал. Так что слово "геноцид" в данном случае точно применено к этому документу...

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОЛОСОВАНИЯ

Кворум для голосования	362
Кворум для принятия решения	205
Зарегистрировано	408
Проголосовало "за"	370
Проголосовало "против"	5
Воздержалось	16
Всего проголосовало	391
Не голосовало	17

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забыть нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

Верховный Совет СССР гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране.

Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

14 ноября 1989 года

Москва, Кремль

*Ведомости съезда народных депутатов
и Верховного Совета СССР. 1989. N 23. Ст. 449
N 772-1*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР
О жертвах политических репрессий в РСФСР

В течение десятилетий произвола и беззакония по идеологическим и политическим мотивам, национальным признакам подвергались репрессиям многие граждане Российской Федерации и целые народы... Репрессии исковеркали судьбы миллионов граждан, ряд народов был лишен государственности и депортирован.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования против собственного народа, закладывая основы правового государства, Съезд народных депутатов выражает твердое убеждение, что подобная трагедия народов и граждан России никогда не повторится.

Съезд народных депутатов РСФСР *п о с т а н о в л я е т*:

1. Верховному Совету РСФСР и Совету Министров РСФСР разработать и принять законодательные акты о реабилитации и полном восстановлении прав репрессированных народов и граждан РСФСР.

2. Верховному Совету РСФСР обратиться к Верховным Советам союзных республик для совместного решения проблем репрессированных народов, судьба которых связана с этими республиками.

3. Поручить Верховному Совету РСФСР о ходе исполнения настоящего Постановления доложить на очередном Съезде народных депутатов РСФСР.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Б.Н.ЕЛЬЦИН

11 декабря 1990 года

Москва, Кремль

*Ведомости съезда народных депутатов и
Верховного Совета РСФСР. 1990. N 28. Ст. 377*

N 2013-1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав"

Руководствуясь Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав" и исходя из политического и социального значения полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав народов, подвергшихся необоснованным репрессиям, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Отменить акты высших органов государственной власти СССР, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных народов из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований.

Снять с законодательных актов Союза ССР гриф "Не для печати" и гриф секретности с постановлений бывшего Государственного Комитета Оборона СССР.

Поручить Кабинету Министров СССР рассекретить соответствующие акты Правительства СССР.

2. Отменить:

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., N 38);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года "Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., N 40);

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года "О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года "О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года "О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года "О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года "О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок - граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года "О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны";

статью 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года "О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года "Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР";

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года "О снятии ограничений с граждан азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР";

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года "О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1964 г., N 52, ст. 592);

статью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года "О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., N 36, ст. 493);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года "О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., N 36, ст. 494);

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года "О порядке применения в отношении граждан СССР - турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета

СССР от 31 октября 1957 года" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1968 г., N 23, ст. 188);

3. Признать необходимым, чтобы Президент СССР и Кабинет министров СССР отменили в месячный срок решения бывшего Государственного Комитета Оборона СССР и Правительства СССР по вопросам насильственного переселения отдельных народов и ограничения прав граждан из числа этих народов.

4. Отмена указанных в настоящем Постановлении нормативных актов не означает автоматического решения вопросов национально-государственного устройства и административно-территориального деления, возникших вследствие насильственного переселения отдельных народов. Рекомендовать Верховным Советам республик, исходя из их компетенции, рассмотреть указанные вопросы и принять по ним необходимые решения, не допуская ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на соответствующих территориях.

5. Кабинету министров СССР совместно с высшими органами государственной власти и управления республик организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав репрессированных народов, включая предоставление соответствующих льгот гражданам, мобилизованным в годы Великой Отечественной войны в рабочие колонны, а также установить по мере создания экономических и социальных условий порядок, размеры и механизм материальных компенсаций лицам, непосредственно подвергшимся насильственному переселению.

Председатель Верховного Совета СССР

А. ЛУКЬЯНОВ

7 марта 1991 года

Москва, Кремль

*Ведомости съезда народных депутатов и
Верховного Совета СССР. 1991. N 11. Ст. 302*

ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК НАПРЯЖЕННОСТИ СЕГОДНЯ - В НЕДОСТАТОЧНОМ ОСОЗНАНИИ КАК НА УРОВНЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ТАК И НА УРОВНЕ МАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ ТОГО КАПИТАЛЬНЕЙШЕГО ФАКТА, ЧТО СССР - ЭТО НЕ СТРАНА, ЭТО НЕ ГОСУДАРСТВО. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ОБОЗНАЧЕННОЕ НА КАРТЕ МИРА ЭТИМИ БУКВАМИ И НАЗЫВАВШЕЕСЯ РАНЕЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, - ЭТО МИР МИРОВ, ЭТО РАЗНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ, ЭТО СОСЕДСТВО МНОЖЕСТВА СТРАН И ГОСУДАРСТВ, УСТАВШИХ ОТ СВОЕГО КОЛОНИАЛЬНОГО И КОЛОНИЗАТОРСКОГО ПРОШЛОГО, ИСТЕРЗАННЫХ И УНИЖЕННЫХ СТАЛИНСКИМ УНИФИКАТОРСТВОМ...

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СТАЛА НА СЕГОДНЯ ВСЕОХВАТЫВАЮЩЕЙ. ОНА ВОБРАЛА В СЕБЯ - И НЕ МОГЛА НЕ ВОБРАТЬ - ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ...

Юрий АФАНАСЬЕВ.

Что пожинаем

Век XX и мир. 1990. N 5. С. 13, 14

... Наш опыт в этой жизни слишком горек,
Мы дети стольких бурных перестроек,
И что за ними - нам не все равно.

Не все равно, какие петь нам песни,
Не все равно, с кем врозь, а с кем быть вместе,
Не все равно, какой оставим след.
И родина для нас не просто где-то,
А там, где корни прадеда и деда,
И это детям главный наш завет.

Игорь ЛЯПИН

ЗАКОН РСФСР

О реабилитации репрессированных народов

Обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очистки всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей. Оно создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы Советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападениям.

Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов.

Опираясь на международные акты, Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав", постановления Съездов народных депутатов РСФСР, а также действующее законодательство РСФСР и СССР, закрепляющее равноправие советских народов, и стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозглашает отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов, и принимает настоящий Закон об их реабилитации.

Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов.

Статья 2. Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.

Статья 3. Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики на-

силыственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР.

В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов.

Статья 4. Не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов. Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Статья 5. Восстановление и изменение национально-государственных образований репрессированных народов осуществляются на основе законодательного регулирования межнациональных отношений.

Статья 6. Территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения.

Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период. решение об установлении переходного периода и восстановлении национально-территориальных границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Статья 7. Политическая реабилитация репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально-государственные образования, предусматривает восстановление этих образований в порядке, установленном статьей 6 настоящего Закона.

Статья 8. Политическая реабилитация репрессированных народов, не имевших своих национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места прежнего проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством.

Статья 9. Ущерб, причиненный репрессированным народам и отдельным гражданам со стороны государства в результате репрессий, подлежит возмещению.

Порядок возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам устанавливается законодательными актами Союза ССР, РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Возмещение ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам осуществляется поэтапно.

Статья 10. Социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания в спецпоселениях /местах ссылки/ засчитывается в стаж в гройном размере. В связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсий по возрасту за каждый год работы с учетом периодов, предусмотренных Законом РСФСР "О пенсионном обеспечении граждан в РСФСР".

Статья 11. Культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Это означает также признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы Советской власти.

Статья 12. Все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу.

Статья 13. Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Б.Н.ЕЛЬЦИН

26 апреля 1991 года

Москва, Дом Советов РСФСР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О порядке введения в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"

Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Ввести в действие Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" с момента его опубликования.

2. Впредь до приведения законодательства РСФСР в соответствие с Законом РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" действующие акты законодательства РСФСР и республик, входящих в состав Российской Федерации, применяются, поскольку они не противоречат этому Закону.

3. Совету Министров РСФСР организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав каждого репрессированного народа и принятие соответствующих актов, предусматривающих

- отмену всех актов правительства РСФСР, министерств и ведомств РСФСР, послуживших основой для противоправного насильственного переселения из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан репрессированных народов, а также незаконной ликвидации национально-государственных образований;

- предложения в Кабинет министров СССР об отмене всех актов правительства СССР, министерств и ведомств СССР, бывшего Государственного комитета обороны СССР, послуживших основой для противоправного насильственного переселения из мест постоянного проживания, ограничения прав граждан репрессированных народов, а также незаконной ликвидации национально-государственных образований;

- восстановление территориальной целостности национально-государственных образований и административно-территориальных границ, существовавших до их насильственного антиконституционного изменения. При этом исходить из того, что в процессе реализации этого Закона должно строго соблюдаться соответствующее законодательство о равноправии народов, уважаться права и законные интересы граждан других национальностей;

- восстановление и возвращение духовных и культурных ценностей, архивов, являющихся достоянием репрессированных народов;

- возвращение прежних исторических названий населенных пунктов, районов и местностей, незаконно отторгнутых в годы Советской власти.

4. Совету Министров РСФСР по мере создания экономических и социальных условий установить порядок, размеры и механизм материальных компенсаций лицам, непосредственно подвергшимся насильственному переселению.

5. Совету Министров РСФСР:

до 21 мая 1991 года представить в Верховный Совет РСФСР предложения по обеспечению реализации Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов";

привести до 1 июня 1991 года решения правительства РСФСР в соответствие с Законом РСФСР "О реабилитации репрессированных народов";

обеспечить до 1 июля 1991 года пересмотр и отмену министерствами, государственными комитетами и ведомствами РСФСР их нормативных актов, в том числе инструкций, противоречащих данному Закону;

до 1 июля 1991 года представить в Верховный Совет РСФСР предложения о приведении законодательных актов РСФСР в соответствие с Законом РСФСР "О реабилитации репрессированных народов".

6. Верховным Советам республик, входящих в Российскую Федерацию, привести законодательство этих республик в соответствие с настоящим Законом.

7. Совету Национальностей разработать Положение о статусе национально-культурной автономии, защищающее права национальных меньшинств на восстанавливаемых территориях.

Председатель Верховного Совета РСФСР

Б.Н.ЕЛЬЦИН

26 апреля 1991 года

Москва Дом Советов РСФСР

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ¹

26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон "О реабилитации репрессированных народов" и постановление "О введении в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов". В законе дано определение репрессированных народов, признается их право на восстановление национально-государственных образований, территориальной целостности, существовавшей до насильственного перекраивания границ, возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно

¹Этот документ был оглашен на 1 съезде Конфедерации репрессированных народов РСФСР (Москва 3 июля 1991 года).

заменным после выселения населения, возмещение ущерба, причиненного государством. Одновременно законом декларируются гарантии от ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на территории репрессированных народов. Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период. Решение об установлении переходного периода и восстановлении границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Закон заслуживает одобрения, так как он восстанавливает историческую справедливость.

Вместе с тем, на наш взгляд, закон при его реализации без достаточно глубоких прогнозных оценок может вызвать серьезные последствия не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами.

Уже сегодня поступают письма от населения, проживающего зачастую не по его вине на территориях выселявшихся народов. Люди обеспокоены дальнейшим развитием событий, связанных с возможным пересмотром границ между республиками, областями, районами и населенными пунктами.

Остро встает вопрос, как быть с теми районами, в которых изменилась демографическая ситуация, и с теми, которые входили ранее в другие территории и волевыми решениями были включены в состав национально-государственных образований репрессированных народов.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в отношениях между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской республикой (а внутри последней - между чеченской и ингушской частями). В январе 1957 года в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР Северо-Осетинская АССР вернула ей 4 из 5 присоединенных к ней районов. В составе Северной Осетии остались земли Пригородного района и некоторые другие небольшие участки земли, на которые претендуют ингуши. В то же время Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в 1957 году в состав Чечено-Ингушской АССР были включены изъятые из Ставропольского края Каргалинский, Щелковский и Нарский районы.

Провозглашение Карачаевской республики 17 ноября 1990 года на съезде народных депутатов всех уровней 6 районов (бывшая территория существовавшей до 1943 года Карачаевской автономной области) неоднозначно воспринято населением. В Зеленчукском и Урупском районах живут в основном казаки, которые выступили за передачу населенных ими территорий в состав Ставропольского или Краснодарского краев. Более 40 тысяч карачаевцев живут в районах с черкесским населением.

Аккинцы (этническая группа чеченцев) в Дагестане требуют восстановить Ауховский район (ныне Ново-Лакский) и прежние аккинские географические названия, существовавшие до их выселения. Требуют освободить их жилища и подворья, но сегодня там живут лакцы и аварцы, которые переселились туда не по своей воле.

В Калмыцкой республике уже создана комиссия о возможном присоединении Наримановского и Лиманского районов (ныне в составе Астраханской области), ранее входивших в состав республики, хотя сегодня в составе населения этих районов калмыки составляют от 2 до 11 процентов.

В соответствии с принятым Верховным Советом РСФСР законом политически реабилитировано казачество. В связи с этим могут быть выдвинуты требования о его территориальной реабилитации, восстановлении казачьих областей и округов. В ноябре 1990 года состоялся съезд терского казачества и ногайского народа, на котором было высказано требование об отмене Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 года N 721/4 в части, касающейся расчленения Ногайской степи и передачи ее в состав Дагестана, Чечено-Ингушетии, Ставропольского края. До 1957 года большая часть Ногайской степи входила в состав Ставропольского края, а при царизме это был Ногайский округ. Терские казаки и ногайцы требуют восстановить территориальную целостность Ногайской степи и создать республику в составе РСФСР. Это потребует пересмотра границ существующих национально-государственных образований как внутри РСФСР, так и в СССР в целом.

Если в настоящее время Пригородный район Северо-Осетинской АССР является "яблоком раздора" между осетинами и ингушами, то можно с уверенностью предположить, что будут выдвигаться требования восстановления - территориально и административно - терского казачества, а значит, возвращения казакам Пригородного, а также других районов, из которых они были выселены в 1918 году.

Трагические события в станице Троицкой (сейчас там проживают 5 тысяч казаков и 1,5 тысячи ингушей) Сунженского района Чечено-Ингушетии еще раз показали, что конфликты между казаками и народами Северного Кавказа могут нарастать. Это объясняется все большим распространением среди этих народов идеи о несправедливом завоевании их земель во времена царизма.

"Казачья" проблема выходит за рамки РСФСР, может коснуться Украинской, Казахской ССР и Республики Кыргызстан (в состав Украины вошла часть территории Области Войска Донского, в состав Казахстана вошли земли Уральского, Сибирского и Семиреченского казачества). В Уральской и Гурьевской областях Казахстана уже сейчас набирает силу движение возрождения уральского казачества и

включение его территории в состав России. В ноябре 1990 года в городе Ростове состоялся учредительный Круг (съезд) казаков Дона. Был учрежден общественно-политический Союз казаков Области Войска Донского на правах самостоятельной и независимой организации. Принято заявление Большого круга Союза казаков Области Войска Донского "О гражданской и политической реабилитации казачества", в котором выражено отношение жителей Дона к политике "расказачивания", "раскрестьянивания" и другим акциям против казаков, имевшим место в прошлом. В частности, ставится вопрос о ликвидации последствий передела территорий бывшей Области Войска Донского и признании Верховным Советом СССР этих земель, лежащих в границах России и Украины, местом исторического проживания донских казаков, о возвращении исторического названия - Донская область. Земля объявляется принадлежностью коренного казачьего и неказачьего населения без всякого выкупа. Намечено создание национальной казачьей гвардии, пограничных и других казачьих частей, приоритет казачьего движения перед любыми политическими организациями.

На съезде бурятского народа поставлен вопрос об объединении трех бурятских автономий (Бурятская АССР, Агинский Бурятский автономный округ Читинской области, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ Иркутской области).

В соответствии с буквой закона должна быть восстановлена автономная республика немцев Поволжья. Это решение негативно воспринято населением Волгоградской и особенно Саратовской областей, что может затруднить переезд в Поволжье советских немцев из других регионов страны и поставить под сомнение возможность восстановления автономии советских немцев. Во время встречи 7 мая 1991 года Президента СССР с представителями советских немцев отмечалось, что восстановление немецкой государственности в Поволжье возможно лишь в условиях сочетания коренных интересов всех народов, проживающих в этом регионе. Проблема должна решаться поэтапно, с учетом формирования политических и экономических условий. Это не исключает необходимости создания национальных образований в местах компактного проживания немцев.

Общественностью ставится вопрос, чтобы при реализации закона были детально продуманы все механизмы защиты людей, проживающих сегодня на бывших территориях репрессированных народов.

Уже высказывается людьми неоднозначная оценка статьи 10 закона, где говорится, что репрессированным гражданам время пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) засчитывается в стаж в тройном размере. Возникает вопрос, почему это положение не распространяется на многих других, например, вывезенных в Сибирь крестьян

ян во времена коллективизации, людей, незаконно репрессированных в 1937 - 1938 и других годах.

Учитывая все сложности при реализации Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов", представляется необходимым подключить к этой работе коммунистов, рескомы, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы Компартии РСФСР, первичные партийные организации. В связи с этим считали бы целесообразным:

1. Рекомендовать ЦК Компартии РСФСР:

изучить складывающуюся ситуацию и совместно с местными партийными, советскими органами, научными учреждениями определить все возможные "горячие" точки, где могут возникнуть территориальные и другие конфликты. В соответствии со статьей 6 названного закона через депутатов-коммунистов внести в Верховный Совет РСФСР конкретные предложения о восстановлении прав того или иного репрессированного народа, а также о защите интересов граждан, проживающих в настоящее время на их бывших территориях;

провести совещание в городе Ростове с секретарями рескомов, крайкомов, обкомов Компартии РСФСР с целью обмена мнениями и выработки подходов в работе партийных комитетов в связи с обострением межнациональных отношений и активизацией движения казачества;

направить партийным комитетам специальное письмо или ориентировку, в которых дать конкретные рекомендации по работе в связи с выполнением Закона "О реабилитации репрессированных народов".

2. Рескомам, крайкомам, обкомам Компартии РСФСР, на территории которых живут репрессированные народы, проводить среди них разъяснительную работу, чтобы люди не проявляли нетерпимости, не принимали непродуманных, поспешных решений. Для выработки предложений по этим сложным вопросам можно было бы привлекать народных депутатов всех уровней, старейшин, ветеранов войны и труда, представителей творческой интеллигенции, науки, духовенства, создавать согласительные комиссии. Опирайтесь в первую очередь на те статьи закона, которые дают возможность политическими методами решать территориальные споры.

Рекомендовать центральной и местной партийной печати в публикациях, связанных с осуществлением закона, проявлять взвешенность, призывать людей к конструктивному диалогу, выдержке, осуждать экстремизм, самоуправство.

*Отдел национальной политики ЦК КПСС
Приложение к п.7г, пр.Н 30 ЦК КПСС*

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ НАРОДЫ СЕГОДНЯ

КАЗАЧЕСТВО

Сегодня в стране казачества не существует, но есть его потомки. Реабилитация изведенного сословия назначена парламентом РСФСР на осень, а реабилитация его в традиционных областях казачьих войск идет так мощно, что не было среди претендентов на пост российского президента такого, кто не хотел бы получить поддержку “от вольных войск, от храбрых атаманов”.

Казачи собираются под старинными знаменами, но они уже сегодня — нечто большее, чем хранители реликвий российской древности, а завтра станут реальной силой. Историк казачества Александр Козлов, например, считает, что все актуальнее становится вопрос “С кем вы?”. В духе писателя Пешкова: “Казачок всегда пытались использовать как разменную монету в большой политической игре. Люди при власти хотят превратить их в охранительную силу, в опору системы, которая рухнет. А потом режиссеры опять останутся за кулисами, а расплачиваться будет казачество”...

Многим: и репутацией российской Вандеи — опричников, “контрреволюционного, мелкобуржуазного сословия”, извечно враждебного трудовому народу, и кровопусканием, обезлюдевшим казачьи земли, и вытопанной памятью о себе — казачество обязано большевикам. Поэтому, когда сегодня появляются “товарищи атаманы”, это звучит как диагноз...

Но к подлинному казачеству это все не имеет никакого отношения — оно имеет громадный, многовековой опыт демократии.

Во времена своего расцвета, в XVII веке каждое казачье сообщество было маленькой демократической республикой. На все четыре стороны — монархии: Россия, Турция, почти вся Европа, а у казаков — вольница.

Войсковой круг — нечто вроде широкого народного парламента, войсковой атаман — подобие президента с функциями верховного главнокомандующего. Он избирался на год, но могли сместить, не дожидаясь срока не только его — любого выборного начальника. А до XVIII века все казачьи офицеры были выборными; возвращаясь из похода, они слагали с себя воинские звания.

Но при подобной вольности существовал принцип, в походах выдерживающийся беспрекословно: “Куда атаман кинет взглядом, туда мы кинем головы”; суровая дисциплина и повиновение.

Казачи сумели найти то алхимическое соединение свободы и порядка, к которому недостижимо стремится нынешняя Россия. Но это был результат свободного творчества вольных людей, а все остальное: воинская слава, верность и вера — только следствие.

Казак по сути своей, по мировосприятию — хозяин. Хозяин собственной земли и свободы. Но земля им давалась на особых условиях — за военную службу, и казаки ревниво следили, чтобы она не уходила на сторону, оставалась за войском. Чтобы возродить их традиционный уклад жизни, нужно решить главный вопрос — о земле.

Казачам трудно рассчитывать и на понимание так называемого “иногороднего населения”. Недавно Союз казаков Дона предложил областным властям установить контроль “за неограниченной миграцией на Дон с целью ее ограничения и недопущения стихийной скупки жилья и земельных участков”. По данным социологических опросов, более половины казаков эту меру поддерживают, но такое же количество неказачьего населения не одобряет.

Если казаков вернуть на землю, ее может не хватить даже местному крестьянскому населению — на Дону многие станицы еще до революции офици-

ально считались малоземельными. Сгонять людей с земель, на которых они жили десятилетиями и тоже рассчитывают получить надел? И где взять эту землю, скажем, на Тереке, где плотность населения чрезвычайно высока — на грани национального противостояния?

А казаки — исконные пограничники, не только по службе, но и по духу. Они и жили на рубежах, на окраинах страны. Восстановление казачьих воинских подразделений, особо — в пограничных войсках, как того требует Декларация казачества России, принятая в ноябре 1990 года, для донцов, терцев или кубанцев не более чем возвращение к привычному мироустройству. Казаки всегда заключали договор с существующей властью о том, что будут служить ей верой и правдой. Но — какова власть, такова и служба. В резолюции Большого круга терского казачества «О межнациональных отношениях» утверждалось, что «казаки всегда были сторонниками единой, могучей державы... отважно сражались за единую неделимую Русь, за расширение границ Российской державы». Сегодня слово «граница» (со всеми его определениями — нерушимая, святая, туда нельзя — сюда нельзя) — пароль, пропуск в круг определенных политических идей. Они предполагают поворот от национально-патриотизма к территориальному и связь скорее с единоверцами, братьями по идеологии, чем с единокровниками.

Боюсь только, неизбежен спор — на каких рубежах будет стоять казачье воинство: на границах СССР, России 1917-го или России 2000 года, или на границах областей казачьих войск, восстановления которых требуют и донцы, и терцы, и казачье население Восточного Казахстана? Система предлагает два пути: или призрак незаконных воинских формирований будет страшать гражданское население страны, со всеми предполагающимися последствиями и для призрака, и для населения, или же казакам следует «при коне и амуниции», с хоругвями, с девизом «С нами Бог и отечество» стать частью войск КГБ или МВД...

Правда, среди казачьей интеллигенции распространено другое мнение: казаки могли бы стать основой муниципальной милиции или егерских отрядов. Но идеологические порядки в современной армии и воинские традиции казачьего сословия плохо совместимы...

*Лиана МИНАСЯН
«Независимая газета»
26 июня 1991.*

Людмила ЛЕОНТЬЕВА

КАЗАКИ В ПОХОДЕ

Яростной стычкой казаков с милицией закончилась в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесии последняя сессия местного Совета народных депутатов. Главные герои чудом обошедшегося без кровопролития столкновения — около двухсот казаков в полной форме — приехали в Карачаево-Черкесию из Краснодарского края.

Казачье население верхнекубанских станиц, отдавшее на выборах российского президента предпочтение Жириновскому, выбрало себе в атаманы Николая Ляшенко, прославившегося восторженным приветствием ГКЧПистам и еще тем, что водил отряд вооруженных казаков в соседний Ставропольский край. Приезжие играют роль «возмущенного народа»

Большинство прибывших на «разборку» с местной властью краснодарских казаков были вооружены и частью сильно в подпитии.

Местное население (процент казаков среди которого мизерный) практически не участвовало в станичных событиях, изумленно наблюдая расходившихся краснодарских мужиков в казачьей и полувоенной форме. Тем не менее на

прошлой неделе появилась ультимативная "Резолюция Зеленчукского общерайонного схода граждан" с требованием "прекратить всяческое вмешательство во внутренние дела Зеленчукского района, исключить всякое давление на приступившего к своим обязанностям главы исполнительной власти товарища Лышенко Н.А."

Практически везде казачество конфликтует с местной властью, выполняя рекомендации второго съезда казаков России об установлении атаманского правления "в местах компактного проживания казачества". Ситуация на юге России становится все более угрожающей. Стремление казачьих атаманов самостоятельно участвовать в определении границ российского государства и входящих в него республик сильно нервнрует местное население на Северном Кавказе.

"Московские новости" 23 авг. 1992 г.

* * *

В настоящее время людей, относящих себя к казакам по прямой линии, в крупных исторических областях казачьих войск насчитывается не более 10-15 процентов от числа проживающих в этих областях (на Дону, Кубани, в Оренбуржье) и порядка 1-1,5 процента на Дальнем Востоке

* * *

На сегодня фактически существуют две казачьи организации, претендующие на общероссийский уровень, — "СОЮЗ КАЗАКОВ" (создан в июне 1990 года, зарегистрирован в марте 1992 года) и "СОЮЗ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК РОССИИ" (создан в июле, зарегистрирован в октябре 1991 года)

"Московские новости" 20 сент. 1992 г.

* * *

Правительство Адыгеи рассмотрело вопрос о погроме 19 ноября в общежитиях Краснодарского политехнического института, во время которого от буйства казаков пострадали несколько студентов-адыгов.

НЕГА 2 дек. 1992 г.

КАЗАКИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Уважаемые братья-казаки! Вы видите, как возрождается святое казачье движение.

Объединяются казачьи дружины от Дальнего Востока до Приднестровья.

Только у нас на северо-западе и в Привислинском крае тишина.

А надо было бы объединить 14-ю Приднестровскую дружину с Панемунской, Придаугавской, Привислинской дружинами.

Это надо сделать немедленно, чтобы защитить права местных казаков в этих губерниях. Надо достичь того, чтобы даже маленький казачок почувствовал себя членом большого казачьего войска и был хозяином губернии.

Если этого не будет, то не будут и защищены права человека вместе с демократией, а различные инвереры будут обижать казаков.

Жалко, что старое руководство сглунило и согласилось вывести казаков из Приодерья. Поэтому необходимо отстоять плацдармы в Привислье, Панемуне и Придаугавье. Эти губернии ключевые, и, чтобы улучшились права человека в этих губерниях, предлагаю:

— уже с 1992 года должны действовать правила декларации прав человека, говорящие о том, что человек имеет право выбирать место жительства. Например, в Приамазонье, в Прирейнской губернии и так далее.

Чтобы обеспечить права человека в губернии, казакам необходимо предоставить возможность передвигаться всеми возможными средствами.

Сегодня казаки имеют такие средства передвижения: рысаки, ослы, олени, волю, мустанги, “ВАЗы”, “КрАЗы”, “МАЗы”, “мерседесы”, “форды”, Т-34, Т-72, Т-81, БТР, БМП и др.

Во всех губерниях, где проживает хоть один казак, должны соблюдаться права человека пользоваться вышеуказанными транспортными средствами.

Но как отличить казака от иноверцев?

Вот отличительная черта казаков: отличаются одеждой и атрибутикой. В ближайшее время атрибутика будет заменена.

Пятиконечную красную звезду с серпом и молотом заменит пятиглавый орел, держащий в когтях две буквы “А” и “Н”. Орел парит над земным шаром.

Казачья одежда — это форма с погонами. Легкое оружие — неотъемлемая часть казачьего наряда.

Вот элементы казачьего вооружения: “шашка”, “наган”, “максим”, “калашников”, “лимонка” и др.

Казакам представляется возможность повсюду передвигаться в национальных костюмах. Несоблюдение такого права — нарушение прав человека.

Милые казаки, пусть вас воодушевляет подвиг Ермака. Следуйте его примеру и мирными средствами двигайтесь на запад, на юг, во все приречья.

Только северные реки оставьте в покое. Они предоставлены для других целей.

Итак, казаки всех стран СНГ, соединяйтесь!

Ваш, преданный казачьим интересам, атаман Владимир Владимирович Мирвладиков.

“Каунасский вестник”

“Независимая газета” 1 дек. 1992 г.

ИЗ ДВУХ ЗОЛ — ЛУЧШЕЕ

Выступая на пресс-конференции, атаман ОВД В.И. Каледин охарактеризовал решение расширенного заседания совета атаманов и военного совета казаков ОВД.

— Президент определился, и надо дать возможность народу также определиться и прекратить дискуссии, — сказал атаман. — Должны состояться выборы нового высшего законодательного органа России, скорее всего — традиционно для русского народа Учредительного собрания, должна быть сформирована новая власть — правительство национального спасения.

Касаая указа президента “О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества”, В.И. Каледин отметил, что этот документ — результат длительной борьбы казачества и нынешнего сложного положения президента.

Указ подписан Б.Н.Ельциным после окончания работы VIII Съезда народных депутатов России — 15 марта. Многие его положения, надо сказать, не могут не вызвать настороженность и вопросы. Судя по документу, казачеству отводится, в частности, немаловажная роль в создаваемых на Северном Кавка-

зе силах немедленного реагирования, частях оперативного назначения внутренних войск МВД.

Не разыгрывает ли президент в своей политической борьбе “казачью карту” и не придется ли всем нам (и казакам в том числе) расплачиваться впоследствии за поддержку президента казачеством? — на этот вопрос вашего корреспондента атаман Каледин сказал, что документ готовился давно и не носит компромиссного характера. Казаки полны решимости наводить порядок на своих землях и не намерены вмешиваться в дела соседей. Он, атаман, принципиально против участия казачества в операциях войск МВД.

Пресс-конференция В.И.Каледина проходила поздним вечером в воскресенье в Парамоновском дворце, захваченном в свое время казаками, которые разместили в нем свои службы управления. Здание напоминало потревоженный улей.

— Нами объявлено состояние “войска в походе”, — объяснил атаман. — Задача — обеспечить порядок, следить, чтобы были мир и покой, чтобы никаких провокаций. В самых ответственных местах выставлены патрули.

— Добиваясь отставки президента, — сказал В.И.Каледин, — консервативные силы попытаются отменить и указ о государственной поддержке казачества. Мы не допустим этого, казачество будет бороться, чтобы указ получил механизм выполнения.

На всей территории области войска Донского (а это Ростовская область и 21 район Волгоградской области), заявил атаман, должны быть проведены сессии Советов народных депутатов. Если они не поддержат казачества, наступит кризис политической власти на Дону. Союз казаков области войска Донского от имени Круга возьмет на себя вопросы возрождения края. Наша цель — соединиться со всем казачеством, спасти Россию, спасти Дон.

Комментировать по горячим следам не берусь, хотя нетрудно заметить: оказывая поддержку президенту, казаки более всего обеспокоены своими проблемами.

Ростов-на-Дону

*Владимир Фомин, соб. корр. “ЛГ”
“Литературная газета” 24 Марта 93.*

КОРЕЙЦЫ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ “РУССКИХ” КОРЕЙЦЕВ

Диалог*

*Николай Бугай, доктор исторических наук
Харуки Вада, профессор /Япония/*

Х.В. Следует учитывать четкое разделение корейского населения на подданных СССР и эмигрантов без гражданства, так как этим определялось социальное положение всех граждан нерусских национальностей. После опубликованной И.Сталиным в марте 1930 г. статьи “Головокружение от успехов” последовала резолюция Дальневосточного бюро ЦК ВКП/б/, которую стали проводить в жизнь как прибывший на Дальний Восток новый секретарь бюро Лаврентьев, так и секретарь районного Посьетского комитета ВКП/б/ Афанасий Ким /95% населения района были корейцами/.

---

* Печатается в сокращении.

Н.Б. Последствия выполнения этой резолюции оказались печальными и трагическими. Они коснулись в первую очередь зажиточных крестьян — “кулаков”. 1 февраля 1931 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление “О предоставлении краевым /областным/ исполкомам и правительствам права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства”. Акция дополнялась репрессиями по политическим мотивам. По данным НКВД СССР к началу 1933 года, когда выселение кулачества было в основном закончено, в местах поселения было 1317000 “кулаков”, среди них и представители корейского населения. В дальнейшем численность переселенцев возрастала... Такова предыстория депортации корейского, а заодно с ним и китайского населения... Каждой из акций по депортации народов предшествовал правительственный документ. В материалах переписки И.Сталина и Л.Берии /ЦГАОР СССР/ имеются соответствующие документы и относительно корейского населения. 5 сентября 1937 года появилось первое постановление СНК СССР № 1527-349 “О порядке расчетов с переселенными в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами”.

Х.В. Судя по всему, на основании этого постановления и началось переселение корейцев. По документам, 2 октября 1937 представители краевого переселенческого управления прибыли в ст. Хмельницкую и занялись выселением 67 домохозяев-корейцев. Затем такие же акции были предприняты и в других районах. При этом не допускалось какой бы то ни было связи между селами. Были обещаны вознаграждения в 370 рублей на семью и освобождение от уплаты налогов на новых местах проживания. По нашим данным, 180000 корейцев вынуждены были мигрировать. В то же время, как отмечал Люшков, высылались и 8000 китайцев. В ходе проведения операции 25000 корейцев и 11000 китайцев были арестованы.

“Правда”, 20 декабря 1937 г.: “За образцовое и четкое выполнение ответственного задания Правительства по перевозкам СНК Союза ССР и ЦК ВКП/б/ объявили благодарность начальнику УНКВД по Дальне-Восточному краю тов. Люшкову Г.С., всему коллективу сотрудников УНКВД Дальне-Восточного края и работникам Дальне-Восточной железной дороги, участвовавших в выполнении этого задания”.

Н.Б. На основе названного постановления СНК СССР переселению подлежали сначала только 74500 корейцев. Спустя месяц, 7 октября 1937 года, появилось новое постановление СНК СССР № 1772-388 СС “О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из ДВК” /Дальневосточного края/. Проводилась своеобразная окончательная “зачистка” региона от корейского населения. На втором этапе оставшиеся корейцы переселялись также в Казахскую и Узбекскую ССР. Число этих семей превышало 36000, из них в Казахскую ССР направлялись 20100 семей, в Узбекскую — 16000 семей. Всего было на запад — 171781 гражданин корейской национальности и 8000 китайцев. Окончательные итоги переселения корейцев были подведены в письме на имя председателя СНК СССР В. Молотова: “Совершенно секретно Председателю СНК СССР тов. Молотову В.М.”

25 октября 1937 года выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36442 семьи — 171781 человек. Остались на ДВК, Камчатке, Охотске спец-переселенцы всего до 700 человек, которые будут вывезены сборным эшелонам к 1 ноября с.г.

Корейцы распределены в Узбекской ССР — 16272 семьи, 76525 человек. В Казахской ССР — 20170 семей — 95256 человек. Прибыли и разгружены на местах 76 эшелонов, в пути 48 эшелонов.

НКПС с перевозками справился вполне удовлетворительно, эшелоны за малым исключением шли и идут по графику, некоторые недоразумения были в местах разгрузки, по вине принимающих организаций /СНК Казахской и

Узбекской ССР/, которые не везде успели подготовиться к приему переселенных.

Состояние работ в КССР и УССР по размещению и хозяйственному освоению переселенцев явно неудовлетворительное и угрожает последние партии переселенцев поставить в весьма тяжелое положение.

Необходимо в работу переселенцев включить Госплан и Союзные наркоматы, которым поручить обеспечить переселенцев: наркомзему — землеустройством, ирригацией, организацией МТС, наркомпросу — организацией корейской школьной сети, наркомвнуторгу — организацией торговой сети в районах вселения.

*Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
генеральный комиссар госбезопасности*

Н.Ежов

29 октября 1937 года"

Х.В. Реакция правительства Японии на переселение корейцев была отрицательной. Японское правительство требовало четко объяснить мотивы правительства СССР. 13 ноября 1937 года посольство Японии в Москве выразило протест Советам против переселения корейцев...

Н.Б. Переселением корейцев из районов Дальнего Востока депортация корейцев не закончилась. В документах НКВД-МВД СССР имеются сведения о переселении корейцев, проживавших дисперсно по другим районам страны. Приведу частично один из них: "Совершенно секретно. ПРИКАЗ Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР за 1940 год г. Москва.

В соответствии с решением правительства на НКВД СССР возложено переселение из гор. Мурманска и Мурманской области в Карело-Финскую ССР и Алтайский край 3215 хозяйств — 8617 чел., граждан инациональностей.

Приказываю:

1. Начальнику управления НКВД по Мурманской области майору госбезопасности тов. Ручкину:

а/ в 5-дневный срок, начиная с 25 июня, объявить всем подлежащим переселению о дне их переселения в новые места жительства и порядке переселения. Предоставить всем выселяемым 10-дневный срок для реализации имущества, согласно прилагаемой инструкции;

б/ переселение начать 5-го июля 1940 г. с расчетом погрузки ежедневно 2-х эшелонов и окончания всей операции 10-го июля 1940 года...

г/ переселить в Алтайский край 675 семейств в составе 1743 немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев и других для расселения по следующим регионам: в Локревский район — 326 хозяйств, Змеиногорский — 150, Курчинский — 199 хозяйств.

2. Для оказания управлению МВД по Мурманской области практической помощи в проведении операции по переселению командировать на место 15 оперативных работников НКВД под руководством помощника начальника следственной части ГЭУ ст. лейтенанта госбезопасности тов. Иткина. Выделенным товарищам выехать в Мурманск 24 июня 1940 года...

5. Тов. Чернышову и Кобулову проследить за выполнением настоящего приказа и о ходе операции докладывать.

*Народный комиссар внутренних дел
Комиссар госбезопасности 1 ранга Л.Берия"*

В конце декабря 1941 года в Акмолинскую область прибыли спецпереселенцы из Астрахани, "среди них русские и корейцы, 1833 человек", "затем к ним присоединилось незначительное число корейцев, прибывших из других регионов страны".

Первоначально на корейцев не распространяли статус “спецпоселенцев”... 11 января 1945 года начальник Отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецов обратился к начальнику НКВД Казахской ССР Н. К. Богданову с просьбой “высказать мнение о целесообразности взятия на учет в качестве “спецпоселенцев” корейцев, переселенных в 1937 г. с Дальнего Востока”.

В результате неоднократного рассмотрения вопроса был издан приказ Наркома внутренних дел СССР от 2 июля 1945 г., согласно которому советские корейцы были взяты на учет как “спецпоселенцы”. Все меры по усилению режима на местах проживания впредь распространялись и на них.

Сразу же началась и работа по переселению всех остальных корейцев, где бы они ни проживали на территории Российской Федерации, в район Казахстана и Средней Азии...

10 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны /ГКО/ принял постановление № 1123, согласно которому было демобилизовано из армии 400 тыс. человек; в число их входило около 20 тыс. представителей различных национальностей, кроме русских /китайцы, корейцы, болгары, греки, калмыки, крымские татары/. Они были размещены в системе ГУЛАГа в отдельных лагерных пунктах, обнесенных проволочными заграждениями и обеспеченных охраной.

В сентябре 1945 г. начальник проверочно-фильтрационных пунктов получил указание Отдела проверочно-фильтрационных лагерей /ПФЛ/ НКВД СССР всех калмыков, чеченцев, карачаевцев и балкарцев, тех, которые пребывали в лагерях, расположенных в Европейской части РСФСР, перевести в лагеря по месту, определенному для проживания соответствующих народов. Если исходить из указания Берии от 2 июля 1945 г. о взятии корейцев на учет в качестве “спецпоселенцев”, не исключено, что под эту меру попадали и корейцы, находившиеся в лагерях, расположенных на Европейской части РСФСР... К концу 1945 г. все корейское население страны было сконцентрировано в Казахстане и в районах республик Средней Азии...

Х.В. Каким же образом оценить это пренебрежительное отношение к народам, национальным меньшинствам, к их конституционным правам? Осень 1973 года оказалась весьма тяжелой для корейского народа.

Н.Б. Разумеется, эти акции носили варварский характер. Депортация наносила ущерб народам и хозяйству тех районов, где они проживали. Утрачивались многие трудовые навыки, наносился удар по культуре народов. Как материальный, так и духовный ущерб понесло корейское население. Среди этих утрат — разрушение сложившейся в Приморском крае территориальной общности советского корейского народа, лишение привычной для приморцев бытовой, хозяйственной, культурной и образовательной среды, вымывание родного корейского языка, разрушение всей налаженной системы образования. Лишь в 50-е годы корейцев уравнивали в правах с гражданами СССР. Почти 400000 корейцев проживает теперь в областях Казахстана, Узбекистана и на Дальнем Востоке, и остается еще множество нерешенных проблем устройства жизни корейского народа на территории СНГ.

“Дружба народов”, 1992, № 7, с. 218-224.

Всесоюзная ассоциация советских корейцев — ВАСК была создана чуть больше года назад в Москве.

Сегодня в СССР проживают 440 тысяч корейцев. География расселения — чаще всего принудительного — самая причудливая. В Узбекистане — 200 тысяч, Казахстан стал родиной более чем 100 тысяч. В Кыргызстане и Таджикистане — по 15 тысяч. Корейцы живут на Украине и Северном Кавказе, в Белоруссии и Эстонии. В Российской Федерации корейцы обжили Хабаровский край, много их во Владивостоке, Красноярске и Свердловске. Корейцев-москвичей сегодня 5 тысяч.

В годы сталинизма корейцы стали чуть ли не первой нацией в СССР, подвергшейся репрессиям. Сначала в 35-м расформировали национальные полки в составе Особой дальневосточной армии, а их командиры — герои гражданской войны в Приморье — были брошены в тюрьмы. В 37-м они были переселены в районы Средней Азии и Казахстана. Одна часть корейского народа была сгноена в лагерях, другая — погибла как нация в условиях спецпоселений. За годы репрессий корейский народ потерял более 400 школ, институты, библиотеки, газеты, журналы, типографии. Распыление корейцев по стране привело к утрате традиций и языка.

Президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев профессор МГУ Михаил Пак отвечает на вопросы корреспондента "ИГ" Нат. Пачегиной.

— Если не ошибаюсь, большинству советских людей о наших корейцах известно лишь по эпизоду в романе Фадеева "Разгром", где складывается драматический треугольник: крестьянин-кореец, партизанский командир Левинсон и свинья, послужившая делу революции.

— Да, у меня на столе вы видите книги о судьбе корейского народа в нашей стране. Все они изданы за рубежом.

— Какие задачи вам кажутся первоочередными в процессе национального возрождения советских корейцев?

— Мы не настолько наивны, чтобы не понимать: национальный кризис так глубок, что потребуются усилия не одного поколения корейцев, чтобы вдохнуть жизнь в наши умирающие культуру, традиции, язык. В связи с этим руководством ВАСК разработана конкретная программа решения первоочередной, как представляется, задачи: возрождения и развития национальной культуры и языка. Тут возникает множество проблем, например, финансирование долгосрочных программ национально-культурного возрождения со стороны Центра и республик, где проживают советские корейцы. Сюда входит издание книг, газет, журналов на корейском языке, развитие национального театра, подготовка учительских кадров, национальной интеллигенции, создание детских садов, где дети будут развиваться в родной языковой среде. Важна здесь и роль культурных связей советских корейцев с нашей прародиной.

— Как, кстати, складываются отношения советских корейцев и ВАСК с обеими Кореями?

— Изменение обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе благоприятствует, на мой взгляд, национальному возрождению советских корейцев. Приветствуя переговоры между Севером и Югом, мы желаем национального воссоединения Кореи. Однако ВАСК не считает возможным пропаганду или иную поддержку позиции одной из сторон. Мы за дружбу и сотрудничество с обеими ныне существующими корейскими государствами.

— Можно ли говорить, что существует проблема эмиграции среди советских корейцев?

— Нет, если немцы могут рассчитывать на прием в объединенной Германии, то мы настолько утратили язык, национальные традиции, что об эмигра-

ции говорить не приходится. А главное, корейцы считают эту землю своей родиной: они, как и другие народы нашей страны, разделили ее горькую судьбу. Мне кажется, мы вправе считать эту страну своей родиной. Другое дело, что растет тяга советских корейцев к возвращению в исконно родные места — Хабаровский край и Приморье. Одной из задач ВАСК должна стать организация в государственном масштабе переселения корейцев на Дальний Восток. Мы должны создать сбербанк для финансирования миграционных процессов среди корейцев — ведь для национального возрождения важно компактное расселение, значит, встанут вопросы создания необходимой социальной инфраструктуры.

— Сегодня в СССР не счесть очагов межнациональной розни. Как чувствуют себя корейцы в союзных республиках?

— Очень неуютно. События в Оше, трагедия турков месхетинцев, судя по сообщениям республиканских отделений ВАСК, вызывают озабоченность у корейского населения. До меня дошли мрачные стишки, сложенные не так давно в Таджикистане: “Русских — в гробы, а корейцев — в рабы”... Сегодня тревожно и на Северном Кавказе...

“Независимая газета” 17 августа 1991 г.

КУРДЫ

По данным переписи 1979 года, в СССР было 116 тысяч курдов и жили они в разбросе по десяти республикам. При следующей переписи, спустя десять лет, количество курдов почти удвоилось. Что это — демографический взрыв? Скорее, обратный ход ассимиляции, если, конечно, допустимо столь парадоксальное выражение. В изменившейся политической обстановке многие люди в нашей стране сочли возможным объявить о своей подлинной национальности... Летом 1990 года состоялся первый съезд советских курдов, принята программа возрождения народа.

“Независимая газета” 25 апр. 1991 г.

* * *

Курдский народ — граждане бывшего СССР — рассеян сегодня на территории 10 бывших союзных республик. Над ним нависла реальная угроза распада духовного единства, утрата языка, национальных традиций и культуры, прекращения существования как самостоятельной нации.

Т.М. Броев

*“Голос курда”, газета Центра
курдской культуры. Москва. дек. 1991 г.*

* * *

Курды скитаются по стране в поисках пристанища. В Краснодарском крае им отказывают в прописке. Поселившихся там курдов казаки изгоняют из сел и городов...

“Голос курда”, №№ 5-6 1992 г.

* * *

“После взятия армянами Лачина и разблокирования 7-километрового коридора между Карабахом и Арменией в тени осталось другое событие: как в воду канули 7,5 тыс. курдов из Лачина и его окрестностей.

Слухи самые невероятные. И что они ушли в горы, создав там партизанский отряд. И что пробиваются к границе с Турцией. И, наконец, им приписывается тайный договор с Арменией...

"Ты не думай,— потом мне говорил известный в Армении правозащитник Паруйр Айрикан, с которым я приехал в Лачин,— что мы выгнали отсюда курдов. Они сами ушли. Захотят — пусть возвращаются".

"А мое мнение,— вставил комедант города, который отказался представляться,— чтобы здесь не было ни одного турка".

Трагедия курдов в том, что они оказались между двух огней — между армянами и азербайджанцами. Каждая из сторон пытается использовать курдов в своих интересах. Армяне поддерживают стремление к восстановлению "Красного Курдистана", существовавшего с 1923 по 1930 год, поскольку им это выгодно: под присмотром остается "коридор" с Карабахом, который неизбежно закроется с возвращением сюда азербайджанцев.

"Нам надо готовиться к победе,— считает Уякиль Мустафасв, зампред курдской организации "Якбун".— Мы сейчас собираем добровольцев из 9 республик СНГ, чтобы отвоевать у азербайджанцев остальные земли — Кельбаджар, Зангелан, Кобетлю и восстановить курдскую государственность".

Однако это движение наотрез отказался возглавить лидер "Якбуна" Мухаммед Бабаев. Он мне сказал, что азербайджанцы и курды — братья. И он сделает все, чтобы не пролилась кровь.

Два этих взаимоисключающих взгляда — свидетельства раскола внутри курдского движения. И поэтому "тайна" Лачина выгодна всем. И азербайджанцам, которые надеются использовать курдов в борьбе против армян. И армянам, готовым поселить в пустой город кого угодно, только не "турок". Вот и вскрывается очевидная вещь: никто и ни о чем с курдами накануне взятия Лачина не договаривался. Армянами был открыт полномасштабный огонь по всем правилам войны. Люди бежали из города, оставив все. Бежали в другие курдские села, подальше от линии фронта...

От азербайджанцев, хотя они и считаются братьями, курды прячутся по селам и горам, только бы не воевать с армянами. А в Армении шагу свободно не ступишь. Всюду спрашивают: "Ты кто? Откуда?" Наверное, это единственная республика, где неармянин вызывает подозрительный интерес.

Может, поэтому армяне предложили курдам-езидам поселить в Лачине курдов из Казахстана и Средней Азии. "И армянам это выгодно,— говорит один из руководителей езидского движения Тоосын Рашид,— и курды хотят воссоединиться".

В 1990 году был основан многострадальный поселок Ходжалы, куда были поселены беженцы азербайджанцы из Армении и турки-месхетинцы из Узбекистана. Оказавшись в роли победителей, армяне эту же участь предлагают курдам.

"У нас другого выхода нет,— считает Уякиль Мустафасв,— я уже ездил в Карабах, там не возражают, чтобы первые добровольцы из Казахстана и Узбекистана перебрались в Лачин. Это для нас шанс не потеряться как народу".

Мне же вспоминаются другие карабахцы. Те, что на меня кричали "Турок!", а потом пошли из одного лачинского дома в другой в поисках чего-нибудь, что могло бы пригодиться в хозяйстве.

*Сулейман АЛИ,
сирийский журналист*

"Московские новости" 7 июня 1992 г.

ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ

...Сколько же нас, ингерманландцев, было, сколько осталось? По переписи населения 1897 года в Санкт-Петербургской губернии финно-язычное население насчитывало 210 тысяч человек. Сюда входили и финны из Финляндии, проживающие в Петербурге и его пригородах, эстонцы, ижоры и воль. По переписи 1926 года 153 тысячи человек назвали финский язык в качестве родного. После упразднения автономии, выселений, войн, ассимиляции в 1959 году финнов у нас — в стране! — насчитывалось 92 тысячи. По переписи 1979 года — 77 тысяч, однако неизвестно для скольких из них финский язык оставался языком живого общения.

Почти два послереволюционных десятилетия были периодом активного развития ингерманландских финнов, оказавшихся уже с 30-х годов жертвами нескольких волн сталинских репрессий и поставленных на грань национальной катастрофы. Коллективизация стоила финнам-ингерманландцам около 18 тысяч выселенных. В 1932-1934 годах более 10 тысяч финнов оказались поголовно выселенными из приграничных районов с Финляндией. В 1937-1938 годах ингерманландцы почти полностью потеряли национальную интеллигенцию. Было закрыто все служившее основой финской культуры в Ленинградской области: национальные школы, техникумы, отделение в институте им. Герцена в Ленинграде, дома культуры, газеты, издательства, прекратились радиопередачи на финском языке, были закрыты все церкви. В 1942 году та часть ингерманландских финнов, которая оказалась в блокаде /около 25 тысяч человек/, в качестве спецпереселенцев в течение суток была вывезена по Дороге жизни в Сибирь. В 1943 году с оккупированной территории Ленинградской области 63 тысячи финнов германскими и финляндскими властями были вывезены в Финляндию. В конце 1944 года, после подписания перемирия, 55 тысяч возвратилось в СССР. Несколькими тысячами бежало в Швецию. Часть осталась в Финляндии. Вернувшиеся не получили обещанного им разрешения поселиться в родных деревнях — это было преимущественно сельское население. Из Финляндии их увозили домой, но привозили в Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Ярославскую, Калининскую области. Все, кто по смерти "отца народов" пытался поселиться на родине, получали отказ.

Многих принимала Карелия, другие сумели обосноваться в Эстонии. Ко времени, когда финны получили разрешение на прописку в Ленинградской области, их дома либо не сохранились, либо в них жили новые переселенцы. Для них новоявленные исконные жители были не больше, чем "эмигранты из Финляндии". Из 23 тысяч финнов, живущих ныне в Ленинградской области, лишь немногие сумели поселиться там, откуда ушли. В настоящее время примерно по 20 тысяч ингерманландцев-финнов живет в Эстонии и Карелии...

*Тойво ФЛИНК. Воспоминания.
Журнал "Север" 1990, N. 2. С. 129-132.*

ПОЛЯКИ

И.В.Сталину

17 июня 1945 г.

В лагерях и тюрьмах НКВД СССР находится всего польских граждан — 25047 чел.; в лагерях интернированных — 12280 чел.; в ПФЛ — 9185 чел.; в лагерях ГУЛАГа — 2285 чел.; во фронтовых лагерях и тюрьмах — 1297 чел.

Кроме того в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются военнопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких

частей, — 3273 чел. и в рабочих батальонах, находящихся в УССР, из числа мобилизованных в немецкой Силезии немцев, которые считают себя поляками, — 7202 чел. ...

Л. Берия

*"Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:
"Их надо депортировать..."*. Сб. документов.
М., 1992. с. 217

РЕШЕНИЕ О РАССТРЕЛЕ ПРИНИМАЛОСЬ В ЦК

Главный государственный архивист Российской Федерации Рудольф Пихоя 14 октября привез в Варшаву документы, касающиеся российско-польских отношений.

Под грифом "совершенно секретно", "особая папка", "справок не давать" — анатомия страшного преступления. Чего стоит только одна "бумага" на бланке "Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет" с решением от 5 марта 1940 года "Рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела". Так решилась судьба 21 тысячи 857 польских военнопленных и гражданских лиц, которые попали в лагерь на территории бывшего СССР после 17 сентября 1939 года — даты вторжения в Польшу, которое официально называлось освободительной миссией Красной Армии в Западной Украине и Белоруссии.

Еще один документ — записка Берии в ЦК ВКП(б) "Товарищу Сталину. О польских военнопленных, дела которых предлагается рассмотреть в том самом "особом" порядке"... На машинописном тексте первой странички одобрительные подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, а на полях — протокольная формальность: "т. Калинин — за, т. Каганович — за".

Интересен один документ, датированный мартом 1959 года: записка Н. Хрущеву, в которой тогдашний шеф КГБ А. Шелепин замечает, что персональные дела расстрелянных поляков не представляют "никакой оперативной и исторической ценности", и сомневается, что они могут иметь какую-то действительную ценность для польских друзей. Поэтому прилагается проект постановления ЦК КПСС о ликвидации этих дел.

За эти полвека на Западе вышли десятки документальных книг, разоблачающих катыньское преступление НКВД. Однако официальное мнение руководства ПНР долго оставалось созвучным с "кремлевской версией". И только в марте 1988 года впервые в истории народной Польши в сейме была поднята тема Катыни. Тогда был сделан депутатский запрос министру иностранных дел ПНР, где говорилось, что "выяснение подлинных обстоятельств злодейского убийства тысяч польских офицеров послужит укреплению взаимной дружбы и доверия между польским и советским народами".

Валерий Мастеров, сборок "МН", Варшава "Московские новости" 25 октября 1992 г.

***

В Калининградской области создано польское национальное образование.

"Московские новости" 29 марта 1992 г.

НЕМЦЫ

Пожелтевший от времени с обтрепанными краями листок с детской песенкой на немецком языке — а на обороте детскими каракулями старательно выведено: *"1942 г 12 декабря взяли моего папа в Трут Арми Приехал дамой 1943 24 Май болел 4 месяца потом умер 26 Август 1943*

1943 г. 9 декабря собрала мой мама в Трут Арми Приехал потом сабо-дела умерла 1945 года 7 января. Дамм Гертруд".

Всему миру известен дневник Анны Франк, повествующий об уничтожении гитлеровскими фашистами еврейской семьи, — об организации массовой гибели советских граждан, преследуемых за национальную принадлежность, пока неизвестно не то что миру — бывшей Стране Советов.

* * *

...События последнего года, особенно геноцид в Ингушетии лишний раз показал, что российское руководство не может, да и не желает решать коренные проблемы наиболее обездоленных национальных групп. Так, вопреки Закону о реабилитации репрессированных народов, а также Указу Президента России от 21 февраля 1992 года, ничего не сделано для реального восстановления государственности российских немцев. Фактически игнорируется и совместный протокол правительства России и Германии от 10 июля 1992 года о поэтапном воссоздании республики немцев на Волге...

В этих условиях у российских немцев нет ни малейших оснований полагаться на чьи-либо заверения о готовности властей к восстановлению нашей государственности...

Отсутствие осязаемого прогресса в регулировании межнациональных проблем, взаимоотношений между центром и регионами подрывает единство Российского государства, все более усиливая сепаратистские тенденции. Они, однако, объективно ограничены невозможностью резкой переориентации сложившихся экономических связей. В этих условиях будущее отдельных регионов и этносов, как и Федерации в целом во многом зависит от экономической политики центральных властей.

...Насколько достижима основная цель нашего движения — обеспечение этнического самосохранения? Определенной гарантией ее реализации могло бы стать лишь незамедлительное и реальное восстановление республики на Волге. Поскольку шансов на это практически нет, то и этническое самосохранение остающихся на территории бывшего СССР российских немцев становится крайне проблематичным. При дисперсном расселении никакие культурные центры, кто бы их не создавал, не предотвратят все более ускоренной ассимиляции. Места компактного проживания — вот наша последняя надежда на этническое самосохранение на этой земле...

*Из содоклада зам. председателя МГСН В.Дизендорфа
на III Съезде немцев бывшего СССР.
Москва 26.02.1993 г.*

НА РЕЙНЕ НЕ ВЕРЯТ В РЕСПУБЛИКУ НА ВОЛГЕ

В прошлом году из России в Германию переселились 195 тысяч российских немцев. С 1987 года бундесбюргерами стали полмиллиона наших бывших соотечественников. На чемоданах сидят 90 процентов из почти двух миллионов остающихся немцев.

Двери для них в Германию по-прежнему открыты. Пусть не так широко, как хотелось бы кандидатам в граждане ФРГ, но открыты. Наших здесь все так же радушно принимают, обустроивают. Работу, правда, каждый должен искать сам, что не так просто при трех с лишним миллионах незанятых "коренных" и восточных немцев. Кто-то находит, кто-то нет.

Заветной мечтой Бонна, однако, было бы прекращение этого нескончаемого потока переселенцев. Причин тому немало, а главная — экономические сложности в стране. Поэтому в свое время с таким оптимизмом была встречена идея Поволжской немецкой республики. Помню, в какой эйфории пребывал в ноябре 1991 года канцлер Коль после встречи с президентом Ельциным, когда "друг Борис" пообещал восстановить историческую справедливость и разрешить немцам вернуться на Волгу. И хотя лидеры российских немцев предупреждали, что под "возвращением на родину" их народ понимает отъезд не на Волгу, а на Рейн, иллюзии сохранялись. "Ведь президент Ельцин дал слово!" — парировал мои сомнения один из боннских правительственных чиновников.

Завершившийся на днях в Москве 3-й конгресс российских немцев, кажется, вернул на "грешную землю" даже профессионального оптимиста Хорста Ваффеншмидта — официального уполномоченного федерального правительства по делам российских немцев. Не помогла и новая инициатива Москвы образовывать некий "национальный совет немцев" для решения вопроса об их автономии. "Какой смысл в правительстве без территории", — заявил в сердцах Ваффеншмидт.

Официально никто в Бонне, конечно, не признается, что планы создания Поволжской немецкой республики похоронены. Это следует, однако, из настойчивых рекомендаций обратиться более пристальное внимание на "успех" немецких округов и поселений в Омской области и на Алтае, призывов подержать их опыт на местах будущего компактного проживания немцев в Санкт-Петербурге и Пскове. 250 миллионов марок заложено в федеральном бюджете на нынешний год на помощь российским немцам. Львиная доля из них, судя по всему, пойдет именно на финансирование таких проектов. Цель правительства ФРГ все та же: содействовать созданию условий, чтобы хотя бы часть немцев отказалась от выезда из России. Что же касается остальных, то им придется ждать своей очереди. Сейчас уже подано 600 тысяч заявок. Пропускная способность федеральных властей — 200 тысяч человек в год. Значит ли это, что через десять лет в России не останется ни одного русского немца? Или новый курс Бонна все же принесет положительные плоды?

БОНН

*Валентин Запелалов, соб. корр. "ЛГ"
"Литературная газета" 11 марта 1993г.*

Анатолий МАЙЕР

Проснись, Россия!

Россия-родина, проснись!
Открой же сонные ресницы,
С полей твоих унылых птицы
Летят, куда ни оглянись.
Твои сыны, Россия-мать,
Так и не ставшие сынами,
Не остаются больше с нами,
Тебе уже их не обнять.

Не наградить их поздней лаской
И не сказать им добрых слов —
Открыты двери, снят засов
И все, что было, страшной сказкой
Они у дальних берегов
Не Волги-матушки, а Рейна
Передают по поколениям
Слезами горькими без слов.
Проснись, Россия! Хватит спать.
Внемли словам мольбы. Утрата
Уж велика. И брат на брата
Готов здесь снова воевать.
Здесь снова правят лихоборы,
Мздоимцы, подлецы, лгуны,
Они всевластием пьяны,
А кто-то новой ждет "Авроры".
Проснись, Россия — мать добра!
Открой же сонные ресницы,
Не дай несчастью случиться.
Уже давно пришла пора
Остановить виток гонений
И в ладно вьющуюся нить
Народы все объединить
Па благо новых поколений!

КАРАЧАЕВЦЫ

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

25 июля 1992 г. в г. Карачаевске прошло 5-е заседание Чрезвычайного съезда карачаевского народа. Среди делегатов были представители и ВС РФ, и ряда республик. Присутствовал во главе большой делегации и Президент Чеченского государства Джохар Дудаев. Официальные органы власти (Хубиев В., Савельев В.) не только не принимали участие, но всячески препятствовали проведению этого форума. Более того, нарушив вековой обычай гостеприимства, они попытались не пустить Д.Дудаева в наш край. Когда это им не удалось, они на следующий день направили ходоков (стариков Урусова А. и Кубанова А.) к Дудаеву, чтобы уговорить его уехать.

Выступающие на съезде говорили, что ВС РФ не выполняет собственные законы, в частности, Закон "О реабилитации репрессированных народов". Карачаевский народ долго и терпеливо ждет восстановления своей государственности, но похоже, что не дожидется. ВС РФ, да и президент Ельцин по пути демократии делают шаг вперед и два шага назад. Иначе как понять отзыв Президентом своего законопроекта о восстановлении карачаевской автономной области? Тиран Сталин в 1943 г. выселил карачаевцев, отобрал их государственность, а демократ Ельцин не возвращает отобранное, не восстанавливает историческую справедливость. Что остается делать карачаевскому народу? Последний шаг, последняя надежда — Конституционный суд РФ. Но если и Конституционный суд не решит этот вопрос, то карачаевский народ, полностью разуверившись добиться справедливости от высших властей России, изберет другой путь. Об этом говорили все выступившие на съезде.

Дорогие братья и сестры!

Ваш Чрезвычайный съезд проходит в сложной обстановке общественно-политических процессов, происходящих в стране и особенно на Кавказе.

Естественное желание народов обрести свободу и независимость встречает яростное сопротивление имперских кругов России и их сателлитов на местах.

Однако осознанное стремление народов к свободе непреодолимо, и яркое доказательство тому — ваш высокий форум. Нам, чеченцам, вашим братьям по общей судьбе, памятни и близки чаяния карачаевского народа, вставшего на путь национального возрождения.

Нас связывают многовековое добрососедство, единая вера и общность исторической судьбы. В годы сталинских репрессий наши народы проявили солидарность, мужество и непокорность. И сейчас, в наше бурное время, как и прежде, мы протягиваем вам руку братства и готовы оказать любую помощь и поддержку в общей справедливой борьбе за долгожданную свободу и независимость.

Чеченский народ и я, как Президент независимого чеченского государства, просим Великого Аллаха ниспослать нашим братьям карачаевцам свою безмерную милость, благословить стремления к свободе и независимости.

Президент Чеченской республики

Джохар ДУДАЕВ

Из выступления 25 июля 1992 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

*5-го заседания Чрезвычайного съезда карачаевского народа
от 25 июля 1992 г.*

Заслушав и обсудив доклад председателя Общенационального Совета Карачая (ОНСК) Батчаева Б.С. "О восстановлении национально-государственного образования карачаевского народа", участники Чрезвычайного съезда констатируют, что реализация закона "О реабилитации репрессированных народов" от 26 апреля 1991 года с помощью политических интриг фактически заблокирована. О его неудовлетворительной реализации указывалось и в Постановлении Совета Национальностей ВС РФ от 10 июня 1992 года.

Особую тревогу и обеспокоенность делегатов съезда вызывает то обстоятельство, что многие должностные лица, занимающие ответственные посты в госаппарате Российской Федерации и Карачаево-Черкесии, либо относятся к Закону "О реабилитации репрессированных народов" безразлично, либо активно прибегая к незаконным приемам, противодействуют его осуществлению. Достаточно отметить, что ни одна статья этого закона не реализована по отношению к карачаевскому народу, хотя установленные сроки его реализации истекли в 1991 году.

Во многом это — "заслуга" правительственной комиссии, возглавляемой Министром юстиции РФ Федоровым Н.В., и членов ее: и.о. главы администрации Карачаево-Черкесии Хубиева В.И. и народного депутата РФ Урусова А.Г.

Но терпение народа не беспредельно. Он требует лишь восстановления исторической справедливости и в дальнейшем не намерен сносить аппаратные игры и всевозможные политические интриги, преследующие цель в очередной,

третий по счету раз лишить карачаевский народ его национально-государственного образования.

Стабильность межнациональных отношений может быть обеспечена только на путях восстановления исторической справедливости, взаимоуважения и признания прав народов, строгого и безусловного соблюдения международных актов и законов Российской Федерации. Всякий другой путь ведет в тупик.

Чрезвычайный съезд карачаевского народа, собравшийся в переломный период Российской Федерации, постановляет:

1. ОНСК мобилизовать усилия Карачаевского народа, всех демократических сил Карачая и направить их на устранение незаконно и искусственно чинимых препятствий местной номенклатурой, отдельными руководителями органов власти и управления Российской Федерации на пути восстановления национально-государственного образования карачаевского народа...

2. Поручить ОНСК в строгом соответствии с государственными и международными правовыми актами разработать проект нормативно-правового документа, гарантирующего права казачества на территории Карачая.

3. Осудить деструктивную и антиреабилитационную деятельность руководства Карачаево-Черкесии и отдельных руководителей центральных органов власти и управления. Предупредить, что вся ответственность за негативные последствия ляжет на них.

4. Бойкотировать выборы в Верховный Совет Карачаево-Черкесии и другие антиреабилитационные мероприятия, направленные на искусственное, противозаконное создание единой КЧССР.

5. В связи с противоречивостью Указа Президента Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года, а также блокированием должностными лицами Карачаево-Черкесии Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" в части восстановления национально-государственного образования карачаевского народа со ссылкой на результаты сфабрикованного, не порождающего правовых последствий, опроса населения всей Карачаево-Черкесии, поручить ОНСК обратиться к Конституционный суд РФ с заявлением о признании образования Карачаево-Черкесской автономной области в соответствии с п.2 Указа ПВС СССР от 9 января 1957 года, а также действий областной и федеральной номенклатуры, направленные на сохранение единой Карачаево-Черкесии, антиконституционными.

6. Поручить ОНСК в случае необходимости представить в ООН соответствующие материалы, свидетельствующие о грубом нарушении руководством Карачаево-Черкесии Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, закрепляющего права народов на самоопределение, свободное установление своего политического статуса.

7. Осудить попытки и.о. главы администрации Карачаево-Черкесии Хубиева В.И., направленные на воспрепятствование реализации суверенного права балкарского народа по определению своего политического статуса.

8. Поручить ОНСК разработать нормативную базу по организации и проведению выборов в органы государственной власти Республики Карачай.

9. Учредить временный флаг Республики Карачай.

Резолюция принята единогласно.

*Председатель Чрезвычайного съезда карачаевского народа
И.Х.Байрамуков*

* * *

Чтобы окончательно заблокировать восстановление национально-государственного образования карачаевского народа, руководство Карачаево-Черкесии решило прибегнуть к еще одной уловке: "узаконить наряду с карачевцами и

черкесами в качестве субъектообразующих народов республики абазинов, ногайцев и русских.” Расчет прост. В результате проведения такой правовой акции территория карачаевцев “расщепляется” на территориальные единицы “субъектообразующих народов”, которые будут вправе ставить вопрос о своем “политическом статусе”. Да и в Верховном Совете КЧССР они будут мощным противовесом карачаевцам, ибо их облагодетельствовало руководство республики. В итоге карачаевский народ начисто лишается возможности вернуть себе свою государственность. Поэтому не случайно появилось заявление атамана г. Усть-Джегуты М. Буткова: “Если республику — карачаевцам, то республику и черкесам, республику — абазинам, республику — ногайцам и республику — казакам” (“Вестник Кавказа”, 1992, май).

Здесь преднамеренно смещены все акценты, а проблема субъектообразующих народов вульгаризирована. Если руководствоваться подобной “концепцией”, то национальные республики, входящие в состав Российской Федерации, не вправе быть таковыми, ибо они многонациональны по своему населению. Причем во многих из них народы, давшие имя республикам, даже не составляют большинства населения. Так давайте в таком случае отменим их наименования и превратим иноязычные в субъектообразующие народы этих республик. Вот до какого абсурда можно прийти в своих эгоистических амбициях.

Но это игра с огнем. И руководство Карачаево-Черкесии явно пренебрегает мудрой пословицей: “Кто посеет ветер, тот пожнет бурю”. Своими номенклатурными играми оно дестабилизирует внутривнутриполитическую обстановку в республике и неизбежно нагнетает межнациональную напряженность, последствия которой непредсказуемы.

КАЛМЫКИ

Антон РОМАНОВ

*Из выступления на 3 съезде Конфедерации
репрессированных народов.*

Еще в июле 1991 года Верховный Совет и Правительство республики Калмыкия в соответствии со ст. 13 Закона “О реабилитации репрессированных народов” внесли в Верховный Совет и Правительство России проект Постановления “О мерах по восстановлению законных прав калмыцкого народа и граждан Калмыкии — Хальмг Тангч во исполнение Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. “О реабилитации репрессированных народов”.

Прошло 16 месяцев, но решения по этому вопросу федеральные власти не приняли. Видя, что ни один орган федеральной власти не собирается решать вопросы территориальной, политической, социальной и культурной реабилитации калмыцкого народа в целом, республика Хальмг Тангч попыталась решить поставленные вопросы по частям, но не нашла поддержки ни в Верховном Совете, ни в Правительстве Федерации. Все отшатывались от нас, как от прокаженных. Между тем, эти вопросы для Калмыкии и населения республики имеют важное жизненное значение.

Взять хотя бы проблему отгонных пастбищ. В существующих ныне границах Республики Калмыкия Хальмг Тангч наши соседи — Астраханская область и Дагестан — занимают 601 тыс. гектаров, где пасут скот, пашут землю и т.д. Астраханцы, получившие эту землю после депортации калмыков, встали на принцип: ни пяди земли они не вернут. Дагестан проявил понимание и уступил 31 тыс. га, но, увидев, что позиция астраханцев поддержана Федеральными

ми властями, прекратил с нами переговоры. Получается, что мы у себя дома не хозяева, где уж тут вести речь о возвращении двух районов Приволжское и Долбанское, общей довоенной площадью 700 тыс. га, которые Россия должна вернуть Калмыкии из Астраханской области согласно ей же принятому Закону.

Проблема невозвращенных Калмыкии двух районов для нас, да и для России, не столько территориальная, сколько ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ и, как следствие, экономическая. Что случилось бы, к примеру, если бы кому-нибудь взбрело в голову перекрыть течение Волги дамбой и отгородить ее от Каспия? Море высохло бы, как высох Арал. Нечто подобное происходит в результате неадекватности и некомпетентности федеральных властей с калмыцкой степью. Калмыки невозвращением этих двух районов перекрыли выход к Волге и ее дельте, оторвав, отрезав тем самым Черные земли Калмыкии от воды, пойменных лугов, лишив ее запаса кормов. До выселения калмыков скот на зиму перегоняли на Черные земли, весной возвращали в низовья Волги. Степь отдыхала, набирала силу, восстанавливалась. Теперь миллионы овец, сотни тысяч крупного рогатого скота и зимой и летом топчут пастбища. Степь уже не в силах выдержать такую нагрузку: истощилась плодородная почва, обнажилась земля, лишенная растительности, образовались песчаные барханы. Утверждают, что ветром наша пыль и песок переносится во Францию. Не знаю насчет берегов Сены, но что экологическую катастрофу Калмыкии ощущают на Ставрополье и в Ростовской области — это факт. Так ошибки в политике приводят к экологическим бедствиям, которые равно опасны всем живущим сегодня в стране и в мире — экологические нарушения не различают административных границ, равно губительны всем народам и нациям. Оттягивать или замораживать разрешение подобных недоразумений — значит затягивать гордиев узел межнациональных недоразумений, что, как известно, в конце концов приводит к мечу...

Как будто бы сегодня отказались от понятий “старший” и “младший”, но душе прежнего торжествуют понятия “сильный” и “слабый”. Нашей жизнью погоняют сила, произвол очередных администраторов, а не Закон, поэтому люди разочарованы и тает их вера в справедливость и верховенство права. Уже раздаются призывы к топору и вилам, а в ответ с берегов Волги грозят Карабахом. Пока мы не даем разгореться пожару. Пока! Но нельзя, недопустимо оттягивать решение этого вопроса до полной бесперспективности, и нельзя допустить, чтобы вску вину за содеянное не нами свалили на нас — как в Ингушетии.

Закон “О реабилитации репрессированных народов” остался в декларациях. Практически заморожены не только территориальные вопросы, но и все другие. У нас старики спрашивают: о чем там в Москве думают, ждут нашей смерти? Выселялись в декабре 1943 года 93 тыс. женщин, стариков, детей, взрослые сражались на фронте, но солдат в начале 1944 г. сняли с фронтов и с орденами, медалями отправили в лагеря за колючую проволоку. Их было 13-15 тысяч. Из всего этого количества непосредственно репрессированных лишь по признаку калмыцкой национальности в республике осталось в живых чуть более 28 тыс. человек. Надломлен генофонд народа. Калмыки по численности никак не могут достичь уровня переписи 1889 года царской России.

И в заключение. Верховные федеральные исполнительная и законодательная власти должны принципиально изменить свое отношение к реализации Закона о реабилитации репрессированных народов. Иначе нам бед не обобратятся... Очень надеемся, что ответственные за общее будущее народов России осознают всю важность наших проблем.

28 ноября 1992 г. Москва

ЧЕЧЕНЦЫ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

на имя секретаря ЦК ВКП/б/ Г.М.МАЛЕНКОВА

Июнь 1944 г.

Из 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав вновь созданной Грозненской обл., было выселено в Среднюю Азию 32110 хозяйств чеченцев и ингушей. По постановлению СНК СССР от 9 марта 1944 г. в указанные районы из Ставропольского края было переселено 6800 семей в сельские районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также было переселено 5892 хозяйства из Грозненской области, жителей г. Грозного; и всего до 15 мая в села, где проживали чеченцы и ингуши, было вселено 12692 семейства, за счет которых организованы 65 колхозов. Количество вселяемых составило 40% к числу выселенных. Оставались незаселенными 22 села, и 20 сел были заселены частично.

Предлагаю переселить в Грозненскую обл. до октября 1944 г. еще 5000 хозяйств из отдельных малоземельных районов Мордовской АССР, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Саратовской, Горьковской, Ярославской и других областей.

П.ЧЕПЛАКОВ

Партархив ЧИ ОК КПСС. Ф. 220.

Оп. 1. Д. 26. Л. 114

* * *

Заброшено 10 батальонов ВВ РФ с целью, как сказано в сопроводительных документах военных, "предотвращения возможных конфликтов в регионе". Между тем, служба нацбезопасности Чеченской республики отмечает "странную" концентрацию российский войск по всей границе с Чечней, в частности в Северной Осетии, Ставропольском крае, Дагестане.

"Независимая газета" 9 сент. 92 г.

* * *

Российские войска по-прежнему пребывают на чеченской земле. Танки и тяжелая бронетехника свидетельствуют о серьезных намерениях незваных гостей.

Из компетентных источников стало известно, что в Беслан продолжают поступать платформы с оперативно-тактическими ракетами "Скад".

Вновь назначенный глава администрации Северной Осетии и Ингушетии Сергей Шахрай избрал своей резиденцией Владикавказское Высшее общеобразовательное командное училище, охраняемое усиленными нарядами военных.

Тем временем чеченская сторона предпринимает активные действия к предотвращению военного конфликта с Россией.

"Чечен-пресс", 16 ноября 1992 г.

Дорогие сограждане!

Чеченская республика, по воле Всевышнего, вступает в 1993 год, во второй год своей независимости, свободной республикой. Нынешнему поколению граждан суверенного Чеченского государства выпала огромная честь и ответственность заложить основы независимости и свободы, процветания и прогресса во имя будущего Чечни и ее народа!

Мы переживаем тяжелые времена. Не все получается так, как хотелось бы. Но в главном, я уверен, мы с вами уже одержали победу — весь мир увидел решимость и непреклонность народа Чечни, его волю к свободной и независимой жизни. Осознание единства общегосударственной цели показывает высочайший уровень сознания граждан нашей республики.

На наших глазах рушится империя. Под ее обломками, к сожалению, гибнут тысячи ни в чем неповинных людей. Политическим словоблудием безответственные лидеры пытаются прикрыть свои преступные действия. Но народы видят истинных виновников этих преступлений, апологетов неоимпериализма под демократической личиной.

Народ Чечни свой выбор сделал! Цель определена. Наша дальнейшая задача — объединенными усилиями осуществить эту цель! Нам нужны выдержка, стойкость, терпение и вера, вера во Всевышнего, в свободное будущее Чеченского государства!

Я уверен в том, что у нас есть силы преодолеть любое препятствие на выбранном нами пути.

Желаю гражданам Чечни в новом 1993 году спокойствия и осуществления самых сокровенных желаний.

В добрый путь!

*Президент Чеченской Республики
Джохар ДУДАЕВ*

Чтобы выселить чеченцев, позвали казаков

В хуторе Тюльпанном Зимовниковского района триста дворов. Жителей — около 700. А количество чеченцев-переселенцев, которые пасут овец на отдаленных “точках”, ухаживают за другим скотом, достигло, по некоторым сведениям, двух тысяч.

Местный межнациональный конфликт в такой обстановке развивался по классическому сценарию: кого-то из коренных отстранили от работы, в нескольких крестьянских дворах загорались стога, двое “залетных” угнали трактор К-700 и сами скрылись на территории суверенной Чечни, откуда, как некогда с Дона, выдачи теперь нет.

Население Тюльпанного, вина во всех бедах чеченцев, образовало забастовочный комитет, обратилось за помощью к казакам. Военный совет правления казаков Области Войска Донского (есть, оказывается, такой орган в общественно-политической организации) отдал приказ или распоряжение направить в отдаленные районы Ростовской области (от Ростова больше 300 километров) тысячу миротворцев-казаков.

Тысяча не тысяча, а около трехсот “служивых” в шароварах с красными лампасами прибыли на хутор. Под их заслоном сход местных граждан постановил выселить из Тюльпанного “всех лиц кавказской национальности”.

Прокуратура опротестовала законность такого решения. Привлекать к ответственности за конкретные правонарушения надо конкретных лиц и не по

национальному признаку, всех чехом. Многие "кавказцы" живут и работают на донской земле по 30 и более лет. Почему должны страдать их семьи?

В конечном итоге, по соглашению сторон, решено ограничиться выселением из Тюльпанного девяти чеченских семей.

ЧП, казалось бы, даже не районного, а хуторского масштаба, но тем не менее оно вызвало на Дону озабоченность и тревогу. Локальных конфликтов такого рода становится все больше...

Можно согласиться с атаманом Области Войска Донского Калединым, что казаками двигало искреннее желание установить порядок и справедливость, но трудно поверить, что ни он, ни походный атаман Ратиев, возглавившие поход казаков-добровольцев, не понимали, что для этого на хутор в 300 дворов не требовался военный отряд в тысячу человек. Чеченцы, со своей стороны, тоже двинули, говорят, 400 "защитников".

Правоохранительными органами области на разных уровнях отмечено 25 незаконных "казачьих" приказов. Возбуждено 31 уголовное дело. Для администрации области и областного Совета народных депутатов события в Тюльпанном — еще один звонок, еще один повод задуматься...

Ростов-на-Дону

*Владимир ФОМИН, соб. корр. "ЛГ"
"Литературная газета" 10 февр. 1993 г.*

ИНГУШИ

ТЕЛЕГРАММА

Президенту России Б. Н. Ельцину
копия: Председателю Верховного Совета России Р. И. Хасбулатову
копия: Патриарху Москвы и Всея Руси Алексию II
копия: Муфтию мусульман СНГ
копия: Министру обороны СНГ маршалу Е. И. Шапошникову

Над ингушским народом нависла смертельная угроза в связи с тем, что руководством и националистами Северной Осетии в обход действующим законам России ведется широкомасштабная кампания милитаризации осетинского населения.

В дополнение к ранее приобретенным десяткам БТР 8 января с.г. командованием Северо-Кавказского военного округа осетинской гвардии переданы 60 тысяч стволов нарезного оружия, 20 БМП и танков из Владикавказского гарнизона. В ближайшее время планируется передача вооружения мотострелкового полка осетинскому ОМОНу и гвардии, а также размещение конного казачьего полка во Владикавказе.

Все это имеет четко выраженную антиингушскую направленность, что вызывает у нас обоснованную тревогу за жизнь женщин, детей, стариков.

Особое усердие проявляют офицеры осетинской национальности округа и гарнизона под руководством начальника ОВОКу и штаба гвардии генерала Суанова. Для всеобщего вооружения осетин руководством СОАССР используются огромные средства, выделенные руководством России для Юго-Осетии.

Требуем незамедлительного расследования этих фактов и наказание виновных. В целях защиты своих семей, просим обеспечить нас необходимым вооружением.

Создавшееся положение имеет только один выход:
безотлагательное претворение в жизнь Закона "О реабилитации репрессированных народов" мирным путем;
обстановка не допускает промедления.

*Народный Совет Ингушетии
Пригородный район СОАССР
"Сердало", 14 января 1992 года*

СПРАВКА

Одной из самых острых и нерешенных проблем в межнациональных отношениях на Северном Кавказе является проблема восстановления ингушской государственности с возвращением ингушам 50% этнической территории. Эта территория была аннексирована в годы депортации ингушей — февраль 1944—1957 годы — по распоряжению Сталина в пользу Северной Осетии.

Краткая история вопроса такова. После распада Горской АССР (7 июня 1924 г.) была образована Ингушская автономная область со столицей в правобережной части г. Владикавказ. В 1924 г. по просьбе осетинского руководства И. Сталин предпринял первую безуспешную попытку отобрать у ингушей г. Владикавказ. В 1928 г. осетины снова повторили попытку отобрать Владикавказ у ингушей и снова неудачно. Волевым решением И. Сталина в 1934 г. была образована Чечено-Ингушская автономная область со столицей в г. Грозном, а город Орджоникидзе был передан Северной Осетии в качестве их столицы.

Город Владикавказ основан на месте ингушских сел Буру и Заурово. Договор об охране Военно-Грузинской дороги и крепости Владикавказ Россией подписан в 1810 году с Ингушетией, а не с Осетией.

В 1957 г. по редепортации ингушей вновь были преданы национальные интересы ингушского народа: Пригородный — ингушский этнический район был оставлен Осетии, разорвана граница, тысячелетия существовавшая между ингушами и кабардинцами в районе Малгобека, для того, чтобы присоединить Моздокский район Ставропольского края к Северной Осетии.

Сегодня Северная Осетия с помощью российских войск удерживает 39 населенных пунктов Ингушетии... Десятки тысяч обращений ингушей в центральные партийные и государственные органы прежнего режима с просьбой восстановить попранные права ингушского народа были напрасными. Письмо "О судьбе ингушского народа", направленное в декабре 1972 г. в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР было квалифицировано как националистическое. Доведенные до отчаяния ингуши 16 января 1973 года собрались в Грозном на площади перед Обкомом КПСС на общенациональный митинг с единственным требованием — вернуть ингушам незаконно отнятую у них родину. Митинг 19 января был разогнан дубинками и водой из пожарных брандспойтов и признан антисоветским со всеми вытекающими для ингушей последствиями.

В октябре 1988 года ингушский народ вновь обратился в Центр с просьбой о восстановлении их права на родину и вновь безрезультатно.

9—10 сентября 1989 г. в Грозном состоялся 2-й съезд ингушского народа, в резолюции которого была отмечена необходимость восстановления государственности ингушей со столицей в правобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказ) с возвращением всех отторгнутых ингушских земель. И снова безрезультатно.

26 апреля 1991 г. был принят Закон "О реабилитации репрессированных народов", где четко и ясно оговаривались пути восстановления и возвращения репрессированным народам их территорий в полном объеме.

4 июня 1992 г. был принят Закон "Об образовании Ингушской республики", но в нем не определялись границы и столица Ингушетии, что развязало Северную Осетию руки для непрерывных провокаций и постоянного режима

чрезвычайного положения в Пригородном районе для массированного давления на ингушей с целью выжить их с исторической родины. С апреля 1991 г. по октябрь 1992 г. здесь убито в том числе и по политическим мотивам более 25 человек ингушской национальности и нет ни одного привлеченного к уголовной ответственности за совершенные преступления.

С октября 1992 г. начался новый геноцид ингушского народа, проживающего в г. Владикавказе и Пригородном районе, организованный осетинскими властями. 1 ноября начата крупномасштабная военная операция с применением артиллерии, бронетехники, ракетно-артиллерийских систем, установок "Град", "Алазань", отравляющих веществ. Вся эта махина навалилась на ингушские села и — выборочно — на ингушские дома. Они уничтожены дотла.

Тактика уничтожения, цинично названная в официальных документах "миротворческой", следующая. Сначала после ракетно-артиллерийского огня идут армейские части, танки, уничтожающие все на своем пути. За танками следуют ОМОН и спецназ Северной Осетии. Эти добивают раненых, особенно беспощадно расправляясь с детьми мужского пола. Завершают кровавые действия мародеры, среди которых особое рвение проявляют прибывшие из Южной Осетии их "коллеги-профессионалы". Они выбирают даже трупы, не говоря об имуществе и ценностях разоренных ингушских очагов.

Осетинский ОМОН, МВД и вооруженные формирования, называющие себя национальной гвардией, обильно снабжаются оружием и боеприпасами российских войск...

В 1944 году сталинский режим заставил поверить многих, что ингуши — фашистские наемники. Теперь — на исходе 20 века осетины пытаются убедить людей в том, что целая нация — экстремисты...

*Пресс-центр Ингушской республики
5 ноября 1992 года*

* * *

30 ноября 1992 г.

...Я долго охотился за ним, потому что ингуши прячут этого человека. Он — осетин. И скрывают его, чтобы осетины же его не убили. Сначала ко мне попали письменные показания этого человека. Я не поверил им и попросил устроить мне встречу. В последний день перед моим отъездом в Москву наша встреча состоялась.

М. Дейч: Скажите, пожалуйста, вы давали эти показания, которые лежат сейчас перед вами и которые вы признали своими? Вы давали их совершенно добровольно?

— Да.

— Как с вами здесь обращались? Вас не били? Вас кормят нормально?

— Нормально все.

— Капитан милиции Владимир Валиев. До недавних пор дежурный Черменского поселкового отделения милиции. Свои показания он написал собственноручно. ЦИТИРУЮ: "За последние 3 месяца регулярно по понедельникам после подведения общего итога обычно в кабинете начальника РОВД Дзыкаева проводились закрытые совещания о ходе подготовки к вооруженной акции. На таких совещаниях обычно присутствовали министр МВД Кантемиров или один из его заместителей. В начале августа на совещании сотрудников Пригородного района РОВД, на котором присутствовал сам министр Кантемиров, была следующая повестка дня: "О начале к усиленной подготовке вооруженной акции и задачах, вытекающих из этого". С этой информацией выступил сам министр. В ней он вскользь подчеркнул, что идея эта исходит из Москвы, а точнее от министра Ерина. Так же он сообщил, что для этого обещана нашему министру Москва, в случае успешного осуществления акции повышенные по-

толки и оклады, также обещана всяческая поддержка техникой и вооружением. Уже на следующем совещании появились первые результаты. В частности ОМОНу повысили штат от 200 до 1000 человек. Об этом нам тогда доложил наш замминистра депутат России Батагов. На совещании впрямую не говорилось, но нетрудно было догадаться — от нас требовали только найти маленький повод, чтобы разжечь его дальше, с последующим вовлечением российских войск. На первом же заседании были указания начальникам отделений милиции — это сделал тов. Дздыкаев — подготовить специальные планы действий как до начала провокации, так и в самом ходе операции. Ориентировочные сроки вооруженных провокаций были высказаны на 3-ем совещании, которое состоялось в последний понедельник августа. На нем выступил зам. министра Сикоев. Он предложил, и это было принято единодушно, что в конце октября, когда в основном будут закончены полевые работы, надо спровоцировать столкновения. На последующих совещаниях начальник отдела Дживаев докладывал о тех дополнениях, которые принимались в МВД и в Верховном Совете. В частности, в первой половине октября зам. начальника РОВД Кокаев сообщил, что выделены дополнительные средства и для ополчения, в частности, выделены БТРы для селений Тарского и Чермена. Также выделили автоматическое оружие. Было принято решение на время спрятать БТРы в селе Ольгинском. На совещаниях было принято решение, где и когда будут дислоцироваться войска милиции и ополчения. К этому времени все ополченцы были полностью вооружены, в основном, автоматами. Руководителем всей этой акции был сам Галазов, а заместителем — Кантемиров. Об этом нам сообщил начальник отделения. На совещании в октябре в РОВД под председательством Кантемирова были уточнены в последний раз планы. Он лично их утвердил.

В планах, в частности, были такие акции: подрыв электростанций в Октябрьском и Майском, вывод из строя водозаборной станции в Реданте, налеты на водителей грузовиков, проезжающих по территории сел, где проживали в основном ингуши. Руководителями этих конкретных акций были назначены начальники отделений по территориальности, или, если таковых нет, командиры ополчений. Примерно с 20-х чисел октября, под различными предлогами стали задерживать ингушей для последующего обращения их в заложники. В основном, это поручалось ополчению. Для этого были созданы специальные помещения в Октябрьском, в Сунже и ряде других сел.

М. Дейч: Как мне рассказали, вы не были замешаны в актах насилия и ваша судьба решится нормально. Вам не страшно возвращаться в этом случае назад? Ведь вам могут за ваши показания отомстить?

— Страшно, даже очень. Но что делать? Правда дороже всего. Я... даже не знаю. Страшно, одним словом...

М. Дейч: Имеется радиоперехват от 26 октября между частями МВД, находившимися в Пригородном районе вот уже полтора года. 15 БТР-ов были переданы неназванным представителям одной из противоборствующих сторон, какой, догадаться нетрудно. Дело в том, что у ингушей никакой бронетехники не было. И еще одна немаловажная деталь: данный радиоперехват состоялся за 4 дня до начала крупномасштабного конфликта в этом регионе. Конфликт же вспыхнул в ночь с 30 на 31 октября... Общественное мнение формируется лишь одной из сторон, потому что у Ингушской республики нет собственных средств массовой информации...

Из репортажа корреспондента радио "Свобода" Марка Дейча

* * *

Боевые возможности Владикавказа и его "противника", ингушского народа: Северная Осетия: Дивизия "Дон" — 7,7 тыс. человек.

Два военных училища — по 0,6 тысячи
Осетинский ОМОН — 4,5 тысячи.

Гвардейцы — 3 тысячи.
2 полка ВДВ — 8 тысяч.

На их стороне военные специалисты, прибывшие с Г. Хижой, — 3 тысячи (даже знаменитая “Альфа”, говорят, здесь!)... Итого — 30 тысяч воинов в полной боевой готовности.

В Назрани нет ни единого воинского подразделения. На Северном Кавказе живет 180 тысяч ингушей. Вычтите женщин, стариков, детей получится от 20 до 40 тысяч мужчин в возрасте от 16 до 50 лет...

Ирина Дементьева.

*Из статьи “Ингушская трагедия”.
“Известия” 1 декабря 1992 г.*

СПРАВКА

о жертвах и материальном ущербе, причиненном ингушскому населению в результате преступных деяний на территории Пригородного района и г. Владикавказ по состоянию на 3 декабря 1992 г.

В результате кровавой бойни, устроенной руководством Северной Осетии, при активном участии “нейтральных” войск российской армии, на территории Пригородного района в местах компактного проживания ингушей с 31 октября 1992 г. по приблизительным данным:

— убито и пропавших без вести — более 10 тысяч (из них по предварительным данным убито более 3 тыс. человек);

— раненых — более 5 тыс. ингушей;

— беженцы — 55 тысяч ингушей;

— заложники — более 8 тыс., в Южную Осетию угнано около 2-х тысяч ингушей.

Разрушено, взорвано и сожжено более 20 тысяч индивидуальных домов; квартиры в государственном секторе, в которых проживали ингуши, заселены осетинами.

Имущество разграблено, скот угнан.

Материальный ущерб, причиненный ингушскому народу в г. Владикавказе и Пригородном районе, составил по предварительным данным более 205 млрд. рублей.

В ходе боевых действий против мирного ингушского населения регулярными войсками российской армии были применены: БТРы, танки, артиллерия, установки “Град” и “Алазань”, ракеты “Земля-Земля”, боевые вертолеты, огнестрельное автоматическое оружие, снабженное пулями со смещенным центром, химическое оружие.

За войсками российской армии шли осетинские группы мародеров, особой жестокостью среди которых отличались группы “профессионалов” из Южной Осетии.

Ингушам до сих пор нет доступа для захоронения трупов. С целью сокрытия следов своих преступных деяний и количества убитых ингушей, осетины не допускают представителей массовой информации и миротворческую комиссию депутатов Верховного Совета РФ. Спешно закапывали бульдозерами изувеченные трупы ингушей, подкладывали им паспорта осетин, сжигали трупы. Трупы, которые не успели закопать и сжечь, были переданы после длительных переговоров ингушам. Те, кто видел эти трупы, не находят слов для описания надругательства над ними.

Со слов заложников, у них на глазах рубили детей на куски и скармливали свиньям. Более 60-ти грудных младенцев живьем закопали, цинично объясняя родителям: “нет молока для ваших выродков”.

Детей насиловали на глазах матерей, а на глазах детей насиловали матерей. Взрослые мужчины насиловали детей разного возраста и пола. Спротивляющимся отрезали язык и уши, ломали конечности; изнасилованы около 300 девочек в возрасте от 6 до 20 лет.

Достигнутые соглашения о прекращении боевых действий осетинская сторона не соблюдает. Осетинские боевики, засев в подвалах и разрушенных ингушских домах, обстреливают российских солдат, уверяя последних, что стреляют ингушские бандиты, хотя ингушей на территории Пригородного района, кроме заложников, не было.

Абсолютное большинство средств массовой информации до последнего времени продолжает передавать явную ложь об этой войне с подачи осетинского руководства, называя ингушей агрессорами, бандитами, варварами, нечистью.

До сих пор не снята информационная блокада трагедии ингушского народа на телевидении.

Изложенные в этой Справке данные подтверждаются свидетельскими показаниями очевидцев, репортажами корреспондентов, фотографиями и киносьемками и будут представлены следствию.

Пресс-центр Ингушской республики 3 декабря 1992 г.

* * *

...Судьба ингушей — самый яркий пример издевательского отношения к репрессированным: половинчатая реабилитация, создание псевдореспублики, наконец, танки против тех, кто не выдержал такого отношения. Или такова плата за лояльность Осетии? Или это урок всем, кто вздумает бунтовать? Кавказ — это часть России. Благо это или зло — вопрос открытый. Но это реальность, не нами созданная, но нам доставшаяся. Мало того, Кавказ — это та часть России, где — так уж сложилось — всегда легко определить, какая власть сейчас в стране: либеральная или консервативная, решительная или робкая, законная, или, не дай бог, революционная. Кавказ для России — проблема внутриполитическая...

*Михаил Шевелев. "Долг колонизатора"
"Московские новости", 6 дек. 1992 г.*

ВОЙНУ НАЧАТЬ НЕТРУДНО

Интервью уполномоченного временной администрации в Ингушетии генерала Руслана Аушева

— Вы стали непосредственным свидетелем всех событий, происшедших в Ингушетии за последний месяц...

— Я прибыл туда 2 ноября, когда уже были введены российские войска. Места компактного проживания ингушей были окружены, по мирным жителям велся прицельный огонь. Схема действий, тактика была предельно проста: впереди шли танки. Они били по населенным пунктам. За ними следом шли боевые машины десантников. Затем — пехота, внутренние войска, осетинское ополчение, гвардия, ОМОН, которые "добивали" тех, кто еще уцелел. Я сам был свидетелем этого, видел все своими глазами. И могу заявить об этом перед любым судом, повторить сказанное мною перед кем угодно, хоть перед самим Господом Богом...

— Что думает по этому поводу министр обороны России Павел Грачев?

— Что он думает? Он оправдывает российскую армию. Говорит, что она мирное население не расстреливала. Кто прав, покажет будущее. У меня тысяча фактов, свидетельствующих о том, что это правда...

Если Хижа был главой администрации, то кто, как не он, должен отвечать за гибель людей? Армия только выполняла приказ, а отдавал этот приказ, я полагаю, он. Иначе кто же еще? Обязательно должно быть проведено расследование, хотя я, конечно, прекрасно понимаю, что кому-то это очень и очень невыгодно...

"Московские новости" 13 дек. 1992 г.

* * *

Федеральной службой миграции Российской Федерации зарегистрировано 65 тысяч ингушских беженцев из Пригородного района Северной Осетии.

Почти в каждом ингушском доме на Сунже, в Малгобекском и Назрановском районах нашли приют и живут в стесненных условиях по две-три семьи беженцев.

Несмотря на создавшееся тяжелое жилищное положение, десятки лучших квартир, гостиниц и общежитий занимают сегодня в Ингушетии российские солдаты и офицеры. В Слепцовской, к примеру, в распоряжение военных России отданы многоэтажное общежитие автошколы ДОСААФ, жилищный комплекс военного городка. Местные баня и прачечная обслуживают только российских солдат. Слепцовский хлебозавод и нестеровский колбасный цех также оказывают бесплатные услуги непрошеным гостям.

"Чечен-пресс", 17 дек. 1992 г.

* * *

Фатима АХИЛЬГОВА

Торжествует нечистая сила,
Тьмой бездушия душу свело —
Все душевные силы скосило,
Словно травы, державное зло.
Не могу я ослепнуть —

с бездомной
И с бездомной тоскою гляжу
На Тебя, обескровленный кров мой, —
Слишком кровно Тобой дорожу!
Нет ответа — отказы, отписки,
Лицемерным словам нет числа —
Ни "гражданства",

ни "льгот",
ни "прописки"...

Но запомните, витязи зла:
Есть Народная Честь —
непроста ведь
Всенародная Вера тверда
В то, что можно убить,
но поставить

На колени Народ?
— Никогда!!!

Пер. с ингуш. Валерий Краско

Игорь ЛЯПИН

РУССКАЯ ПРАВДА

«...за нами встает кровавое солнце позора».

К. Симонов

Второй месяц — слезы, кровь, свежие могилы. Хоронят не на родовых кладбищах, как принято у горцев, — хоронят, где придется, второпях. Территориально все это происходит в Северной Осетии, а фактически — в ингушских селах. И это главное, что с профессиональным хитроумием скрывают от россиян средства массовой информации.

Вот и парламентский человек, занимающийся вопросами национальных отношений, Абдулатипов, недавно заявил, что в этом конфликте есть правда осетинская и есть правда ингушская. Абдулатипов как бы не заметил, что присутствует здесь еще и третья сторона — русские парни в армейских жилетах, бронжилетах, с танками и самолетами, с установками «Град» и «Алазань». И что, следовательно, рядом с ингушской правдой, с осетинской, имеет место быть и русская правда. Три правды... Не много ли?

Видел, как два года назад создавались и вооружались боевые отряды в Осетии, как то и дело там вводился комендантский час, когда на границу с Ингушетией периодически выкатывались танки и бронетранспортеры. Именно тогда, два года назад, мною были написаны строки:

Вот она, грозовая фаза,
Вот она, роковая грань,
Бэтээры Владикавказа
Смотрят щелями на Назрань.
И стоят ингуши, гадают,
И вздыхают, и не поймут —
То ли просто народ пугают,
То ли вправду стрелять начнут.

И стрелять начали. Сперва лихие осетинские боевики, носясь по ингушским селам на бронетранспортерах, постреливали в воздух, как бы резвясь и демонстрируя свою безнаказанность. Потом стали палить по воротам ингушских дворов, потом стволами автоматов на каждом шагу останавливать ингушские машины и с вызывающим на конфликт видом обыскивать их, проверять документы. В конце концов, видя, что все им сходит с рук, распоясались окончательно...

Простые люди в России об этом ничего не знали. Но об этом знал Верховный Совет России, знал Президент. Еще 23 октября, выступая на сессии Верховного Совета, народный депутат И. Костоев сообщал: «То, что творится с ингушами в Пригородном районе — кошмарный сон. Только за последние двое суток задавлена БТРом девочка 12 лет, убито пять молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. С каждым днем нарастает угроза возникновения опаснейшего вооруженного конфликта и гибели людей.» Депутат обращался к Верховному Совету с требованием решить вопрос о немедленном роспуске всех незаконных формирований в Северной Осетии. Обращался к Президенту Ельцину с просьбой принять, наконец, личное участие в судьбе ингушского народа, выехать в Северную Осетию и Ингушетию, ускорить решение вопроса о границах Ингушской республики на основе Конституции России.

Это было не единственное обращение к властям. В те тревожные дни к ним буквально взывали со всех сторон. Взывали устно и письменно. Но глух остался Верховный Совет России, глух и Президент.

31 октября, вооружаясь кто чем, ингуши поднялись на защиту своих домов, своих домов, своих родных и близких. А чем они могли вооружиться, если на территории Ингушетии нет никаких воинских подразделений?

Ополченец Башир Терсункиев из поселка Южный объяснял мне:

— Все наше вооружение — это охотничьи ружья, автоматы, лимонки, несколько противотанковых гранат. Доставали в то где мог и кто что мог. Один мой товарищ выменял автомат Калашникова у осетина, бежавшего из Чермена, на свои “Жигули”. То ли в Дачном, то ли в Куртате был у ребят гранатомет.

— Вы в каком направлении наступали? — спрашиваю.

— Мы наступали?! Это они наступали. Мы тут живем. Мы защищали свой поселок. Защищали, пока нам не сказали, что идут миротворческие российские войска, что нужно отойти, а они станут между нами и осетинами как разъединяющая сила. Потом стало ясно, что нас обманули...

Муса Евлоев из поселка Майский прокручивает мне свои видеозаписи событий первых чисел ноября, комментирует их. Это похоже на репортаж с передовой. Кадры потрясают. Ничего подобного по ТВ не показывалось. Никто за пределами Ингушетии не узнал, что же происходило там на самом деле.

На закрытом заседании сессии Верховного Совета РФ 11 ноября 1992 г. народный депутат Б. Богатырев докладывал парламентариям об участии, постигшей ингушей: “Я никогда не слышал и не видел подобных злодеяний. Трудно поверить, что существа, называющие себя людьми, могли совершить столь чудовищные по своей жестокости убийства ни в чем не повинных людей. Я видел трупы, у которых отрезаны уши, носы, выколоты глаза, раздроблены черепа, проткнуты животы, перебиты ноги, перерезаны горла. Мясо людей использовалось в качестве корма для свиней. Для этих же целей использовались малолетние дети. Их четверговали и бросали свиньям на съедение. Очень много заживо сожженных людей”...

На площадь Согласия в Назрани привезли трупы из Пригородного района. Лежали они там, видно, несколько дней. Уже не так просто опознать. Тем более, когда отрезаны уши, нос, перерезано горло. А люди эти числились в заложниках. Вон они — длинные списки находящиеся в плену у осетин. Листы с именами наклеены прямо на стене исполкома. Тысячи имен. Среди них, страшно подумать, многих уже нет в живых.

— Нас держали в сарае, бывшем свинарнике, — говорит Ахмет из Куртата. — Заходят боевики. Очередь — в потолок. Потом пальцем тычут: мол, ты, ты, ты и ты — на выход! Выведут. Услышим автоматные очереди — и все...

Сестра Мусы Евлоева несколько дней назад вырвалась из заточения заложниц. Ничего не рассказывает. Как только пытается что-то сказать — у нее дрожат губы и текут слезы. Я думаю: может быть, это как раз у нее на глазах убивали старика и насильовали девочку?

Безоружных ингушей, проживавших во Владикавказе, осетинские боевики захватили в плен в один день и в один и тот же час. Списки заложников были составлены с точным указанием адресов. Можно представить, какая подготовительная работа была проведена и в какой тайне она содержалась. В этот день на занятия в школы не пришел ни один осетинский ребенок. Осетины-студенты не явились на лекции. Ингушских заложников брали целыми аудиториями — в институтах, в организациях и на предприятиях — целыми коллективами.

— Все произошло очень быстро, неожиданно, — рассказывает свидетель-ингуш. — Мы жили во Владикавказе, квартира на шестом этаже. Когда в дверь ударили автоматные очереди, я даже не сообразил, что это стреляют. А тут уже вышибли дверь, меня с женой и двумя детьми погнали по лестнице вниз. Около дома стоял грузовик с ингушами, на котором нас и увезли. А вчера из

Владикавказ приезжала сюда знакомая русская женщина. Говорит, что в нашей квартире поселились осетины...

В редакции газеты "Назрановец" Ахмед Беков объясняет журналистке из Чехо-Словакии, что это была не война, а давно и тщательно спланированное уничтожение ингушей.

— Вот, смотрите, какие у них силы. Дивизия "ДОН-100" — 7,7 тысячи человек. Два военных училища по шестьсот курсантов. Осетинский ОМОИ — 4,5 тысячи. Гвардейцы — 3 тысячи. Два полка ВДВ — 8 тысяч. Одних военных специалистов, прибывших с Г. Хижой, — 3 тысячи. В Ингушетии же у нас никогда не было ни одной роты солдат, никакого военного формирования. Да и самих-то ингушей с малыми и старыми — всего 18- тысяч.

На окраине села Кантышева мне показали четырех ингушских мальчишек, которых русский парень, рискуя своей головой, вывез из-под самого носа боевиков в багажнике своего "жигуленка". Младшему — 6 лет, старшему — 12.

— Как же вы поместились в багажнике?

— Стоят, переминаются с ноги на ногу.

— А как зовут того русского?

— Молчат.

— Что, секрет?

— Да.

— А почему?

— Осетины узнают — убьют его.

— Господи, что творится на земле Твоей!

Назрань, бывший районный центр Чечено-Ингушетии, после отделения Чечни от России стала как бы столицей Ингушской республики. Я говорю "как бы" потому, что, кроме небольшого электромеханического заводика да трико-тажной фабрики, из-за отсутствия сырья больше простаивающей, чем работающей, в сущности, ничего здесь нет. Нет даже примитивной гостиницы. И журналистов, приезжающих сюда, разбирают на ночлег по домам ингушские семьи. Главе Временной администрации — и тому отвели для жилья... железнодорожный вагон.

За две недели, проведенные здесь, я ночевал в девяти домах. В каждой семье — от пяти до десяти беженцев, свои домочадцы. Так что я всегда был, если не двадцатым, то пятнадцатым. Спали вповалку на полу. Взрослые и дети.

При мне в одну из таких семей директор совхоза "Кавказ" Бамат-Гирей Манкиев привез дюжину ватных матрацев, простыней, одеял, подушек. Это — лично от себя. Совхоз будет помогать продуктами, посылно — деньгами. Поразительно, что из нескольких тысяч беженцев ни один не остался на улице. Каждого кто-то приютил. Да, для нас это поразительно, а для ингушей — совершенно естественно. И ни в одном Доме престарелых или инвалидов вы никогда не обнаружите ингуша.

— Такое было бы позором для моего народа. Да и Аллах не простит, — говорит Бамат-Гирей. — Поймите, это не национальный конфликт, не конфликт мусульман с христианами, а конфликт политический. У нас национальных проблем, в общем-то, нет. Поедьте в наш совхоз! Посмотрите, кто там работает. Поговорите с людьми...

Поехали. Итак, Вознесеновка. Совхоз "Кавказ". Директор — Манкиев Бамат-Гирей, ингуш. Председатель профкома — Крошко Виктор Никифорович, русский. Главный зоотехник — Чергизов Беслан, ингуш. Главный механик — Мержоев Магомед, чеченец. Главный агроном — Уманцев Петр Иванович, русский. Главный бухгалтер — Кулакова Валентина Ивановна, русская. Бригадир овощеводческой бригады — Аскарар Амурхан, турок. В Вознесеновке есть мечеть и есть православная церковь.

При мне выступающему здесь 30 ноября перед народом С. Шахраю русские люди задавали вопрос:

— Почему телепрограмма “Вести” дает о нас ложную информацию? Они передавали, что русские бегут из этих мест. Действительно, отсюда две семьи переехали в Моздок. Но это их чисто семейные соображения. Зачем телевидение выискивает здесь национальную подоплеку? Зачем хотят поссорить русских с ингушами?

Шахрай растерянно улыбался и разводит руками: мол, понимаю, что это не так, но “Вести” мне не подчиняются...

Чермен, Карца, Южный, Дачное... На “газике”, на “жигуленке”, на “хлебозовке” — под прикрытием неизменного БТРа. И всюду — один вопрос: “Знает ли Москва правду?” Всюду развалины, пепелища и страшные в своих подробностях рассказы людей — очевидцев и жертв ноябрьских событий.

И снова — Назрань. Снова — Штаб Временной администрации республики. Генерал Руслан Аушев — глава администрации. Он еще молод, но за его плечами — Афганистан, он — боевой офицер, Герой Советского Союза. Я познакомился с ним в 1989 году на I Съезде ингушского народа. Умный, немногословный, решительный, добрый. Вместе со всеми он был захвачен счастливой волной возрождения Ингушетии. Не думалось ему тогда, что, во многом то, что он видел в Афганистане, повторится на его родной земле.

— Нет, здесь хуже, — твердо говорит он. — В Афганистане все же за мародерство и убийство мирных жителей грозил трибунал. Там десятки офицеров и солдат были расстреляны за такие дела. А тут — все сходит с рук! Ни один человек не привлечен к ответственности!

Наш разговор постоянно прерывается телефонными звонками. Сюда сходятся вся информация: тревожные и обнадеживающие сообщения — о новых жертвах, о беженцах, о ситуации в приграничных районах.

Меня, естественно, интересует, как начались военные действия российских войск.

Генерал Аушев до хруста сжимает кисти рук:

— Это не были военные действия. Это была расправа, уничтожение мирного населения. Я своими глазами видел, какой огонь вели по ингушским селам танки. Они все сметали на своем пути. Я сколько ни говорил Хиже, чтобы остановили огонь танков, а он — свое. Мол, не так я понимаю задачу этих войск... И расправа продолжалась. Никакого разъединения “противоборствующих” сторон не было. Огонь велся в одном направлении — по ингушам. А уже за танками шли осетинские ополченцы, “гвардейцы”, мародеры и добивали оставшихся в живых безоружных жителей. Гробили уцелевшие дома, потом поджигали их. А в Куртате? Танки окружили поселок и трое суток буквально расстреливали, сравнивали его с землей. Ты был на Черменском перекрестке? Видел там сожженные автобусы и трактора? Так вот, командиру корпуса доложили, что пятнадцать ингушских бронеобъектов развернулись в линию и наступают на русские танки. Но, во-первых, во Владикавказе прекрасно знали, что такой техники у ингушей просто-на-просто нет. А и была бы, так ингушам год учиться нужно, чтоб развернуть танки в линию. Но... приказ есть приказ. И пошел бой русских танков с ингушскими автобусами и тракторами. А там всюду люди были... Вот тебе и разъединительные войска, — он горько вздыхает. — Но, как бы там ни было, главное сейчас — остановить кровопролитие.

Снова останавливаюсь на Черменском перекрестке, подхожу к бронетранспортерам. Русские ребята. Спрашиваю: мол, как же так?

— Не знаем, —жимают плечами. — Мы тут только третий день. Раньше тут части из Пскова были, но их сразу после выполнения боевой задачи назад отправили. На “реабилитацию”.

Мне это понятно: у солдат после исполнения таких приказов могли просто не выдержать нервы, по сути-то они все же не головорезы. А заодно — и лишние свидетели убраны вовремя.

— Осетины — наши братья, и мы защитим их от ингушских агрессоров! — решительно заявил по осетинскому телевидению генерал Филатов.

Эти слова генерал произнес после того как, благословляя русских солдат на бойню, глава Временной администрации Г. Хижа недвусмысленно напутствовал их:

— Армия должна избавиться от “тбилисского синдрома”... Она выполняет свой долг перед народом. А всю ответственность за последствия несут руководители и только они.

Никто никакой ответственности за содеянное, никакие руководители не понесли. А преступление против целого народа совершенно великое. И даже не каждый “победитель” это выдерживал. Вот что рассказал офицер воинской части 3673, дислоцирующейся в Москве, Юрий Александрович Потапов:

— Командой примерно в 70 человек на шести БТРах мы были направлены в поселок Тарское Пригородного района. Прибыли туда около десяти часов утра. Сразу бросилось в глаза, что половина поселка обжата огнем, а на другой стороне пожаров нет. Мы развернулись боевым строем и двинулись через поселок. В ингушской половине, где были пожары, мы нашли спрятавшихся в погребах женщин и детей ингушской национальности. Всего 17—18 человек. Погрузили их на БТРы и повезли на фильтрационный пункт в поселок Спутник. Другого живого населения ингушской национальности мы там не видели. Во дворах домов, на улицах лежали трупы женщин, детей в возрасте от семи до двенадцати лет, несколько убитых стариков. Я видел женские трупы со вспоротыми животами и отрезанными головами... За дни нахождения в зоне конфликта мы узнали, что самые страшные зверства над ингушами совершают боевики, прибывшие из Южной Осетии для боевых действий... Всего в боевых действиях участвовало 53—58 БМП, поступивших из Южной Осетии. Нагладившись в Тарском на все ужасы, творимые над мирным населением, особенно над женщинами и детьми, я вспомнил свою семью, которая живет в Москве, и решил уйти подальше от этого кошмара. Поэтому, сдав женщин и детей, найденных в погребах Тарского, на фильтрационный пункт, я вернулся во Владикавказ и, пользуясь своими документами офицера, пересек все контрольные посты и пришел в Назрановский исполком.

Ко мне, русскому человеку, обращается уже немолодая ингушка, чудом выбравшаяся из пекла:

— Когда же кончатся наши страдания? В сорок четвертом Сталин и Берия, как скотину, в товарных вагонах, вывезли нас в ледяные казахские степи — без теплой одежды, без еды, без денег. Рассчитывали на полное вымирание ингушей. Пока довели дотуда — треть народа погибла! Люди умирали от холода и голода, довести умерших до места, чтобы похоронить по-человечески, не давали. Вынуждали оставлять трупы прямо на откосах железной дороги, и мы видели, как их грызли голодные, одичавшие собаки. Спасибо, добрые люди не дали нам в Казахстане вымереть. Только помогая друг другу, выжили. Когда уцелевшие смогли через 13 лет, наконец, вернуться на родину, это такое счастье было! Да только не полное... В домах-то наших — чужие люди, осетины. Им бы пожалеть обездоленных, как жалели нас русские, казахи, киргизы. Вернуть в целостности наши земли, дома, хозяйство, скот наш. Но нет! До сих пор доказывают всем, что это — их земля. Наши вековые кладбища разорили, могильными плитами дороги вымостили. А теперь в упор расстреливают нас из пушек и пулеметов. За что?! Единственная наша вина в том, что мы — ингуши и хотим жить на своей, обжитой дедами и прадедами, земле. Но обиднее всего, что делается это и руками русских, к которым наш народ с

древних времен испытывал особое уважение. Русский человек всегда в представлении ингуша был человеком высшей справедливости. Еще наши предки как молитву повторяли: «О, Аллах, пошли нам настоящего русского!»

Мой однокашник по Литературному институту — Муса Албогачиев. Помню строчки его стихов: «Я не русский — ингуш, но я к русским иду...»

Сегодня его квартира в Назрани тоже битком набита беженцами. Муса — мудрый, он понимает, что устроил это не русский народ, а те — ненастоящие русские, которые сегодня оказались у больших и малых рулей России. Он понимает, что материал, который я готовлю, не напечатает сейчас никакая газета. Он наперед это знает и говорит:

— Пиши, пусть хоть в рукописи останется. Это наша история. Все равно когда-нибудь люди прочтут...

Уже в Москве, когда я одному бравирующему своей независимостью газетчику показал этот материал, он воскликнул:

— Но вы же занимаете проингушскую позицию!

— Нет,— говорю,— я занимаю русскую позицию. Потому мне и горько, что именно русские люди в шинелях позволили втянуть себя в эту позорную резню и бойню. И теперь о нас кругами по земле расходитесь дурная слава. А хочется, чтобы русский человек, будь он в армейской шинели или в гражданском пальто, с автоматом или с карандашом, нес людям только добро. И чтоб здесь на Кавказе о каждом из нас горцы могли сказать: «Настоящий русский!»

Я не обвиняю солдат и офицеров Псковского полка, выполнявших страшный приказ. Они ничего не знали о «противнике». Но я своими собственными глазами видел результаты приказа, который, как поэт, как русский, никак не могу не считать преступным. Я прилагаю к этому мои стихи, написанные в бессонные ночи. Мучит то, что я не знаю, по чьей злой воле наша армия используется так позорно. Кто заинтересован в том, чтобы замарать ее кровью невинных жертв?

*Назрань — Чермен — Карца — Назрань — Москва.
25 ноября — 12 декабря 1992 г.*

РАСПЛАТА

Ваши лица от гари серы,
Ваш противник буквально смят.
Что ж вы, русские офицеры,
Опускаете в землю взгляд?

Вам хватило солдат отважных,
Были фланги и тыл крепки.
Что ж играют на скулах ваших
Напряженные желваки?

Руки целы и ноги целы,
Вашей тактике нет цены.
Что ж вы, русские офицеры,
Так победой удручены?

Вот стоите вы, хмурая брови,
На виду у высоких гор.
Слишком много он пролил крови —
Миротворческий ваш напор!

Все трудней вам смотреть глазами
На пылающий сельский дом
И на кладбища у Назрани,
Превращенные в танкодром.

Вот на самом, на этом месте,
Где рыдает старик седой,
Вы закон офицерской чести
Раздавили своей броней.

Раздавили слепой атакой
Вместе с саклей — уже ничьей,
Вместе с машущей вам горянкой,
Вместе с сотнями ингушей.

Вы, конечно, достигли цели
В этот горький от горя час.
Только, русские офицеры,
И расплата настигла вас.

Ваш приказ раздавался глухо,
Но уже никогда не скрыть,
Что у вас не хватило духа
Эту бойню остановить.

Снег белеет на черных углях,
Свежим холмиков новый ряд.
И солдаты в больших раздумьях
На подавленных вас глядят.

Ваши губы уже немеют,
И на всем остальном пути
Вам высокое "Честь имею!"
Не позволят произнести.

Ночь 27 ноября.

К ВОЙСКАМ РОССИИ

Горю горькому нет предела,
Едкий дым над селом опять...
Не армейское это дело —
Население умирять.

Но приказы — железны были,
Танки шли, словно вал брони.
Как по вражеским дзотам били
По ингушским домам они.

В обгоревшем селе безлюдно,
Но кровавых следов не скрыть.
Здесь о дружбе народов трудно
Даже думать — не говорить.

Но неймется душе, неймется,
Боль сквозящую не унять.
Этим хлопцам и этим горцам,
Что, скажите, им выяснять?

И стою я в немом бессилье,
Вижу грозной брони оскал...
Неужели, войска России,
Вы — карательные войска?!

Ночь 28 ноября.

БАЛКАРЦЫ

30 марта 1991 года состоялся 1 съезд балкарского народа, в работе которого принимали участие 556 делегатов из всех районов Балкарии, а также Москвы, Казахстана и Киргизии и представители Исламской партии возрождения, Демократической партии Кабардино-Балкарии и республиканского комитета Компартии РСФСР.

В принятой резолюции содержится обращение к Верховным Советам КБАССР, РСФСР, СССР с просьбой "до подписания Союзного и Федеративного договоров законодательно решить следующие вопросы:

— восстановление районов Балкарии в пределах 1944 года, когда балкарский народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан;

— определение Балкарии как равноправного субъекта КБАССР и конституционное закрепление данного положения;

— конституционное закрепление механизма участия Балкарии в подписании Союзного и Федеративного договоров в качестве равноправного субъекта;

— конституционное закрепление положения о формировании Верховного Совета КБАССР на основе функционирования двухпалатного парламента с паритетным правительством субъектов, образующих республику;

— создание механизма конституционного обеспечения паритетного представительства в высших органах исполнительной и судебной власти в республике, представителей субъектов, образующих республику, включая ротацию высшего государственного должностного лица".

"В случае игнорирования Верховным Советом настоящей резолюции, с момента подписания Союзного и Федеративного договоров считать, что балкарский народ не связан этими договорами и, в соответствии с Декларацией о суверенитете КБАССР, оставляет за собой право на решение вопросов о самоопределении", — отмечено в резолюции.

На съезде избраны представители балкарского народа для подписания Союзного и Федеративного договоров — народный депутат СССР академик Михаил Залиханов, проректор Кабардино-Балкарского государственного университета Хусей Чеченов, первый заместитель председателя Верховного Совета КБАССР Борис Чабдаров и представитель Народной общественной организации "Тере" ("Балкарский форум") Ильяс Бачиев.

Постфактум. 2 апреля 1991г.

* * *

Вслед за съездом балкарского народа состоялась конференция кабардинского народа, на которой было заявлено:

кабардинцы, входящие в адыго-абхазскую группу, — один из коренных и самых многочисленных народов в Кабардино-Балкарии;

поэтому они отвергают требование балкарского народа о создании двухпалатной системы в Верховном Совете КБАССР, выражают несогласие с некоторыми решениями 1-го Съезда балкарского народа...

* * *

В Нальчике организовано Общество "Сталин". Оно собирается издавать регулярную газету "Сталинец" и намерено, кроме пропаганды идей Сталина, поддерживать работу КГБ и МВД.

Известия. 8 апр. 1991г.

ДВЕ РЕСПУБЛИКИ В ОДНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Сессия ВС Кабардино-Балкарии одобрила указ президента республики и решения первого съезда кабардинского народа о создании республиканской гвардии в составе российской. Расценив появление новой военизированной структуры как препятствие к суверенитету, балкарцы отказались участвовать в формировании гвардии.

Ситуация сложилась уникальная. Съездами балкарского и кабардинского народов провозглашено два суверенных образования — Республика Балкария и Кабардинская республика. Однако 5 января избран первый Президент Кабардино-Балкарии 52-летний кабардинец Валерий Коков. В его выборах не участвовало абсолютное большинство балкарского населения, съезд которого избрал Национальный совет балкарского народа (НСБН), передав ему ряд властных полномочий. “Через два дня после балкарского съезда,— говорит председатель НСБН Борис Чабдаров,— ВС Кабарды принял постановление поддержать его решение о выходе из республики. Анализируя поведение высших должностных лиц в этой ситуации, прихожу к выводу: балкарцев отсекали намеренно”.

В том, что их давно подталкивали к выходу из республики, убежден и доктор исторических наук Ханафи Хутуев.

Для этого есть основания. И прежде всего крепко внедрившаяся в сознание кабардинской политической элиты идея возрождения адыгского общества, которая собрала бы под сенью единой государственности некогда большой и сильный этнос, частью истребленный, частью разбросанный по свету в результате Кавказской войны.

Главный теоретик этой идеи — бывший председатель комитета по законодательству Верховного Совета бывшего Союза, президент Всемирной черкесской ассоциации Юрий Калмыков. Он же возглавил исполком Конгресса кабардинского народа (ККН).

Балкария и расположенный по соседству через горную цепь Карачай, население которых составляет тюркоязычный этнос мусульман-суннитов с христианскими корнями, неизменно заявляющий о своем стремлении существовать в российском ареале, выпадает из идеи адыгской государственности. Разработчикам независимой от России великой Адыгеи последнее видится сильным субъектом будущей конфедерации горских народов Кавказа, президентом которой недавно избран преподаватель из Нальчика Юрий Шанибов.

Выйти из республики балкарцев толкнуло и игнорирование их требований, касающихся восстановления национально-территориальных районов, существовавших до ссылки народа в 1944 году, а также паритетного представительства балкарцев в органах власти, которое было главным условием создания в 1919 году Кабардино-Балкарии.

Как бы ни дезавуировали власти итоги общенационального балкарского референдума, состоявшегося в канун Нового года, он отразил мнение абсолютного большинства народа. 94,8 процента высказались за суверенную республику в составе России, и сегодня задача здравомыслящих политиков Кабардино-Балкарии совместно работать не над бериевским вариантом приструнения непокорных, а над цивилизованным обоюдодостойным разводом.

Однако, по мнению Тимура Ульбашева, заместителя председателя НСБН, руководству республики уже не дано ни понять, ни принять современных реалий, потому оно все глубже и настойчивее подводит мину под многонациональное сообщество не только республики, этносы которой за всю историю не

знали кровавых противостояний, но и всего Кавказа. Единственный сапер, который в состоянии обезвредить эту мину, по мнению Ульбашева, Россия. Ведь Кабардино-Балкария — идеальное место для реализации закона о репрессированных народах. Здесь нет проблем ингушей с осетинами, карачаевцев с казаками, немцев с саратовцами... В 26 балкарских селениях компактно проживает все семидесятитысячное балкарское население, так что установление границ суверенной Балкарии то ли по линии 1944 года, то ли по адресу сегодняшнего их расселения не пахнет кровью, что признают парламентарии России, знакомые с проблемой.

"Московские новости" 16 февр. 1992 г.

Кайсын КУЛИЕВ

ЖЕНЩИНЕ БАЛКАРИИ

*Сердце твое — это боли клубок,
Память твоя — страданий итог,
Знаю, терпению твоему
Камень и тот завидовать мог..*

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Как заявил корреспонденту "НГ" заместитель председателя меджлиса Рифат Чубаров, власти Крыма пытаются создать у местного русскоязычного населения превратное мнение о движении крымских татар. "Среди русских и украинцев распространяют слухи, лживую информацию о мнимых зверствах, совершенных крымскими татарами во время Великой Отечественной войны", — сказал он.

О мирном характере движения крымских татар свидетельствует обращение Курултая крымско-татарского народа к населению Крыма. В нем отмечается, что крымские татары, возвращающиеся на свою родину, не имеют никаких недобрых намерений по отношению к русскоязычному населению полуострова и рассчитывают на его поддержку в стремлении татар к национальной государственности...

Айдын МЕХТИЕВ

"Независимая газета" 2 июля 1991 г.

№ ГОКО 1828 СС

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО

29 мая 1942 г.

"1. В дополнение к ранее проведенному выселению из г. Краснодара, Новороссийска, Туапсе, Анапы и районов Таманского полуострова иностранных подданных и лиц, признанных социально-опасными, провести в двухнедельный срок в том же порядке выселение этих категорий лиц из городов и населенных пунктов Краснодарского края (Армавир, Майкоп, Кропоткинская, Тихорецкая, Приморско-Ахтарская, Ольгинская, Лебединская, Петровская, Варениковская, Тоннельная, Шапсугская, Лазаревская, Павловская, Крымская, Тимошевская, Куцевка и Дефановка) и Ростовской области (Ново-Батайск, Злобейская, и

прилегающие к Краснодарскому краю районы Азовский, Батайский и Александровский).

Выселению в административном порядке подлежат, кроме лиц, признанных социально-опасными, также лица НЕМЕЦКОЙ и РУМЫНСКОЙ национальности, КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ и иностранно-подданные (ГРЕКИ)".

"Авдет". 27 дек. 1991 г.

* * *

"ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР НАЧАЛАСЬ В 41-М..."

Воспоминания

Шла первая осень Великой Отечественной войны. В сентябре — октябре 1941 года под натиском превосходящих сил фашистских полчищ часть наших войск отступила через Керченский пролив на Кубань. В начале декабря наш полк передали саперному батальону, и мы прибыли в Темрюк. Помню, стоял трескучий мороз, даже соленая морская вода замерзла. 29 декабря нас подняли по тревоге, и мы двинулись по непрочному льду Азова в сторону Керчи, или вереницей в другие части на освобождение Крыма.

Под неожиданным ударом передовых частей 51-й Армии и других соединений войск и флота фашисты поспешно отступили на Запад по Керченскому полуострову. Но уже в районе Семи колодезей враг опомнился и остановил продвижение наших войск. Мы перешли в оборону. Начали рыть траншеи, строить блиндажи, минировать линию фронта.

Пополз слух среди красноармейцев, что фашисты в Керчи и ее окрестностях расстреляли очень много мирных жителей, и это меня очень обеспокоило. Я обратился к командиру части с просьбой отпустить меня на сутки домой, так как мои родители оставались в поселке Камыш-Бурун. По прибытии туда я обнаружил наш дом разрушенным, женщины рассказали, что мои переехали в село Самострой, что рядом с поселком. Когда я стал приближаться к Самострою, женщины-татарки с криками и рыданиями побежали мне навстречу, среди них мои сестры Бейе и Ремзие и моя мать, которая, не добежав, упала и потеряла сознание. Все плачут, проклинают немцев, обнимают меня. Когда мама пришла в себя, сестры рассказали, что фашисты всех мужчин и мальчиков угнали в Керчь и на станции Багерovo расстреляли около 8 тысяч человек: русских, украинцев, евреев с женами и детьми, крымских татар, среди которых были мой старый отец и брат. Я, видевший много крови и убитых на войне, сейчас удивляюсь бесстрашию моих сестер, перебравших гору окровавленных и окоченевших трупов, пока искали тела отца и брата.

На второй день я вернулся на передовую. В один из дней командир взвода говорит мне: получи у старшины роты сухой паек и иди в штаб батальона. Когда я явился туда, там было несколько десятков крымских татар и красноармейцев кавказских национальностей. От штаба нас повели еще на какой-то сборный пункт, где уже было много моих земляков-татар. К вечеру нас привезли на Камыш-Бурунскую пристань и погрузили на борт какого-то большого корабля. Там находилось около двух тысяч солдат, преимущественно крымских татар.

Почему нас сняли с фронта, куда везут, почему одни крымские татары? Толком на эти вопросы никто ответить не мог. На рассвете мы были в Новороссийске, а следующие сутки, в течение которых пережили страшный артобстрел фашистов, мы уже были в военном лагере на заснеженной горе над Тбилиси. Потом мы узнали, что сюда привезли еще несколько партий крымских татар. Холодный мартовский ветер, метет снег, а нас разместили в бре-

зентовых палатках. Спали не раздеваясь и не разуываясь. Здесь нас военному делу не обучали, кормили три раза в день пшеничным супом.

Через 10 дней ночью мы спустились с гор на железнодорожную станцию. Там стоял состав из 50 товарных крытых вагонов и в каждый нас помещали по 50 человек, подавляющее большинство снова крымские татары. Пока состав двигался от Тбилиси на юг, мы думали, что нас везут в Иран, так как там стояли наши войска, очевидно, для охраны грузов, поступающих из США. Но когда прибыли в Баку, стали двигаться на север, стало известно, что нас везут на фронт.

Но какой смысл перевозить нас, крымских татар, с фронта на фронт, да еще таким круглым путем? Это уже потом, через много лет я понял замысел Верховного Главнокомандующего. Сталин не хотел, чтобы мы участвовали в освобождении Крыма, так как ему нужна была причина для предстоящего выселения народа. Поэтому от нас решили избавиться, а еще лучше, просто истребить, отправив на самый тяжелый участок советско-германского фронта.

Ехали мы целый месяц через Москву, по освобожденным землям Калининской области и на какой-то станции Новгородской области разгрузились, прошли еще несколько дней по лесам и болотам и прибыли в 45-ю стрелковую бригаду, которая стояла на передней линии самого правого крыла Северозападного фронта. Был уже апрель 1942 года, снег еще лежал на земле, а под снегом — незамерзшая болотная вода. Нас разбили по ротам и батальонам, кушать давали 100 г. сухарей и по пачке концентрата пшенной каши. На пять солдат приходилась одна винтовка и пять патронов. Дорога в лесах — настиленная из бревен, очевидно, поэтому и не видно ни танков, ни тяжелой артиллерии. Окопаться нельзя — вода, траншеи строить тоже нельзя.

Скоро 1 Мая — праздник. В честь праздника — наступление. Рано утром прочитали политработники приказ “любимого” вождя Сталина о переходе в наступление по всему фронту. Небольшая артиллерийско-минометная подготовка и “Ура-а! За Родину! За Сталина! Вперед!” Поднялись, пошли, но фрицы такой бешеный огонь открыли из пулеметов и автоматов, а затем и минометов, что наших ребят как серпом косило. Назад отползти нельзя, раненых вынести с поля боя невозможно — сплошной огонь над головой.

С наступлением темноты огонь убавился, раненые, кто мог, и живые вернулись. Ночью послали группу красноармейцев за винтовками на поле боя — они притащили на плащпалатках нескольких раненых. Второго мая опять наступление — опять тот же ужас. После этих боев, из пополнения в полторы тысячи крымских татар в строю остались десятки.

А потом начался настоящий голод, крошки сухарей делили между солдатами ложками, варили сами щавель и крапиву, ни круп, ни картошки, ни соли. Воины в сожженных немцами селах искали под обломками домов шкуры животных, зерно, картошку. У солдат отекали руки и ноги, опухали лица до неузнаваемости, они умирали, как мухи.

Мне повезло: перевели в комендантский взвод по охране комбрига, у которого поваром был мой земляк Рустем. Он и давал мне остатки каши и тем самым спас меня от голодной смерти (Рустем или его дети, отзовитесь!).

Летом, когда бригаду сняли с передовой для вторичного пополнения, из крымских татар, кроме Рустема, я уже никого не видел. Остальные мои земляки навечно остались в болотах северо-запада и, в лучшем случае, некоторые ранеными ушли в госпитали...

Вот так уже в начале войны Сталин готовился освободить Крым от его коренного населения.

*И. Фахры. г. Джанкой
“Авдет” 27 дек. 1991 г.*

* * *

21 августа 1991 г. вооруженный автоматами отряд милиции под командованием вице-начальника Симферопольского РОВД подполковника Чекунова осуществил полный разгром строящейся мечети на самострое в Молодежном...

"Авдет", 22 авг. 1991 г.

СЕВИЛЬ

НА КРЫМСКИХ КЛАДБИЩАХ

Снесли полумесяц, разбили гранит,
Под этую грудой мой прадед лежит.
Мне больно смотреть, но я глаз не свожу,
У этих останков прощенья прошу:
Прошу за погибших, за нерожденных,
Прошу за воспетых, за оскорбленных,
Прошу за детей, за дедов своих,
За всех, кто на свете остался в живых.
Пусть памятник варварству вечно стоит
В разбитых останках от мраморных плит.
Пусть памятью горькой снова взойдет
Живой полумесяц на наш небосвод.

1989 год

ЗОНА

Поделили планету на зоны.
Зоны скрытности, зоны гласности.
Радиацией обожженные,
Зоны бедствия и опасности.
Моя Родина — зона отдыха,
Чьих-то прихотей наглых невольница.
Слезы капаят в чашу без промаха —
Скоро-скоро она переполнится.

1990 г.

* * *

В молитве спасенья прошу я у Бога:
Чтоб стала последней нам эта дорога.
Еще, чтобы в глазах не погасла надежда,
Чтоб жили в веках мы на родине прежней.
Еще попрошу я у крымского неба
Чтоб было в достатке и соли и хлеба.
Чтоб свадьбы играли, не ведали бедствий,
Чтоб дети не знали недоброго детства.

1991 г.

"Авдет" 13 дек. 1991 г.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

“Дорогая редакция! Помогите нам, одиноким престарелым людям. У меня нет ни детей, ни родственников. И очень хочу еще пожить на своей родной земле в Крыму. Я — симферопольская. Родилась в доме по улице Училищная, 32. У меня в руках план дома на имя моей мамы. Мне 67 лет, живу в коммунальной квартире, самостоятельно переехать и приобрести жилье у меня средств нет. С родины меня насильно увезли в 18 лет... Шлю свое стихотворение:

Любимый Крым, мой дом родной,
Ах, как тоскливо без тебя живется.
Нам снова стань спасительной стеной,
Пусть о нее неправда разобьется!
Года идут, сгорают без возврата.
И с ними те, кто жил, мечтал когда-то,
Боролся, ждал и верил, верил свято,
Что мы вернемся, мы придем обратно!
Из года в год весна врывалась селем,
И нам казалось, что настал момент:
Как в сказке мы окажемся у цели...
За часом час весь год десятки лет...

22 сентября 1992 г.

*Шефика Османова
г. Гафуров, Таджикистан.
Из газеты "Арекет", Крым,
30 ноября 1992 г.*

* * *

В связи с разгромом палаточного городка крымских татар в поселке Красный Рай в ночь на 1 октября председатель Меджлиса крымскотатарского народа Мустафа Джемилев передал агентству НЕГА следующее Заявление: “Более 2 тысяч семей крымских татар — уроженцев Алуштинского района, возвратившихся на родину, около 2 лет дожидаются в Алуштинском горисполкоме очереди на получение земельных участков для строительства жилья. По участки под различными предлогами не выделяются. Земли раздают под дачи преимущественно и в спешном порядке русскоязычному населению, то есть тем самым людям, которые в 1944 году были переселены в Крым и поселены в незаконно отнятые дома крымских татар.

Летом этого года группа крымских татар (около 200 человек), не находя иного выхода, была вынуждена занять земельный участок в поселке Красный Рай недалеко от города Алушты. 10 июня власти натравили на них толпы пьяных граждан, которые вместе с примерно 70 милиционерами разгромили палаточный городок крымских татар. Десятки людей, в том числе несовершеннолетние дети, были жестоко избиты и искалечены. Имущество крымских татар было частично разграблено, частично конфисковано милицией; оставшееся было сожжено. Кроме того, прокуратура Крыма возбудила уголовное дело против самих же жертв нападения — крымских татар.

Однако крымские татары восстановили свой палаточный лагерь, и через две недели милиция предприняла повторную попытку разгрома. Но разгром не состоялся, так как навстречу милиционерам вышли трое крымских татар, об-

ливших себя бензином и заявивших, что если будет погром, то они подожгут себя.

19 августа состоялись переговоры между Меджлисом крымскотатарского народа и Алуштинским горисполкомом. Было подписано соглашение, по которому власти должны были предоставить жителям палаточного городка земельные участки, пригодные для строительства жилья, а крымские татары обязались убрать оборонительные сооружения вокруг своего городка, сократить до минимума число своих палаток и окончательно убрать палатки после получения земельных участков. Крымские татары скрупулезно выполнили все пункты соглашения, но земельных участков они так и не получили. Им предлагали участки только в горных местностях, где нет никаких коммуникаций, нет воды и невозможно подвезти стройматериалы. Это было, конечно, явной издевкой. И вот власти совершили новое вероломное нападение на незащищенный лагерь крымских татар.

Мы имеем дело с шовинистически настроенными чиновниками, которые сознательно нагнетают межнациональную напряженность и ведут дело к крупномасштабному конфликту... Вызывает сожаление и нерешительная, порой двуличная политика украинского руководства, которое вместо того, чтобы восстановить права депортированного народа на его земле, пытается угодить шовинистическое крымское руководство, предоставляя ему все больше и больше полномочий, дабы оно не обиделось и не заявило о своем отделении от Украины".

"Независимая газет" 3 окт. 1992 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации в связи с последними событиями в Крыму

Конфедерация репрессированных народов с возмущением констатирует, что политика геноцида в отношении крымскотатарского народа продолжается. Вместо того, чтобы принять действенные меры по восстановлению справедливости, полной реабилитации и возвращению народа на свою родину, власти Крыма совершают новые преступления против него. Только так можно квалифицировать разбойную акцию, предпринятую крымским ОМОПом 1 октября против лагеря застройщиков — крымских татар, вернувшихся на свои земли. Лагерь и временные постройки разрушены до основания, люди зверски избиты — более 20 человек ранены и госпитализированы, имущество разграблено, против большинства возбуждены уголовные дела.

Учинив беспримерное по своей жестокости избиение мирных граждан только за то, что они осмелились поселиться на пустыре, названном условно садом, власти подтвердили тем самым свою причастность к геноциду и нежелание признать право репрессированного народа на реабилитацию. На сегодняшний день из 200 тысяч вернувшихся в Крым крымских татар только 80 тысяч имеют жилье.

В этой связи Конфедерация заявляет:

1. Всю полноту ответственности за последствия кровавой расправы над мирным населением несут Верховный Совет и правительство Украины.

2. Мы требуем наказания инициаторов и исполнителей побоища, повторяющегося уже второй раз в местечке Красный Рай, и возмещения ущерба жертвам этого злодеяния.

3. Конфедерация оставляет за собой право предпринять действенные меры по защите поправных прав крымскотатарского и других репрессированных народов.

Конфедерация репрессированных народов обращается к властям государств СНГ с просьбой рассмотреть проект восстановления прав репрессированных народов, представленный Конфедерацией экспертной группе Совета глав государств СНГ через органы государственной власти Российской Федерации.

4 октября 1992 г.

Президент КРН. И. АЛИЕВ

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

...До сих пор в ушах стоит плач матерей и детей. Их, беззащитных, вместе со стариками, которые казались оплотом народа, прикладами сгоняли в ветхие вагоны с прощелями. Помню, как люди умирали от холода и голода в этих вагонах, как дети замерзали на руках у матерей, как штабелями складывали в вагонах мертвецов, как их выбрасывали в степях на полустанках под откос, как работники НКВД издевались над заслуженными людьми, как нас, из далекого тыла, не видевших гитлеровцев, обзывали предателями...

Много горя и унижений испытали все депортированные народы. А мы, месхетинские турки, и сейчас испытываем эти унижения и оскорбления, скитаясь по всей огромной территории страны, лишенные родины. До сих пор мы терпим великую ложь и великое преступление.

В течение 73 лет выработывалась твердая закономерность: крупная нация решает свои проблемы без учета интересов малых народов. И в наихудшем положении оказываются те, кто не имеет территориальных образований, государственности. В результате — обостряются межнациональные отношения.

Глубока рана, нанесенная всем нам Сталиным и его прихвостнями, по сей день кровоточит. Дальше терпеть неумогу — мы не успокоимся, пока не восстановим справедливость, признание за месхетинскими турками права на уважение их национального достоинства, на жизнь.

Нальчик

Р. САИДОВ, педагог

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 ноября 1991 г.

г. Бахчисарай

Генеральному прокурору РСФСР В. Г. СТЕПАНКОВУ

Копии: Президенту Казахстана Н. Назарбаеву

Президенту Азербайджана А. Муталибову

Президенту Кыргызстана А. Акаеву

Председателю Ассоциации тюркских народов Р. Мухаметдинову

Председателю Конфедерации репрессированных народов И. Алиеву

Президенту Конфедерации народов Северного Кавказа Ю. Шанибову

Направляю Вам протокол так называемого “схода граждан”, проходившего 23 окт. 1991 г. на территории колхоза “Сопка героев” Крымского района Краснодарского края под руководством ответственных руководителей органов власти не только сельского и районного, но даже краевого масштаба.

В протоколе отражены проникнутые духом шовинизма и открытого фашизма высказывания и угрозы в адрес проживающих в этом районе турок-месхетинцев. Итогом схода явилось решение насильственно выселить поголовно всех турок-месхетинцев и в дальнейшем не пускать на территорию района никого, кроме русских.

Таким образом, речь идет о готовящемся против тысяч граждан массовом преступлении, которое, судя по протоколу, не только не получит противодействия со стороны властей, но даже будет совершаться самими "правоохранительными органами" Краснодарского края.

Прошу Вас немедленно вмешаться и принять соответствующие меры, а именно:

— возбудить уголовные дела против руководителей указанного преступного "исхода граждан" по признакам статьи 74 ч. 3 УК РСФСР и обеспечить защиту прав проживающих в Краснодарском крае турок-месхетинцев.

*Предс. Меджлиса крымскотатарского народа
Мустафа Джемилев
"Авдет" 27 дек. 1991 г.*

РЕЗОЛЮЦИЯ

1 съезда общества месхетинских турок "ВАТАН"

Съезд, заслушав и обсудив доклад и содоклады, выступления делегатов и гостей, констатирует:

— общество "Ватан" выражает волю и чаяния всего народа, депортированного в 1944 году из Грузии;

— со времени учредительного съезда общества "Ватан" в тяжелом положении месхетинских турок никаких позитивных изменений не наблюдается: Закон о реабилитации репрессированных народов не действует, народ рассеян по всей территории бывшего СССР, язык, этническое своеобразие, национальная культура на грани исчезновения, геноцид месхетинских турок продолжается и усугубляется;

— за продолжающуюся трагедию месхетинских турок несут ответственность власти Республики Грузия, препятствующие возвращению народа на этническую родину, но так же и власти Российской Федерации и других стран СНГ, где вынуждены жить месхетинские турки, — ибо они не принимают никаких мер к возвращению нас на родину. Мировое сообщество и тюркоязычные народы остаются в стороне от страданий месхетинских турок, длящихся вот уже полвека.

Поскольку положение народа становится нетерпимым, съезд постановляет:

1. Только ненасильственный правовой механизм восстановления прав месхетинских турок является единственно приемлемым средством достижения нашей цели — вернуться на родину.

2. Поручить обществу "Ватан", представляющему интересы месхетинских турок, вновь обратиться к главам и парламентам Грузии и других государств бывшего СССР с требованием безотлагательного рассмотрения вопроса о редепортации народа.

3. Объявить о решимости месхетинских турок бессрочно и независимо от политической конъюнктуры, складывающейся в Грузии, бороться за свою полную реабилитацию, восстановление поправленных прав и возвращение в исторические места проживания — Ахалцихский регион Грузии.

4. Настоятельно потребовать от Президентов и руководящих органов России и других стран СНГ при заключении договоров с Грузией учитывать интересы месхетинских турок и в случаях отказа грузинской стороны позитивно решить наиболее острую проблему считать недопустимым заключение таких договоров.

5. Поручить обществу "Ватан" обратиться к международному сообществу, в ООН и его специализированные организации, СБСЕ с требованием помочь месхетинским туркам обрести отнятую родину.

6. Радикально расширить и укрепить контакты и взаимодействие с государственными и общественно-политическими организациями Грузии, добиться включения представителей месхетинских турок в состав парламентской комиссии по решению проблем репрессированного народа.

7. Обратиться к властям стран СНГ с просьбой распространить на месхетинских турок статус беженцев со всеми вытекающими из этого следствиями.

8. Поручить обществу "Ватан" от имени съезда вступить в Анкарский договор между 6-ю тюркскими государствами (Турция, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Азербайджан), просить их участия в решении судьбы репрессированного народа.

9. В связи с решением правительства Турции принять часть месхетинских (ахалцихских) турок на постоянное жительство поручить обществу "Ватан" определить механизм и порядок выезда отчаявшихся граждан бывшего СССР в Турцию. Договориться с властями Турции о том, что общество "Ватан" выступает посредником в этой акции.

*Принято единогласно 21 ноября 1992
Москва*

* * *

*Генеральному секретарю ООН
господину Бутросу Бутросу-Гали
Руководителям государств — членов ООН
Руководителям СБСЕ, ЕС, ЮНЕСКО
Всем народам доброй воли*

Ставим Вас в известность, что в ноябре 1944 года на основании Приказа Государственного Комитета Оборона N 6279 от 31 июня 1944 года были депортированы турки в количестве 115 тысяч человек из Месхетии-Джавахетии юга Грузии в Средне-Азиатский регион и в Казахстан.

В дальнейшем принятие половинчатых решений правительством бывшего СССР, затягивание восстановления поправных прав месхетинских турок привело к трагедии 1989—1990 годов в Узбекистане — второй кровавой депортации и дисперсному расселению народа по территории 14 государств, возникших после распада СССР.

Отныне месхетинские турки, насчитывающие 208 тысяч человек, разбросаны по всем странам СНГ, где брат брату стал иностранцем, где все мы стали беженцами без статуса беженца, лишены элементарных прав на существование, не по своей воле рискуем быть втянутыми в разного рода межнациональные конфликты. Нам грозит исчезновение как этноса.

Делегаты I съезда месхетинских турок обращаются к Вам в последней надежде на справедливость и просят Вашей помощи:

1. На основании резолюции ООН за N 429/у от 14 декабря 1950 года предоставить статус беженца 74 тысячам месхетинских турок, находящихся в бесправном положении в разных государствах бывшего СССР.

2. Принять меры для признания Республикой Грузия прав месхетинских турок на возвращение их на родину — в Месхетию и Джавахетию.

3. Обеспечить месхетинским туркам права человека в местах их нынешнего проживания до возвращения на историческую Родину.

21 ноября 1992 г.

Делегаты I съезда месхетинских турок

Москва

СПРАВКА

Данные УВИР МВД СССР по выезду советских граждан греческой национальности на постоянное место жительства в Грецию:

1985 год — 150 человек.
1986 год — 189 человек.
1987 год — 870 человек
1988 год — 2171 человек
1989 год — 10738 человек
1990 год — 23786 человек...

* * *

Понтийские греки бывшего СССР возвращаются на свою историческую родину — Элладу — почти через 3000 лет пребывания. Уезжают высококвалифицированные рабочие, специалисты, студенты и ученые, крестьяне, дети и старики. Покидают земли, где они родились и выросли... ибо в последние годы объективно все идет к полной ассимиляции и исчезновению греческого народа как этноса. "Уезжаем потому, что хотим остаться греками" — основной лейтмотив заявлений о выезде.

Николай ПАТУЛИДИ

ВМЕСТО ГИМНА

Осточертело дифирамбы петь.
От трубных звуков губы занемели.
Грошовый пряник да тугая плеть
Не привели понтийца к светлой цели.

Он всех соседей уважал всерьез,
На споры не растрчивал натуру,
И сквозь тысячелетия пронес
Своей великой родины культуру.

Куда бы ни был сослан наш собрат,
В каком бы ни селился диком крае,
Он, верно, даже сам кромешный ад
Мог обустроить наподобье рая.

Отеческих пенатов сладок дым,
Но быть важней на свете Человеком...
Какой бы ни звучал над нами гимн —
Понтийский грек был, есть и будет греком!

* * *

С 1 июля 1992 г. в Анапе стала выходить Общественно-политическая и историко-просветительская газета Международного объединения греков "Понтос", активизировалась деятельность по изданию книг (в частности энциклопедического словаря "Наследие Эллады" и др.).

6 сентября 1992 года на совещании председателей и представителей греческих Обществ Российской Федерации, состоявшемся в г. Краснодаре, рассмотрен вопрос о необходимости создания Объединения греческих обществ Российской Федерации.

12—13 сентября в Москве состоялось заседание оргкомитета по подготовке к проведению съезда греческих обществ Российской Федерации, утвержден проект Устава Объединения.

31 октября — 1 ноября в Москве состоялся съезд греческих обществ Российской Федерации. Председателем Национального Совета представителей объединения греческих обществ Российской Федерации избран Г. Ф. Меланифиди. Принят Устав объединения.

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

СПРАВКА

Министерства внутренних дел СССР о выселении на спецпоселение турецких, греческих, иранских граждан, принявших советское подданство

1 июня 1956 г.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 29 мая 1942 г. № 1828 и от 24 июня 1949 г. № 6100 сс из Краснодарского края, Ростовской области и Крыма были выселены на спецпоселение турецкие, греческие, иранские подданные и иностранные подданные, принятые в советское гражданство.

Кроме того, на основании постановлений Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856 сс, 21 февраля 1950 г. № 14133 рс из Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и с Черноморского побережья на спецпоселение в отдаленные районы страны по решению Особых совещаний выселены бывшие греческие, иранские и турецкие подданные, не имеющие гражданства и бывшие подданные этих государств, принятые в советское гражданство.

Всего в настоящее время на учете спецпоселений таких лиц состоит 35610 чел., в том числе подданных Греции — 21199, Ирана — 1150, Турции — 135, не имеющих гражданства — 2199, бывших иностранных подданных, принятых в советское гражданство, — 10297...

*“Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:
“Их надо депортировать”. Сборник документов.
М., “Дружба народов”, 1992. с. 222.*

СПРАВКА

о рождаемости и смертности спецпереселенцев

1945 г.

Наименование спецконтингентов	Родилось	Умерло	Взято на учет детей
с Северного Кавказа	2230	44652	1978
немцы	1914	6930	1578
из Грузии	599	6902	139
из Крыма	1099	15997	32
калмыки	351	3735	292

*“Иосиф Сталин — Лаврентию Берия:
“Их надо депортировать”. Сборник документов
М., “Дружба народов”, 1992. с. 237.*

* * *

..Право наций на самоопределение — не “выдумка” большевиков, не их “дар” “отсталым народам”. Это неодолимое стремление самих наций...

Покойный СССР был последней колониальной империей в мире — это признают все. Но давайте задумаемся над этим фактом.

Почему именно СССР сумел стать ПОСЛЕДНЕЙ империей, почему пережил Британскую или Французскую?

Только благодаря национальной политике большевиков. Они первые в мире широко шагнули навстречу стремлению наций к самоопределению, сделали это тогда, когда, быть может, еще и сами нации не до конца осознали это свое стремление.

В 1917 году большевики захватили власть в империи, расплзающейся как гнилое сукно. Что такое “гражданская война”? Мы, зацикленные на своих российских проблемах, со свойственным нам эгоцентризмом долдоним: “борьба красных и белых”... А вот в других республиках (скажем, Грузии) гражданская война совсем иначе смотрится. Для наших “окраин” (которые отнюдь не считают себя “окраинами”, ибо не видят в Москве центра мироздания), гражданская война — это прежде всего война России за восстановление старой царской империи в ее старых размерах, война с национальными государствами... Но как же эта война могла завершиться столь блестящей победой? Как слабая РСФСР смогла за три года (1918—1920) вновь “собрать” Российскую империю — повторить то, на что у царской монархии ушло добрых 200 лет (XVIII—XIX век)?

Благодаря действительно мудрой ленинской национальной политике.

Ленин никогда не смог бы восстановить старое Российское государство, никогда не смог бы вновь присоединить Украину, Северный Кавказ, Закавказье, если бы действовал методами царского правительства, насильственно присоединял и подавлял.

Ленин был настоящим государственным гением — и этот его ход был гениальным. “Ход” же состоял в провозглашении — внутри СССР — права наций на самоопределение, провозглашении — внутри СССР — национальных республик разного уровня (союзных, автономных и т. д.)... Ленин как строитель Российской империи, конечно, стоит на две головы выше Петра и Ивана.

Однако даже гений может лишь задержать объективный ход истории, но отнюдь не остановить его... Он “приостановил”, “подморозил” развитие исто-

рии на территории СССР, но взамен он воссоздал единую Империю, самую цепкую, самую жизнеспособную империю XX века... Но через 70 лет неизбежное совершилось. Как только Центр ослабел — тут же вырвались на волю вечные национальные настроения...

Леонид Радзиховский
"Новый взгляд" N 42—1992 г.

* * *

СССР перестал существовать в результате Соглашения о создании Содружества независимых государств, подписанного в Минске 8 декабря 1991 года руководителями Беларуси, Российской Федерации (РСФСР) и Украины как государствами-учредителями Союза ССР в декабре 1922 года.

* * *

Процессы национально-государственного и национально-этнического развития советского общества начали обретать новое качество.

* * *

В Туруханском районе Красноярского края в поселке Келлог проживает одна из самых малочисленных народностей севера Сибири — кеты. Лишенные средств к существованию, эти люди уже начинают пухнуть от голода и умирать. Это, так сказать, последняя стадия. Ей предшествовали деградация национальной культуры, нищета и алкоголизм. Сейчас же налицо опасность физического исчезновения малого народа.

Десятки комиссий разного уровня посетили Келлог — этот воистину страшный уголок России. Были иностранные делегации из Чехо-Словакии и Нидерландов. Всех потрясло увиденное. Но изменений к лучшему пока нет.

Уже вступил в силу Указ Президента Российской Федерации, предусматривающий передачу бесплатно пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий народам Севера в пожизненное владение. Но местные власти не идут навстречу, стараются не замечать кетов...

Г. Николаева,
автор кетского букваря.
"Федерация" № 36—1992 г.

* * *

Организовано переселение аварцев из Кварельского района Республики Грузия в Дагестан.

"Московские новости" 29 марта 1992 г.

Сегодня свыше полумиллиона азербайджанских лезгин не имеют ни территориальной, ни культурной автономии, а лезгинский язык не преподается в азербайджанских школах. Среди безработных соседнего Дагестана — 8 процентов лезгинки.

"Независимая газета" 9 сент. 1992 г.

Еврейский вопрос... немецкий вопрос... крымско-татарский вопрос... армянский вопрос... Лишь недалекие, не умеющие исторически мыслить люди не понимают, что все это РУССКИЙ ВОПРОС".

*Морис Симашко
"Литературная газета" 23 окт. 1991 г.*

ПАРЛАМЕНТАМ, ПРЕЗИДЕНТАМ, НАРОДАМ МИРА!

Как уже известно всему миру 14 августа 1992 года на территорию Республики Абхазия с целью ее оккупации вторглись войска Госсовета Грузии.

В распоряжении противника свыше 50 танков, 40 орудийных стволов, боевые вертолеты, другая техника.

Абхазы, русскоязычное население и представители многих десятков других национальностей (армяне, греки, эстонцы, турки) практически без оружия насмерть стоят, защищая свое жилище, деревни, города. Погибли десятки невинных людей, отдыхающих, женщин, детей, расстреливаются дома, курортные здания, школы, больницы. Идет грабеж и изгнание жителей из их жилищ, сотни людей взяты заложниками и подвергаются пыткам, введена плата за выдачу убитых.

Парализована экономика, кончается хлеб, медикаменты и горючее, организована информационная блокада Абхазии.

Просим срочно оказать давление на Госсовет Грузии и его главу Шеварднадзе, заставить его отвести войска и технику с территории суверенной Абхазии, прекратить кровопролитие и грабежи, направить в Абхазию гуманитарную помощь.

*Председатель Верховного
Совета Абхазии
17.VIII.92 г.*

Владислав Ардзинба

* * *

25 августа 1990 г. Верховный Совет Абхазской АССР принял Декларацию "О государственном суверенитете Абхазской ССР" и Постановление "О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии" — о строительстве государственно-правовых отношений с Грузией и другими республиками на договорных основах как собственник земли, недр и других природных ресурсов Абхазии.

26 августа 1990 года Президиум Верховного Совета Грузинской ССР принимает Постановление, в котором вышеуказанные акты Абхазской АССР признаны недействительными и не имеющими юридической силы как нарушающие территориальную целостность Грузии и противоречащие положениям ее Конституции.

23 июля 1992 года Верховный Совет Абхазской АССР принял решение, по которому прекращено действие Конституции Абхазской АССР 1978 года и восстановлена Конституция Абхазской ССР 1925 года.

25 июля 1992 года Госсовет республики Грузия, принимая во внимание, что это решение Верховного Совета Абхазской АССР является попыткой нарушения территориальной целостности Грузии, принял Постановление, в котором признал недействительным и не имеющим юридической силы данный акт.

(Одновременно средства массовой информации и пропаганды Грузии начали обвинять руководство Абхазии в проведении апартеида без приведения доказательств такого обвинения).

“Согласно статье 2-й Конвенции 1973 года “О пресечении преступления апартеида и наказании за него” апартеидом считается,— пишет в газете “Свободная Грузия” министр юстиции республики Грузия Джони Хецуриани,— политика и практика в том числе законодательного характера, целью которых являются установление и поддержание господства одной расовой группы над какой-либо другой расовой группой людей. Согласно этой же Конвенции, апартеид рассматривается как преступление против человечности, нарушающее принципы международного права и создающее серьезную угрозу международному миру и безопасности... На основании незаконно объявленной Декларации о государственном суверенитете Абхазии руководство Абхазской автономной ССР методично прибегало к законодательным и организационным мерам, целью которых являлось нарушение территориальной целостности Грузии и вывод Абх. АССР из состава Грузии...”

Органы государственной власти республики Грузия с целью защиты суверенитета Грузии и обеспечения единства законодательного регулирования на всей территории страны отменяли, приостанавливали или признавали не имеющими юридической силы противозаконные правовые акты Абхазской АССР... Несмотря на это, одержимое сепаратистскими идеями руководство Абх. АССР продолжало принимать антиконституционные правовые акты, последним проявлением которых было принятие решения о восстановлении Конституции Абхазской ССР 1925 года...

Для обеспечения безопасности движения на железнодорожном транспорте Госсовет Республики Грузия 11 августа 1992 года ввел чрезвычайное положение на железной дороге, осуществление которого возложил на вооруженные силы Министерства обороны и МВД Республики Грузия.

Перемещение вооруженных сил Республики Грузия на территории Абхазии с целью выполнения возложенных обязанностей руководство Абхазской АССР, “провозгласившее государственный суверенитет”, восприняло как “агрессию”, “оккупацию” оказало вооруженное сопротивление перемещенным на территорию Грузии военным силам...”

Джони ХЕЦУРИАНИ, министр юстиции Республики Грузия “К политико-правовой оценке актов, принятых высшим органом государственной власти и управления Абхазской АССР” — газета “Свободная Грузия”, Тбилиси, 1 сент. 1992 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ “О ГЕНОЦИДЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА”

14 августа 1992 г. вооруженные силы незаконно созданного Госсовета Республики Грузия без предупреждения вторглись в Республику Абхазия, захватили столицу г. Сухуми и оккупировали часть территории республики.

С первых часов своего вторжения войска Госсовета осуществляют на оккупированной территории беспредельный террор и физическое уничтожение стотысячного абхазского народа, изгоняют из Абхазии негрузинское население. Против мирного населения, гражданских объектов используются боевые вертолеты, оснащенные ракетами, бомбами, а также танки и гаубицы. Широко применяется оружие массового поражения — системы “Град”, объемные (игольчатые) снаряды и др., запрещенные Женевской конвенцией 1949 г.

Уничтожаются места компактного проживания абхазского этноса — села (Очамчирского и Сухумского районов.

Убийство абхазов, причинение им телесных повреждений, создание для них невыносимых условий направлены на полное или частичное уничтожение народа, попадающее под определение геноцида в статье 2 (Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.).

Только из-за национальной принадлежности грузинские боевики убивают детей, женщин, стариков, грабят, насилуют, в том числе и подростков, сжигают дома, школы, больницы, здравницы, музеи, административные здания, уничтожают памятники духовной и материальной культуры абхазского народа.

Госсовет Грузии не скрывает того, что проводит против абхазского народа политику геноцида. Так, Председатель Госсовета Э. Шеварднадзе 15 августа 1992 года заявил по грузинскому телесвидению: "Как и наши великие предки в борьбе за сохранение территориальной целостности нашего государства, мы ни перед чем не остановимся. Ради этого мы готовы погибнуть сами, но и уничтожить всякого, кто будет пытаться расчленить наше государство".

25 августа 1992 года по сухумскому телевидению главнокомандующий войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили заявил, что уничтожит всех абхазов.

Таким образом, налицо заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к нему и покушение на его совершение, именно то, что образует состав данного преступления в соответствии со Ст. 3 Конвенции от 9 декабря 1948 года. Одной из целей развязанного Госсоветом Грузии геноцида против абхазского народа является лишение исторически принадлежащей ему государственности.

Исходя из вышеизложенного, Президиум Верховного Совета Республики Абхазия постановляет:

признать массовый террор, физическое уничтожение людей, пытки пленных и заложников, осуществляемые Госсоветом Грузии в Республике Абхазия, актом геноцида абхазского народа.

Председатель Верховного Совета

Республики Абхазия

16 сент. 1992 г

.г. Гудаута

В. Г. Ардзинба

* * *

"Все народы Союза выходят на политическую арену и обретают свои истинные национальные имена"

*Э. Шеварднадзе. Из выступления на 47 сессии
Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 1992 года*

* * *

"Пигмеи подняли мятеж против человечности"

Э. Шеварднадзе. Из того же выступления.

Там же Э. Шеварднадзе поднял вопрос о необходимости выработки "критериев правосубъектности самоопределения этносов" (проще говоря — указать, каким этносам можно самоопределяться, а каким — нельзя. — Прим. ред. сост.)

...Бывают минуты, когда понимаешь, что Правда не есть Истина, что Истина гораздо больше и важнее Правды. Когда столетнего старика привязывают за ноги к дереву и расстреливают за то, что он сепаратист — но ведь он и был сепаратистом... Когда девочке с косичками приставляют к виску автомат, потому что ее родители — абхазцы, да еще не говорят, где у них спрятано золото, — и это правда, они не говорят...

Железная дорога была для Грузии дорогой жизни. Для грузинских властей — обнаженным нервом, за который каждая уважающая себя оппозиция, как за ниточку, дергала, чтобы о ней не забыли в Тбилиси. А для Абхазии...

А для Абхазии "железка" всегда была как бы привычным злом. Протянувшись из конца в конец цветущей приморской зоны, она не имела большого экономического значения для республики. Всего один процент доставлялся в Абхазию по железной дороге. Остальное — морем, на самолете, автотранспортом. А сколько неприятностей — грязь, шум, диверсии... Диверсий же происходило лишь три процента от общего их числа по всей Грузии. Да и те — в приграничном Гальском районе, где на десятерых грузин приходится — самое большее — один абхазец. И вот, как метод охраны коммуникаций, война.

Абхазские ополченцы разбирают теперь дорогу на противотанковые ежи. Они говорят: "Россия дала Грузии танки, а нам противотанковых средств не дала. Надо, значит, самим позаботиться о своей безопасности". Что бы о них ни говорили — сепаратисты, диверсанты и проч. — а ведь они правы. Не нужна им здесь железная дорога, и танки не нужны...

Интересный факт: пока в Абхазии идет война и железной дорогой здесь мало кто интересуется, грузины взрывают ее на своей территории.

Остаться воевать или покинуть Абхазию — это личное дело каждого добровольца. Они приехали сюда не из политических соображений, а из моральных — защищать слабого... Но странно, добровольцы на стороне Абхазии — как будто на глазу грузинского, да и российского руководства. А вот наемники, сидящие в танках, вертолетах, штабах на грузинской стороне, никого особенно не волнуют. Может быть, членство в ООН дает право нанимать военных? И не только военных... На грузинской стороне действует такое дикое формирование, как "Белые колготки". Это — женщины-мастера спорта по стрельбе, из Прибалтики и России. Работают снайперами. Зарплата выше среднего плюс высокие гонорары — за труп, разумеется.

...Войны бывают справедливыми и несправедливыми. Грузия, напав 14 августа на Абхазию, сразу же оговорила: эта война справедливая, потому, что она, помимо других причин, "за территориальную целостность Грузии". С тех пор по грузинскому телевидению диктор, перечисляя жертвы с грузинской стороны, так и говорит: они пали за территориальную целостность Грузии! А почему не за родину? Видимо, потому, что Абхазия никогда не была родиной даже для проживавших там грузин.

Абхазия — родина абхазцев, любящих ее. Их немного, а горе их велико. Вина же их в том, что Абхазия — сказочно прекрасная и богатая страна. Сегодня за это убивают — за родину.

23 августа прокуратура Абхазии возбудила уголовное дело по факту грабежей, разбоя и мародерства в городе Сухуми, занятом войсками Госсовета Грузии. Из заявлений очевидцев и пострадавших, поступивших к началу сентября, известно, что грабят по заранее составленным спискам дома абхазцев, русских, армян. В первую очередь богатые дома. Кроме того, разграблены большинство научных и культурных учреждений в Сухуми, коммерческие магазины и банки (вся имевшаяся в Госбанке Абхазии наличность — 75 миллионов рублей — вывезена в Грузию).

С грузинской стороны также было несколько официальных сообщений о разбое и притеснениях грузинского населения на территории, контролируемой абхазцами...

На мосту в Нижних Эшерах навстречу друг другу шли люди. Одни из Сухуми — с одной-двумя сумками, чаще — с пустыми руками. Другие — с абхазской стороны — с тюками из простыней, с чемоданами, с рюкзаками. Несли на себе, везли на тачках, на велосипедах. Вот два характерных случая. Женщина-грузинка “бежит” от абхазцев: “Мы каждый день ждем — вот-вот начнут грабить. Больше не можем здесь оставаться, нервы не выдерживают!”. Она идет в Сухуми с семьей. Семья уже далеко впереди, виден только удаляющийся разноцветный скарб. Сама же она отстала, потому что ее велосипед, похожий на верблюда, — с двумя баулами по бокам, тяжел и неустойчив...

И пожилой абхазец идет из Сухуми: “Они (гвардейцы грузинские) забрали у меня все. Даже бритвенные принадлежности забрали, понимаешь”. Он идет налегке — с целофановым пакетиком... Люди с абхазской стороны шли семьями. Из Сухуми же — в основном поодиночке. Одна девочка — не больше десяти лет — пришла с соседом. Где ее родители — неизвестно...

Пострадавший же грузинский дом я видел только один — в Нижних Эшерах. Он был разрушен, как и многие дома вокруг, грузинской артиллерией. На развалинах сидели хозяева. Они сказали нам: “Нам не нужна эта война”. Абхазцы говорят то же самое.

И. Ефимов
“Московская правда”, 3 октября 1992 г.

* * *

Его превосходительству господину БУТРОСУ БУТРОСУ-ГАЛИ,
Генеральному Секретарю ООН

Уважаемый господин Генеральный секретарь. Вновь продолжается и принимает все более широкие масштабы военная агрессия, начатая проникшими с севера наемниками и абхазскими сепаратистами против Грузии, суверенного государства — члена Организации объединенных наций. До сегодняшнего дня усилия миротворческой дипломатии не дали положительных результатов.

Согласно достоверной информации, полученной из надежных источников с оккупированной территории, здесь совершаются массовые убийства, пытки, надругательства над мирным населением и другие нечеловеческие действия. Трудно поверить, что такие варварские акты имеют место в XX веке.

От имени правительства Грузии я хочу через Вас обратиться к членам Совета Безопасности с просьбой рассмотреть вопрос о создании Комиссии по исследованию злодеяний войны, дабы изучить и собрать факты, подтверждающие совершенные в Грузии нечеловеческие действия. Грузия готова весторонне сотрудничать с такой комиссией и представить ей фотоснимки, видеопленки, показания очевидцев и другие соответствующие необходимые материалы.

Хочу сообщить, что с аналогичным письмом мы обратились к председателю Совета Безопасности и просили распространить его в виде официального документа Совета.

Разрешите мне, господин Генеральный секретарь, засвидетельствовать мое глубокое уважение к Вам.

Тбилиси
10 октября 1992 года

Эдуард Шеварднадзе
Председатель Госсовета Грузии

* * *

15 апреля 1993 года.

Грузия продолжает "покорять" и "усмирять" свободолюбивую Абхазию, на стороне которой воюют не "наемники", как называет сторонников абхазцев Э.Шеварднадзе, а волонтеры-представители почти всех народов Российской Федерации.

И никакие самые хитроумные и изощренные декорации не скроют правды. Грузия выступает агрессором и колонизатором и уже потому обречена на поражение...

КОНФЕДЕРАЦИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

1 СЪЕЗД КОНФЕДЕРАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ РСФСР Материалы съезда*

Первый съезд Конфедерации репрессированных народов РСФСР состоялся 1—3 июля 1991 г. в г. Москве, был посвящен проблемам репрессированных народов и разработке путей их решения.

Съезд принял новых коллективных членов Конфедерации — общественные и общественно-политические организации советских греков, советских корейцев, месхетинских турок, чеченцев, ингерманландских финнов. Таким образом, "Конфедерация репрессированных народов", учрежденная в ноябре 1990 г. общественно-политическими движениями балкарцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар и советских немцев и зарегистрированная Минюстом РСФСР 21 мая 1991 года, объединяет организации десяти репрессированных народов и координирует их работу.

Съезд сформировал новый состав Президиума. Прямым голосованием съезд избрал на новый срок Председателя Конфедерации — И. Алиева и его заместителей — С. Ахильгова и Г. Гроута. Съезд принял ряд обращений и резолюцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1 СЪЕЗДА КОНФЕДЕРАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ РСФСР

...Съезд, ставивший своей задачей обсуждение проблем репрессированных народов и путей их решения, отмечает, что до настоящего времени ряд народов, подвергшихся партийно-государственному террору, физическому и моральному геноциду, насильно расселенных дисперсно по разным регионам СССР, находятся в неравном с другими народами положении. Не восстановлены национальная государственность и территориальная целостность ряда наро-

* Печатается в сокращении

дов, утрачиваются их национальная культура, язык, этническая самобытность. Принятый 26 апреля 1991 г. Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" встретил в целом понимание и поддержку в стране. Впервые создана правовая основа для решения давно назревших проблем. Вместе с тем имеются факты произвольного толкования, ревизии и даже игнорирования Закона. Обсудив проблемы репрессированных народов и намечая пути их решения на правовой основе, съезд считает необходимым:

1. Поддержать ширококомасштабные демократические преобразования в РСФСР и в стране в целом.

2. В соответствии с правом законодательной инициативы Конфедерации направить в ВС РСФСР пакет проектов законодательных актов по реабилитации, представленных общественно-политическими организациями ряда народов.

3. Считать делом первостепенной важности разработку и опубликование правительственных программ по реабилитации каждого репрессированного народа.

4. В соответствии с правом законодательной инициативы просить Совмин РСФСР включить в состав государственных комиссий по каждому репрессированному народу представителей Конфедерации, делегируемых первым съездом.

5. Просить ВС РСФСР приостановить приватизацию на территориях исторического проживания репрессированных народов РСФСР вплоть до полной реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов", национальная государственность которых была восстановлена ранее.

6. Учитывать при проведении в жизнь Закона о собственности на землю, что для ряда репрессированных народов их земля есть не только объект хозяйственной деятельности, но прежде всего — Родина, священная земля предков, которая не может быть объектом купли-продажи, обеспечивая при этом максимальную свободу всех форм хозяйственной деятельности.

7. Обеспечить всем репрессированным народам как субъектам федеративно-го российского, так и союзного договоров возможность подписания этих договоров с добровольным делегированием полномочий на соответствующем уровне.

8. Просить ВС и правительство РСФСР осуществлять реализацию Закона "О реабилитации репрессированных народов" под их исключительной юрисдикцией, не перекладывая проблемы реабилитации на региональные структуры власти, и обеспечивая ее государственными гарантиями.

9. Считать неправомерными решения вопросов национально-государственного устройства репрессированных народов (например, Карачаево-Черкесская АССР) без их волеизъявления.

10. Считать неправомерной, вступающей в противоречие с Законом о реабилитации, ст. 3 Проекта Союзного договора о том, что "участники договора признают границы, существующие между ними на момент подписания договора". Считать возможным подписание договора лишь после восстановления национальной государственности всех репрессированных народов.

11. Считать необходимым финансирование ряда программ реабилитации из бюджета Союза ССР, поскольку репрессивные законодательные акты в отношении народов принимались на союзном уровне.

12. Считать необходимым, основываясь на присоединении СССР к международным пактам и соглашениям по правам человека, создать международную комиссию по правам репрессированных в СССР народов с участием представителей Конфедерации.

13. Поддержать требования о национализации имущества и средств КПСС, руководство которой было и остается ответственным за геноцид в отношении репрессированных народов и донныне преступно бездействует, либо усугубляет

своими несостоятельными решениями и постановлениями проблемы восстановления справедливости и законности.

14. Осудить трагедию населенных пунктов Сауту, Глашево (Балкария) и Хайбах (Чечено-Ингушетия), полностью уничтоженных и стертых с лица земли вместе с жителями в момент депортации, как акт геноцида, привлечь к ответственности преступников и потребовать восстановления этих населенных пунктов за счет государства и средств КПСС.

15. Просить ВС РСФСР дать указания соответствующим ведомствам и государственным учреждениям открыть для свободного ознакомления все архивные материалы по репрессированным народам.

16. Поддержать реабилитацию казачества как историко-культурной общности, представляющей самобытный пласт русской культуры. Выразить в то же время серьезную озабоченность антиконституционной милитаризацией казачества, его расслоение на "белых" и "красных", которое представляет потенциальную опасность как для самого казачества, так и для соседних народов. Обратиться к казачеству России и страны с предложением сохранять дух добрососедства, куначества, дружбы и взаимопонимания, донине определявших отношения наших народов.

17. Выразить недоумение и озабоченность в адрес Министерства обороны и МВД СССР в связи с размерами утечки боевого оружия различного уровня и потребовать пресечь эту утечку.

18. Обратиться к средствам массовой информации с просьбой о систематическом и объективном освещении проблем репрессированных народов.

Съезд Конфедерации репрессированных народов РСФСР полагает, что скорейшее проведение в жизнь Закона "О реабилитации репрессированных народов" на правовой, конструктивной, гуманной основе будет способствовать установлению гражданского мира в стране, снимет социальную напряженность, предупредит новые межнациональные конфликты, восстановит историческую справедливость и навсегда перечеркнет самую мрачную страницу отечественной истории. Конфедерация репрессированных народов готова к конструктивному сотрудничеству с органами государственной власти, общественными объединениями в деле гуманного, правового решения проблем репрессированных народов.

*Принято единогласно
03.07.91 г.*

О ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАКОНА РСФСР "О РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ" И ЗАДАЧАХ КОНФЕДЕРАЦИИ

Из доклада председателя КРН Исмаила АЛИЕВА
на Чрезвычайном съезде Конфедерации РН

...Национальная политика российского руководства претерпела эволюцию от благородного провозглашения неотъемлемых прав народов России в Декларации о ее государственном суверенитете до полного игнорирования самого понятия "народы" в Договоре об СНГ. Вместо "народов" в этом документе появился вновь термин "нацменьшинства"... Стали появляться "программные" документы и концепции, согласно которым автономии предлагалось упразднить, а Россия делилась на наднациональные штаты или земли на манер США или ФРГ. И никаких национальных проблем... Но именно этот путь — попытка игнорирования автономий — прямой путь к необратимому развалу России.

Неизбежным следствием такой "политики" явилось провозглашение Чеченской республики, появление проблемы Татарстана... Вместо того, чтобы незамедлительно сесть за стол переговоров с каждой из автономий и на уровне воли народов определиться с кругом полномочий Российское руководство перешло к политике нервного "натягивания вожжей", к тактике заигрывания с казачеством, манипулируя его реальными проблемами и общественным мнением.

Цель этого заигрывания очевидна и цинична. Остаться лояльным в глазах общественности и в то же время, эксплуатируя патриотические чувства казачества, продемонстрировать "неспокойному" и "непонятливому" Кавказу посредством казачества российские "мышцы". В рамках этого заигрывания последовало провозглашение ряда казачьих республик, президентское благословение на создание казачьей гвардии... наконец, последовало распоряжение о создании комиссии по реабилитации казачества под присмотром С. Шахрая... К несчастью, во главе многих казачьих кругов стоят атаманы, подобранные и поставленные в свое время обкомнами и крайкомами КПСС. В порядке реализации "демонстрации мышц" раздали на всю Россию истерические крики: "Смертельная опасность надвигается на Россию с Кавказа!". Заметьте, надвигается не из Центра, который привел Россию вплотную к экономическому краху и политическому развалу, не от правительства, которое показало непревзойденные в цивилизованном мире образцы экономического бандитизма, опустошая карманы граждан собственной страны, в том числе и славных казаков, а именно с Кавказа, где "злой чечен" посмел провозгласить Республику вне России, а другие не менее "злые нацмены" тоже смеют хотеть иметь свои нацобразования хоть и в составе России. Срочно стало восстанавливаться подобие пресловутой "кавказской линии". И лишь наивные этого не видят...

Однако, на наш взгляд, и в игре с "казачьей картой" допущены просчеты, которые могут иметь для России весьма серьезные последствия. Вплоть до потери всего Северного Кавказа.

Это связано, во-первых, с тем, что некоторые руководители казачества сегодня начинают распознавать сценарий, разыгранный в 20-е годы, когда казачество использовали как белых и красных, обеспечив массовую бойню в России, а затем оставшихся в живых пустили "под нож" — рассказали.

Во-вторых, по наблюдениям последнего времени, наиболее воинствующая (и наиболее дремучая) часть казачьего руководства, питаемая идеями тесно связанной с ней бывшей партноменклатуры, ставит вопрос об отторжении части территории некоторых автономий Северного Кавказа и "увода" их в состав вновь недавно провозглашенных Кубанской и Терской казачьих республик... Претензии на территории в составах автономий под видом территориальной реабилитации с полным игнорированием мнения коренного, в том числе и русского населения, могут иметь тяжелые последствия.

Нас второй год подталкивают к новой Кавказской войне под разными предлогами и истерическими выкриками... Есть силы прямо в такой войне заинтересованные... Народы Кавказа и казачество пока это осознают, хотя нарастающая милитаризация населения Северного Кавказа и особенно казачества после пресловутого разрешения Ельцина на формирование казачьей гвардии, становится малоутешительной реальностью. И дело тут не в нагнетаемом противостоянии. Граждане видят, что государство Российское неспособно вполне обеспечить их личную и имущественную безопасность, и если так пойдет и дальше, в повестку дня станет проблема формирования национальных гвардий в массовом порядке, за которой — последняя черта. Это — глобальное обострение межнациональных проблем на почве разыгрывания казачьей карты бесспорная причина срыва реализации Закона о реабилитации репрессированных народов.

Другая особенность ситуации в том, что казачество, провозгласившее свою республику, непозволительно быстро для своих "патронов", стало прозревать в движении к своим истокам и осмысления себя как народа, в основе которого лежит тюркский этнос — половцы. Если это осмысление произойдет, Россия рискует быть отсеченной от Кавказа сильной, ею же выпестованной и вооруженной "буферной" казачьей республикой... При таком повороте событий народы Кавказа окажутся перед дилеммой: либо добиваться дальнейшего размежевания каждого народа, что является естественной защитной реакцией этноса на фоне всеобъемлющего экономического и политического кризиса, либо, при нарастании эскалации напряженности, объединится в союз кавказских республик. Здесь подчеркнем одну интересную историческую деталь: "воинственные", как их любят представлять, кавказские народы никогда практически между собой войн не вели, исключая мелкие стычки, которые случаются даже внутри этноса. Это весьма основательная база для конструктивного разговора между народами Кавказа. Есть нам о чем говорить и с казачеством, если, разумеется, оно перестанет примерять на себя мундир жандарма на юге России.

Таким образом, национальная (а точнее сказать — псевдонациональная) политика Российского руководства привела к обострению межнациональных отношений во всей России и поставила ее народы перед процессом распада единой государственности.

Этому прямо способствуют многочисленные попытки игнорирования той очевидной истины, что Россия исторически сложилась как государство присоединяемых этносов с их собственными территориями, в отличие, скажем, от США, которые сформировались как федерация захваченных иммигрантами территорий в других исторических условиях. Те российские законодатели, которые пытаются загнать решение национального вопроса в России в американском варианте в проект новой Конституции, по сути дела реанимируют сталинские идеи создания "новой исторической общности людей" — "социалистической нации". Так сомкнулись левые и правые силы, толкующие о формировании разной по форме, но одинаковой по сути своей "наднациональной общности", которая отрицает национальные проблемы, и тем более образование или возрождение по национальному признаку государств. Здесь-то и находятся скрытые истоки невыполнения Закона о реабилитации.

Конфедерация репрессированных народов стремится к единой и сильной Российской Федерации. Но к такой федерации, в которой уважались бы и учитывались интересы каждого, даже самого малочисленного этноса... Собрать Россию надо немедленно. Собрать и строить снизу вверх, на безусловно добровольной основе, отшвырнув как имперские, так и националистические амбиции...

Нальчик

15—16 февраля 1992 г.

ОБРАЩЕНИЕ

*Генеральному секретарю ООН
господину Б. Бутросу Гали*

Уважаемый господин Генеральный секретарь!

9 декабря 1948 года была принята Конвенция ООН "О предупреждении преступления геноцида и наказания за него". Конвенция была ратифицирована Советским Союзом в 1954 году.

Начиная с 30-х годов руководство СССР под разными предлогами подвергло национальным репрессиям целые народы. Балкарцы, ингуши, греки, карачаевцы, корейцы, крымские татары, российские немцы, чеченцы, ингерманланд-

ские финны, калмыки, месхетинские турки, курды, хемшиды — были поголовно репрессированы по признаку национальной принадлежности и депортированы с мест исторического проживания и затем дисперсно расселены в северо-восточных регионах СССР с суровыми природными условиями. Национальные богатства этих народов были частью расхищены, уничтожены, частью присвоены государством. В местах поселений был установлен жесточайший комендантский режим. Так, например, перемещение представителей депортированных народов из одного населенного пункта в соседний без разрешения спецкомендатуры расценивалось как попытка побега и каралась без суда и следствия ссылкой на каторгу сроком на 20 лет.

В результате этих варварских акций погибло до половины и более населения перечисленных народов, нанесен огромный, во многом невосполнимый ущерб этносам, и только пяти из вышеназванных народов позволено вернуться на места исторического проживания без восполнения поправленных прав. Остальные продолжают существовать дисперсно в статусе народов без определенного места жительства.

Парламентами бывшего СССР и России были приняты законодательные акты о реабилитации репрессированных народов, однако, ни один из этих актов не проведен и не проводится в жизнь.

Мировое сообщество имеет дело с беспрецедентным нарушением не только прав человека, но и целых этносов, которые испытали геноцид, полностью подпадающее под его определение в ст. 2 указанной Конвенции.

В связи с изложенным, а также с учетом того, что в связи с распадом СССР и выступлением России и других стран СНГ в качестве правопреемников СССР Чрезвычайный съезд Конфедерации репрессированных народов обращается к ООН с просьбой:

— в соответствии с упомянутой Конвенцией ООН квалифицировать национальные репрессии в отношении перечисленных выше народов как акты геноцида;

— потребовать от государств СНГ — членов ООН признать национальные репрессии как акты геноцида с вытекающими из Конвенции ООН обязательствами перед ООН и перед репрессированными народами;

— воздерживаться от приема в члены ООН государств бывшего СССР, в которых нарушаются права человека и этносов.

Принято на Чрезвычайном съезде Конфедерации
репрессированных народов РФ

*Председатель Исмаил Алиев
15 февраля 1992 года*

г. Нальчик.

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Председателя Конфедерации
репрессированных народов
Российской Федерации
Исмаила Алиева*

В связи с последними событиями в Кабардино-Балкарии и резким обострением и без того сложной ситуации на Кавказе считаю необходимым от имени Конфедерации заявить следующее.

Мы находим политику, проводимую руководством России на Кавказе, непродуманной и недальновидной. Мы считаем недопустимыми и оскорбительными политические эпитеты вроде "Кавказ — это форпост юга России", "это — пограничный рубеж России", "санитарный кордон России" и прочие. Кавказ — это прежде всего тысячелетнее содружество разных народов, ни один из которых, включая русских кавказцев и рядовое казачество, сегодня воевать не хочет, врагов и конфликтов не ищет. Именно на Северном Кавказе сохраняется стабильность в межнациональных отношениях. Мы считаем недопустимым и преступным создавать в рамках демократического государства новые образцы врагов — народов, врагов — лидеров.

Мы не разделяем некоторые позиции и методы деятельности лидеров Конфедерации горских народов Кавказа, однако отдаем должное этой организации в деле мобилизации народов Кавказа для оказания моральной и материальной поддержки абхазскому народу, подвергнутому беспрецедентно жестокой карательной акции, которому мы вновь выражаем свою солидарность.

По этой причине задержание одного из лидеров Конфедерации горских народов мы расцениваем как провокационное, могущее взорвать ситуацию на Кавказе.

Эта напряженность усиливается эскалацией на Северный Кавказ нарастающего экономического хаоса, беспрецедентной, почти открытой распродажей боевого оружия. Она усилилась президентским указом о реабилитации казачества, не обеспеченного никакими механизмами. По существу и невольно для самого казачества указ поставил его в условия особого землепользования, особого управления, особого воинства. Особого по сравнению с горскими народами, в том числе до сих пор не реабилитированными. По существу это откровенное противопоставление казачества помимо его воли другим народам Кавказа, в том числе русским, которое, как показывает весь давний и недавний исторический опыт России, оборачивалось трагедией прежде всего для самого казачества.

На этом фоне необоснованное и никак не объясняемое насыщение регионов Северного Кавказа войсками, в том числе спецназначения, все более воспринимается его народами не только как новое проявление недоверия к ним, но и желание российского руководства создать огромный очаг напряженности и конфликтов с целью отвлечь внимание всей российской общественности от катастрофических провалов в экономике, неудач во внутренней и внешней политике.

Использование грубой военной силы Госсоветом Грузии, проводимое с использованием российского оружия, все более воспринимается народами как косвенный урок, преподаваемый руководством России народам Северного Кавказа.

В связи с изложенным мы призываем руководство России четко и недвусмысленно заявить о национальных интересах России на Северном Кавказе и прекратить поддержку руководства Грузии в его противоправной политике.

Мы призываем руководство Российской Федерации покончить с двусмысленной политикой беспардонного и нервного натягивания вожжей в отношении народов, осуществляемой часто отдельными и не самыми компетентными лицами.

Мы призываем перейти к взвешенной государственной национальной политике, безусловно уважающей права, интересы и чувства всех без изъятия народов Российской Федерации.

Мы призываем все народы России и более всего народы Северного Кавказа мобилизовать всю свою вековую мудрость, чтобы не дать разжечь на Кавказе братоубийственную войну.

РЕЗОЛЮЦИЯ

*III съезда Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации
Москва 29 ноября 1992 г.*

III съезд Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации, состоявшийся в Москве 28—29 ноября 1992 г., ознакомившись со свидетельствами нового геноцида в отношении репрессированного ингушского народа, обсудив положение других репрессированных народов и ход реализации Закона о реабилитации, а также вопросы деятельности Конфедерации, констатирует:

1) органы власти России в центре и на местах по-прежнему срывают выполнение Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов», ими развернута целенаправленная пропагандистская кампания по дискредитации и отмене названного закона;

2) постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие Закона «О реабилитации репрессированных народов» полностью нарушено, правительство России в противоречие с данным постановлением не обеспечило разработку механизма реализации Закона до конца 1991 г., правительственные комиссии по проблемам репрессированных народов практически бездействуют;

3) в противовес интересам реабилитации репрессированных народов полным ходом идет подготовка правового акта по защите прав так называемых насильственно переселенных народов, не имеющего юридической основы;

4) фактический отказ руководства России от реабилитации ингушского народа, поощрение центром антиингушской политики в Северной Осетии привели с санкции российского руководства к актам геноцида против ингушей, гибели и страданиям десятков тысяч людей;

5) вокруг проблем репрессированных народов, в частности вокруг геноцида против ингушей организована информационная блокада;

6) высшие должностные лица России игнорировали работу III съезда КРП;

7) в сложившихся чрезвычайных условиях Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, несмотря на предпринятые усилия по активизации ее деятельности, не обеспечила эффективную защиту интересов репрессированных народов.

Заслушав и обсудив доклад председателя Конфедерации, содоклады и выступления всех ее коллективных членов, III съезд Конфедерации репрессированных народов РФ постановляет:

1. Считать трагедию в Пригородном районе актом геноцида против ингушского народа, выразить соболезнование родным и близким погибших и направить Обращение по поводу геноцида в Ингушетии VII съезду народных депутатов РФ, российской и мировой общественности.

2. С целью безусловного выполнения Закона «О реабилитации репрессированных народов» считать необходимым:

2.1. Создание полномочного государственного органа по обеспечению реализации Закона о реабилитации на базе отдела по репрессированным народам Госкомнаца РФ, подняв его статус до уровня управления, и Комиссии по репрессированным и депортированным народам Верховного Совета РФ, сформировав ее из представителей репрессированных народов; создание правительственных комиссий по реабилитации каждого из репрессированных народов.

2.2. Приведение законодательства РФ, прежде всего Конституции и Федерального договора, в полное соответствие с Законом о реабилитации.

2.3. Принятие необходимых нормативных актов по полной реабилитации всех репрессированных народов.

2.4. Введение уголовной и административной ответственности за агитацию или пропаганду с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов в любой форме, в том числе в случае принятия правовых актов в указанных целях.

2.5. Введение запрета на приватизацию и куплю-продажу земли на территориях, отторгнутых у репрессированных народов, впредь до их полной реабилитации, в том числе, если территории находятся на Украине, в Грузии и других странах бывшего СССР.

2.6. Выделение из госбюджета РФ средств, необходимых для возмещения ущерба репрессированным народам и их социальной реабилитации в соответствии со ст. 9 и 10 Закона о реабилитации репрессированных народов и ст. 16 Закона о реабилитации жертв политических репрессий.

2.7. Межгосударственную координацию странами бывшего СССР процесса реабилитации репрессированных народов и защиты прав беженцев.

3. Обратиться в ООН и ее специализированные организации, в СБСЕ и к мировому сообществу с просьбой о принятии международной конвенции о реабилитации репрессированных народов и национальных групп, об учете в международных договорах со странами бывшего СССР проблемы реабилитации репрессированных народов. В случае отказа властей стран бывшего СССР от решения этой проблемы оставить за Президиумом КНР право обратиться в указанные организации с ходатайством о применении соответствующих мер, в том числе экономических санкций, к странам-виновникам и о создании международной комиссии по расследованию репрессивной политики в отношении народов этих стран.

4. Поручить Президиуму КНР с целью решения проблем репрессированных народов поддерживать постоянные контакты с Межпарламентской ассамблеей и другими рабочими органами СНГ.

5. Считать целесообразным участие репрессированных народов России и их Конфедерации в деятельности ООНН — Организации непредставленных наций и народов, созданной в Гааге в 1991 г.

6. Считать необходимым участие КНР в формировании и использовании средств Фонда реабилитации и развития репрессированных и депортированных народов России, созданного Верховным Советом РФ.

7. С целью совершенствования деятельности Конфедерации репрессированных народов предусмотреть:

7.1. Создание постоянно действующей на штатной основе штаб-квартиры КНР в г. Москве с участием в ее финансировании и деятельности всех коллективных членов Конфедерации.

7.2. Организацию печатного органа КНР.

7.3. Создание на штатной основе экспертной группы по разработке соответствующих документальных материалов КНР и проектов нормативно-правовых актов.

8. Обратиться к Министерству печати и информации РФ об опубликовании материалов III съезда КНР.

9. В связи с приближением полувековой даты депортации ряда репрессированных народов считать необходимым проведение Конфедерацией траурных мероприятий по этому поводу и организацию специальных передач на Центральном телевидении.

10. Выразить протест в связи с отстранением от должности руководителя Гостелерадиокомпании "Останкино" Е. Яковлева за информирование о геноциде ингушского народа.

Съезд обращается к народным депутатам РФ от репрессированных народов с требованием выразить свое отношение к геноциду над ингушским народом и

к действиям высших должностных лиц, включая Президента России, в ходе этой преступной акции.

Съезд считает необходимым подчеркнуть, что в результате территориальной реабилитации репрессированных народов должны восстанавливаться, в строгом соответствии с Законом о реабилитации, именно те национально-территориальные границы, которые существовали до их антиконституционного насильственного изменения.

Принято единогласно.

Москва

29 ноября 1992 г.

* * *

Верховный Совет принял решение о переименовании Госкомнаца в Государственный комитет по делам Федерации и национальностей. Правда, представители некоторых фракций недоумевали, для чего Сергею Шахраю нужно такое переименование. Николай Павлов, выступая по этому поводу, сказал: "За невинным изменением названия скрываются более серьезные вещи. Недавно на сессии был задан вопрос о полномочиях Юрия Ярова в том смысле, что не будут ли они ущемлены вице-премьером Шахраем". На это Сергей Шахрай ответил, что полномочия между двумя вице-преьерами разделены достаточно четко и Юрий Яров занимается скорее хозяйственной политикой, а у самого Шахрая функция сводится к скорейшей реализации Федеративного договора. Необходимость переименования Госкомнаца Сергей Шахрай прокомментировал так: "Комитет должен проводить не абстрактную национальную политику, а четко реализовывать Федеральный договор, для этого может быть создано пять федеральных центров, кроме того, еще структура по прогнозированию национальных конфликтов и по регионально-экономической политике". После того как Шахрай на ВС поддержал Рамазан Абдулатипов, депутатский корпус, несмотря на сомнения, все-таки принял решение о переименовании.

Вера Кузнецова

"Независимая газета" 20 февраля 1993 г.

* * *

Сергей Шахрай обнародовал 11 тезисов национальной политики, разработанных его Госкомитетом. Их цель — превратить многонациональность России из ее потенциальной слабости в залог ее силы и целостности.

Первый тезис — "равноправие всех народов РФ". При этом, заметил г. Шахрай, надо, не стесняясь, сказать, что от самочувствия русского народа ситуация в стране будет зависеть напрямую.

Второй — "признание прав на самоопределение, возрождение и развитие народов, связанное с защитой прав личности на всей территории России".

Третий — "федерализм".

Четвертый — "территориальное единство, целостность РФ и ее субъектов".

Пятый — "деполитизация национальной политики".

Шестой — "опора на законно избранные органы власти, нравятся они центру или нет".

Седьмой — "безусловный приоритет политических методов урегулирования конфликтов".

Восьмой — "неразрывность экономической политики". Вице-премьер считает, что именно экономика до сих пор поддерживает территориальную целостность страны. Необходимо, по его мнению, перейти от дотаций и субвенций, в чем-то унижающих регионы, к региональным программам. Их будут прово-

дять в жизнь пять региональных центров, один из которых — Северокавказский — уже создан.

Девятый тезис Шахрая — “оперативный и упреждающий характер национальной политики”.

Десятый — принцип последовательности и “малых дел”.

Одиннадцатый — “обязательный учет сложности религиозного состава российского общества”...

“Независимая газета”, 23 февраля 1993 г.

Ю.М. Костинский
ЧЕМ ВАМ ПОМОЧЬ?

Вот самый важный и, может быть, единственный вопрос, который должна задавать Россия - ее власти, ее общественность - так называемым малым народам, обретшим или обретающим самостоятельность в составе российского государства либо за его пределами (как Чеченская Республика), - чем Вам помочь?

Этот вопрос - на перспективу, на дружбу, на нормальное разнообразное сотрудничество в будущем. Это самый "хитрый", самый актуальный и единственный вопрос.

Недавно я горячо спорил с моими друзьями из очень уважаемой газеты. Они - образованные, мыслящие и просто хорошие люди. Но стоило коснуться проблемы малых народов (в частности, на Северном Кавказе), как в их рассуждениях появлялось нечто похожее на "глухоту", безразличие, они говорили, что нужно разделить ответственность и вину, если таковая есть, между Россией как государством, как центральной властью - и этими народами. Я никак не мог согласиться с подобной "объективностью".

Это печально, но факт: даже среди лучших людей России немного находится тех, кто стремится понять заботы и нужды малых народов, их проблемы и обиды (с обидами и вовсе не считаются).

Зачем далеко ходить? Борцы за реформы, люди новой волны, энергичные руководители-демократы А.Рущкой, А.Собчак, А.Травкин сразу же "твердеют в своей решимости защитить русских на окраинах России или в новом "ближнем зарубежье", - но равнодушны к проблемам этих регионов и их коренных обитателей. Никто из них не задал вопрос "предзарубежью" и "ближнему зарубежью" "Чем Вам помочь?" Хотя именно этот вопрос и искренние реальные шаги навстречу малым, а тем более репрессированным народам могли бы с самого начала снять напряжение и исключить многие эксцессы.

Нет средств у России, нет материальных ресурсов, чтобы помочь, - уж как это понятно и жаль, конечно, но не этого прежде всего не хватает народам, не этого они ждут от великой державы, а - уважения и понимания, признания их права на самобытную достойную жизнь.

Вряд ли можно отрицать: имперские замашки, этакая "отеческая" снисходительность, высокомерие, шовинистические отрывки - нет-нет да и дают о себе знать, бьют по душам, по достоинству "инородцев".

Знаменитая гоголевская "тройка" летит в будущее. Дать бы ей имя - дружба народов. Но, запряженная неуважением, непонимани-

ем, некомпетентностью, куда она понесет Россию, вынесет ли ее на светлую дорогу?

У бывших "младших братьев" распрямляются плечи. Тяжкий камень тоталитаризма, империи медленно, но неостановимо сползает с них. И это новое, значительное явление - распрямление плеч - надо признать важнейшей особенностью сегодняшней жизни многонациональной страны. С этим процессом нельзя не считаться. Свет его - свет надежды. Но, обращенный в прошлое, он освещает самые темные, трагические страницы истории...

Германское демократическое государство конца XX века является преемником фашистского государства 50-летней давности. Оно заявило о себе как о преемнике и выплачивает компенсацию пострадавшим от фашизма. Помнится телевизионный кадр: канцлер ФРГ Вилли Брандт стал на колени перед памятником жертвам варшавского гетто. Демократ, антифашист, всю жизнь борющийся с коричневой чумой, - просит прощения у душ убиенных за злодеяния немецкого государства. Но никто никогда из руководителей СССР - России (как правопреемника Союза на своей территории) в проникновенных человеческих словах не попросил прощения у карачаевцев и балкарцев, чеченцев и ингушей, калмыков и крымских татар, немцев Поволжья и месхетинских турок, у других народов и групп населения, репрессированных в годы сталинизма по признаку национальности. Никто из них не стал на колени - хотя бы фигурально, символически, словесно - перед памятью наполовину уничтоженных народов.

Документы, скороговорки осуждений, Указы (*которые к тому же не выполняются*) - это не то же самое. Важнейшего символического жеста главы государства или главы правительства - не было. Не было извинения и раскаяния.

О компенсации репрессированным народам, жертвам сталинизма, равнозначного фашизму, - не стоит, пожалуй, сейчас и говорить, да ее и не ждут: государство едва сводит концы с концами. Но солидарность, но добрая воля, но замечательный вопрос - "Чем Вам помочь?" - и решение всего, что может быть решено по Закону и справедливости, - как это сейчас необходимо! А уж выполнить долг по отношению к тем, кто выжил в изгнании, в сталинских лагерях смерти, к их потомкам - святое дело.

Но справедливость идет к репрессированным народам очень извилистой и долгой дорогой. Взять, к примеру, карачаевцев. Полвека назад Сталин с его опричниками, выслав, отнял у них государственность - демократы сегодня ее не отдают. При этом прибегают к разного рода хитростям, неблагоприятным приемам.

Товарищ Президент Борис Николаевич! Почему Вы отозвали из Верховного Совета свой законопроект о возвращении Карачаю авто-

номии? Какой лукавец убедил Вас в этом? Не министр ли юстиции Н.Федоров? С юридической точки зрения аргументация Вашего министра Справедливости (ведь так переводится "юстиция" с латыни) настолько несостоятельна, что непременно войдет в будущие учебники по юриспруденции как образец непрофессионализма. Он придумал или благословил опрос, по которому за карачаевцев их судьбу решают другие народы. Он, говоря образно, взобрался на высокую карачаевскую скалу и чихал оттуда на Закон "О реабилитации репрессированных народов". Невиданно! Главный законник - против закона. А в свое оправдание он, наверно, повторял (конечно, про себя, не во всеуслышанье) слова Мицкевича: "Сегодня право силы, а завтра - сила прав". Так что не будем обольщаться насчет правового государства: Карачай оно пока не осенило своим блистающим крылом...

На Чрезвычайном съезде карачаевского народа в июле 1992 года представляющий Палату национальностей ВС РФ В.Дедегкаев, говоря со мной, буквально "озвучил" мои мысли: *"Нет более простого вопроса для Верховного Совета, чем карачаевский. Они ничего не просят - только вернуть им автономию в составе России"*.

Добавлю, что черкесы согласны. Председатель Совета общественной организации черкесов "Адыге Хасэ" М.Психомахов заявил: *"Мы не должны препятствовать делу реабилитации карачаевского народа"* ("Вестник Кавказа", май 1992г.). И Закон "О реабилитации репрессированных народов" этого требует, и 70 тысяч подписей карачаевцев в поддержку этого законнейшего требования лежат в трех папках в российском ВС (в чьем шкафу?).

Говорят, что в случае возвращения карачаевскому народу автономии - в Карачаево-Черкесии возникнет сразу пять республик: еще ведь есть казаки, абазины, ногайцы... Неужели всей мощи интеллекта парламента и правительства не хватило на то, чтобы разобратся в этой "сложнейшей" ситуации? Если каждая станица или аул, национальная и социальная группа захочет создать у себя отдельную республику и потребует четверть парохота, то это их дело. Но разве нельзя всем этим соискателям сказать: ваши заявки будут рассмотрены потом, после того как будет решен карачаевский вопрос! Репрессированным народам в Карачаево-Черкесии являются только карачаевцы, остальные никакого отношения к реализации реабилитационного закона не имеют. Все это надо было сказать громогласно и внятно. Но это не было сделано. И вовсе не от недостатка ума... От безразличия к судьбе карачаевцев, от своякорыстия власть имущих, дорожащих своими креслами куда больше, чем честью народа. Поэтому, размахивая жупелом "пяти республик", карачаевцам не вернули ничего...

Российские власти пока ничем не помогли Карачаю, они помогли его обмануть.

"Чем Вам помочь?" - спрашивал горцев в прошлом веке российский пристав (губернатор) Карачая Н.Г.Петрусевич и построил в аулах 40 школ, открывал больницы, прокладывал дороги. Когда он погиб в одной из военных кампаний в Средней Азии, карачаевцы за тысячи километров перевезли его тело и захоронили на своей земле. Горцы умеют быть благодарными и на благородство отвечают сторицей.

Россия скупа на добрые слова в адрес малых народов. 1 ноября 1853 года Лев Толстой записал в своем дневнике: "Карачай - нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью".

У малых народов - своя большая история, деяния, которыми они гордятся, богатая поэтическая культура, истоки которой - фантазия и нравственность. По интеллекту и главным человеческим качествам они не уступают никому.

Нам же рассказывают о них главным образом в криминальной хронике: "*чеченская мафия*", "*лица кавказской национальности*" и т.п. А не обидны были бы россиянам такие сочетания: "*русская мафия*", "*лица славянской национальности*"? У большинства россиян осведомленность о северокавказских народах формируется именно на "жареных" фактах.

А вот - кровоточащая рана - конфликт между осетинами и ингушами. Расплата за бездействие, за равнодушие Центра, за невозвращение долгов. Оба решения - вернуть ингушам отобранную у них в 1944 году землю или оставить ее под юрисдикцией осетин - были бы крайне болезненными, но лишь одно из них справедливо. И здесь следовало бы обратиться к совести осетинского народа: а если бы у вас по-разбойничьи отняли родину, разве бы вы не требовали ее обратно? И будете ли счастливы на земле, которая вам не принадлежит? Тяжело слушать сегодня горькие слов ингушей: "*Россия нас предала...*"

Есть же примеры проявления национального здравого смысла и благородства: в подобной же ситуации лакцы Дагестана вернули чеченцам-аккинцам отнятый у них сталинскими палачами в 1944 году район и готовы переселиться (*вот только нет средств на переезд, на обустройство*).

Репрессированные народы - братья по общей трагической судьбе, и, поступая несправедливо с одним из них, больно ранят и других.

Нельзя легковесно множить обиды. Их и так у тех, кто подвергся изгнанию, в избытке. Хотя бы такой факт. Депортацию приурочивали к праздникам: карачаевцев выслали перед Октябрем, калмыков - перед Новым годом, чеченцев и ингушей - в день

Красной Армии, балкарцев - в Международный женский день. (Однажды Кайсын Кулиев разгневанно ответил знакомому, который по телефону хотел поздравить его жену с 8 марта: "Ты что, не помнишь, что нас выселяли в этот день?"

Давайте помечтаем, - хотя после ингушской трагедии и на фоне всего, что происходит, это очень трудно, давайте помечтаем!

Свершилось! Сказано: "Чем Вам помочь?", заработал Закон "О реабилитации репрессированных народов" - и карачаевцам вернули государственность, немцы Поволжья вновь поселились на берегах Волги (а не Рейна), ингушам - под их юрисдикцию - возвращен Пригородный района (и оба народа сумели подняться над чувством мести, отделив от себя убийц и мародеров вместе с теми, кто их подстрекал и поддерживал). Президент России приезжает, к примеру, в Грозный и обращается к народу, запрудившему площадь: "Братья чеченцы, все, что было плохого в отношениях между вашим народом и Россией, принадлежит прошлому, его, увы, не поправить, не переделать. У истории нет обратного хода. Царь, который 25 лет воевал с Шамилем и положил 600 тысяч жизней русских солдат, чтобы завоевать Кавказ, мыслил иначе, чем мы, демократы и гуманисты конца XX века. Империя не считалась с малыми народами, а сталинские палачи были во сто крат страшнее империи. Но сегодня мы открываем новую страницу в истории наших отношений. Вы - миллионный чеченский народ - решили строить свою жизнь самостоятельно, в рамках суверенного национального государства. Россия поможет Вам! Мы, граждане России и Чеченской Республики, выбросим зло из головы, очистим от него сердца и будем сотрудничать как добрые соседи на основе взаимного уважения и обоюдной выгоды". Голос президента России тонет в гуле одобрения. Лица, прежде хмурые, светлеют. Площадь озаряется улыбками... Так ли уж это несбыточно?

О тех же, кто остался в Российском государстве, забота особая. Чем лучше устроятся народы в России, тем лучше для России. Так пусть же прозвучит из Кремля, из "Белого дома" самый актуальный и самый плодотворный вопрос, адресованный малым, но гордым народам, нашим современникам - "Чем Вам помочь?"

Из газеты "Юйге игилик", N 18, 1993г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга не имеет конца.

Один за другим открываются секретные архивы и являют миру черные дела временщиков, дорвавшихся до беспредельной власти над людьми и народами.

Выплескиваются долго сдерживаемые обиды, взрываются потаенные чувства оскорбленного и униженного национального достоинства - раненая насилием память, влившаяся в гены новых поколений, ищет выхода.

Список репрессированных народов продолжает пополняться, красноречивые факты преследования за национальную принадлежность, доходящего до откровенного геноцида, поражают бесчеловечностью, потрясают воображение самой возможностью того, что происходило и, увы, происходит.

Человек устал плясать на ходулях псевдореволюционных идеалов - слишком дорого заплатил он за понимание их ложности и хочет, наконец, твердо стать на ноги, ощутить под собой прочную основу родного ему и понятного, взлелеянного его предками национального бытия. Далее ни сам - каждый отдельный - человек, ни тем более та национально определенная община, к косяк он осознает себя принадлежащим, не намерены терпеть над собой насилие.

Эксперимент по созданию некоего интернационального, т.е. межнационального единого народа, названного Сталиным "новой, социалистической нацией", можно считать закончившимся. Результат очевиден - нельзя искусственно воздействовать на природу человека, нельзя изъять из истории фактор национального (этнического), который до сих пор до такой степени не принимался во внимание и отрицался, что не имеет не только полноценного, исчерпывающего определения, но никак и не защищен. И на растерянный вопрос сегодняшних правительств, что делать, как справиться с неожиданным(!), незапланированным (!!), непредвиденным (!!!) взрывом национальных чувств, остается лишь один ответ - сказать правду. Иметь мужество признать вину государства перед всеми народами страны - бывшей российской империи, бывшего СССР. Осознать, наконец, что ничем иным и не могла закончиться беспрецедентная война советского правительства со своими народами, что недопустимо делать массовые депортации основным и единственным инструментом национальной политики, что нельзя безнаказанно ломать природу национального бытия, не нарушая при этом экологии многонационального равновесия.

Только правда и мужество самокритики и покаяния очистят небо от грозowych туч межнациональных конфликтов.

Пришла пора сказать, что национальные репрессии в СССР не имели под собой реальных оснований, и прекратить послушный поиск виновности народов в оправдание совершенного насилия, как

это делают советские историки и зарубежные политологи, перестать утверждать "вынужденность депортаций", отказаться от таких криминальных определений этносов, как "враждебный элемент", "политически неблагонадежные народы", гадать, почему Сталин переселил одни народы сюда, другие - туда, стремясь во что бы то не стало утвердить правильность сталинской национальной политики.

Пришла пора понять, что над народами СССР производился эксперимент: национальная теория Сталина по ускоренной "переработке" "старых, буржуазных наций" в "новую, социалистическую нацию" внедрялась в практику. Всего лишь. Просто и чудовищно - когда народы становятся игрушкой в руках интригующих политиков, когда амбиции одного оплачиваются массовым уничтожением представителей неугодных национальностей.

Пришла пора призвать к ответу виновников в надругательстве над этносами - каждый народ знает своих палачей поименно и должен получить возможность предъявить им официальный счет. В этом преступлении нет срока давности, и смерть виновного в насилии над народами не является препятствием в свершении над ним суда и вынесении общественного приговора во имя многонационального мирного будущего.

Пришла пора разработать систему правовой защиты этноса любой численности от посягательств на его существование со стороны другого, более властного этноса, его правительства и строя...

Сегодня в движении за восстановление гражданских и экономических национальных институтов, за возрождение национальных культур репрессированные народы объединились (ноябрь 1990г.) в Конфедерацию, деятельность которой вместо поддержки вызывает со стороны властей всех уровней настороженное безразличие. Это свидетельствует о том, что правительство России либо по-прежнему не придает необходимого и серьезного значения фактору национального в жизни и развитии современного общества, либо остается заинтересованным в продолжении советско-имперской, сталинской национальной политики, стравливающей и унижающей народы.

Без комплексного решения национальных проблем и в первую очередь наиболее пострадавших в годы советской истории народов нереально ждать прекращения межнациональных столкновений. Только обеспечение естественного национального развития каждого отдельного этноса внесет в нашу жизнь мирное сосуществование народов, проникнутое закономерным и нормальным взаимным дружелюбием и интересом.

Светлана АЛИЕВА

Москва, август 1991 г.

Книга была набрана, сверстана и точка в Послесловии поставлена 1 августа 1991 года. Далее произошли известные события и страна начала стремительно и громогласно отрекаться от прошлого,

оставаясь - как очевидно сегодня - в оковах прежних убеждений, предрассудков и принципов.

Построенная и укрепленная Сталиным советская империя распалась на суверенные государства, большая часть которых явила миру вполне имперские - привычные - амбиции в отношении к попавшим в их границы малым этносам. Претензии на державность (держать и не пугать!) притаились за пышными лозунговыми декорациями о правах человека, о приоритетности личности, о конституционном (какой вот только конституции?!) соблюдении территориальной целостности и нерушимости установленных (Сталиным!) границ... Посеянные советским коммунистическим правлением и сталинской национальной политикой драконывы зубы, взлелеянные верными наследниками, дали мощные всходы локальных вооруженных конфликтов, поспешно и тенденциозно определенных как межнациональные.

Казалось бы, самое время обратиться к решению накопившихся проблем национального бытия множества коренных народов, населяющих наше еще вчера общее географическое пространство, реалистично проанализировать возможность гуманного обустройства всех - любой численности - этносов, осознать атавизм всякого рода колониалистских претензий, грядущую бессмысленность деления народов на великих и малых, старших и младших, захвата и удержания чужих этнических территорий для поддержания собственной значимости.

Ан нет, пришедшие к власти политики, называющие себя демократами, но сформированные коммунистическим мировоззрением, в котором отрицание национального издает сегодня откровенное расистское зловоние, наложили запрет на постановку проблемы, справедливо видя в ее решении неизбежный крах априорных установок на сохранение привычных колониалистских форм государственности - типа "территориальная целостность".

Национальные интересы исторически ущемленных, так называемых "малых" народов, оказавшихся к концу столетия под угрозой этнического исчезновения, стали осуждаться как эгоистические, националистические, тормозящие демократический процесс государственного переустройства, как мешающие прогрессу. Невольно вспоминается бессмертная басня великого Крылова "Волк и ягненок" - "ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать...", наблюдая, как национальные интересы исторически благоустроенного этноса представляются приоритетными и, конечно, прогрессивными, и не просто допускается, а приветствуется и поддерживается возможность их удовлетворения за счет народов = "ягнят".

За примерами, к сожалению, далеко ходить не надо. Грузия утверждает свое "величие" за счет месхетинских турок, которых не пускает на этническую родину, абхазцев, уничтожая их в родном доме, прочих инородцев, вытесняя их за пределы республики... Осетия ведет упорную войну с грузинами за право на этническую родину на территории Грузии - войну справедливую, народную. Но

та же Осетия проводит организованный геноцид ингушей, удерживая за собой аннексированную Сталиным этническую ингушскую территорию, - войну, несущую позор осетинам, хотя ведется она не народом, а политиками, не скрывающими приверженности Сталину и его античеловечной, осужденной историей и мировым сообществом идеологии.

Нет, не межнациональные по сути своей конфликты сотрясают сегодня нашу страну. Не народы воюют друг с другом, а сегодняшние временщики-властители по инерции старого имперского мышления "укрепляют" государственность, ведя при этом фарисейские речи о защите прав личности, о прогрессе гуманизма и торжестве демократии.

Как защищены права личности абхазца, месхетинского турка, ингуша или крымского татарина, того же многострадального российского немца, которого президент определяет жить на ядерный полигон и вынуждает эмигрировать, или балкарца, которому зараженные инфекцией национального превосходства кабардинцы отказывают в праве на этническую родину, того же карачаевца, у которого в очередной раз отнимают право на государственность, или калмыка, которого российское правительство в дополнение к генетической обеспечивает экологической катастрофой, грека и курда, которых ни за что ни про что гоняют по всему пространству бывшего СССР, вытесняя за пределы страны, - видно по пренебрежительному всеобщему безразличию к их жизни. У них отнято главное право личности - право на имя, на место, на уважение их национального и человеческого достоинства.

Мы календарно устраиваем общественные плачи по армянскому геноциду начала века, по еврейским погромам 90 лет назад, нам постоянно напоминают о Бабьем Яре и сожженной фашистами Хатыни - правильно делаем: человечество должно помнить позорные страницы своей истории и почитать безымянных загубленных.

Но почему при этом мы не видим того, что совершается НАМИ, при НАС сегодня? Почему никого не ужаснула беспримерная и чудовищная резня и грабеж ингушей в Пригородном районе и городе Владикавказе, учиненные осетинами при поддержке российских властей над нашими соотечественниками и современниками!? Почему безнаказанно вот уже седьмой месяц ведутся грузинами погромы и мародерство в Абхазии? Почему допускаются погромы, преследование и выселение курдов и месхетинских турок в Краснодарском крае?..

Легко выглядеть гуманистом, проливая слезы по зверствам былых времен, куда труднее быть им сегодня!

Общественное мнение - глухо к бедам этих народов. Интеллигенция, прежде чуткий барометр духовности общества, молчит. Государство никого за многочисленные факты нарушения прав личности, за проявления жестокости и насилия, за преследование по признаку национальной принадлежности, за оскорбление национального достоинства не привлекает к ответу.

Что уж тут говорить о нарушениях Конституции, законности, о противоправности совершаемых преступлений? Тотальная ложь и фарисейство свидетельствуют о санкционированном государством торжестве безнравственности - смертельном вирусе для человечества и человечности...

Все мы разные - этим богаты и интересны. В разности - наше будущее. Утрачивая самый незначительный признак этнического различия, мы обрекаем себя на оскудение не только духовное. Государственным деятелям завтрашнего дня уже сегодня пора задуматься над природой общечеловеческого прогресса, которая обусловлена расцветом полиэтничности. Пора, наконец, осознать, что прогресс невозможен без решения наболевших национальных вопросов, что именно национальный фактор предопределяет всестороннее развитие человечества не только в нашей стране, но в мировом - на всей планете Земля - масштабе.

В заключение необходимо сказать о том, что ведущаяся нынешним Российским правительством (Президентом, Советом министров и Верховным Советом в равной степени) национальная политика привела к взаимоотношению, к увеличению дистанции между властью и народом. Наверху - суета и споры о степенях мнимой власти. Внизу - народная жизнь, независимо от правителей идущая по выработанному трагической историей опыту и здравому смыслу.

В последние десятилетия XX столетия, минуя ритуальный отбор и прохождение коридорами власти, народ выдвинул в авангард создания своей новой истории качественно иную генерацию деятелей-практиков, поколение, рожденное в 60-70-е годы. Без афиширования и рекламы, спокойно и уверенно, зачастую вопреки политикам они создают, необходимые людям, материальные ценности и восстанавливают национальную культуру. Незаурядно и неожиданно в этом плане проявляют себя репрессированные народы. Вчерашние дети включаются в активную деятельность, демонстрируя жизнеспособность и нравственное здоровье родных этносов. Нельзя не видеть, что за ними будущее - не только их собственных, уже более полувека преследуемых народов, но и страны в целом. Уже можно назвать десятки имен, ставшие известными и внутри и за пределами бывшего СССР. К примеру тридцатилетний мультимиллионер калмык Кирсан Илюмжинов 11 апреля 1993 года стал первым президентом родной республики. Всего на год моложе его карачаевец Дахир Семенов, талантливый предприниматель, создатель, прирожденный лидер, делающий честь своему народу, да и России в целом. Масштаб его личности измеряется еще и его серьезным, ощутимым вкладом в организацию возрождения национальных культур репрессированных народов.

Светлана АЛИЕВА

Москва, апрель 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛКАРЦЫ

К.Кулиев. Иду босой по лезвию клинка: Отрывок из поэмы	7
А.Токашев. Три горсточка риса: Рассказ	17
В.Лукьяев. А вы вернетесь, верьте мне: Очерк-воспоминание	25
С.Алиева. Родина	50
К.Кулиев. Стихотворение, написанное в Хуламе	51
Из народной песни	53
С.Гуртуев. 8 марта 1944 года: Стихи	54
Из выступления народного депутата СССР М.Ч.Залиханова	54
Народ убить невозможно	55
С.Липкин. Кавказ: Стихи	56

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Приказ НКВД-НКГБ от 13 апреля 1944 года	59
Телеграмма Кобулова и Серова Берии 22 апр. 1944 г.	61
Из Докладной записки Берии - Сталину	61
Постановление ГКО от 11 мая 1944 г.	62
Телеграмма Кобулова и Серова Берии от 19 мая 1944 г.	65
Постановление ГКО от 21 мая 1944 г.	66
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г.	67
Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 г.	67
В.Субботин. Борьба с историей. Рассказ-воспоминание	68
Закон Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1946 г.	70
Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1947 г.	71
Из обращения крымско-татарского народа	71
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февр. 1954 г.	71
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апр. 1956 г.	72
Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сент. 1967 г.	72
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сент. 1967 г.	73
Э.Амит. Никто не забыт, ничто не забыто: Воспоминания	74
Л.Буджурова. Разговор с сыном. Скажи, отец... Говори. Как пахнет родина.	
Мы ждали этот час. Что буду делать я?	120
Т.Пулатов. Всем миром - помочь братьям!	125

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

Справки о численности выселенных народов	129
Борис Бебеш. Без вины и без указа: Воспоминания	129
В 1948-1953 годы из Армении... ..	133
О. Сулейменов. Из беседы с поэтом	134
М. Аджиев. Из рода половецкого: Очерк	136
З. Ибрагимова. ...И вспомнил Бог о Зеленом озере	138
Приказ N 0078/42 НКВД СССР от 22 июня 1944 г.	140
А. Твардовский. Отрывок из поэмы	142

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

В. Тютюнник. Турки из Месхетии: вчера и сегодня: Очерк	145
Воспоминания месхетинских турок	163
Я думаю о тебе. Письмо беженки-турчанки	180
И. Дергулова. О родине. Память о Кавказе. Плач: Песни-плачи	182
М. Салькова, С. Яновский. Где сын твой, земля? Очерк	184
А. Солженицын. Как нам обустроить Россию: Отрывок	193
Л. Хаиндрава и Э. Шенгслая. Приезжайте в Грузию: Ответ А. Солженицыну ...	193
От составителя	196

ГРЕКИ

Греки издревле жили... ..	201
На 1990 год... ..	201
Н. Эритриаду. Греки в СССР: Очерк	202
И. Дальян. Верните нас домой: Воспоминания	203
М. Лазариди, К. Карахиниди. Греки в Киргизии: Очерк	211
Н. Эрифриади. Вечный скиталец: Воспоминания	213
В Геленджике... ..	228

И ПРОЧИЕ СОВЕТСКИЕ НАРОДЫ

В 1987-1989 годы...	230
...Убивать турок и курдов...	230
...Грабить и разрушать...	230
Мих. Синельников. Детство. Исход. Первые воспоминания: стих...	231
Леонид Шорохов. Орленок: Рассказ...	233
Трезво оглядевшись...	242
Невозможно нашему обществу...	242
О Декларации прав народов СССР	243
Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г.	257
Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 11 декабря 1990 г.	258
Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г.	259
Ю.Афанасьев. Что пожинаем	262
И.Ляпин. Наш опыт...	262
Закон РСФСР "О реабилитации репрессированных народов".	263
Постановление Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1991 г.	266
ЦК КПСС. О некоторых проблемах, связанных с реабилитацией репрессированных народов	267
РЕПРЕССИРОВАННЫЕ НАРОДЫ СЕГОДНЯ.	272
Конфедерация репрессированных народов: Материалы	328
Ю.М.Костинский. Чем вам помочь?	339
От составителя	344

ИЗДАНИЕ ФИНАНСИРОВАЛ Дахир СЕМЕНОВ
- генеральный директор Ассоциации промышленных
предприятий "Технология" (Москва), тел. 924-76-01,
факс 924-44-70

при содействии Биляла ЛАЙПАНОВА, главного редактора газе-
ты "Юйге игилик" ("Мир дому твоему", Москва), тел. 924-08-47.

*Издание предполагается продолжить. Каждый последующий том будет
посвящен одному из репрессированных народов. Подготовлен к печати т.4
- "Ингуши".*

Замечания, пожелания и дополнения присылайте по адресу:
115407 Москва, до востребования, Алиевой Светлане Умаровне.

Художественно-документальный сборник

ТАК ЭТО БЫЛО

том 3

Редакторы В.С.Сдобникова, С.У.Алиева
Художественный и технический редактор А.Ю.Помпеев

Сдано в набор 15 июня 1991 г. - 9 апреля 1993 г. Подписано в печать 16 апреля
1993 г. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Усл.печ.л. 22. Тираж 50000.

Цена договорная. Заказ № 1002.

НПО "ИНСАН". 121011 Москва, Гоголевский бульвар, 6

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.